

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

*К юбилею заслуженного профессора
МГУ имени М. В. Ломоносова
Владислава Павловича Смирнова*

Под общей редакцией
Л. С. Белоусова

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2020

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

**К юбилею заслуженного профессора МГУ
имени М. В. Ломоносова
Владислава Павловича Смирнова**

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

[169]

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(106)

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т :

академик РАО, д.и.н., проф. Л. С. Белоусов (сопредседатель);

академик РАН, д.и.н., проф. С. П. Карпов (сопредседатель);

д.и.н., проф. Н. С. Борисов;

член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л. И. Бородкин;

д.и.н., проф. А. Г. Голиков; д.и.н., проф. С. В. Девятов;

д.и.н. А. Р. Канторович; гл.н.с., д.и.н. Л. В. Кошман;

Н. В. Литвина; д.и.н., проф. Г. Ф. Матвеев;

д.и.н., проф. С. В. Мироненко; к.э.н. С. В. Орлов;

член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Е. И. Пивовар;

д.и.н. А. В. Подосинов; д.фил.н., проф. О. В. Раевская;

к.и.н. Ю. Н. Роголев; д.и.н. С. Ю. Сапрыкин;

член-корреспондент РАН, д.иск., проф. В. В. Седов;

д.э.н., проф. В. В. Симонов; к.и.н. О. В. Солопова;

к.и.н. А. А. Талызина; д.и.н., проф. Д. А. Функ

УДК 94(4)"18/20"
ББК 63.3(4)
О 952

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
от 25.09.2019 г. (протокол № 7)*

Под общей редакцией
доктора исторических наук, академика РАО,
профессора *Л. С. Белоусова*

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *Г. Н. Канинская*
(ЯрГУ имени П. Г. Демидова)
кандидат исторических наук, доцент *Н. Н. Наумова*
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

О 952 Очерки по истории стран европейского Средиземноморья.
К юбилею заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова
Владислава Павловича Смирнова / под общ. ред. Л. С. Белоусова. –
СПб.: Алетейя, 2020. – 356 с. – (Труды исторического факультета
МГУ. Вып. 169. Сер. II: Исторические исследования, 106).

ISBN 978-5-00165-025-6

Сборник научных статей в честь 90-летнего юбилея заслуженного профессора МГУ В. П. Смирнова подготовлен его учениками и коллегами. Он охватывает значительное хронологическое и тематическое разнообразие сюжетов внутренней и внешней политики стран европейского Средиземноморья в XIX–XXI вв., которые находились в центре внимания научной деятельности профессора В. П. Смирнова.

Рассчитан как на специалистов, так и на широкий круг читателей. Статьи сборника публикуются в авторской редакции.

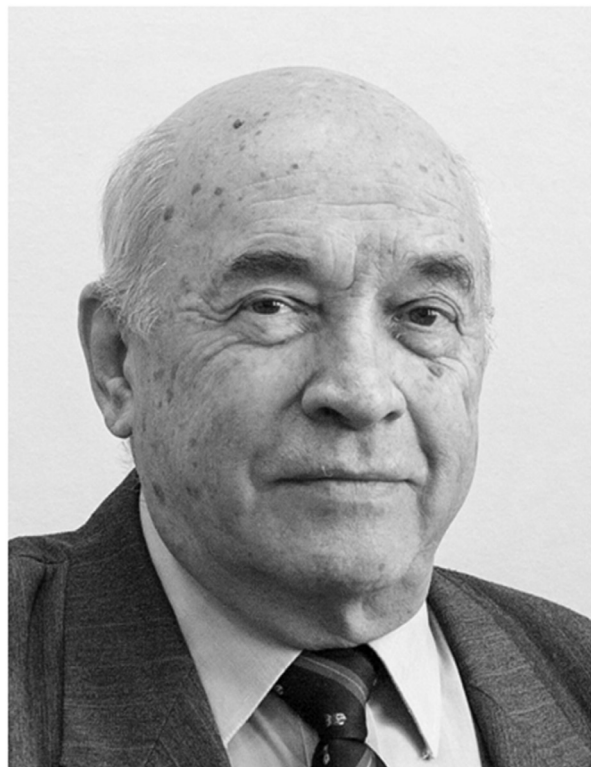
УДК 94(4) "18/20"
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-00165-025-6

9 785001 650256

© Коллектив авторов, 2020
© Исторический факультет МГУ, 2020
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

В. П. Смирнов

БЕЛОУСОВ Л. С.*

ЮБИЛЕЙ ВЛАДИСЛАВА ПАВЛОВИЧА СМИРНОВА

Данный сборник статей посвящен юбилею Заслуженного профессора Московского университета Владислава Павловича Смирнова.

На первый взгляд может показаться, что в этом нет ничего особенного, к юбилеям нередко издают подобные книги. Однако для нас – сотрудников кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ – это не формальная благодарность коллеге за многолетний труд. Это дань по-настоящему глубокого уважения и признания.

Владислав Павлович принадлежит к тому поколению университетских историков, которое определяло лицо нашей кафедры на протяжении нескольких десятилетий во второй половине прошлого и начале нынешнего столетия. Его ядро было сформировано заведующим кафедрой профессором Ильей Савичем Галкиным, обладавшим удивительным даром угадывать среди начинающих историков подлинные дарования. Выбор заведующего, павший на юного франковеда В. П. Смирнова, был безошибочным.

Разносторонне эрудированный человек, по-настоящему влюбленный в историю и в свою профессию; талантливый педагог, воспитавший целую когорту выдающихся отечественных франковедов, считающих своего мудрого учителя; авторитетный ученый, привыкший опираться в исследованиях на достоверные исторические факты и scrupulously следующий принципам объективного познания исторического процесса, – таким мы знаем профессора В. П. Смирнова. Если добавить к сказанному мужское обаяние, доброжелательность, остроумие с легкой долей сарказма, порядочность и подлинную, редко встре-

* Белоусов Лев Сергеевич – академик РАО, доктор исторических наук, профессор, и.о. декана исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой новой и новейшей истории.

чающуюся ныне интеллигентность, – набросок портрета нашего коллеги и учителя будет готов. В статье его учеников, открывающей данный сборник, умело и тонко нарисован полноценный портрет Владислава Павловича, и я готов подписаться под каждым словом коллег, добавив к сказанному лишь немного личного.

Не каждый профессор станет по собственной инициативе «возиться» не со своим аспирантом, к тому же поглощенным изучением другой страны. Я был немало удивлен и обрадован, когда на первом году аспирантуры Владислав Павлович неожиданно пригласил меня для разговора о двух моих статьях, только что прошедших обсуждение на заседании страноведческой секции нашей кафедры. Еще большее удивление вызвал сам характер обсуждения, как оказалось впоследствии, чисто «смирновский». Текст был беспощадно испещрен замечаниями, иногда слегка язвительными, среди которых наиболее часто встречалось: «чем Вы мерили?» Этот коварный вопрос цеплялся почти к каждому слову «больше», «меньше», «лучше», «хуже» и им подобным. Мне пришлось еще раз всерьез задуматься над написанным, но урок щепетильного отношения к каждому слову научного текста был усвоен навсегда.

Грядущий юбилей дает благоприятный повод для подведения некоторых итогов и взгляда на перспективу, а также по традиции для подарков юбиляру. Однако и в этом отношении Владислав Павлович сумел нас опередить: он сделал подарок нам, опубликовав чрезвычайно интересную, смелую и полемичную книгу «Что такое история и зачем она нужна?» (М., 2019). Эта научно-популярная монография – своего рода итог размышлений профессионала высшего уровня о своей профессии и истории как науке. Возьму на себя смелость утверждать, что любому историку, особенно начинающему, будет весьма полезно с ней ознакомиться.

С юбилеем, дорогой Владислав Павлович!

КАНИНСКАЯ Г. Н.*, НАУМОВА Н. Н.**

К ПРАЗДНОВАНИЮ 90-ЛЕТИЯ В. П. СМИРНОВА

3 декабря 2019 г. исполнилось 90 лет доктору исторических наук, заслуженному профессору МГУ, выдающемуся отечественному историку-франковеду, общепризнанному создателю научной «школы» специалистов по новейшей истории Франции, награждённому в знак признания заслуг в 2015 г. французской золотой медалью «La Renaissance Française», Владиславу Павловичу Смирнову.

В. П. Смирнов родился в городе Кинешма, прежде Костромской, а ныне Ивановской области, «на Волге, в самом центре России», как написал он об этом в своих оригинальных воспоминаниях, где на основе собственной биографии он реконструирует «историю умственной жизни рядового советского человека»¹.

Семья В. П. Смирнова имеет крестьянские корни, и первыми к образованию приобщились его родители. Владислав Павлович вспоминает, что в его семье любили читать и было множество книг, в частности, произведения классической литературы – Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Любимыми детскими книгами В. П. Смирнова были «Приключения Травки», написанные советским писателем Сергеем Розановым в 1930 г., и роман Л. В. Соловьёва «Возмутитель спокойствия» (1940 г.) – первая часть его наиболее значительного произведения «Повести о Ходже Насреддине». По словам Владислава Павловича, позже, уже в юности, он с большим интересом читал прозу Ремарка и Хемингуэя, военные романы; большое впечатление на него произвела повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда», впервые опубликованная в журнале «Знамя» в 1946 г.

* Канинская Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории ЯрГУ имени П. Г. Демидова.

** Наумова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ Смирнов В. П. От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М., 2011.

Отец и мать В. П. Смирнова получили образование в сельскохозяйственном практическом институте в городе Плёс, где они и познакомились. Затем мать заочно окончила педагогическое училище, готовившее учителей начальной школы и в дальнейшем неизменно трудилась на педагогическом поприще. Отец В. П. Смирнова постоянно был связан с сельским хозяйством, некоторое время работал директором племенного совхоза крупного рогатого скота в городе Тутаев Ярославской области и вывел его в передовики. Осенью 1940 года, отца перевели на работу в Ярославль на должность начальника областного управления животноводства земельного отдела облисполкома. Ещё в 30-е годы, он, по воспоминаниям В. П. Смирнова, проходил военную службу, поэтому в мае 1941 г. его мобилизовали на курсы переподготовки артиллеристов в звании лейтенанта в Днепропетровск, где отца Владислава Павловича и застала война. Он прошёл «от звонка до звонка» все четыре года Великой Отечественной – от Ленинграда до Берлина; был ранен, неоднократно отмечен боевыми наградами и закончил войну в звании майора. На долю матери и Владислава Павловича, остававшихся в Ярославле, выпали все тяготы военного лихолетья, пережитые населением тыловых областей.

В 1947 г. В. П. Смирнов окончил в Ярославле с золотой медалью школу № 33 и вначале поступил по совету отца в МВТУ им. Баумана, но, проучившись один год, понял, что инженерно-техническая специальность – не его призвание, и успешно сдал экзамены на исторический факультет МГУ. Так, с 1948 года и до наших дней, судьба Владислава Павловича оказалась накрепко связана с историческим факультетом, где, едва появившись, он, по собственному признанию, отчётливо почувствовал, что оказался «в своей среде», что учился легко и пропадал целыми днями на факультете, и поступление на истфак он до сих пор считает своей удачей.

Специализировался студент В. П. Смирнов по кафедре новой и новейшей истории по истории Франции под руководством, по его словам, «строгого, но внимательного и добродушного» наставника – Наума Ефимовича Застенкера. В 1953 г. он защитил дипломную работу, посвящённую деятельности Французской компартии в межвоенные годы, сразу же поступил в аспирантуру на кафедру и в 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию о внутренней политике французских кабинетов в период «странной войны» (сентябрь 1939 – май 1940 гг.). В том же году, в № 1 журнала «Новая и новейшая история» была опубликова-

на его первая научная статья, и с тех пор Владислав Павлович более 50 лет – постоянный автор журнала. В «Новой и новейшей истории» печатались его статьи по истории Второй мировой войны и французского движения Сопротивления, по взаимоотношениям ФКП и Коминтерна, деятельности генерала де Голля и становлению идеологии военного голлизма, биографические работы о Н. Е. Застенкере и А. В. Адо.

В январе 1957 г., после окончания срока аспирантуры, В. П. Смирнов начал свою научную карьеру на кафедре новой и новейшей истории с должности ассистента. Руководил тогда кафедрой единственный в её штате профессор Илья Саввич Галкин, исполнявший обязанности ректора МГУ во время Великой Отечественной войны. Владислав Павлович влился в состав кафедры наряду с такими видными учёными и незаурядными людьми из «галкинских призывов», как Е. Ф. Язьков, А. В. Адо, И. П. Дементьев, Н. В. Сивачёв и др. и наряду с преподавательской работой продолжил углублённое изучение истории Франции во время Второй мировой войны. В 1961 г. вышла в свет его первая монография – «Франция во время Второй мировой войны», в 1963 г. – вторая – «Странная война» и поражение Франции». Предметом научного интереса Владислава Павловича надолго становится французское движение Сопротивления.

Благодаря огромной энергии И. С. Галкина, добившегося предоставления молодым учёным длительных научных зарубежных командировок, в 1963 г. В. П. Смирнов отправился на 10-месячную стажировку во Францию, чтобы, так сказать, «на месте» продолжить изучение историю движения Сопротивления. За время пребывания во Франции Владиславу Павловичу удалось собрать уникальные исторические документы, опросить более 30 участников Сопротивления, в том числе руководителей всех его основных организаций, познакомиться и заручиться поддержкой главы Комитета по истории Второй мировой войны при премьер-министре Франции профессора Анри Мишеля, разрешившего ему работать в библиотеке Комитета и поспособствовавшего установлению контактов с корреспондентами Комитета на местах. Не будет преувеличением сказать, что и на сегодняшний день в нашей стране В. П. Смирнов обладает самым большим количеством французских источников по истории Сопротивления и может считаться если не классиком, то основоположником изучения французского Сопротивления в СССР. Хотелось бы добавить, что Владислав Павлович щедро делился этими документами со своими учениками. В значительной

степени на «смирновских» архивных материалах было написано немало курсовых, дипломных работ и кандидатских диссертаций.

Научные изыскания во Франции во многом способствовали защите в 1972 г. докторской диссертации по истории движения Сопротивления во Франции в 1940–1944 гг., а также публикации в 1974 г. капитальной монографии «Движение Сопротивления во Франции во время Второй мировой войны». В этой работе впервые была представлена общая картина развития движения Сопротивления во Франции, проанализированы его основные проблемы, рассмотрена деятельность главных группировок Сопротивления и исследованы вопросы идейно-политической и классовой борьбы внутри этого движения.

В последующем, вплоть до настоящего времени, В. П. Смирнов продолжил исследование этой темы, результатом чего стала публикация интересных трудов – книг и статей, основанных на новых архивных материалах, которые существенно дополняют и уточняют прежние представления о Франции военных лет, особенно в наиболее дискуссионный период 1939–1941 гг. Речь идёт как о французских, так и о советских архивах, которые в 90-е гг. открыли многие ранее засекреченные факты, что позволило Владиславу Павловичу дополнить представления о Второй мировой войне и по-новому взглянуть на некоторые её события.

Показателем исключительной научной добросовестности В. П. Смирнова явилась предпринятая им после открытия архивов Коминтерна критика собственных работ о периоде «странной войны», в частности – трактовки в них позиции ФКП, которую доступные прежде источники не давали возможности представить всесторонне и объективно.

Тема истории Второй мировой войны остаётся одним из центров научных интересов Владислава Павловича. Как признанный знаток этой проблематики он был включён в состав редколлегии четырёхтомного издания «Мировые войны XX века» (М., 2002). В 2005 г. издательство «Весь мир» опубликовало написанную В.П.Смирновым «Краткую историю Второй мировой войны». В ней в сжатой форме обрисованы главные события войны, даны им взвешенные оценки и привлекается внимание читателей к спорным вопросам, которые до сих пор вызывают научные и политические дискуссии. В 2015 г. в издательстве «АСТ-Пресс» вышла новая книга Владислава Павловича под названием «Две войны – одна победа», написанная на мало известных или даже не

изученных ранее источниках и замалчиваемых документах, которые позволяют по-новому взглянуть на перипетии военно-политических событий Первой и Второй мировых войн. В. П. Смирнов дал краткое изложение главных событий, нарисовал живые портреты ведущих политических деятелей тех лет, показал их непростые взаимоотношения и вклад в переживаемые ими исторические события. Значительное место в книге уделено развенчанию мифов, критике измышлений и фальсификаций, которые имели место и укоренились в исторической памяти. В этом труде он расширил свой исследовательский диапазон и предпринял попытку сравнить Первую и Вторую мировые войны.

В.П.Смирнов – великолепный знаток истории Франции и самой страны, её традиций и современной жизни. После первой длительной научной командировки во Францию он ещё много раз там побывал, исколесил её из конца в конец, встречался со многими видными французскими учёными, политическими и общественными деятелями, простыми французами. Здесь он приобрёл немало друзей. Владислав Павлович проникся глубокими симпатиями к Франции и её жителям, сумел глубоко вникнуть в проблемы французского общества, его характерные черты, нравы и обычаи. Свои наблюдения и впечатления о Франции и французах в тесной связи с глубоким анализом прошлого и настоящего этой страны он изложил в содержательной, увлекательно написанной книге «Франция: страна, люди, традиции», изданной в 1988 г. Во «Французском ежегоднике» 2002 г. В. П. Смирнов опубликовал заслуживающую внимания биографию маститого французского мэтра знаменитой «школы Анналов» Фернана Броделя, с которым неоднократно встречался и беседовал. А в 2017 г. в издательстве «Ломоносовъ» вышла книга В. П. Смирнова «Образы Франции. История, люди, традиции», в которой, как справедливо отмечается в аннотации, «систематическое изложение французской истории сочетается ... с проникновением в национальную психологию и описанием подробностей быта». Владислав Павлович рисует портрет любимой им Франции на фоне современной эпохи, уделяя особое внимание национальным особенностям и национальному характеру французов.

Французские коллеги относятся к Владиславу Павловичу с большим пиететом. Во многом благодаря этому, а также огромным усилиям его и другого талантливой профессора кафедры новой и новейшей истории, ведущего специалиста по истории Французской революции А. В. Адо, в 1981 г. удалось организовать обмен студентами и пригла-

шения французских профессоров для чтения лекций и ведения семинаров на историческом факультете МГУ. В свою очередь, В. П. Смирнова постоянно приглашали в Париж и другие французские города для участия в международных конференциях, по итогам которых, как правило, публиковались сборники статей. Имя его хорошо известно историкам и таким стран, как Германия, Польша, Румыния и КНР, где неоднократно переводились его научные труды. Из общего количества 170 научных трудов В. П. Смирнов имеет более 25 зарубежных публикаций.

Тематика исследований В. П. Смирнова по истории Франции постоянно расширяется. Будучи членом редколлегии в подготовке кафедрой серии книг к 200-летию Французской революции 1789 г., он опубликовал в этой серии в 1991 г. монографию «Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции» в соавторстве со своим бывшим учеником, а на то время уже его коллегой по кафедре В. С. Поскопиным. В 2001 г. под редакцией В. П. Смирнова и с его участием кафедрой издана коллективная монография «Французский либерализм в прошлом и настоящем», где свои разделы по разным периодам развития либерализма во Франции написали его ученики, когда-то слушавшие его лекции или учившиеся под его руководством в спецсеминаре, а ныне известные учёные-франковеды Е. О. Обичкина, Е. И. Федосова, Н. Н. Наумова, Г. Ч. Моисеев, А. В. Тырсенко.

В. П. Смирнов – блестящий лектор. Он много лет читал на кафедре МГУ общий курс по новейшей истории стран Западной Европы и Америки, специальные курсы по истории движения Сопротивления и истории Пятой республики, долгие годы преподавал молодым студентам-франковедам интересный и познавательный курс «История Франции». Одновременно Владислав Павлович читал общие курсы по новейшей истории на филологическом факультете, факультете журналистики и ИСАА, в Институте повышения квалификации МГУ. Лекции Владислава Павловича неизменно вызывали живой интерес у студентов, отличаются насыщенным содержанием, увлекательностью, оригинальными оценками и выводами.

Имея огромный опыт преподавания, В. П. Смирнов активно участвовал в создании кафедрой учебной литературы для студентов по общему курсу новейшей истории, историографии, истории Франции. Им написаны главы в учебниках «Историография истории нового и новей-

шего времени стран Европы и Америки» (2000 г.), «История новейшего времени стран Европы и Америки. 1945–2000» (2001 г.), «История стран Европы и Америки в XXI веке» (2012 г.). Особую ценность представляют учебные пособия по истории современной Франции: «Новейшая история Франции. 1918–1975» (1979 г.) и «Франция в XX веке» (2001 г.). В центре внимания этих книг – развитие французского общества от традиционного к современному. История Третьей, Четвёртой и Пятой республик излагается через призму исторических традиций страны, проблем внутренней и внешней политики, парламентских и президентских выборов, баталий политических партий, потрясений от мировых и колониальных войн, социальных движений, идеологической борьбы и развития культуры. Начинающие специализироваться по истории Франции XX в. студенты-франковеды в первую очередь изучают перечисленные выше работы Владислава Павловича.

Заметный вклад В. П. Смирнов вносит в развитие школьного образования. Он выпустил три школьных учебника по новейшей истории, которые включены Министерством образования РФ в список рекомендуемых для изучения. Первый – «Мир в XX веке» (в соавторстве с О. С. Сороко-Цюпой и А. И. Строгановым) – увидел свет в 1996 г. и к настоящему времени выдержал 12 изданий. Вторым учебником – «Новейшая история» (в соавторстве с О. Н. Докучаевой и Л. С. Белоусовым) – опубликован в 2008 г. Эти два учебника предназначены для учащихся 11-х классов, а третий, изданный в 2014 г. – «История. Новейшее время. XX – начало XXI века» – (в соавторстве с Л. С. Белоусовым), предлагает знакомство и изучение истории учащимся 9-го класса.

Владислав Павлович – один из тех представителей старшего поколения профессоров, кто сыграл важную роль в формировании и развитии кафедры новой и новейшей истории на историческом факультете МГУ, её нынешнего коллектива. Он пользуется большим уважением и искренними человеческими симпатиями среди товарищей по кафедре и факультету, среди своих учеников. В. П. Смирнова отличает научная добросовестность, скрупулёзное внимание к конкретным историческим фактам, документам. Именно на этом фундаменте он основывает свои концептуальные оценки и выводы. Ему чужды абстрактное умозрительное теоретизирование, глобальные обобщения, не основанные на конкретных исторических фактах. Важное достоинство В. П. Смирнова как учёного, исследователя – уважительное отношение к своим коллегам, к их концепциям и точкам зрения, стремление

избегать категоричности в собственных оценках и выводах, быть по возможности объективным.

До лета 2017 г., когда В. П. Смирнов ушёл на пенсию, он возглавлял на кафедре секцию истории Франции, Испании, Италии и Греции. На протяжении десятков лет студенты и аспиранты, специализирующиеся по новейшей истории Франции, считали за честь осуществлять свои исследования под его руководством. Владислав Павлович тщательнейшим образом работал не только с рукописями своих студентов, аспирантов и докторантов во время их обучения, но и продолжает оказывать им всестороннюю помощь и поддержку после завершения срока их обучения. Он всегда готов обсуждать новые научные проекты своих бывших учеников, читать их работы, давать ненавязчивые советы. Среди учеников В. П. Смирнова десятки дипломников, 16 кандидатов наук, 5 докторов наук: к сожалению, ныне ушедшие из жизни В. С. Шилов, И. М. Бунин, Г. Н. Новиков, а также продолжающие трудиться на исследовательском поле отечественного франковедения профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова Г. Н. Канинская и доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН М. Ц. Арзаканян.

Владислав Павлович никогда не теряет связи со своими бывшими учениками, его интерес к их профессиональной и личной жизни искренний и неподдельный, а отеческая забота, готовность поделиться своими знаниями вызывает глубокое уважение.

В. П. Смирнова отличают порядочность, интеллигентность, живой ум. Это общительный и гостеприимный человек, интересный собеседник. Те, кому довелось работать рядом с ним или учиться у него, знают и ценят его прекрасные человеческие качества – внимательное отношение к людям, требовательность в сочетании с доброжелательностью, точность в выполнении своих обязательств, надёжность в дружбе, неиссякаемый юмор.

Владислав Павлович – большой любитель туризма, избородивший на байдарке немало наших рек и озёр и посетивший с экскурсиями несколько зарубежных стран. Прекрасный семьянин, своими успехами в жизни и в работе он в немалой степени обязан поддержке и заботам со стороны его обаятельной жены и верного друга – Инны Ефимовны. Она также окончила истфак МГУ, являлась специалистом по истории Великобритании и до выхода на пенсию трудилась в ИМЭМО РАН.

У них сын и четверо внуков, в воспитании которых они принимали, а после смерти Инны Ефимовны в 2017 г. – один Владислав Павлович – самое активное участие. Сын В. П. Смирнова Сергей и внук Степан помогли Владиславу Павловичу подготовить и отредактировать недавно написанную им книгу «Что такое история и зачем она нужна», вышедшую в ноябре 2019 г. Этот труд посвящён тем читателям, «кто интересуется историей и любит её, но не имеет специального исторического образования или ещё его не получил», то есть, старшеклассникам и студентам. Обобщив свой многолетний опыт историка-учёного, исследователя и педагога, Владислав Павлович рассказывает об основных проблемах исторического познания, объясняет, зачем нужна история, как она изучалась в прошлом и исследуется в настоящем, насколько достоверны исторические знания, как история связана с идеологией и политикой. Книга написана мудрым, пережившим многочисленные пертурбации нашего общества и прекрасно образованным человеком, и, без сомнения, её увлекательные тексты найдут своего читателя.

Коллеги, друзья и ученики Владислава Павловича от всей души поздравляют его с юбилейной датой и желают ему крепкого здоровья, благополучия и воплощения в жизнь всех научных замыслов.

АНДРОНОВ И. Е.*

УРОКИ ИСТОРИОГРАФИИ. САВОЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Савойское государство занимает на европейской карте XVII–XVIII веков особое место. Герцогство (до 1416 года – графство) Савойя в Раннее новое время проходит большой путь, особенно заметный в плане политической истории. Его территории медленно, но постоянно и необратимо увеличиваются. Из заштатного феода на окраине Священной Римской империи в начале XV века спустя всего 100 лет герцогство превращается во влиятельного игрока в региональных политических комбинациях, пока – в масштабах Северной Италии или Альпийского региона. Участие этого государства в коалициях и войнах становилось все более заметной деталью того или иного конфликта. Наконец, в конце XVII века это государство смогло позволить себе роскошь самостоятельной политической линии – роскошь, утраченную к тому времени большинством итальянских государств. Дальнейшее возвышение также было непрерывным и необратимым. После Утрехтского мира 1713 года корона Савойской династии стала королевской (с Лондонского договора 1720 года оно получило название Сардинского). Наконец, в 1861 году, пройдя через все трудные перипетии Рисорджименто, именно Сардинское королевство сумело объединить страну и провозгласить Королевство Италию.

Так – в виде «итальянской Пруссии» – видится роль Сардинского королевства (применительно к событиям 1800–1861 годов, особенно в англо- и русскоязычной историографии, его часто именуют Пьемонтом) в контексте итальянской истории. Традиционная итальянская историография даже сегодня с трудом избавляется от телеологического восприятия Сардинского королевства как стержня националисти-

* Андронов Илья Евгеньевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

ческого процесса. Официальная историография эпохи фашизма, как известно, стремилась представить всю предшествующую историю как процесс, логически приведший к установлению в Италии режима. Несмотря на свою явную политическую ангажированность, фашистская историография лишь немного изменила расстановку акцентов, еще больше подчеркнув прогрессивную историческую роль Савойского государства и правящей династии, прежде всего, для массового потребителя истории.

Контекст французской истории традиционно предлагает нам иное видение этого процесса. Государство на границе Франции, развивавшееся долгие столетия в общем русле французской истории, говорящее на французском языке, неоднократно захватывавшееся и аннексировавшееся французской армией – вот что такое Савойя для наших парижских коллег. В известной книге Э. Ле Руа Ладюри¹ Савойе уделено значительное место. Интересные наблюдения историка за бытом и особенностями провинциальной жизни разворачиваются на фоне войн и договоров савойских герцогов и королей, но присутствие не-французского элемента упоминается считанные разы – «сардами» называют солдат, разбитых французской армией². Земли французской Швейцарии, когда-то тоже входившие в состав Савойского государства, упоминаются намного чаще и воспринимаются как единое целое с другими его трансальпийскими территориями.

Чем можно объяснить фундаментальное различие двух подходов, происходящих из двух различных национальных перспектив? В первую очередь – тем, что исследователи из Франции и Италии (и примкнувшие к двум национальным традициям специалисты из третьих стран) оценивают роль «своей» половинки Сардинского королевства, значительно меньше интересуясь положением второй части этого государства в историческом домене страны-соседки³. Исходя из этой ло-

¹ См. русский перевод Ле Руа Ладюри Э. История регионов Франции. М., 2005. С. 236–292. Оригинальная версия вышла в 2001 году.

² Там же. С. 253.

³ Эта тенденция, безраздельно царствовавшая в европейской историографии до Второй мировой войны, могла быть преодолена в ходе послевоенной дискуссии. После того как стала очевидной ограниченность одностороннего подхода, в попытке открыть преимущества двухстороннего Лино Марини выступил с фундаментальной монографией *Marini L. Savoia e piemontesi nello stato sabaudo (1418–1601)*. V. 1. 1418–1536. Roma, 1962 (второй том так и не вышел). В ней было, в частности, показано постепенное усиление влияния пьемонтского компонента

гики, вполне естественно видеть Сардинское королевство ядром объединения Италии – ведь Рисорджименто является стержнем итальянской истории XIX века, главным процессом, а остальные воспринимаются, изучаются и излагаются только в его контексте. Французская история Нового времени предстает историей единого, централизованного государства, и традиционно большое внимание историков уделяется «централизующим» сюжетам вроде истории институтов, чиновничества, репрезентации верховной власти, жизни двора и т. п. В этом контексте Савойя не может не быть представлена в виде отдаленной провинции, то отделяющейся от центра, то вновь примыкающей к нему. История Пьемонта *stricto sensu* вообще не рассматривается как часть французской.

Существует еще проблема восприятия себя савойцами и пьемонтцами в роли представителей особой исторической реальности. Культурное своеобразие их могло бы вполне укладываться в модель «региональной специфики», однако выходит далеко за ее рамки. Вне итальянского контекста отдельно изучается и культивируется пьемонтская альпийская музыка: в XVII веке ее популярные жанры – куранта, ригодон и некоторые другие – проникли ко французскому двору. В этих жанрах отметились лучшие композиторы Версаля – Ж.-Ф. Рамо, Ж.-Б. Люлли, Ф. Филидор-отец, Ф. Куперен и другие. Своеобразие савойской архитектуры Раннего нового времени также не ставится под сомнение: общепринято, что она не укладывается в рамки ни французской, ни итальянской тенденций. Такие мастера, как Г. Гуарини и Ф. Юварра, работали в ряде столиц Южной Европы, однако своеобразие их туринских работ объясняется особыми запросами заказчиков, возникшими благодаря особенностям их вкусов. Своеобразие савойского абсолютизма также выбивается из канвы итальянских государств, однако не приближается к французской модели.

Ощущение своей непричастности к исторической перспективе Италии проявлялось в Пьемонте еще довольно долго, вплоть до середины XX века и отчасти даже позже¹. Наиболее «итальянским» клас-

политической элиты в Савойском герцогстве, что только закрепило, во-первых, заинтересованность французских и итальянских исследователей только в истории своей части этого государства, а во-вторых, представления о цельности и компактности французской (Савойя) и итальянской («Пьемонт») его части.

¹ Историк отмечает, что даже в эпоху фашизма «пересечение границ своего региона воспринималось все еще как далекая поездка, которую пьемонтцы по-прежнему называли на диалекте *ndé 'n Italia* [Съездить в Италию (Пьемонт.) – *И. А.*].» *Bosworth R. J. B. L'Italia di Mussolini. 1915–1945. Milano, 2007. P. 29.*

сом была верхушка аристократии, говорившая почти исключительно по-французски¹. Именно пьемонтская аристократия формировала высший придворный класс, из которого назначались министры и послы². Горожане, торговцы и даже крестьяне воспринимали недавно присоединенную Италию как трофей, чему немало способствовала пропаганда, на все лады воспевавшая политическое объединение как успех династии. Жители Турина крайне болезненно переживали утрату их городом в 1865 году столичного статуса. Даже в конце XX века, при том, что по всей Северной Италии местный патриотизм (*campanilismo*) заметно преобладал над общенациональным, в Пьемонте дистанция между региональными и национальными ценностями была более ощутимой, чем в других регионах. Нам сложнее судить о том, как соответствующая проблема выглядит на симметричной французской территории, однако нет повода думать, что ситуация кардинально отличается. Доказательство тому можно найти, например, в статье Поля Гишонне³, в которой автору было нетрудно отделить историографию «католического толка» (*de l'inspiration catholique*) от «университетской», но оказалось невозможно отметить специфику не-французских земель и не-французской исторической перспективы. Провинциальность французской Савойи, ее отсталость от Пьемонта как с демографической, так и с экономической точек зрения остаются за кадром как в этой публикации, так и во множестве ей подобных.

Историографическая ситуация, сложившейся вокруг ряда исчезнувших ныне государств на границе языковых ареалов (Бургундия, Каталония, Померания), отличается неоднозначностью. С одной стороны, классическая историография, начиная с эпохи позитивизма, предпочитала концепции формирования национальных государств и национальных идентичностей. В этой ситуации национальная иден-

¹ Был широко известен следующий анекдот: при подготовке переезда правительства в 1865 году в новую столицу – Флоренцию – многие его члены, и среди них премьер-министр генерал А. Ф. Ламармора, были вынуждены спешно брать уроки итальянского языка, чтобы не ударить в новых обстоятельствах лицом в грязь.

² Выходцами из весьма узкого круга пьемонтской аристократии были, в частности, многие руководители итальянского кабинета министров за период с 1861 по 1914 гг.: К. Кавур, У. Раттацци, А. Ламармора, Л. Ф. Менабреа, Дж. Ланца, Дж. Джолитти, Л. Пеллу, Дж. Саракко.

³ *Guichonnet P.* La révolution en Savoie dans l'historiographie. In: *Dal trono all'albero della libertà.* V. I. Roma, 1991. P. 457–470.

тичность граждан не существующего сегодня государства «теряется» на фоне процессов, представляющихся (ошибочно?) судьбоносными и прогрессивными. Бургундии «повезло», поскольку несколько блестящих работ Й. Хёйзинги были посвящены этой загадочной, мультикультурной и мультиязыковой стране. Каталонская идентичность является предметом бурного обсуждения, причем чаще всего вне дискурса профессиональных историков. Ситуация с национальным чувством жителей Померании и Восточной Пруссии осложняется катастрофой, постигшей эти земли в середине XX века. Континуитет был не просто прерван: дерево было не сломано, а вырвано вместе с корнями. Между тем, в Раннее новое время эта земля стала местом встречи шведской, восточнонемецкой и западнославянской культур и могла бы стать темой исключительно плодотворного изучения. История восточно-альпийских земель под властью Габсбургов также вполне может быть перемещена из контекста австрийской истории в контекст общеальпийской или даже восточно-европейской.

В отношении Савойского государства ситуация выглядит несколько иначе. С конца XX века возрождается (в основном трудами профессора Дж. Рикуперати и его многочисленных учеников) интерес к Сардинскому королевству XVIII века как одному из крупных государств региона, обладавших эффективной административной машиной и внушительной армией. Оживился и интерес к Савойскому государству в международной историографии. Важным рубежом стало проведение на очередном конгрессе SCSC (Sixteenth Century Studies Conference) в Женеве в мае 2009 года серии мероприятий на тему истории этого государства. Для удобства был введен в широкое употребление и уточнен в семантике термин *Sabaudia*, который стал в противоположность *Savoie* обозначать не область Савойю (область между Альпийским хребтом и Женевским озером), а весь домен государей Савойской династии независимо от географического положения¹. Было, в частности, отмечено, что появившийся в позднее Средневековье латинский топоним *Sabaudia* и его дериваты относились главным образом ко всей совокупности владений данной династии. В XVI веке у терми-

¹ Слово *Sapaudia* было замечено у Аммиана Марцеллина. Оно означало территорию по обоим берегам Роны от Женевского озера до области, заселенной секванами. Очевидно, что эта территория значительно превышала площадь средневекового графства Савойи. См. *Lot F. Les limites de la Sapaudia. Revue savoisienne. 76. 1935. P. 146–156.*

на появились аналоги в новых языках. Во французском слово Savoie и savoyard стали, однако, вновь соотносить то со всей совокупностью владений династии, то с узкой полосой земли между южным берегом Женевского озера и Альпами¹. С XVI века земли к югу от Альп стали играть значительно более серьезную роль в политике, культуре и хозяйстве государства, в большей степени определять его военную мощь и стратегическое положение. Столица была перенесена через Альпы из Шамбери в Турин в 1563 году; заальпийские владения остались родовыми землями династии, однако их экономическая и культурная роль с течением веков резко упала, сократившись едва ли не полностью до функций охотничьих угодий туринских королей². При этом, если подавляющее большинство ученых называло эти территории обобщенно Пьемонтом³, то их французские коллеги настаивали на употреблении слова Savoie для определения всего государства, чем вносили большую путаницу как в процессе диалога, так и при переводе их работ на иностранные языки⁴.

Долгое время историки избегали погружаться в региональную проблематику вне контекста истоков Рисорджименто для Италии или региональной политики для Франции. Историография третьих стран вообще практически игнорировала региональную историю альпийского региона. В послевоенное время внимание историков к Пьемонту (а заодно – и к терминологическим тонкостям) привлекли три крупнейших англоязычных итальяниста Рудольф Уиттковер, Стюарт Вульф и Хельмут Георг Кёнигсбергер. Уиттковер занимался историей итальянской архитектуры; он стал первым, кто выделил Савойское государство («Пьемонт») из характерных для итальянских государств закономерностей, подчеркнув как самостоятельность и объективную ценность достижений пьемонтской архитектуры, так и слабую осознанность специфичности этого региона. Уиттковер отождествлял эту

¹ Berthoud L., Matruchot L. Étude historique et étymologique des noms de lieux habités (villes, villages et principaux hameaux) du département de la Côte d'Or. V. 2. Semur, 1902.

² См., например, *Mormorio D. Il Risorgimento. 1848–1870*. Roma, 1998. P. 104–106.

³ Этот термин чаще всего по умолчанию включал в себя, помимо собственно Пьемонта, территории Валле д'Аоста, Салуццо и Монферрата, а также до 1861 года графство Ниццу.

⁴ Непростая судьба этого термина в англоязычной литературе рассмотрена в *Vester M. (Ed.) Sabaudian Studies. Political Culture, Dynasty, & Territory 1400–1700*. Kirksville, Missouri, 2013. P. 13 и далее.

специфичность со специфичностью политического курса правящей династии¹. Ст. Вульф начал свое долгое увлечение итальянской историей с изучения пьемонтской дипломатии². Впоследствии он перешел к изучению более общих сюжетов итальянской истории³, сохраняя в целом как первичность политической истории по отношению к другим сюжетным линиям, так и определенную подчеркнутую «пьемонтоцентричность» Рисорджименто. Кёнигсбергер, изучая парламентскую историю Пьемонта, обратил внимание на наличие серьезных различий в политических моделях и настроениях по обе стороны нынешней национальной границы, что не помешало ни сохранить политическую независимость, ни построить крепкое абсолютистское государство⁴. Интересно, что несмотря на общее несоответствие Савойского государства моделям и трендам итальянского Возрождения, Кёнигсбергер отождествил его с Ренессансом, причем в большей степени французского паттерна. При всей специфичности предложенных концепций очевидной заслугой этих ученых стала констатация того факта, что Европа малых государств развивалась не в русле истории великих наций, в конце концов возобладовавших на континенте, а по другим, еще не полностью понятым закономерностям. Иными словами, если Первая мировая война стала грандиозным столкновением великих держав, то это отнюдь не значит, что предшествующую европейскую историю (не только политическую, кстати) следует рассматривать как предысторию этого катаклизма.

На рубеже XX–XXI веков в историографии – во многом под влиянием подхода Джеффри Симкокса⁵ – окончательно утвердилась новая концепция истории Савойского государства Раннего нового времени, рассматривающая его как независимое и самостоятельное абсолютистское государство. В переломные моменты истории монархи

¹ Wittkower R. *Art and Architecture in Italy 1600–1750*. London, 1958.

² Woolf St. J. *English Public Opinion and the Duchy of Savoy*. *English Miscellany*, 12 1961. P. 211–258; *Studi sulla nobiltà piemontese nell'epoca dell'assolutismo*. Torino, Accademia delle scienze, 1963.

³ Woolf St. J. *Il Risorgimento italiano*. Torino, Einaudi, 1981. 2 vv.; Iden=m. *Napoléon et a conquête de l'Europe*. Paris, Flammarion, 1990.

⁴ Koenigsberger H. G. *Essays in Early Modern European History*. Ithaca, Cornell University Press, 1971. Первая глава книги посвящена Савойскому государству и называется «The Parliament of Piedmont during the Renaissance, 1460–1560». С. 19–79.

⁵ Symcox G. *Absolutism in the Savoyard State, 1675–1730*. London, 1983.

рассматривали различные пути развития государства; часто имелось несколько путей, и только один из них привел в конце концов к формированию «итальянской Пруссии» и к успешному присоединению нескольких итальянских государств. Очевидно, это присоединение стало сознательной целью лишь на завершающем этапе Рисорджименто. Англоязычная историография (и даже более широко не-французская и не-итальянская) рассматривает это государство как единое целое, вынимая его из франко-итальянских «тисков» и помещая в более широкий европейский контекст.

В последние годы этот подход все больше разделяют и представители французской, итальянской и швейцарской школ. Интенсифицировались контакты между учеными и студентами; запущены программы академического обмена между студентами университетов Лиона, Шамбери и Турина.

Одной из наиболее разработанных тем является политическая культура герцогства Савойского и Сардинского королевства. Это направление исследований получило мощный толчок к развитию после выхода в свет двух монографий профессора Туринского университета Джузеппе Рикуперати¹. Их сюжет заключается в том, как в важнейшем для Раннего нового времени процессе формирования современного государства реализуется воля двора и монарха, причем их воля совершенно не обязательно будет соответствовать достигаемым целям. Рикуперати отталкивается от понимания того, что в Сардинском королевстве XVIII века круг принимающих политические решения людей был сравнительно широк, однако различия между мнениями короля и ближайшего к нему круга придворных чаще всего преодолевались посредством компромиссов. Всякий эпизод, в котором монарх навязывал свою волю придворным, подвергался тщательному разбору. При построении современного государства непреклонная политическая воля важнее совершенствования административного устройства. Поворотным моментом в истории королевства стало не его основание, а история с отречением Виктора Амедея II в 1730 году и попыткой последующего возвращения его к власти. Нерешительность двора в этом эпизоде обнаружило его склонность к компромиссным решени-

¹ *Ricuperati G.* Le avventure di uno stato “ben amministrato”: Rappresentazione e realtà nello spazio sabauda tra ancien régime e rivoluzione. Torino, 1994; Idem. Lo stato sabauda nel Settecento. Dal trionfo delle burocrazie alla crisi d’Antico Regime Torino, 2001.

ям; отсутствие самостоятельно мыслящего слоя придворных привело к отсутствию необходимости для монарха ориентироваться на чье-либо мнение. От себя добавим, что это обстоятельство привело со временем к формированию определенного поведенческого архетипа, постоянно использовавшегося в воспитании молодых наследников престола Савойской династии. Именно это обстоятельство, в частности, сыграло важную роль в принятии некоторых странных решений финального этапа Рисорджименто, лишь кажущихся непоследовательными.

Важное место в этой концепции занимают реформы, предпринятые Виктором Амедеем в 1720-е годы. Отчасти совпадая по содержанию с реформами, предпринятыми некоторыми другими европейскими (и итальянскими) государствами в рамках Просвещенного абсолютизма, реформы в молодом Сардинском королевстве были продиктованы совершенно иными соображениями. Эффективная администрация позволила улучшить собираемость налогов и контроль за расходами казны¹. Во многом благодаря этой реформе влиятельный министр короля 30–40-х годов XVIII века маркиз д'Ормеа сумел обеспечить стране достаточный потенциал, обеспечивший новые успехи на международной арене. Дж. Рикуперати так представляет политические ходы, тонкие дипломатические комбинации и компромиссы д'Ормеа, что параллель с графом Кавуром напрашивается сама собой. Очевидно, в середине века формируется и еще один профессиональный стереотип, превращающий сардинского министра в мастера закулисных действий и тонкого расчета. Постоянно увеличивающаяся армия не выступает значимым инструментом решения внешнеполитических проблем, хотя военному потенциалу королевства уделяется непрерывное внимание.

Следующая эпоха, часто называемая по имени министра «эра Боджино» (1748–1773), считается временем мира и благополучия для Сардинского королевства. Предпринимаются (в целом неглубокие) реформы законодательства, университетов, дальнейшее совершенствование административного аппарата. По инициативе двора предпринимаются исследования состояния границ, внешней торговли, курса монеты, эффективности правления. Если в других итальянских государствах и в соседней Франции важнейшие темы Просвещения обсуждались в ос-

¹ В последнее время появляются работы, изучающие негативные последствия этого эффективного администрирования, оказанные на местную экономику, напр. *Alfani G.* Fiscality and Territory. Ivrea and Piedmont between the Fifteenth and Seventeenth Centuries. In: *Sabaudian Studies*... cit., p. 213–239.

новном по спонтанной инициативе мыслителей, то в Сардинском королевстве практически за каждой идеей можно увидеть волю монарха. Это обстоятельство помогло обеспечить и особую эффективность этих обсуждений: к ним централизованно привлекались чиновники на местах, а получаемая при дворе картина отличалась полнотой и понятными критериями формирования.

Кризис Сардинского королевства обычно связывали с утратой им независимости в ходе Революционных войн. Изучение административной практики и политической культуры позволило перенести начало кризиса по меньшей мере на полтора десятилетия ранее. Разрыв континуитета с эпохой Боджино наметился сразу после кончины короля Карла Эммануила III в 1773 году. Попытка продолжить некоторые из начатых реформ встретила афронт от некоторой части интеллектуалов из аристократической среды; одним из выразителей этого афронта стал Витторио Альфьери. Революция во Франции прекратила реформы в Сардинском королевстве, и вскоре военные поражения положили конец надеждам на реформы и даже локальным революциям. Характерно, что в подходе этой школы реализовалась возможность представить все основные повороты политической истории XVIII века сквозь призму взглядов представителей различных групп аристократии. Туринский Государственный архив хранит богатейшую коллекцию мемуаров придворных, распространявшихся при дворе памфлетов, а также отчеты столичного министерства и интендантов с мест.

Другим важным направлением исследований является история Савойской династии. Эта дисциплина давно вышла за пределы описаний череды государей и их деяний. Особое внимание уделяется взаимоотношениям между членами династии, их контактам с другими правящими домами и в целом системе отношений между правящими домами, в которой приходилось действовать герцогам и королям Шамбери и Турина. Центральная роль королей в принятии политических решений стала обстоятельством, которое позволило историкам рассмотреть повороты истории сквозь династическую призму. Кроме того, династия воспринималась как синоним национальной и территориальной идентичности, которых в отрыве от династии просто не существовало. Выяснилось, что исследовать сардинский двор методами, традиционно использовавшимися для испанского или французского двора, оказалось непродуктивно. При французском или испанском дворе часто преобладающая группировка бывала связана с личностью

королевы либо фаворитки или, по крайней мере, идентифицировалась по их происхождению или национальности. В Савойской династии это не работает. Ни один из герцогов или королей этой династии ни разу не женился на даме итальянского происхождения; консорты были всегда иностранками, что, в частности, дополнительно изолировало их от внутривосточных интриг. Важнейшими работами в новейшее время стали монография Бруно Галланда и сборник под редакцией Уолтера Барбериса¹. Несмотря на постоянное балансирование между Францией и Испанией в сложных дипломатических играх, династия обнаруживает также тенденцию к сближению с итальянским политическим миром. Вкупе со все большим приобщением к итальянской культуре и с некоторым (в Раннее новое время – незначительным) расширением сферы употребления итальянского языка это сближение наводит на мысль об «итальянизации» династии², что представляется нам некоторым преувеличением. Отдельная линия историографии посвящена бастардам савойского дома, их политической роли и присутствию в различных событиях и мероприятиях двора³.

Следующее направление исследований Савойского государства сложилось сравнительно недавно. Оно отталкивается от идентификации государства с территориями, которыми оно владело на различных этапах своего существования. В 1980-е годы складывается представление о внутренней неоднородности и разнообразии двух доменов; таким образом, была преодолена тенденция, установившаяся после Л. Марини (см. выше). Так, выделяются особенности развития областей Ланге, Салуццо и Монферрата, Асти, генуэзского приграничья. Монолитность «Пьемонта» уступила место представлениям

¹ *Galland B.* Les papes d'Avignon et la Maison de Savoie (1309–1409). Rome, 1998; *Barberis W.* (ed.) I Savoia: i secoli d'oro di una dinastia europea. Torino, Einaudi, 2007.

² См. статью *Symcox G.* Dinastia, Stato, amministrazione. In: I Savoia... cit., p. 49–86. В ней, в частности, высказывалась мысль о том, что потеря в начале XVI века Женевы и области Во фактически вынудили Эммануэля Филиберта перенести в 1563 году столицу в Турин. См. также *Sabaudian States...* cit., p. 26.

³ *Cox E. L.* The Green Count of Savoy: Amadeus VI and Transalpine Savoy in the Fourteenth Century. Princeton, 1967; *Bianchi P., Gentile G.* (eds.) L'affermarsi della corte sabauda: Dinastie, poteri, élites in Piemonte e Savoia fra tardo medioevo e prima età moderna. Torino, 2006. Большой резонанс вызвала статья *Oresko R.* Bastards as Clients: The House of Savoy and Its Illegitimate Children. In: *Giry-Deloison Ch., Mettam R.* (eds.) Patronages et clientélismes 1550–1750: France, Angleterre, Espagne, Italie. Villeneuve d'Ascq, London, 1995.

о полицентричности. Схожие процессы относительно французской Савойи и швейцарских территорий Женева были запущены в начале 1990-х годов, во многом благодаря трудам профессора университета Шамбери Гuido Кастельнуово¹.

А как дело обстояло в СССР? Восприятие политических сюжетов истории Раннего нового времени здесь также обуславливалось призмой начала XX века, но больший акцент делался, разумеется, не на Первую мировую (в которой Россия потерпела поражение), а на Октябрьскую революцию. История государств Раннего нового времени, не сохранивших политическую независимость до наших дней, замалчивалась и, по большому счету, продолжает замалчиваться. Дополнительной причиной является неучастие этих государств ни в классовой борьбе в ее марксистской интерпретации, ни в великих конфликтах XX века (что могло бы сподвигнуть историков на поиск исторических корней противоречий и конфликтов). Единственным (!) монографическим исследованием, посвященным Сардинскому королевству (точнее, его крестьянству), является книга В. С. Бондарчука². Несмотря на то, что первой задачей своей работы автор называет «становление и развитие капиталистического уклада в сельском хозяйстве Италии в XVIII в.»³, его материал сугубо ограничен Сардинским королевством в его трех основных частях – Пьемонте, Савойе и острове Сардинии. Эти регионы воспринимаются как цельные и компактные, несмотря на то, что по крайней мере по Пьемонту материал позволял ощутить определенную дифференциацию. Валериан Семенович воспринимал Пьемонт как регион, полностью созвучный другим регионам Италии, но опережавший их по уровню развития «капиталистических отношений» и их проникновению в сельское хозяйство. Историк отталкивался от основной проблемы, интересовавшей тогда ведущих советских итальянистов – проблемы соотношения национально-освободительного движения и развития капитализма. В какой мере развивающийся капитализм способствовал национальному объединению? Очевидно, для автора монографии этот вопрос мог звучать иначе: насколько классовый подход релевантен при изучении процесса реализации национального чувства,

¹ См., например, его *Castelnuovo G. Ufficiali e gentiluomini. La società politica sabauda nel tardo medioevo*. Milano, 1994.

² *Бондарчук В. С. Итальянское крестьянство в XVIII в. Аграрные отношения и социальное движение в Сардинском королевстве*. М., 1980.

³ Там же. С. 3

подобного итальянскому Рисорджименто? Понимание уникальности Пьемонта очевидно хотя бы из констатации невиданной в Италии продолжительности крестьянских выступлений. Как бы то ни было, об уникальном геополитическом положении или военной и экономической роли этого государства на фоне итальянской панорамы в монографии нет упоминаний. Напротив, в названии книги подчеркивается типичность картины для положения всего итальянского крестьянства. Есть и еще одна особенность: в заголовке заявлен хронологический промежуток в столетие, в то время как две трети книги посвящены второй половине XVIII века, а последняя треть – сюжетам 1789–1801 годов. Этому противоречию в книге нет места, но оно и не ощущается нигде, кроме титульного листа. Очевидно, автор вместе со своими коллегами считал, что основной проблемой новой истории Италии было национальное объединение, успешно завершившееся в XIX веке, а предшествующее развитие пока было легче представить как его предысторию. Возможно и другое объяснение, принимающее во внимание составителей тематического плана университетского издательства или руководства университетской наукой – в те годы могла требоваться обобщающая монография с выводами в масштабах вполне реальной Италии, а не исчезнувшего когда-то Сардинского королевства.

Второй ключевой проблемой монографии названо «крестьянское движение в Сардинском королевстве в конце XVIII – начале XIX в.»¹. Работы итальянских коллег показывали наличие кризиса и усиление противостояния между крестьянством и помещиками, что породило «беспрецедентное» массовое крестьянское движение 1790-х годов. Интерес добавляло то обстоятельство, что эпизоды крестьянской борьбы накладывались на великие потрясения во Франции и в Европе, но как бы существовали в параллельной исторической реальности. Два мира – большой политики и крестьянской борьбы – пересекались лишь тогда, когда крестьяне брали в руки оружие против наводнивших страну французских солдат. В этой связи крайне интересно читать, как крестьянские выступления, не имевшие политического или националистического подтекста, «раскачали лодку» и фактически вызвали крушение Савойской монархии.

Интересно подмеченное В. С. Бондарчуком различие между Пьемонтом, с одной стороны, а с другой – Савойей и островом Сардиния. Оно заключалось в том, что если в последних глубокий кризис

¹ Там же. С. 5.

последних десятилетий XVIII века был вызван усилением феодальной эксплуатации крестьян, то в Пьемонте картина была обратной: там ухудшение положения крестьянства было вызвано развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве¹. С этой точки зрения Пьемонт был намного ближе соседней Ломбардии, чем подчиненным ему более отсталым регионам. Валериан Семенович обнаружил в Пьемонте разорение и пролетаризацию крестьян, а также распространение капиталистической аренды земель крупных собственников. Это означало, что Пьемонт вступил на путь развития капитализма, характерный для Англии и некоторых других европейских стран. Кроме того, историк подметил, наряду с анноблированием буржуа, и обратный процесс вовлечения дворян в коммерческую деятельность («обуржуазивание дворянства»). Передовым и новаторским для советской историографии был тезис о том, что антифеодальные выступления пьемонтского крестьянства «представляли лишь один аспект, и притом не главный, социальной борьбы в деревне»². Более острой была продовольственная проблема, требование твердых цен и социальной справедливости. Важный вывод делался из сопоставления пьемонтского материала с материалом из других областей Италии: в Пьемонте, в отличие от них, антифранцузская тема в крестьянских выступлениях звучала намного тише, а антиреспубликанская практически не прослеживается. Валериан Семенович часто призывал видеть за монархическим фанатизмом темных и забытых крестьян прежде всего реализацию их чаяний социальной справедливости.

Итак, какие выводы можно сделать, исходя из сложившейся сегодня картины историографии Савойского государства? Прежде всего, ясно, что страноведческий подход для изучения европейской истории Раннего нового времени становится все более недостаточным. Принцип подготовки специалиста, основанный на углубленном изучении одного иностранного языка (и еще одного в меньшем объеме) и истории лишь одной современной страны, практически исключает возможность заинтересовать молодого исследователя историей края, подобного Савоие, Померании или Тиролю. К слову, для всех этих земель Раннего нового времени латинский язык также является полезным исследовательским инструментом. И раньше приходилось

¹ Там же. С. 230.

² Там же. С. 231.

замечать пагубную роль страноведческой специализации при выборе тем по истории культуры или повседневной жизни. Теперь мы видим, что даже политическая история – наиболее популярный жанр нашего историописания – может страдать из-за того, что мы продолжаем пытаться отождествить исчезнувшие государства прошлого с существующими сегодня на тех же землях державами. Во-вторых, история «пограничных» государств и территорий типа Бургундии, Померании или материковой Венецианской республики забыта нами совершенно незаслуженно. Она способна существенно обогатить наши общие представления о европейской истории, особенно если мы откажемся от увлечения великими державами в пользу более справедливого отношения к среде, в которой эти державы вели свою великую политику. Наконец, на примере истории Савойского герцогства и Сардинского королевства мы видим, какую тонкость и ловкость должны были демонстрировать монархи и их аристократические элиты в попытках противостоять державам со значительно превосходящим военным потенциалом. Достижения в области культуры, общественной мысли, искусств также совершенно не обязательно пропорциональны территориальной протяженности или численности населения. Политика в области налогов, образования, религиозная политика – варианты поведения и достигнутые малыми государствами результаты обогатят наши представления о Просвещении, Просвещенном абсолютизме, других широко признанных явлениях общеевропейской истории. Когда мы увидим, что наряду с итальянским или французским национализмом существовал и пьемонтский и савойский аналог, это позволит нам, в частности, по-новому взглянуть на многие явления сегодняшней жизни изучаемых нами стран.

БОВЫКИН Д. Ю.*

ЗАВЕРШЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII В.: РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИЛИ МОНАРХИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Окончанием Французской революции XVIII в. ныне принято считать переворот 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 года) – приход к власти Наполеона Бонапарта, начало эпохи Консульства¹. Это событие обычно мыслится как безальтернативное. В одной из последних обобщающих работ по истории революции бывший директор Института Французской революции Ж.-К. Мартен пишет о нём следующим образом:

«События конца 1780-х годов привели к соотношению сил, которые поставили Республику в состояние шаткого, ненадёжного, но при этом нерушимого равновесия. Провал роялистов означал, что возвращение к Старому порядку более невозможно; Людовик XVIII это поймёт, Карл X убедится в этом на собственном опыте. Воспоминания о 1793 годе сделали невозможным и возврат к революционным экспериментам»².

Появившись в образе спасителя отечества, Наполеон произвёл государственный переворот, однако, согласно представлениям того времени, завершить революцию должен был символический акт принятия Конституции. В речах революционеров неоднократно противопоставлялась эпоха пертурбаций и радикальных преобразований (когда действуют чрезвычайные законы, когда могут быть ограничены права человека, время мятежей, бурь, социальной нестабильности) и эпоха

* Бовыкин Дмитрий Юрьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник ГАУГН.

¹ Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

² *Martin J.-Cl. Nouvelle histoire de la Révolution française. P., 2019. P. 771.*

стабильности (когда действуют конституция и законы, когда соблюдаются права человека). Так это мыслилось в 1791, в 1793 и 1795 годах, так же это мыслилось и в 1799-м.

Сразу же после переворота начинается работа над новой конституцией. Она была представлена населению страны 14 фримера VIII года (15 декабря 1799 года). В воззвании консулов, которое её сопровождало, провозглашалось: «Граждане, революция закрепила те же принципы, которые её начали: она окончена»¹. 18 плювиоза (7 февраля 1800 года) было торжественно объявлено о её одобрении народом². Во многих работах, когда речь заходит об этой конституции, приводится приписываемая то Бонапарту³, то Сийесу⁴ фраза: «Конституция должна быть короткой и непонятной» (*Il faut qu'une constitution soit courte et obscure*). И хотя эта фраза сказана совсем другим человеком и относится совсем к другой конституции⁵, ошибка историков не случайна: в этой конституции всего 95 статей (в 1795 г. их было 377) и понять её действительно не так просто. Тем не менее, именно этот текст, «короткий и непонятный», содержит те тезисы, тот политический проект, который Бонапарт предлагал французам при приходе к власти.

Была ли этому какая-то альтернатива? Несомненно. Во Франции и за её пределами существовало немало роялистов и на протяжении 1794–1799 гг. как никогда реальными оставались планы реставрации монархии во главе с Людовиком XVIII – братом казнённого Людовика XVI, унаследовавшим трон в 1795 г.⁶ Как и Бонапарта, Людовика XVIII окружает в историографии немало мифов, и фраза Мартена: «Провал роялистов означал, что возвращение к Старому порядку более невозможно» здесь весьма показательна, поскольку на десять слов в ней

¹ Archives parlementaires. 2ème série. P., 1862. Vol. I. P. 5.

² Ibidem.

³ См., например: *Guerrini M.* Napoléon et Paris: trente ans d'histoire. P., 1967. P. 37; *Szramkiewicz R., Bouineau J.* Histoire des institutions, 1750–1914: droit et société en France de la fin de l'Ancien Régime à la Première Guerre mondiale. P., 1998. P. 230.

⁴ См., например: *Les Constitutions de la France depuis 1789 / Présentation par J. Godechot.* P., 1994. P. 146; *Rissoan J.-P.* Traditionalisme et la Révolution. Lyon, 2007. Vol. I. P. 169.

⁵ Фраза эта принадлежит Талейрану. – *Rœderer P. L.* Relations particulières avec le premier consul // *Rœderer P. L.* Œuvres du comte P. L. Rœderer. P., 1854. Vol. III. P. 428.

⁶ Подробнее см.: *Бовыкин Д. Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М., 2016.

приходится сразу две ошибки. С одной стороны, Людовик XVIII как признанный лидер роялистов отнюдь не выступал за возвращение к Старому порядку, с другой, – осенью 1799 г. роялистское движение отнюдь ещё не было окончательно подавлено. Велись и переговоры с рядом генералов – не только республиканцам нужна была «шпага».

Кроме того, победа роялистов в 1799 г. казалась монарху столь вероятной, что он начал готовиться к возвращению во Францию. В это время в соответствии с королевскими распоряжениями был создан большой корпус текстов¹ из двух десятков разнородных документов – мемуаров, пояснительных записок, проектов деклараций, ордонансов и эдиктов, затрагивающих все сферы жизни общества. На многих из них имеется правка, сделанная королевской рукой. Хотя они и не являются конституцией в прямом смысле слова, они позволяют оценить политический проект роялистов, понять, что они готовы были предложить стране.

Сравнение Конституции VIII года Республики и королевских документов позволяет поставить вопрос о том, был ли у Бонапарта в 1799 г. некий уникальный проект завершения революции, который и принёс ему успех, или же его победа была обусловлена совсем другими факторами.

ПРАВА И СВОБОДЫ

Конституциям 1791 и 1793 гг. были предпосланы Декларации прав человека и гражданина, а 1795 г. – Декларация прав и обязанностей человека и гражданина. В них был записан весь тот комплекс прав и свобод, который ныне стал фундаментом европейской политической модели. Хотя в современной историографии и ведутся дискуссии о том, стала ли Декларация 1795 года разрывом с предыдущими аналогичными текстами², тем не менее для депутатов термидорианского Конвента она была крайне важна. «Декларация прав кажется менее полезной сегодня, чем в 1789 году, – писал один из создателей конституции Ж.-Б. Лувэ. – Но следует ли из этого, что нужно отказаться от нее, отвергнуть это введение в Конституцию? Мы отнюдь так не думаем;

¹ Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Mémoires et documents. France (далее – МАЕ). 608. 1799.

² См., например: *Bosc Y.* La terreur des droits de l'homme. Le républicanisme de Thomas Peine et le moment thermidorien. P., 2016.

нам лишь кажется, что нужно составить ее с большей осторожностью, чем в 1793 и даже в 1791 годах»¹.

Конституция VIII года стала первой, в которой эта Декларация отсутствовала², таким образом, вопреки обещаниям консулов, никакого закрепления принципов, лежавших у истоков революции, отнюдь не произошло. Впрочем, ближе к концу в Конституцию были включены статьи, гарантирующие неприкосновенность жилища (ст. 76), регламентировались правила ареста граждан (с. 77-82), право на петиции (ст. 83). Однако, как справедливо заметил Ж. Годшо: «В тексте Конституции нигде не идёт речь ни о свободе, ни о равенстве, ни о братстве»³. Разительный, даже вызывающий контраст со всеми предшествующими конституциями. В этом, в частности, заключается один из парадоксов Французской революции, который уже не раз отмечали историки: начавшись в 1789 г. как «революция прав человека», провозгласив своей целью борьбу с королевским деспотизмом, революция привела к созданию политических режимов куда более деспотичных, чем Старый порядок.

Любопытно в этом плане, что, хотя в документах Людовика XVIII о правах человека речи, конечно, не шло, но всё же упоминалось, что Хартия (так роялисты иногда называли Конституцию, дарованную королём) должна защитить «вольности и свободы нашего народа от действий самоуправной власти»⁴.

ВОПРОС О СУВЕРЕНИТЕТЕ

С самого начала Революции стало принято считать, что суверен – это нация, совокупность французских граждан, которая может выражать свою волю непосредственно, на референдуме, а может опосредованно – через депутатов. При этом предполагалось, что законы

¹ La Sentinelle. An III. 20 messidor (8 juillet 1795.). № XV. P. 58.

² Русский читатель мог бы подумать, что соответствующие положения должны были бы быть в первой главе «Осуществление прав граждан» (Конституции и законодательные акты буржуазных государств в XVII–XIX вв. (Англия, США, Франция, Италия, Германия) / Сб. документов под ред. проф. П. Н. Галанзы. М., 1957. С. 422), однако это ошибка в переводе: глава называется «Об осуществлении права гражданства».

³ Les Constitutions de la France depuis 1789. P. 148.

⁴ Projet d'ordonnance portent rétablissement de la monarchie. 1799 // MAE. 608. F. 126v.

требуют одобрения народа, но, поскольку в реальности это было едва ли возможно реализовать, искали различные обходные пути. В результате, как в 1793, так и в 1795 году суверенитет, по сути, реализовывался лишь через выборы, поскольку степень реалистичности процедуры, предусмотренной в 1793 г. чтобы отвергнуть законопроект, принятый Законодательным корпусом, остаётся под большим вопросом. Однако *de facto* у этого суверенитета были свои пределы: хотя выборы 1795 и 1797 гг. были выиграны сторонниками монархии, реставрации не произошло, но для этого пришлось прибегать к постоянным нарушениям конституции и государственным переворотам. В Конституции же VIII года о суверенитете нации не было ни слова.

В свою очередь, и король не собирался прислушиваться к мнению нации – однако по совершенно другой причине: этого мнения, с его точки зрения, просто не существует. «Я думаю, – писал он, – что большинство, и даже подавляющее большинство этой нации всегда представляло собой и тем более представляет ныне инертную массу, которой управляет меньшинство – сплоченное, искусное, деятельное. Если бы это было не так, нам оказалось бы слишком стыдно быть французами». Большинство же выражает свое одобрение либо словами, либо молчанием – именно так и обстояло дело на всем протяжении Революции. Народ одобрил Конституцию 1793 года, а всего через пару лет он точно также одобрил Конституцию 1795 года¹ – о каком мнении можно говорить в такой ситуации.

Вместе с тем, Людовик XVIII прекрасно отдавал себе отчет в том, что от этой «инертной массы» во многом зависит, как примет его Франция и как пройдет его царствование:

«Мудрое правительство должно знать желания народа и идти им навстречу, когда они разумны, однако всегда действовать *proprio motu*²; в этом и состоит способ снискать себе любовь и уважение – единственные движущие силы, которые должен использовать государь, желающий придерживаться золотой середины между слабостью и тиранией»³.

¹ Observations du Roi sur le précédent mémoire de M. de Saint-Priest // Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Priest. P., 1845. P. 79–80.

² По собственному побуждению, без влияния извне (лат.).

³ Observations du Roi... P. 82.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Суверенитет народа предполагал, что народ непосредственно избирает своих представителей, а они уже принимают законы. Несмотря на ряд цензов (в том числе, возрастной и образовательный) в Конституции 1795 года это правило соблюдалось.

В 1799 г. картина иная. «Правительство предлагает законы и регламентирует обеспечение их исполнения» (ст. 44), «Государственный совет, под руководством консулов, уполномочен представлять законопроекты» (ст. 52), то есть, законодатели сами инициировать принятие закона не могут. «Трибунат обсуждает проекты законов; он отвергает или принимает их путем голосования» (ст. 28). «Законодательный Корпус принимает законы путем тайного голосования и без обсуждения законопроектов, которые были обсуждены перед этим ораторами Трибуната и правительства» (ст. 34), то есть, его функции сводятся к простому голосованию. «Всякий декрет Законодательного Корпуса обнародуется на десятый день, после его принятия, первым консулом, кроме случаев, когда будет заявлено в сенат о его неконституционности» (ст. 37).

Однако и Трибунат, и Законодательный корпус не избираются народом: многоступенчатая процедура приводит к тому, что народ лишь высказывает рекомендации, сами же выборы проводит Сенат, члены которого также не избираются, а назначаются, и заседания его не публичны. Членов же Государственного совета назначало правительство. Иными словами, даже если не говорить о принятом в годы революции принципе выборности, а не назначаемости должностных лиц, создаётся чрезвычайно сложная структура, при которой инициатором закона может быть только правительство, а народовластие ограничено выдвижением кандидатов в депутаты.

Планы роялистов не предусматривали аналога парламента, но предусматривали созыв Генеральных штатов, который должен был послужить своеобразной демонстрацией стремления монарха к компромиссу между Старым порядком и новомодным парламентаризмом. В 1798 г. Людовик XVIII писал: «Нация законным образом представлена через собрание Генеральных штатов, составленных из депутатов, свободно избранных по нормам, предписанным Конституцией»¹.

¹ См., например: [Louis XVIII]. Les devoirs d'un roi // Feuilles d'histoire. 1909. Vol. 2. P. 231.

К 1799 г. он пришёл к мысли, что эту выигрышную часть его политической программы необходимо обнародовать. В инструкции его агентам говорилось:

«Во всех краях моего Королевства должно быть известно о моем намерении: как только будут обеспечены порядок и общественное спокойствие, созвать Генеральные штаты, дабы трудиться в согласии с ними над составлением конституции Королевства, дабы они просветили меня своими знаниями касательно того множества установлений, которые мне предстоит разработать, и дабы обеспечить одобрение Нации тем законам, которые я приму ради ее благополучия»¹.

От имени и по поручению короля, его секретарь Ж.-Б. Курвуазье – блестящий юрист, отвечавший за составление многих документов, – в одном из проектов обрисовал полномочия Генеральных штатов следующим образом: «мы признаем, что они имеют неотъемлемое право одобрять законы и устанавливать налоги; что они должны просвещать нас своими советами в различных областях управления и определять в согласии с нами статьи конституционной хартии»².

Хотя о точных сроках созыва Генеральных штатов речь не шла (их созовут, «как только общественное спокойствие будет прочно восстановлено»³), и хотя круг их полномочий был очерчен довольно абстрактно, на обещания не скупилась: «Мы признаем (поскольку мы всегда гордились тем, что справедливы), что *мнение и согласие* Генеральных штатов будут необходимы для придания законности одной части наших планов, разъяснения другой и стабильности планов в целом»⁴; порой даже говорилось о том, что они определяют «окончательную форму правления»⁵.

По мнению Курвуазье, Генеральные штаты окажутся «крайне важны» во многих отношениях: при модификации налоговой и финансовой системы, для «разоблачения злоупотреблений и выявления спо-

¹ Instruction du Roy pour les agents de sa Majesté // *Dugon H.* Au service du Roi en exil. Épisodes de la Contre-Révolution d'après le journal et la correspondance du président de Vezet (1791–1804). P., 1968. P. 346.

² Projet d'adresse conformément aux instructions données à Monsieur par le Roi. De la main de Courvoisier // MAE. 608. F. 81v.

³ Projet d'ordonnance portent rétablissement de la monarchie. 1799 // MAE. 608. F. 126v.

⁴ Projet d'adresse De la main de Courvoisier // MAE. 608 F. 91v.

⁵ Projet d'ordonnance portent rétablissement de la monarchie. F. 126v.

собов их исправить»¹ (особенно на местах), для того, «чтобы узнать состояние сельского хозяйства, торговли, населения по всей Франции»², при принятии решений об административном делении королевства, о сохранении или отмене системы продажи должностей, о компенсации собственникам.

Иными словами, если бы эти планы реализовались, народовластия в такой системе было бы намного больше, чем это было предусмотрено по Конституции VIII года Республики.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Начиная с 1791 г. революционные конституции одна за другой закрепляли приоритет законодательной власти над исполнительной. В XVIII в. действительно была популярна концепция разделения властей, однако она отнюдь не означала равновесия или равноправия властей. Конституция 1791 г. устанавливала конституционную монархию с огромной ролью и властью короля, хотя, по сравнению со Старым порядком, власть эта и была сильно ослаблена. Реакцией на сильную исполнительную власть, которая столь напоминала бы королевскую, стала Конституция 1793 года: по ней во главе государства был поставлен очень слабый Исполнительный совет из 24 человек, избираемый не народом, а Законодательным корпусом. После диктатуры монтаньяров, в 1795 г., когда пресса всё ещё обсуждала всевластие Робеспьера, в качестве исполнительной власти была предусмотрена Директория из 5 человек, которая также оказывалась в зависимости от законодателей. Обсуждались разные проекты, в том числе и предложение ввести пост президента, но побоялись: президент слишком напоминал короля.

В этом плане Конституция VIII порывала с революционной традицией, направленной на ослабление исполнительной власти и на то, чтобы поставить её под контроль власти законодательной. В соответствии с IV главой Конституции исполнительная власть вручалась трём консулам, названным поимённо, при этом первый консул, Бонапарт, получал полномочия, очень сопоставимые с королевскими: он «обнародует законы; он назначает и смещает по своей воле членов Государственного совета, министров, послов и других государственных

¹ Réponse aux questions concernant les Etats généraux et la rédaction d'une chartre constitutionnelle // MAE. 608 F. 311.

² Ibidem.

представителей за границей, офицеров сухопутных и морских вооруженных сил, членов местных администраций и комиссаров правительства при трибуналах. Он назначает уголовных и гражданских судей, а также мировых и кассационных судей, без права их смещения» (ст. 41).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИМУЩЕСТВА

Одним из самых острых вопросов был вопрос о собственности. В ходе Революции многие земли дворянства, церкви, так называемых «врагов народа» были конфискованы и превратились в «национальные имущества». Затем они частично были проданы и обрели новых владельцев. С тех пор каждый, кто хотел приобрести благосклонность этого нового слоя собственников, предлагал записать в Конституцию, что национальные имущества не вернутся к прежним хозяевам.

Ст. 94 Конституции VIII года гласила: «Французская нация заявляет, что после совершения законной продажи национального имущества, независимо от его происхождения, законный приобретатель не может быть лишен его, за исключением случаев, когда третьи лица предъявляют к национальной казне требования о возмещении понесенных убытков», однако на эмигрантов право требовать компенсации не распространялось.

Для роялистов вопрос, разумеется, был стократ более сложным. Людовик XVIII отлично понимал, что его соратники не простят, если не получат обратно свою собственность, но и мятежные подданные никогда не согласятся его принять, если будут знать, что лишатся всего, нажитого в годы революции. Если поначалу король был настроен безоговорочно вернуть всё украденное у них бывлым владельцам, то к 1799 г. он стал высказываться на эту тему очень аккуратно:

«Что же до присвоенных имуществ, эта тема представляется мне деликатной. Их возвращение – естественное право, и не объявить о нем было бы своего рода соучастием в несправедливых грабежах. С другой стороны, покупатели [этих имуществ] многочисленны, и опасно озлобить сей класс и довести его до отчаяния. По этой причине я принял решение пообещать нынешним владельцам компенсацию в зависимости от обстоятельств. Это выражение туманно, и я об этом знаю, однако оно наилучшим образом соответствует моей цели: 1° поскольку оно оставляет мне свободу определить впоследствии и способ, и размер компенсации; 2° поскольку, избавляя владельцев от страха [...], оно,

в то же время, предоставляет им шанс обрести, в зависимости от поведения, лучшую или худшую долю, или быть ее лишенной, если они станут упорно оставаться на стороне мятежников»¹.

С точки зрения короля, наилучшим выходом была бы договорённость старых и новых собственников между собой:

«Без сомнения, хотелось бы надеяться, что можно будет всё отобрать у владельцев захваченных имуществ, не выплачивая им никакого возмещения, и в этой мере не будет ничего несправедливого, она станет наказанием за их весьма непосредственное участие в Революции [...]; если же, тем не менее, возникнут опасения, что в результате они начнут оказывать наносящее ущерб сопротивление восстановлению монархии и порядка, будет необходимо успокоить их, принимая во внимание, что первейший закон – благо народа»².

В соответствии с этими идеями в предназначенном для публикации проекте обращения Людовика XVIII к французам говорилось:

«Мы признаем, что с точки зрения правосудия никакие документы не обязывают нас к выплате компенсации. Тем не менее, желая компенсировать своей снисходительностью любой нанесенный в прошлом ущерб, мы смягчим жесткость законов и компенсируем его в зависимости от обстоятельств и поведения [собственников], в той форме и в том объеме, в котором это предпишут Генеральные штаты, поскольку эта милость может быть оправдана лишь интересами государства и, соответственно, её бремя должна нести вся нация, что не дает нам возможности возложить его без её согласия»³.

Таким образом, король, фактически, воспроизводил ту модель, которая использовалась Карлом II в эпоху Реставрации: английский король самые сложные моменты оставлял на усмотрение парламента, французский – Генеральных штатов, причём в середине XVII в. этот ход сработал очень успешно.

Произведённое сравнение текста Конституции VIII года Республики и проектов, составленных Людовиком XVIII и его окружением, разумеется, нуждается в одной оговорке: проекты эти никогда не были преданы гласности, поскольку реставрации монархии в 1799 г.

¹ Extrait d'une lettre écrite par le Roi à Monsieur pour lui servir d'instruction. Le 24 juillet 1799 // Archives Nationales. 444 AP 1. Doc. 7.

² Instruction du Roy pour les agents de sa Majesté. P. 345.

³ Projet d'adresse. F. 94v.-95.

не произошло. Тем не менее, это сравнение приводит нас к нескольким выводам.

Прежде всего, Конституция VIII года представляла собой радикальный разрыв с тем республиканским политическим проектом, который складывался и эволюционировал в годы Французской революции¹. Отсутствовала Декларация прав человека и гражданина, что было практически немислимо ещё за несколько лет до того. Отменялся принцип выборности, был позабыт суверенитет народа. Одним словом, от «принципов 1789 года» не осталось почти ничего. Разделение властей практически упразднилось, первый консул мог активно вмешиваться в дела двух других ветвей власти: ему принадлежало право предлагать и утверждать законы, а также назначать большую часть судей.

Напротив, политический проект роялистов был составлен вполне в духе времени и имел мало общего со Старым порядком. Людовик XVIII планировал даровать стране конституцию, Генеральные штаты мыслились как собрание представителей нации с широкими полномочиями. Как это не удивительно, в отдельных моментах этот проект судили даже больше свобод, чем принятая республиканская Конституция.

Вместе с тем, если не углубляться в частности, общие очертания нового порядка мыслились и Наполеоном, и Людовиком XVIII примерно одинаково: очень сильная власть главы государства (как бы он ни назывался), очень слабая отделённая от него законодательная власть, минимум прав у народа, гарантии собственникам национальных имуществ. Если добавить к этому неоднократную победу роялистов на выборах и то, что результаты референдума о принятии Конституции VIII года были фальсифицированы², несложно прийти к выводу, что не нахождение уникального варианта компромисса между республикой и монархией обеспечило победу генерала Бонапарта. Революцию окончили действия сугубо практические: умение взять власть, воспользовавшись подходящим моментом и не останавливаясь перед насилием и фальсификациями.

¹ Подробнее см.: *Бовыкин Д. Ю.* Эволюция республиканского политического проекта во Франции (1793–1795) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 196–212. DOI 10.15826/izv2.2019.21.1.014.

² *Langlois Cl.* Le plébiscite de l'an VIII ou le coup d'état du 18 pluviôse an VIII // Annales historiques de la Révolution française. 1972. № 207. P. 43–65.

ВЕРШИНИН А. А.*

ОГОНЬ ПРОТИВ ДВИГАТЕЛЯ: ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ 1920–1930-х гг. О ПРЕОДОЛЕНИИ ТУПИКА ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война 1914–1918 гг. коренным образом изменила представление о том, как воюют сухопутные армии. Искусство стратегии в том виде, в котором его понимали в XIX в., обесценилось. Умения грамотно руководить движениями армий и налаживать линии снабжения, что, собственно, и понималось под стратегией во времена Наполеона, было уже недостаточно для победы в войне. Известна формула, выведенная К. Клаузевицем: «Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет результат двух тесно сплетающихся факторов: размер средств, которыми он располагает, и его воля к победе»¹. Первая мировая показала, что в индустриальную эпоху обе переменных вырастают до таких значений, которые требуют от сторон все больших усилий для нанесения поражения оппоненту. Результатом становился тупик позиционной войны, который приводил к огромным перегрузкам не только военной машины как таковой, но и социально-политической системы государства в целом. 1918 год завершился победой Антанты, однако по ее итогам решение проблемы позиционного тупика так и не было найдено. Ее дальнейшими поисками занялись военные теоретики. Развивалась в этом направлении и французская военная мысль.

Как известно, Франция была в числе стран, наиболее пострадавших в годы Первой мировой войны. Почти 1,4 миллиона французских солдат были убиты, что составляло более 16% от числа мобилизован-

* Вершинин Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ *Клаузевиц К. О войне.* М., 1934. С. 4.

ных и примерно четверть всех мужчин в возрасте от 18 до 27 лет¹. 3,6 миллиона человек получили ранения. Десять северо-восточных департаментов, промышленное сердце Франции, стали ареной грандиозных сражений и практически лежали в руинах. 9300 предприятий были полностью разрушены. 2 миллиона гектаров пашни выпали из сельскохозяйственного оборота. Национальное богатство сократилось на 12%. Национальный долг в 1918 г. составил огромную сумму в 170 миллиардов франков². Возможно, ни одна другая страна в такой степени не ощутила на себе последствия войны нового типа, реальностью которой стало противостояние многомиллионных армий, удерживавших сплошную линию фронта и вооруженных самыми современными средствами огневого поражения.

Маневренная война на Западе закончилась к зиме 1914–1915 гг. Попытки воюющих армий осуществить фланговый маневр, обойти противника и навязать ему генеральное сражение по типу баталий XIX в., т.н. бег к морю, привели к формированию 800-километрового фронта, протянувшегося от швейцарской границы до Северного моря. Лобовая атака осталась единственным способом его прорыва. Между ноябрем 1914 г. и мартом 1918 г. сторонами были опробованы все возможные способы организации фронтального наступления, однако наличие у них многочисленных резервов и практика массирования артиллерийского огня в районе предполагаемого участка прорыва делали решающий успех невозможным. Как только противник понимал, где наносился основной удар, он незамедлительно подтягивал резервы, и прорыв, вместо того, чтобы расширяться, непрерывно сужался, а возникавший таким образом «треугольник» попадал под фланговые удары и огонь орудий. Вошедшие в прорыв войска отрывались от линий снабжения. «Лунный пейзаж», созданный артиллерийскими обстрелами, замедлял их продвижение. В конце концов, брешь во фронте запечатывалась.

В 1914 г. французская армия начала войну, опираясь на доктрину, которая во главе угла ставила искусство маневра. Полевые уставы 1913–1914 гг. уже учитывали фактор высокой концентрации огня в войсках потенциального противника и требовали от командиров более эффективного взаимодействия, а также осторожности в проведении

¹ Steiner Z. The Lights that Failed. European International History, 1919–1933. New York, 2005. P. 20.

² Манфред А. З. (отв. ред.). История Франции. Т. 3. М., 1973. С. 6.

атак¹. Однако к началу боевых действий их не успели полноценно внедрить в войсках. Результатом этого стали тяжелые потери уже в первые месяцы войны. В полной мере последствия позиционного тупика начали сказываться осенью 1915 г. Сентябрьские сражения в Шампани и Артуа в полной мере продемонстрировали преимущество обороны над наступлением. Успешно прорвав первую линию германской обороны, французы уже на третий день столкнулись со второй линией и были вынуждены остановиться². За полтора месяца боев союзники, понеся большие потери, захватили лишь небольшой участок шириной 22 км и глубиной не более 4 км.

Французское командование сделало выводы из неудачи в Шампани: для успешного проведения операций требовалась многочисленная и хорошо снабженная снарядами артиллерия. Сражения 1916 г. при Вердене и на Сомме утвердили их в этой мысли. Немцы искали выход из позиционного тупика на уровне тактики пехоты, развивая практику прорыва укрепленных линий специально подготовленными штурмовыми отрядами³. Их дебютом на Западе стало весеннее наступление марта 1918 г., приведшее к серьезному кризису фронта союзников. Французы же, дорожившие живой силой и полагавшиеся на артиллерию, сделали ставку на организацию т.н. последовательного сражения (*bataille conduite*).

Ее образцом считалось наступление 1-й французской армии под командованием генерала Э.-М. Дебенея при Мондидье в августе 1918 г.⁴ В ходе этого сражения французы за счет максимальной слаженности действий пехоты и артиллерии смогли оттеснить немцев. Как считалось, секрет этого успеха заключался в проведении нескольких мощных атак по сходящимся направлениям при массировании огневой мощи, находившейся под централизованным контролем дивизионных и вышестоящих командиров. Живая сила и артиллерия перемещались согласно жесткому заранее определенному графику. Успех на поле боя, таким образом, достигался на оперативном уровне. По мнению

¹ *Cochet F.* La Grande Guerre: quatre années d'une révolution militaire, 1914–1918 // *Drévilion H., Wieviorka O.* (dir). Histoire militaire de la France. Vol. 2. De 1870 à nos jours. Paris, 2018. P. 180.

² *Зайончковский А. М.* Первая мировая война. СПб., 2002. С. 432.

³ *Gudmundsson B. I.* Stormtroop tactics. Innovation in the German Army, 1914–1918, New York, 1989.

⁴ *Doughty R. A.* French Operational Art: 1888–1940 / *Krause M. D., Phillips R. C.* (ed.). Historical Perspectives of the Operational Art. Washington. 2005. P. 88.

французских генералов, попытки организации тактического прорыва с его последующим расширением вели к неоправданным потерям и поэтому не имели смысла.

После войны Дебеней, возглавлявший в 1923–1930 гг. генеральный штаб сухопутных сил и руководивший французской военной наукой, канонизировал схему последовательного сражения. Ее стали воспринимать как классическую модель ведения современного сражения. Аналогично мыслил и другой военачальник, после Первой мировой войны во многом определявший пути развития вооруженных сил Третьей республики. Маршал Ф. Петен в 1920–1931 гг. занимал должность заместителя председателя высшего военного совета и фактически являлся командующим армией. «Спаситель Вердена» считал, что оборона имеет заведомое преимущество над наступлением, а главным средством ее обеспечения является активное использование артиллерии. «Огонь убивает», – утверждал маршал, обобщая свой военный опыт¹. Эти слова стали для французской армии руководством к действию.

Насколько объективным был этот взгляд? В марте 1918 г. германская армия, используя тактику штурмовых групп, смогла организовать ряд прорывов укрепленной линии англо-французов, однако отсутствие у нее средств развития наступления на оперативном уровне не позволило закрепить успех. Ответ союзников в августе представлял собой серию дробящих ударов на ограниченную глубину, моделью для которых стала операция при Мондидье. По мере истощения резервов у германского командования удерживаемый им фронт приходил во все более неустойчивое положение, и, в итоге, начал откатываться на север. Победа союзников, таким образом, стала результатом истощения противника, а не подтверждением действенности использованных ими оперативно-тактических схем боевого применения войск. В конце концов, этот успех сыграл с французскими военными злую шутку, убедив их в том, что победа в современной войне достигается именно так, как ее удалось добиться летом-осенью 1918 г.

В боях 1917–1918 гг. англо-французские войска использовали сотни, а затем тысячи танков. Как показал последующий опыт, мобильные соединения бронетехники действительно могли использоваться для ликвидации позиционного тупика. Сбалансированная танковая дивизия легко преодолевала тактическую зону обороны, развивала успех в глубину и отражала контрудары. После ее ввода в прорыв пехота уже

¹ *Pétain H.-P.* La bataille de Verdun. Paris, 1941. P. 143–154.

не могла закрыть образовавшуюся брешь так, как это делалось в годы Первой мировой войны: ввиду несравнимой маршевой скорости контрмеры всегда запаздывали¹.

Однако осознать реальный потенциал танка могла лишь военная мысль, свободная от влияния шаблонных схем прошлого и нацеленная на подготовку реванша за военное поражение, то есть такая, какая сформировалась в Германии в 1920-е гг. «Поскольку побежденная армия имеет больше стимулов для изучения уроков войны, многие немецкие офицеры начали писать истории, мемуары, исследования и статьи, полные критики и оправдания действий военного руководства, а также тактических и стратегических идей», – отмечает Дж. Корум². Во Франции же укоренились «проверенные опытом» представления. Танк здесь по традиции продолжал считаться средством поддержки пехоты, элементом организации последовательного сражения.

Этот подход был обусловлен самой господствующей военной доктриной, однако нельзя сказать, что противоположные точки зрения не высказывались. С 1920 г. во Франции шло обсуждение проекта строительства укрепленной линии на границе с Германией, которая после своего возведения стала известна как линия Мажино. Первоначально активно дебатировалась возможность ее использования как рубежа, обеспечивающего маневр крупных армейских соединений³. На заседании высшего военного совета в 1920 г. маршал Ф. Фош отметил, что стационарные укрепления сами по себе не представляют большой оперативной ценности и важны лишь с точки зрения организации наступления или подвижной обороны. Впоследствии он развивал эту мысль. В 1922 г. при обсуждении проблемы обеспечения «неприкосновенности национальной территории» он отмечал, что исторически защита границ Франции обеспечивалась маневром армий. В этом его поддерживал маршал Ж. Жоффр. По его словам, чрезмерное внимание укреплениям чревато поражением армии, «одержимой идеей строительства новой китайской стены»⁴. Оба маршала критически оценивали идею Петена о «неприкосновенности территории».

¹ *Исаев А. В.* От Дубно до Ростова. М., 2004. С. 64–65.

² *Corum J. S.* The Roots of Blitzkrieg: Hans von Seeckt and German Military Reform. Lawrence, 1994. P. 2.

³ *Hughes J. M.* To the Maginot Line. The Politics of French Military Preparation in the 1920s. Cambridge (Mass.), 1971. P. 198–201.

⁴ Цит. по: *Doughty R. A.* The Seeds of Disaster: The Development of French Army Doctrine, 1919–1939. Hamden, Conn., 1985. P. 50.

В первые послевоенные годы серьезный акцент делался и на перспективах механизации армии. Генералы Э. Бюа (в 1920–1923 гг. начальник генерального штаба сухопутных сил) и Ж.-Б. Этьен выступали сторонниками создания мобильных танковых соединений. Последнего многие исследователи считают отцом французских бронетанковых сил¹. Этьен считал, что «танк, без сомнения, является самым мощным оружием внезапной атаки и, следовательно, победы». Этьен настаивал на том, что танковые соединения должны «находиться в общем резерве главнокомандующего, который мог бы временно придавать их наступающей армии». По его мнению, было бы «непрактично и нерационально применять танки как органичную часть пехотной дивизии, задача которой, так или иначе, – ведение боя с опорой на огневую мощь или силу укреплений»². Майор М.-К. Пижо в 1923 г. предлагал формировать «большие охранные соединения», фактически – механизированные дивизии, снабженные мотопехотой и самоходной артиллерией, которые бы выполняли роль крупных кавалерийских формирований, на порядок превосходя их по мощи и скорости передвижения³. Полковники Ш.-Ж. Шедвиль и П.-М. Вельпри, первоначально будучи сторонниками консервативного взгляда на роль танков в будущей войне, во второй половине 1920х гг. развили теорию их самостоятельного применения на поле боя. Важнейшим фактором, повлиявшим на их эволюцию, стал технический прогресс, который значительно расширил потенциал танка⁴.

Генерал Ж.-Э. Думенк⁵ вместе с Этьеном стоял у истоков французских бронетанковых сил в годы Первой мировой войны. Во второй половине 1920-х гг. в серии лекций для учащихся Высшей военной

¹ *Bond B., Alexander M. Liddel Hart and De Gaulle: The Doctrines of Limited Liability and Mobile Defense – Paret P. (ed). Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age. Princeton, 1986. P. 603.*

² *Estienne J.-B. Préface // Murray Wilson G. Les chars d'assaut au combat, 1916–1919. Paris, 1931. P. 14–15.*

³ *Pigeaud M.-C. L'arme de la sûreté // Revue militaire française, vol. 7, mars 1923. P. 403–404.*

⁴ *André M. Dans l'ombre de Charles de Gaulle : pionniers des chars et autres « prêcheurs » militaires français oubliés de l'arme blindée dans l'entre-deux-guerres // Stratégique, 2015. Vol. 2. No 109. P. 219.*

⁵ Российским историком генерал Думенк больше известен как глава французской военной миссии на трехсторонних военных англо-франко-советских переговорах в Москве в августе 1939 г.

школы он представил концепцию подвижного моторизованного соединения, способного преодолевать десятки километров за один день. В это же время Думенк предложил проект создания танковой дивизии, который, по мнению современного исследователя, превосходил то, что несколькими годами позже в своей работе «Профессиональная армия» опишет полковник Ш. де Голль¹. В 1930 г. на страницах «Ревю милитэр франсэз» он подверг критике идею Петена об обеспечении «неприкосновенности национальной территории» за счет строительства долговременных укреплений и в качестве альтернативы предложил полагаться на маневрирование крупными подвижными соединениями².

Однако оборонительная доктрина имела во Франции глубокие корни. Она навязывала армии определенные организационные схемы, которые отторгали все то, что в них не вписывалось. Новые типы вооружений считались наступательными и, как следствие, не соответствовавшими системе организации вооруженных сил. На фоне общего сокращения военных расходов, популярности темы разоружения правительство не считало возможным тратиться на них. Вплоть до 1930 г. армия практически не размещала заказов на новое вооружение, довольствуясь тем, что осталось на складах со времен войны. Львиная доля средств военного бюджета шла на довольствие личному составу и обслуживание уже использовавшихся образцов техники. Лишь 12% от его общего финансирования тратилось на разработку новых типов вооружений³.

Этьен так и не смог реализовать на практике свои идеи. Его инициативы не находили сочувствия у командования армии, и в 1927 г. он был вынужден уйти в отставку. В 1920-е гг. Петен и Дебеней сделали оборонительное мышление основой французской военной доктрины. Однако необходимо отметить, что дело было не только в их личных представлениях о том, как будет выглядеть будущая война. В 1920-е гг. пацифистские настроения охватили широкие слои фран-

¹ *Porte R.* Le général d'armée Doumenc, logisticien et précurseur de l'arme blindée // Cahiers du CESAT, No 19, mars 2010. P. 7.

² *Doumenc J.-A.* La défense des frontières : leçons des maîtres disparus // Revue militaire française. Vol. 37. Oct. 1930. P. 27–28.

³ *Wieviorka O.* Démobilisation, effondrement, renaissance, 1918–1945 // *Drévilion H., Wieviorka O.* (dir). Histoire militaire de la France. Vol. 2. De 1870 à nos jours. Paris, 2018. P. 339.

цузского общества¹, а борьба против военной угрозы легла в основу внешнеполитических программ ключевых политических сил. Страна устала от войны. В первое десятилетие после 1918 г. в три приема срок обязательной воинской службы был сокращен с трех лет до одного года. В том, что подобная «пацификация» Франции неизбежна не сомневался даже «отец Победы» Ж. Клемансо, глава правительства в 1917–1920 гг. Генерал Ж. Мордак, ближайший военный советник премьер-министра, вспоминал, как при первом же обсуждении этого вопроса после завершения боевых действий Клемансо согласился с тем, что сокращение срока обязательной воинской службы бы до одного года – лишь вопрос времени².

В воздухе витал дух разоружения. На начало 1930-х гг. был намечен созыв Всемирной конференции по разоружению в Женеве. В середине 1920-х гг. министр иностранных дел Франции А. Бриан инициировал политику сближения с Германией с целью мирного урегулирования противоречий, накопившихся после 1918 г., в том числе за счет частичного пересмотра некоторых положений Версальского договора. В этой атмосфере идеи наращивания вооружений, тем более наступательных, смотрелись как опасный пережиток. Она во многом сковывала инициативу военных, которые, в массе своей, продолжали рассматривать Германию как потенциального противника. Без учета этого фактора, по справедливому замечанию М. Александера, трудно понять их пристальное внимание к проекту строительства «линии Мажино»: «На фоне растущих надежд на разоружение французские военные не имели перспективы получить дополнительное финансирование для закупки новой бронетехники, артиллерийских систем, самолетов и боевых кораблей»³. Лишь работы по строительству укреплений на восточной границе финансировались бесперебойно. Для парламентариев и общественного мнения «линия Мажино» стала аналогом средства сдерживания, тем, что сделает нападение на Францию бессмысленным, а, следовательно, исключит в будущем большую войну.

¹ См. подробнее: *Вершинин А. А.* Дилемма Жореса: социалистический пацифизм во Франции в 1905–1940 годах // Франция и Европа в XX–XXI веках. К юбилею Натальи Николаевны Наумовой. М., 2018.

² *Mordacq J.* Le ministère Clemenceau. Vol. 3. Paris, 1931. P. 44–45.

³ *Alexander M. S.* In Defense of the Maginot Line. Security Policy, Domestic Politics and the Economic Depression in France // *Boyce R.* (ed.) French Foreign and Defense Policy, 1918–1940. The Decline and Fall of a Great Power. London–New York, 2005. P. 177.

Очевидно, что все это ставило французскую военную мысль в узкие рамки. Проекты Шедвиля, Вельпри и Думенка не имели шансов выйти на стадию обсуждения на политическом уровне, не говоря об их практической реализации. Однако проблема преодоления тупика позиционной войны оставалась нерешенной, что заставляло теоретиков продолжать поиски. В начале 1930-х гг. труды своих французских коллег начали внимательно изучать советские военные комментаторы. В 1932 г. издаваемый наркоматом по военным и морским делам журнал «Военный зарубежник» представлял читателю картину серьезных изменений в части осмысления во Франции наступательной доктрины, отмечая «дальнейшую эволюцию [французской] военной мысли в сторону разработки приемов подвижной, маневренной войны и приспособление к требованиям той же войны организации и тактики пехоты»¹. В переведенных на русский статьях капитана Ж. Лустано-Лако отмечалось, что именно танк является главным оружием наступления в современной войне², а генерал А. Шаллеа на страницах своих публикаций доказывал, что применение танка целесообразно в сочетании с воздушными десантами в тылу противника в рамках операции, в которой достигнута оперативная внезапность³.

Однако практическое обсуждение этих идей оставалось невозможным без кадровых подвижек в руководстве французскими вооруженными силами, а также без общего изменения политической ситуации 1920-х гг., которая консервировала пацифистские настроения и создавала надежду на то, что большой войны удастся избежать дипломатическими путями. Оба условия реализовались в начале 1930-х гг. Петен и Дебенеи отошли от командования армией, а мировой экономический кризис положил конец периоду международной стабильности в Европе. Исчерпание потенциала франко-германской нормализации, политическая дестабилизация в Германии и приход к власти в Берлине нацистов с их агрессивной внешнеполитической программой сделали военную угрозу Франции актуальной как никогда.

Во властных кабинетах Парижа осознавали опасность, однако предпочитали следовать курсом 1920-х гг., несмотря на его все более

¹ Основные вопросы иностранной военной мысли // Военный зарубежник. 1932. № 7. С. 158.

² Лустано-Лако Ж. Возврат к маневренности // Военный зарубежник. 1932. № 3, 4.

³ Шаллеа Ж. Тактика и вооружения // Военный зарубежник. 1932. № 5; Шаллеа Ж. Тактика и материальные средства // Военный зарубежник. 1932. № 6.

очевидную бесперспективность. Политики считали, что безопасность страны может быть обеспечена новыми международными договоренностями. В 1932 г. к власти пришла левоцентристская коалиция. Сформированные при ее поддержке правительства во главе с Э. Эррио и Э. Даладье вели активные переговоры с целью заручиться поддержкой основных европейских держав в деле сохранения существующего статус-кво¹. Париж принимал активное участие в работе международной конференции по разоружению, проходившей под эгидой Лиги Наций в Женеве. В декабре 1932 г. под нажимом Великобритании премьер-министр Эррио согласился с требованием германской стороны о признании ее права на равенство в вооружениях с державами-победительницами. Военные ограничения Версальского договора, таким образом, снимались де-юре.

Одновременно под влиянием экономических трудностей сокращались и без того скромные затраты на армию. В 1933 г. военные расходы бюджета были урезаны на 14%, из рядов вооруженных сил уволили около 30 000 человек². Ввиду нехватки средств были отменены летние маневры дивизий и корпусов. Интересы армии в это время представлял генерал М. Вейган, сменивший в 1931 г. Петена на посту заместителя председателя Высшего военного совета. Близкий соратник маршала Фоша, он разделял его мнение о том, что Версальский договор не гарантировал прочного мира для Франции. Вейган понимал, что в новых условиях те подходы к военному строительству, которые внедрялись в 1920-е гг., не только не действуют, но и объективно подрывают обороноспособность страны. Для военных не являлся секретом тот факт, что Германия тайно перевооружалась: разведывательное бюро Генерального штаба имело об этом полную информацию³.

В 1935–1939 гг. Франции предстояло пережить четыре «тощих года» – эхо Первой мировой войны с ее людскими потерями и снижением рождаемости. Количество призывников в это время сокращалось вдвое. На этом фоне уменьшение финансирования армии воспринималось особенно болезненно. Близкие к Вейгану офицеры утверждали, что генерал одно время даже опасался покинуть Париж, чтобы в его

¹ *Duroselle J.-B.* La Décadence, 1932–1939. Paris, 1979. P. 36–45, 70–75.

² *Young R. J.* In Command of France. French Foreign Policy and Military Planning, 1933–1940. Cambridge (Mass.), 1978. P. 38.

³ *Jackson P.* France and the Nazi Menace Intelligence and Policy Making, 1933–1939. New York, 2000. P. 47–48.

отсутствие правительство не одобрило дополнительное уменьшение расходов на оборону¹. Политика в духе идей разоружения и арбитража, проводимая руководством страны, по мнению генерала, граничила с безответственностью. Ж. Поль Бонкур, премьер-министр и глава МИДа в конце 1932 – начале 1933 гг., впоследствии вспоминал, о тех конфликтах, которые в это время регулярно возникали между ним и Генеральным штабом по поводу перспектив политики разоружения². В феврале 1933 г. советский военный представитель в Париже М. С. Островский, входящий в круги высшего офицерства, писал в Москву о том, что очередная мирная инициатива, озвученная французскими представителями на конференции в Женеве, едва не вынудила Вейгана уйти в отставку. «Генералу эта политиканствующая сволочь осточертела»³, – приводил он слова офицера, знакомого с ходом дел.

Вейган понимал, что время требует пересмотра подходов к строительству вооруженных сил. Советские военные комментаторы в 1932 г. отмечали, что новое командование французской армии отходит от старых организационных схем, опробованных в годы Первой мировой: «Призыв к приемам подвижных операций уже без всяких оговорок раздался ... из уст самого генерала Вейгана, по требованиям которого, надо ожидать, скоро перестроится вся французская доктрина». «Военный зарубежник» ссылаясь на статью, опубликованную в ведущем военном журнале Франции. В ней французский главнокомандующий доказывал, что превосходство в современной войне обеспечивается не только мощностью, но и подвижностью материальных средств⁴.

Действительно, при Вейгане дискуссии о применении танков на поле боя вышли из области чистой теории. Под его руководством в июне 1930 г. генеральный штаб предложил пересмотреть программу развития бронетанковых сил: отказаться от использования специальных тяжелых танков и сконцентрироваться на развитии легких машин. Речь шла о важной инновации. С 1918 г. считалось, что, осуществляя функцию поддержки пехоты, танк должен либо сопровождать ее на

¹ *Young R. J.* Op. cit., p. 38.

² Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, t. 3. Paris, 1951. P. 786–787.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 432. Л. 62.

⁴ Основные вопросы иностранной военной мысли // Военный зарубежник. 1932. № 7. С. 158.

поле боя, либо поддерживать огнем прорыв укрепленной линии противника. Для решения второй задачи еще в годы Первой мировой войны были созданы сверхтяжелые машины «2С». Отказ от их применения на поле боя открывал путь к пересмотру самой доктрины боевого использования танков. Французы продолжали развивать легкие танки типа «D», которые, согласно традиционному подходу, должны были сопровождать пехоту на поле сражения, однако к началу 1930-х гг. их последние образцы по своему потенциалу уже перерастали эту отводимую им в прошлом роль. Одновременно в 1930 г. с конвейеров сошли первые образцы нового танка класса «В», разработанного по эскизам Думенка. Эта машина по своим тактико-техническим характеристикам более всего подходила под определение среднего танка¹, способного играть самостоятельную роль на поле боя².

Однако реформа бронетанковых сил столкнулась с двумя важными проблемами. Во-первых, взгляд на танк как средство поддержки пехоты, очевидно, уже плохо соответствующий реалиям развития военного дела, пустил очень глубокие корни в среде французского офицерства. Главные инспекторы пехоты на рубеже 1920–1930-х гг. были полны решимости сохранить за танком подчиненную функцию. Они неизменно настаивали на приоритете бронирования в ущерб маневренности, загоняя строительство бронетанковых сил в схему десятилетней давности. Первые полевые испытания танков D-2 и В-1 в 1932 г., продемонстрировавшие определенные слабые стороны новых машин, были однозначно интерпретированы как подтверждение невозможности их самостоятельного применения. Главный инспектор пехоты генерал Ж. Дюфье констатировал, что танки могут быть полезны лишь в тесной связке с другими родами сухопутных войск. Как отмечал в своих мемуарах Вейган, эти выводы фактически приостановили работы по формированию во французской армии отдельных бронетанковых соединений³.

С другой стороны, активно выступали те, кто считал, что танки должны быть интегрированы в состав кавалерийских частей. Благодаря механизации кавалерия, в задачи которой входила внезапная атака вражеских позиций, проведение операций на незащищенных флангах,

¹ В литературе существуют два подхода к классификации танков В-1 и В-1 bis, относящие их к классу средних или тяжелых машин.

² *Doughty R. A. The Seeds of Disaster. P. 148–149.*

³ *Weygand M. Mémoires. Vol. 2, Mirages et réalités, Paris, 1957. P. 407–408.*

разведка, кратно увеличивала свои боевые возможности. Кавалерист Вейган хорошо понимал потенциал переоснащения конницы с опорой на современную бронетехнику. При его поддержке командующий кавалерией генерал Ж. Флавины в 1933 г. сформировал первое экспериментальное механизированное соединение на базе 4-й кавалерийской дивизии, дислоцированной в Реймсе¹. В 1935 г. в составе действующей армии была создана первая регулярная легкая механизированная дивизия. Основным «кавалерийским танком» стал S-35 SOMUA, впоследствии хорошо зарекомендовавший себя на полях сражений 1940 г.

Проблема, однако, состояла в том, что схемы организации и боевого применения конницы также были слишком узки для танка как нового типа вооружения. В составе кавалерии танковые соединения также решали лишь ограниченные задачи и не могли служить эффективным средством выхода из позиционного тупика. Флавины допускал, что легкая механизированная дивизия может использоваться для нанесения фронтального удара и прорыва укрепленных линий, однако подобные операции, по его мнению, можно было проводить лишь в исключительных случаях. Идея использования танков с целью механизации старой кавалерии сохранялась вплоть до 1939 г.

Вторая проблема, с которой столкнулась реформа бронетанковых сил, заключалась в объективной слабости ее материальной базы. Французская промышленность не могла производить танки в необходимом объеме для того, чтобы одновременно и обеспечивать нужды армии, и экспериментировать с новыми машинами и способами организации бронетанковых сил. В 1933 г. было принято решение о первоочередном заказе 500 легких танков нового типа (позднее получившие условное наименование R-35 и H-35), способных эффективно справляться с функцией поддержки пехоты на поле боя. Предложение направить средства на покупку машин В-1 и D-2 было отклонено, так как они, по мнению командования армии, плохо справлялись с этой задачей, будучи слишком быстрыми.

Генерал Этьен подверг это решение критике, поскольку оно, фактически, на обозримую перспективу закрывало путь к созданию самостоятельных бронетанковых сил. Он предлагал поставить эксперимент и сформировать два соединения, первое из которых имело бы на вооружении 500 танков В-1 и D-2, а второе бы состояло из 1000 легких

¹ Paoli F.-A. L'Armée Française de 1919 à 1939. Vol. 4. Vincennes, 1977. P. 78–83.

машин. Первое, по его мнению, имело бы все преимущества над вторым, так как могло как самостоятельно атаковать, так и обороняться¹. Все это оставалось благим пожеланием, потому что французская промышленность могла выпускать лишь танки одного конкретного типа. Машины класса «В», кроме того, оказались сложны в изготовлении. В 1930 г. в армию удалось поставить всего три образца. Генерал М. Гамелен, начальник генерального штаба с 1931 г., с 1935 г. – заместитель председателя высшего военного совета, в целом не имевший принципиальных возражений против проекта формирования самостоятельных танковых дивизий, считал, что без нужного количества средних танков вести речь об этом бессмысленно².

Франция, таким образом, шла по пути распыления ресурсов, так как и пехота, и кавалерия хотели иметь в своем распоряжении особые типы танков. Этьен был не один в своем мнении, когда критиковал подобную практику. Генерал П. Эрин (*Héring*) в первой половине 1930-х гг. считал, что армии остро необходим универсальный инструмент прорыва в виде сбалансированного механизированного соединения, насчитывающего около 300 танков SOMUA, по его мнению, более пригодных к ведению танкового боя, и В-1, подходящих для развития успеха.

Похожую схему в своих работах предлагал генерал Э. Аллео. Он, кроме того, говорил о важной инновации, которая практически не фигурировала в трудах других французских теоретиков маневренной войны. Армейское командование первоначально не учитывало потенциал авиации в будущей войне, отводя ей задачи проведения разведки и осуществления вспомогательных операций. Командование военно-воздушных сил, со своей стороны, было увлечено теориями итальянского генерала Д. Дуэ, который считал, что будущую войну выиграют именно самолеты, которые путем нанесения стратегических ударов заставят противника капитулировать³. Аллео исходил из того, что оба этих взгляда ошибочны. По его мнению, взаимодействие авиации и сухопутных сил на поле боя необходимо. Самолеты могут быть полезны как до непосредственно столкновения наземных частей, выводя из строя коммуникации врага и его авиацию, так и в ходе боя, непосред-

¹ Ibid. P. 154–155.

² Ibid. P. 154–155.

³ *Wiewiorka O.* Op. cit., p. 345.

ственно поражая вражеские цели на земле и препятствуя подходу его резервов¹.

Таким образом, в середине 1930-х гг. проблема выхода из позиционного тупика имела во Франции богатую историю обсуждения. Более того, после прихода к руководству вооруженными силами генерала Вейгана ее начали решать на практике. Генерал Гамелен, руководивший французской армией в 1935–1940 гг., также считал, что для обеспечения обороноспособности стране «нужен был не только щит, но и меч»². Этим мечом должна была стать новая армия – моторизованная, располагающая боеспособными механизированными частями. «Нам не хватало не видения цели, а понимания того, какими способами ее достигать», – напишет спустя время в мемуарах Гамелен³. В середине 1930-х гг. имелись объективные препятствия для полноценного развития бронетанковых войск: глубоко укоренившаяся оборонительная доктрина, традиционная структура вооруженных сил, отсутствие консенсуса между военными и политиками по вопросу о путях обеспечения безопасности страны. Важнейшим фактором являлась слабость французской экономики. Нехватка производственных мощностей, хроническое недофинансирование создавали во французском военно-промышленном комплексе, своего рода, «бутылочное горло», когда бюджетные средства, направленные на перевооружение армии, нельзя было конвертировать в готовую продукцию⁴.

Вышедшая в свет в 1934 г. работа Ш. де Голля «Профессиональная армия»⁵ развивала идеи, уже высказанные в прошлом и активно обсуждаемые военными теоретиками. Предложения малоизвестного тогда подполковника поддержал депутат нижней палаты парламента П. Рейно. По мнению де Голля и Рейно, уменьшение сроков службы по призыву, чрезмерное внимание оборонительному аспекту военной доктрины и сокращение финансирования вооруженных сил привели к тому, что Франция оказалась не в состоянии обеспечить неприкосновенность своей территории в случае войны. В качестве решения про-

¹ *André M.* Op. cit., p. 226.

² *Gamelin M.* *Servir*. Vol. 2. Paris, 1946. P. 42.

³ *Ibid.* P. 10.

⁴ *Alexander M. S.* *The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1935–1940*. Cambridge, 1992. P. 56–79.

⁵ Работа была быстро переведена на русский язык: *Голль Ш. де.* *Профессиональная армия*. М., 1935.

блемы они предлагали переход к полностью профессиональной армии постоянной готовности, ее моторизацию и массовое оснащение бронетанковой техникой с созданием активных мобильных соединений¹.

Гамелен и высшие офицеры его штаба отнеслись к предложениям де Голля достаточно сдержанно. Мало кто из них сомневался в перспективах механизации армии. Эта мысль в середине 1930-х гг. давно не была новаторской, а сам де Голль – пионером в этой сфере. Если бы высказанные соображения касались чисто военного аспекта проблемы, то они, вероятно, внесли бы свой важный вклад в уже шедшую дискуссию и не натолкнулись бы на столь упорное неприятие со стороны высших офицеров. Трудность заключалась в том, что де Голль и Рейно резко политизировали сюжет. Они упрекали Генеральный штаб в замкнутости на проблеме численности действующей армии и игнорировании тех перспектив ее качественного усиления, которые открывались бы с внедрением технических инноваций². Подобные обвинения не имели под собой оснований и объяснимо вызвали лишь недовольство высшего армейского командования. Его усугубила тональность текстов подполковника. Он явно позиционировал себя первопроходцем в вопросе применения бронетанковых соединений, обходя вниманием труды своих предшественников.

Однако главной причиной неприятия идей де Голля была проведенная им связь между механизацией и профессионализацией армии. После войны об этом прямо говорил Гамелен: «Именно увязка проблем больших бронетанковых соединений и профессиональной армии навредила проекту создания танковых дивизий при его обсуждении в парламенте и в военных кругах»³. Руководители армии считали, что де Голль поднимал важную тему, но уводил ее обсуждение в ложное русло. Говорить о профессиональной армии в то время, когда Германия взяла курс на формирование массовых вооруженных сил, означало впадать в опасную иллюзию. Полная профессионализация бронетанковых соединений в любом случае не имела смысла. Профессиональные навыки требуются лишь от тех, кто непосредственно работает со сложной современной техникой. Весь обслуживающий персонал мож-

¹ Арзаканян М. Ц. Де Голль. М., 2007. С. 40–42, 45–46.

² Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 16.III. 1935.

³ Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945, t. 2. Paris, 1951. P. 385.

но подготовить из числа призывников. Де Голль не говорил и о том, где взять деньги на подобную масштабную перестройку вооруженных сил¹. Не менее серьезными были и политические последствия его предложений. Призыв к созданию профессиональных вооруженных сил тут же вызвал аллюзии к политическим амбициям армии, которая, таким образом, из «вооруженной нации» превращалась в закрытую корпорацию. Ни Гамелен, ни кто бы то ни было из его сотрудников, не искали конфликта с политической властью, к которому потенциально могли привести мысли, высказанные де Голлем.

Командование вооруженных сил тесно сотрудничало с правительством, чтобы получить необходимые ресурсы для запуска проекта механизации армии. Лишь запуск большой программы перевооружения в 1936 г. позволил Гамелену реально начать эту работу. К 1940 г. он предполагал сформировать пять танковых дивизий, из которых две имели бы на вооружении танки класса «В», три состояли бы из машин R-35, H-35 и SOMUA, а также моторизовать 10 из 20 дивизий действующей армии². Принципиальное решение об их формировании было принято в 1936 г., повторно зафиксировано в 1938 г., однако к 1939 г. практические работы так и не стартовали.

К маю 1940 г. во французской армии числилось более 3400 танков, в их числе 387 танков класса «В»³ – на тысячу больше, чем имелось в наступавших немецких дивизиях. Качественно эти бронетанковые также не уступали Вермахту. 60-миллиметровая броня танка В-1 была вдвое толще, чем защита лучшего немецкого танка Panzer IV, а 20-миллиметровая пушка самой массовой немецкой машины Panzer II не могла сравниться с 47-миллиметровыми орудиями D-2 и SOMUA⁴. Однако танки Вермахта были собраны в 5 самостоятельных дивизий, уже доказавших свою эффективность в ходе Польской кампании в сентябре 1939 г. Во французской армии имелось 3 легкие механизированные дивизии, организованные на базе бывших кавалерийских соединений, 5 собственно кавалерийских дивизий, имевших на вооружении более 100 танков, 25 батальонов танков сопровождения пехоты и 2 отдельных бригады танков класса «В»⁵.

¹ Bond B., Alexander M. Op. cit., p. 613–618.

² Alexander M. S. Op. cit., p. 110.

³ Проэктор Д. М. Блицкриг в Европе: Война на Западе. М., 2004. С. 14–15.

⁴ Wieviorka O. Op. cit., p. 370.

⁵ Dougty R. A. The Seeds of Disaster. P. 183.

Этот организационный разноречивый отражал неясное видение того, как именно следует использовать танки в современной войне. Лишь опыт Польской кампании Вермахта убедил французских генералов в необходимости срочного формирования самостоятельных танковых соединений. В декабре 1939 г. генерал Г. Бийот по поручению Гамелена подготовил аналитическую записку, вывод которой звучал тревожно для французского командования: «В техническом и количественном плане наше превосходство над пятью немецкими бронетанковыми дивизиями несомненно. В плане тактики это не так»¹. По итогам доклада Бийота Гамелен принял решение о переформировании двух бригад В-1 и В-1 bis в танковые дивизии, что было сделано в январе 1940 г., и о создании в апреле еще одной дивизии. В трех вновь созданных соединениях числилось лишь 25% всех французских танков. Эти неподготовленные, плохо слаженные дивизии не могли на равных конкурировать с Вермахтом.

Прорыв немецких танков через Маас 12 мая 1940 г. решил участь битвы за Францию. Шокированный кабинет министров отправил Гамелена в отставку с поста главнокомандующего и вернул на него Вейгана. В разговоре с премьер-министром Рейно 25 мая принявший управление войсками генерал заявил: «Мы начали войну с армией образца 1918 года против германской армии образца 1939 года. Это полное безумие»². Эти слова верны лишь отчасти. Во французской военной мысли 1920–1930-х гг. не было недостатка в свежих идеях и смелых концепциях. Не хватило воли для их воплощения на практике. Тот тупик, в котором к середине 1930-х гг. во Франции оказалось строительство бронетанковых войск, стал следствием целого ряда системных проблем. Они, во многом, отражали более глубокие недуги военно-политической машины поздней Третьей республики, которые и обусловили ее бесславный финал на полях сражений Второй мировой войны.

¹ *Alexander M. S.* Op. cit., p. 344.

² Цит. по: *Frieser K.-H.* The Blitzkrieg Legend. The 1940 Campaign in the West. Annapolis, 2005. P. 195.

ЖИДКОВА А. В.*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТА (НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ) С ФРАНЦУЗСКИМИ УЛЬТРАПРАВЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО?

Одновременно с расширением политической деятельности Национального фронта (с 1 июня 2018 г. переименованного в Национальное объединение) в начале XXI века на французской и, в целом, на европейской политической сцене наблюдалась активизация различных ультраправых течений, во многом вызванная нарастанием протестных настроений в обществе. Усиление популярности крайне правых объяснялось тем кругом вопросов, которые составляли традиционную основу их идеологии: проблемы иммиграции, безопасности и национальной идентичности приобретали все большую значимость и актуальность для избирателей, однако, в то же время, они не были широко представлены в идейно-политических платформах ведущих партий. Во Франции на современном этапе существует широкий спектр ультраправых движений, насчитывающих большое число организаций, часть из которых носит маргинальный характер. Так как институциональным «центром» французских крайне правых выступает Национальный фронт, который с момента своего основания имел связи с большинством ультраправых движений, он, несомненно, оказывает воздействие на эволюцию всего крайне правого фланга партийно-политической сцены V Республики, что особенно ярко проявилось в связи с обновлением партии.

«Дедемонизация» партии сопровождалась стремлением руководства НФ дистанцироваться от ультрарадикальных, экстремистских движений, сотрудничество с которыми бросало тень на формировавшийся

* Жидкова Александра Васильевна – кандидат исторических наук, методист отдела образовательных проектов и мероприятий Государственного Исторического музея.

обновленный имидж партии. В свою очередь, некоторые крайне правые организации рассматривали стратегию М. Ле Пен не иначе, как предательство. Подобной точки зрения придерживались, в частности, такие крайне правые организации, разделявшие расистские и антисемитские идеалы, как «Блок за идентичность» и «Французское дело»¹. Организация «Французское дело», основанная в 1968 г. французским ультраправым политиком П. Сидо, всегда оставалась структурно независимой от партии Ле Пен, но имела неформальные связи со многими членами Национального фронта, в частности с Б. Гольнишем. Кроме того, некоторые участники «Французского дела» входили также в НФ, ибо устав Национального фронта предусматривал возможность наличия двойного членства. С 2010 г. П. Сидо начал демонстрировать свое несогласие с политикой и идейно-политическими воззрениями НФ, которые постепенно подвергались трансформации в рамках стратегии обновления партии. В интервью еженедельнику «Риварол» в 2010 г. он выступил за «органический национализм», «классический», «сельский», национализм «почвы» и «земли»². По его словам, задача политического объединения, находящегося в оппозиции, должна состоять в том, чтобы «завоевать государство», а не довольствоваться локальными успехами на выборах. В связи с этим, Сидо настаивал на «ограниченности» такого политического инструмента, как выборы, полагая, что они могут быть полезны в деле распространения идей, но при этом являются не более, чем «запасным путем» к успеху³. Подобная позиция явным образом контрастировала со стратегией М. Ле Пен, направленной в первую очередь на электоральное продвижение Национального фронта, поэтому неудивительно, что П. Сидо критиковал политику «маринистов». Другое очевидное противоречие между Сидо и Ле Пен заключалось в отношении к религии: в то время как «маринисты» выступали за светскость, П. Сидо выступал за абсолютное признание христианских основ Франции. По его утверждению, «из уважения к нашей национальной истории мы должны объявить

¹ См. подр.: *Balent M. The French National Front from Jean-Marie to Marine Le Pen: Between Change and Continuity // Exposing the Demagogues. Right-wing and National Populist Parties in Europe. Berlin, 2013. P. 174.*

² *P. Sidos. Propos recueillis par Jérôme Bourbon. Rivarol, 30.07 et 2.09.2010. URL: <http://linformationnationaliste.hautefort.com/archive/2013/02/07/pierre-sidos-il-faut-durgence-une-revolution-intellectuelle.html> (дата обращения: 16.01.2018).*

³ *Ibidem.*

вне закона атеизм, иудаизм, ислам, буддизм, потому что они не являются элементами французской нации»¹.

Если противоречия с П. Сидо все же оставались в рамках дискуссий, то отношения руководства НФ с другим политиком, близким к организации «Французское дело» и впоследствии возглавившим её – И. Бенедетти, имел форму конфликта. Вступивший в НФ в 2005 г. Бенедетти был одним из ключевых сторонников Б. Гольниша в ходе внутривнутрипартийного противостояния. Тем не менее, после победы М. Ле Пен он стал членом Центрального комитета партии, но уже спустя 7 месяцев последовало его исключение из НФ. Причиной этому послужило опубликованное летом 2011 г. в интернете высказывание Бенедетти, в котором тот позиционировал себя как «антисемит» и «антисионист»². Несмотря на заявления Б. Гольниша о том, что он «хотел бы, чтобы М. Ле Пен проявила в этом вопросе больше снисходительности»³, в преддверие выборов лидер Национального фронта не могла позволить вновь «демонизировать» партию и подвергать риску стратегию обновления, поэтому Бенедетти был исключен из НФ. Схожая с Бенедетти история произошла и с еще одним участником «Французского дела» и членом НФ А. Габриаком. На этот раз конфликт, развернувшийся в марте 2011 г., был связан с публикацией французским журналом «Нувель Обсерватер» фотографии кандидата от НФ на кантональных выборах А. Габриака, использующего гитлеровское приветствие на фоне нацистского флага⁴. Марин Ле Пен исключила Габриака из НФ, что вызвало несогласие со стороны бывшего лидера партии: Ж.-М. Ле Пен заявил, что «решение М. Ле Пен было слишком поспешным», отметив, что, по его убеждению, серьезной причины для исключения не существовало⁵. Таким образом, произошедшие исключения из партии

¹ Ibidem.

² La Libération. 10.07.2011. URL: http://www.liberation.fr/france/2011/07/10/un-tres-proche-de-gollnisch-exclu-du-fn-pour-deux-ans_748369 (дата обращения: 16.01.2018).

³ France Soir. 01.03.2012. URL: <http://archive.francesoir.fr/actualite/politique/pulvarmontebourg-marine-le-pen-designe-un-exclu-du-fn-yvan-benedetti-190568.html> (дата обращения: 16.01.2018).

⁴ Le Nouvel Observateur. 29.03.2011. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/20110325.OBS0254/un-candidat-fn-aux-cantonaux-photographie-faisant-le-salut-nazi.html> (дата обращения: 16.01.2018).

⁵ Le Monde. 08.04.2015. URL: http://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/04/08/la-longue-histoire-des-conflits-entre-les-le-pen_4611645_4355770.html (дата обращения: 16.01.2018).

решали для М. Ле Пен две разноплановые задачи. С одной стороны, они позволяли наглядно продемонстрировать «дедемонизацию» НФ, а с другой – Ле Пен получила возможность избавиться от сторонников Гольниша, таким образом для НФ периферийные ультраправые организации являлись, в том числе, инструментом внутривнутрипартийной конкуренции. Итогом неприятия «Французским делом» Ле Пен стало то, что на выборах 2012 г. организация поддержала конкурировавшую с НФ «Партию Франции» К. Ланга. Сама «Партия Франции» по сути также стала порождением внутренних конфликтов в НФ, связанных с «дедемонизацией». Ее основателем стал К. Ланг, вышедший из состава руководства НФ из-за противостояния с Марин Ле Пен.

В 2013 г. во Франции произошло убийство 19-летнего антифашиста Клементя Мерики, по подозрению в котором были задержаны 8 человек, близких к молодежной ультраправой организации националистических революционеров и неонацистской группировке «Третий путь». Вслед за этим событием последовала процедура роспуска и запрета группировок: в числе прочих, в июле 2013 г. французский министр внутренних дел Мануэль Вальс объявил о роспуске «Французского дела», которое, по его словам, является «ассоциацией, пропагандирующей идеологию ксенофобии и антисемитизма»¹. Впрочем, роспуск «Французского дела» не помешал в 2014 г. И. Бенедетти и А. Габриаку на муниципальных выборах, выдвинуть свой избирательный лист в Венисьё, получив в итоге 11,49% голосов в I туре², что свидетельствовало о существовании среди части избирателей определенного запроса на крайне правые идеи.

Кроме того, против М. Ле Пен выступил и близкий к «Французскому делу» крайне правый журнал «Риварол», на страницах которого неоднократно публиковались враждебные высказывания в адрес лидера НФ. Так, редактор «Риварола» Ж. Бурбон называл М. Ле Пен «демоном», «абсолютным врагом со всех точек зрения: в моральном, политическом и интеллектуальном планах», а «маринистов» именовал

¹ La Croix. 24.07.2013. URL: <https://www.la-croix.com/Actualite/France/Nouvelles-dissolutions-de-structures-d-extreme-droite-2013-07-24-990394> (дата обращения: 19.09.2019).

² Résultats des élections municipales 2014. Vénissieux. URL: http://www.lexpress.fr/resultats-elections/municipales-2014-venissieux-69200_408815.html (дата обращения: 16.01.2018).

«бандой дегенератов»¹. Именно «Риваролу» было суждено сыграть одну из ключевых ролей в конфликте между Жан-Мари Ле Пеном и его дочерью. Началом конфликта, приведшему в итоге к исключению Ле Пена из основанной им партии, стала череда его скандальных выступлений в апреле 2015 г. Сначала Ле Пен повторил свое печально знаменитое высказывание о «газовых камерах, являвшихся лишь эпизодом Второй мировой войны», затем в интервью именно газете «Риварол» отметил, что не считает «маршала Петена предателем», выступил с резкой критикой политики Марин Ле Пен и Ф. Филиппо, и, наконец, назвал премьер-министра Франции М. Вальса иммигрантом. Впоследствии «Риварол» неоднократно также публично поддерживал Жан-Мари Ле Пена в противовес Марин, в том числе организуя банкеты в честь основателя НФ.

Еще одной политической организацией, идеология которой шла вразрез с идейно-политическими воззрениями «маринистского» НФ стал «Блок за идентичность», созданный в 2003 г. бывшими участниками крайне правой организации «Радикальное единство»², куда сразу же вошли некоторые бывшие сторонники НФ. Вплоть до настоящего момента «Блок за идентичность» многократно предлагал Ле Пен объединить свои усилия, однако М. Ле Пен еще в 2012 г. отвергла любую возможность альянса, так как стратегия НФ принципиально отличается от того, что предлагает «Блок»³. Например, будучи региональной организацией, в наибольшей степени представленной в юго-западных регионах Франции, «Блок» выступает против сохранения централизованного государства, за расширение автономии регионов (например, он поддерживает использование региональных языков), в то время как НФ полностью поддерживает идею сильного, единого, национального государства⁴. Кроме того, НФ всегда боролся за приход к власти легальным путем и за восприятие партии как серьезной политической

¹ Le Monde. 17.10.2010. URL: <http://droites-extremes.blog.lemonde.fr/2010/11/17/riffifi-a-rivarol-marine-le-pen-est-un-demon-declare-son-directeur/> (дата обращения: 16.01.2018).

² Организация «Радикальное Единство» существовала во Франции в период с 1998 по 2002 год и являлась одним из движений, выступившим в поддержку Б. Мегрэ во время раскола НФ.

³ Le Figaro. 5.11.2012. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2012/11/05/01002-20121105ARTFIG00462-fn-et-bloc-identitaire-quelles-differences.php> (дата обращения: 16.01.2018).

⁴ Ibidem.

силы. «Блок» же считает необходимым проведение ряда действий непарламентскими способами, зачастую связанными с применением насилия (например, захват мечети)¹. Таким образом, ключевые моменты идеологии «Блока за идентичность» не совпадали или противоречили стратегии Марин Ле Пен, что превращало ультраправую организацию в одного из конкурентов НФ в 2000-х годах. Однако недавние события показали, что попытки НФ отмежеваться от «Блока за идентичность» все же имеют ряд исключений: перед европейскими выборами 2019 г. одним из руководителей кампании Марин Ле Пен был назначен бывший член «Блока» Ф. Вардон.

«Блок за идентичность» имеет также регулярные контакты с другой организацией, образованной в 2007 г. вокруг интернет-журнала «Светская борьба». Несмотря на то, что журнал позиционирует себя как «левый», а многие участники этого проекта являются выходцами из левой среды, в соответствии с политической окраской его принято относить к ультраправым. При этом в данном случае речь идет скорее об определенном заимствовании традиционных левых сюжетов, которое в некоторой степени представляет собой попытку выйти за пределы разделения на правых и левых и найти таким образом собственную нишу на политическом пространстве. В 2010 г. сторонники «Светской борьбы» организовывали совместные акции с «Блоком за идентичность»², при этом один из руководителей Блока и главный редактор крайне правого журнала «Минута» Б. Ларебьер подчеркивал, что сотрудничество между организациями продолжится³. В то же время П. Кассен, основатель «Светской борьбы» высказывался и в поддержку М. Ле Пен, отмечая, что «во всем политическом пейзаже есть лишь один человек, который обращает внимание на дискурс светскости, это Марин Ле Пен»⁴. Именно обращение Ле Пен к ценностям светскости, неоднократно звучавшее в обновленной риторике партии, стало основой для поддержки лидера НФ со стороны «Светской борьбы»⁵.

¹ Ibidem.

² Blog droite extrême. Le Monde. 09.06.2010. URL: <http://droites-extremes.blog.lemonde.fr/2010/06/09/apero-geant-goutte-dor-les-identitaires-et-riposte-laique-font-manip-commune/> (дата обращения: 16.01.2018).

³ Blog droite extrême. Le Monde. 05.09.2010. URL: <http://droites-extremes.blog.lemonde.fr/2010/09/05/ce-quest-vraiment-riposte-laique/> (дата обращения: 16.01.2018).

⁴ Ibidem.

⁵ La Croix. 22.09.2012. URL: http://www.la-croix.com/Actualite/France/Marine-Le-Pen-contre-le-port-du-voile-islamique-dans-la-rue-_NG_-2012-09-22-856360 (дата обращения: 16.01.2018).

Накануне выборов 2012 г. в интернет-журнале появлялись статьи, положительно оценивавшие М. Ле Пен: так, например, говорилось, что с социальной, национальной, светской риторикой Марин словно находится повсюду, «она говорит с французами, она затрагивает их чувства и набирает голоса со всех сторон». Кроме того, отмечалось, что НФ действительно представляет угрозу правящим партиям, а люди, которые собираются голосовать за Ле Пен, не являются ни раздраженными, ни неграмотными, ни изгоями, коими их пытается представить пресса, подчиненная ЮМПС¹». Несмотря на некоторое одобрение со стороны «Светской борьбы» Марин Ле Пен, журнал выступал и с критикой Национального фронта, что делало невозможным союз между ними. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время: между НФ и «Светской борьбой» не существует полноценного сотрудничества, но, вместе с тем, на страницах журнала подчеркивалось, что голосование за Ле Пен и НФ на выборах 2017 г. может явиться «последним шансом республики». Поддержка Ле Пен называется «последним шансом» для Франции, которая находится на грани катастрофы, не имеющей аналогов в прошлом, и которую, возможно, сможет защитить НФ и Марин Ле Пен³.

Другой политической организацией, возникшей в 2007 г. в орбите НФ, стала ассоциация «Равенство и примирение», одним из основателей которой выступил общественный и политический деятель, представитель французской интеллигенции Ален Сораль. Присоединение Сорала к НФ произошло в 2006 г., а в 2007 г. он вошел в Центральный комитет партии. Кроме того, А. Сораль принимал активное участие в разработке предвыборной кампании НФ 2007 г., в частности, он являлся автором речи Ле Пена в Вальми. Собственно, само привлечение Сорала, известного своей критикой капитализма и левыми социально-экономическими взглядами, вписывалось в стратегию «мариниз-

¹ В риторике современного Национального фронта широкое распространение приобрел характеризующий политическую систему Франции термин «ЮМПС», обозначающий одинаково антinationальную и схожую между собой, по мнению НФ, политику двух крупнейших французских партий: Союза за народное движение и социалистов.

² Riposte laïque. 13.02.2012. URL: <https://ripostelaique.com/si-marine-le-pen-peut-se-presenter-elle-va-faire-un-malheur-ils-ont-raison-davoir-peur.html> (дата обращения: 16.01.2018).

³ Faye G. Faut-il voter FN et Marine Le Pen? // Riposte laïque. 02.11.2016. URL: <http://ripostelaique.com/faut-il-voter-fn-et-marine-le-pen.html> (дата обращения: 16.01.2018).

ма», согласно которой НФ позиционируется как партии ни левого, ни правого толка («маринисты», главным образом, стремятся представить НФ как национальную партию в противовес партиям мейнстрима, которые, по утверждениям Ле Пен, воплощают собой глобалистский проект). По словам французского политолога Н. Лебурга, создание ассоциации «Равенство и примирение», в свою очередь, подчинялось цели привлечения в НФ новых сторонников, выходцев из различных социальных и политических слоев, что должно было содействовать реализации стратегии нормализации партии¹ и в перспективе её полному включению в республиканскую «семью» V Республики. Подтверждением этому служил и лозунг новообразованной ассоциации «Левые в отношении работы, правые по ценностным идеалам»²: смысловая противоречивость избранного девиза сочеталась с абсолютной продуманностью его стратегического «посыла», а именно привлечения новых сторонников, имеющих различную политическую принадлежность.

Однако уже в 2009 г. из-за противоречий с М. Ле Пен и отказа НФ позволить ему возглавить избирательный лист партии на выборах в Европарламент А. Сораль покинул Национальный фронт³. Впоследствии Сораль высказывал критику в адрес М. Ле Пен, но вместе с тем подчеркивал, что на выборах 2012 г. лидер НФ являлась кандидатом в наибольшей степени настроенным против глобализации, и с этой точки зрения не голосовать за нее означало быть «безответственным, незрелым и фаталистом»⁴. Уход А. Сорала из Национального фронта не означал полный разрыв взаимоотношений между партией и ассоциацией, которая по-прежнему служила одним из источников формирования новых партийных кадров. Так, среди участников «Равенства и примирения» оказался Ф. Шатийон, близкий соратник Ле Пен и глава общества «Риваль», активы которого использовались для финанси-

¹ Les faux-semblants du Front National. Sous la dir.: Crépon S., Dézé Al., Mayer N. P., 2015. P. 133.

² Le Nouvel Observateur. 09.05.2012. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/rue89/rue89-politique/20120509.RUE9908/egalite-reconciliation-enquete-sur-un-vivier-du-fn.html> (дата обращения: 16.01.2018).

³ Le Nouvel Observateur. 02.02.2009. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/politique/20090202.OBS2771/alain-soral-quitte-le-front-national.html> (дата обращения: 16.01.2018).

⁴ Interview de A. Soral. 14.04.2012. URL: <http://www.egaliteetreconciliation.fr/Alain-Soral-Marine-Le-Pen-est-la-candidate-la-plus-antimondialiste-11370.html> (дата обращения: 16.01.2018).

вания кампании лидера НФ в 2012 г. К команде Ле Пен присоединился и еще один основатель ассоциации Ф. Пенник. Этот политик, состоявший в студенческой организации крайне правых в 1970-е гг., а позднее позиционировавший себя в качестве «левого», в окружении М. Ле Пен играет важную роль, несмотря на то, что он предстает как достаточно незаметная фигура. Вместе с тем, по его признанию, он осуществляет продвижение НФ в среде французов, непосредственно общаясь с ними без присутствия СМИ¹. В частности, Пенник «ввел» М. Ле Пен на территории неблагополучных пригородов². Кроме того, после выборов 2007 г. Пенник имел дело с финансовыми вопросами партии, в том числе с проблемой значительных долгов НФ. Наконец, членство в ассоциации «Равенство и примирение» значится в политическом портфолио 28-летнего Д. Рашлина, которому удалось сделать в НФ быструю карьеру. Рашлин смог стать муниципальным советником в возрасте 20 лет, был избран в совет региона Прованс-Альпы-Лазурный берег в 2010 г., возглавлял молодежную организацию НФ, входил в команду Ле Пен перед выборами 2012 г., а в 2017 г. получил пост руководителя предвыборной кампании лидера НФ³. Однако, в его случае участие в организации Соралия являлось не шагом на пути в партии, куда он вступил намного раньше, а скорее этапом в карьере: не случайно, что он вышел из ассоциации в 2009 г., то есть тогда, когда, по его словам, «Равенство и примирение» «покинуло НФ»⁴.

На французском крайне правом политическом фланге существуют также движения, которые можно классифицировать как изначально исходящие при своем формировании из логики противостояния НФ, то есть организации «анти-НФ». Подобное явление имело место как в годы президентства Ж.-М. Ле Пена, так и на современном этапе. В эпоху Ле Пена такой политической организацией стало созданное в 1994 г. выходцем из НФ П. Виалем движение «Земля и народ», насчитывавшее около 700 членов. Его идейно-политические основы включали в себя

¹ Le Nouvel Observateur. 09.05.2012. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/rue89/rue89-politique/20120509.RUE9908/egalite-reconciliation-enquete-sur-un-vivier-du-fin.html> (дата обращения: 16.01.2018).

² Ibidem.

³ Le Huffington Post. 17.09.2017. URL: http://www.huffingtonpost.fr/2016/09/17/david-rachline-directeur-de-campagne-marine-le-pen-election-presidentielle-2017_n_12058726.html (дата обращения: 16.01.2018).

⁴ Ibidem.

выдвижение на первый план тематики идентичности, неонацизм, национализм, схожий с политической идеологией фёлькише¹. Кроме того, характерной чертой движения выступала приверженность неоязычеству. Неоязычество идентичности, с точки зрения Виалья, подразумевает наличие основополагающей связи между территорией, народом, населяющим её, и религией. Вместе с тем, как отмечает французский политолог С. Франсуа, «неозычники идентичности прежде всего являются сторонниками определенных политических идей, националистами или регионалистами, нежели собственно адептами язычества»². Как заявлялось в первом номере журнала организации, единственное средство решения существующих в обществе проблем – это «здоровое признание реальности» и понимание «необходимого соответствия, органического союза между землей и народом»³. При этом ключевым лозунгом движения «Земля и народ» называлась борьба в сфере культуры и идентичности.

Будучи сформированной как противостоявшая НФ организация, «Земля и народ» традиционно противопоставляла себя партии Ле Пена, а в ходе конфликта между Ж.-М. Ле Пенем и Б. Мегрэ встала на сторону последнего. В свою очередь, НФ также стремился максимально дистанцироваться от этой маргинальной крайне правой ассоциации, прибегавшей, в том числе, к откровенно экстремистскому, расистскому и националистическому дискурсу. Взаимная оппозиция сохранилась и после прихода на пост лидера НФ Марин Ле Пен. Так, показательным представляются размышления П. Виалья о выборах 2017 г. По его словам, он не питает никаких иллюзий касательно М. Ле Пен и считает, что однажды электорат лидера НФ будет полностью разочарован той «пропастью между надеждами, возлагаемыми на Ле Пен, и тем, что та действительно хочет сделать»⁴. Как полагает П. Виаль, тогда «появит-

¹ Фёлькише – политическая идеология, националистическое и расистское движение, распространенное в Германии конца XIX-начала XX века.

² Les deux visages du néopaganisme français. Enquête sur Le Monde des religions. 26.03.2014. URL: http://www.lemondedesreligions.fr/savoir/les-deux-visages-du-neopaganisme-francais-26-03-2014-3797_110.php (дата обращения: 16.01.2018).

³ Terre et Peuple Magazine. № 1. Automne 1999. URL: <http://www.terreetpeuple.com/terre-et-peuple-magazine-communaute-6/49-terre-et-peuple-magazine-n-1-automne-1999.html> (дата обращения: 16.01.2018).

⁴ Vial P. Réflexions sur l'élection présidentielle. 16.01.2017. URL: <http://synthesenationale.hautetfort.com/les-nouvelles-du-front-de-pierre-vial/> (дата обращения: 16.01.2018).

ся много людей, готовых принять идею того, что лишь радикальное решение, полностью порывающее с системой, сможет преодолеть пропасть между страной и людьми» и осуществится «революция идентичности»¹.

Помимо небольших и в значительной степени маргинальных организаций, во французском крайне правом спектре существуют также укоренные во французской политической системе партии. Так, одним из конкурентов НФ в начале XXI в. стала партия «Движение за Францию», образованная еще в 1994 г. Филиппом де Вилье, но вплоть до 1999 г. остававшаяся исключительно региональной силой и имевшая поддержку лишь в землях Луары и центральном регионе. В начале 2000-х гг. влияние партии, выступавшей с критикой Евросоюза, возросло, что было вызвано усилением во французском обществе настроений евроскептицизма вследствие планируемого расширения ЕС на Восток и углубления процесса евроинтеграции. Подобная тенденция проявилась на выборах в Европарламент в 2004 г., в ходе которых «Движению за Францию» удалось получить 3 места². За период с конца 2004 по декабрь 2005 г. количество членов партии возросло с 7000 до 16250 человек, и, что более важно, в ряды «Движения за Францию» вступили многие бывшие члены НФ во главе с опальным мэром Оранжа Ж. Бомпаром. В ходе избирательной кампании 2007 г. «Движение за Францию» активно выступало против исламизации Франции с целью «защиты ее национального единства»³, то есть с требованиями, во многом совпадавшими с традиционными лозунгами НФ. Главной политической линией партии, по словам Ф. де Вилье, являлся «народный патриотизм, выраженный в борьбе за восстановление французской идентичности путем введения нулевой квоты для мигрантов и остановки дальнейшего распространения ислама в стране»⁴ – слова, также ассоциировавшиеся с программными установками НФ. Схожесть идейно-политических воззрений партий оставляла возможность для потенциального союза между ними (вплоть до роспуска «Движения за Францию» в 2018 г.), тем более, что о подобном альян-

¹ Ibidem.

² Résultats des élections européennes 2004 en France. URL: <http://www.france-politique.fr/elections-europeennes-2004.htm> (дата обращения: 16.01.2018).

³ *Le Monde*. 06.02.2006. URL: http://www.lemonde.fr/societe/article/2006/02/06/philippe-de-villiers-s-en-prend-a-l-islamisation-rampante_738299_3224.html (дата обращения: 16.01.2018).

⁴ Ibidem.

се говорила и Марин Ле Пен. В 2014 г. она озвучила идею избирательного «альянса патриотов», который объединил бы НФ с партией Н. Дюпон-Эньяна «Вставай, Франция», «Республиканским и гражданским движением» Ж.-П. Шевенмана и «Движением за Францию» Ф. де Вилье¹. Однако, несмотря на заявления вице-президента НФ Ф. Филиппо о том, что потенциальные союзники разделяют большую часть идей Национального фронта², противоречия не позволили сформировать подобный альянс (в частности, на выборах 2017 г. Ф. де Вилье отказался поддержать кандидатуру Марин Ле Пен).

Если в случае с «Движением за Францию» Ф. де Вилье Ле Пен даже выступала инициатором дискуссии вокруг возможного избирательного альянса, то иным непримиримым конкурентом НФ накануне выборов 2012 г. стало образованное в 2011 г. «Объединение национальных правых». Этот политический союз включил в себя основных противников «маринистского» НФ: «Партию Франции» К. Ланга, «Национальное республиканское движение» Б. Мегрэ и партию «Новые народные правые», основанную в 2008 г. Р. Спиелером³. При этом в партию «Новые народные правые» входил П. Виаль, что обусловило поддержку альянса организацией «Земля и народ»⁴. Как отмечал К. Ланг, «Объединение национальных правых» стремилось проводить «кампанию национальных правых» в противовес кампании М. Ле Пен, основанной на «этатистской и светской демагогии». По его словам, оно нацелено на то, чтобы занять электоральное пространство того НФ, которое «воплощал в себе Ж.-М. Ле Пен и которое не олицетворяет его дочь»⁵. Наиболее ярко позиция К. Ланга относительно «маринизма»

¹ *Le Pen M. C/Politique, France 5*. 23.12.2014. URL: http://www.francetvinfo.fr/politique/front-national/marine-le-pen- imagine-une-alliance-patriote-a-jean-pierre-chevenement-et-nicolas-dupont-aignan_752747.html (дата обращения: 16.01.2018).

² *Le Figaro*. 17.10.2014. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2014/10/17/01002-20141017ARTFIG00291-au-front-national-l-idee-des-alliances-fait-son-chemin.php> (дата обращения: 16.01.2018).

³ *Ibid.* 05.09.2011. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2011/09/05/97001-20110905FILWWW00522-2012-une-alliance-a-l-extreme-droite.php> (дата обращения: 16.01.2018).

⁴ *Ibid.* 08.11.2011. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2011/11/08/97001-20111108FILWWW00495-2012-carl-lang-ex-fn-est-confiant.php> (дата обращения: 16.01.2018).

⁵ *Ibid.* 05.09.2011. URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2011/09/05/97001-20110905FILWWW00522-2012-une-alliance-a-l-extreme-droite.php> (дата обращения: 16.01.2018).

отражена в его обращении к сторонникам НФ, последовавшим после переименования НФ в Национальное объединение и призывавшим к переходу членов НФ в «Партию Франции». По словам Ланга, Марин совершила «политическое убийство НФ», «уничтожила политическое наследие отца», руководствуясь лишь навязчивой целью «дедemonизации»¹.

Таким образом, стратегия «дедemonизации» привела к отдалению НФ от радикальных организаций, что, с одной стороны, способствовало улучшению имиджа партии, но с другой – ликвидировало базовый элемент, лежавший в основе создания Национального фронта, а именно его роль как движения, способного объединить и консолидировать различные ультраправые течения. Отход от традиций, политической культуры и в целом доктрины ультраправых привел к смене своеобразного «центра притяжения» «маринистского» НФ. Для нынешнего облика сторонников Национального объединения одним из ключевых факторов стала приверженность лично Марин Ле Пен, а также новым, модернизированным лозунгам партии.

¹ Appel de Carl Lang aux militants du Front National historique. URL: https://www.parti-de-la-france.fr/Appel-de-Carl-Lang-aux-militants-du-Front-National-historique_a4163.html (дата обращения: 19.09.2019).

ЗВЕРЕВА Т. В.*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР СПЛОЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ В УСЛОВИЯХ «ПОЛИКРИЗИСА» ЕС

Основы европейской интеграции были заложены более 60 лет назад, и с тех пор ее развитие носило поступательный, но, вместе с тем, сложный и противоречивый характер. В современных условиях региональная политика, на которую выделяется более одной трети бюджета ЕС, становится одним из основных факторов сплочения Европейского Союза. Какое место занимает региональная политика в процессе трансформации европейского интеграционного процесса? Как развивалась региональная политика ЕС, и какова ее современная специфика?

«ПОЛИКРИЗИС» ЕС И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Завершение эпохи биполярного противостояния и начало нового тысячелетия отмечено успехами в развитии европейского строительства. Было объявлено о создании «пространства мира, благополучия и процветания». Происходила медленная, «ползучая» передача на уровень Союза все новых властных полномочий от государств-членов ЕС. Казалось бы, развитие евроинтеграции в это время носило поступательный и в целом предсказуемый характер. Вместе с тем, уже в начале нового тысячелетия появляются первые признаки кризисных явлений в ЕС: за отказом избирателей поддержать идею Европейской Конституции в 2005 г. последовали долговой и миграционный кризисы, а также Брекзит. Все это свидетельствовало о препятствиях на пути успешного развития сотрудничества и продвижения Союза к наднациональному

* Зверева Татьяна Вадимовна – заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности ИАМП Дипломатической академии МИД России, профессор Департамента международных отношений Факультета мировой экономики и мировой политики, доктор политических наук.

объединению. Государства-члены предпочитали сохранять за собой полномочия в некоторых важных сферах государственного управления. Ряд нововведений свидетельствовал не только о замедлении, но и об определенном откате назад так называемого процесса федерализации в ЕС. В 2004 г. вступление в ЕС сразу десяти новых стран бывшего «советского блока» привело к изменению всего интеграционного процесса. Стало ясно, что как углубление интеграции, так и дальнейшее расширение рядов ЕС (за исключением принятия в Союз Балканских стран) может поставить под вопрос само существование Союза. В целом так называемое «пятое расширение» предопределило, по крайней мере, на обозримое будущее лимиты дальнейшего развития ЕС в качестве наднационального объединения.

Относительно дальнейшего развития ЕС существуют самые разные прогнозы. Одни специалисты полагают, что Союз уже в ближайшие годы развалится и ярким примером этой тенденции является Брекзит. Другие считают, что развитие пойдет по пути завершения создания общего рынка, постепенного разрастания еврозоны, углубления взаимодействия внутри нее, формирования новых органов управления в еврозоне (правительство, министр финансов), хотя ЕС в обозримой перспективе не сможет превратиться в активного геополитического игрока. Так или иначе, даже такие активные евроэнтузиасты, как уходящий председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, заговорили о так называемом «поликризисе ЕС»¹.

В этих условиях определенный интерес представляет собой ответ на вопрос о том, что на сегодняшний день удерживает вместе страны-члены Европейского Союза, заставляя их выработать все новые компромиссные решения и продвигать вперед евроинтеграцию. Одним из таких факторов остается региональная политика, которая с начала 90-х гг. носит название «Политика сплочения».

¹ Это выражение Юнкер употреблял неоднократно в последние годы, имея в виду новые вызовы, с которыми ЕС столкнулся в последнее десятилетие: экономический, финансовый, миграционный кризисы, рост евроскептицизма и правого популизма, терроризм, Брекзит. Подробнее см. Discours du Président Jean-Claude Juncker à la conférence sur l'état de l'Union organisée par l'Institut universitaire européen. Florence, le 11 mai 2018. Режим доступа: https://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-18-3761_fr.htm?locale=FR (дата обращения: 20.09.2019).

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЕС

Региональное устройство Союза носит сложный характер. Европейский Союз состоит из 28 стран и 281 региона¹. Страны-участницы сильно отличаются друг от друга по характеру административного деления. Так, если в одних существует централизованная система управления, то другие имеют федеративное устройство, а также различные промежуточные системы регионального управления.

Регионы Евросоюза различаются по плотности населения, размерам территорий, уровням экономического и социального развития. Например, семь стран не поделены на регионы, и каждая из них представляет собой самостоятельный европейский регион. Это – Кипр, Эстония, Литва, Латвия, Люксембург, Мальта, Словения. К самым крупным регионам относятся Лапландия в Финляндии, Кастилья-и-Лион в Испании, Норботтен в Швеции. Площадь каждого из них – около 100 тыс. кв. км. Некоторые другие регионы представляют собой отдельные городские агломерации. Это – Берлин, Гамбург, Лондон. Существуют серьезные отличия между государствами-членами и по плотности населения. Так, самым низким уровнем отличаются Швеция и Испания. Самый большой ВВП на душу населения – в Лондоне, Люксембурге, Гамбурге, Брюсселе. Самый маленький – в Болгарии и на Майорке².

Главная цель региональной политики ЕС – способствовать выравниванию уровней развития всех стран, входящих в Союз, оказывая поддержку слабейшим и постепенно подтягивая их до среднеевропейского уровня. Сильнейшие, таким образом, заинтересованы в развитии отстающих.

Сама идея выравнивания уровней развития берет свое начало в 50-х гг. прошлого века, несмотря на то, что шесть стран Западной Европы, стоявших у истоков евростроительства, имели примерно одинаковый уровень социального и экономического развития. В это время речь еще не шла о самостоятельной региональной политике, хотя преамбула к Римскому Договору 1957 г. содержала упоминание о необхо-

¹ *Lastenet J.* Les regions et l'Union Europeenne. 06.09.2018. Режим доступа: <http://www.touteurope.eu/actualite/les-regions-et-l-union-europeenne.html> (дата обращения: 14.02. 2019).

² *Ibid.*

димости «укрепления единства экономики» стран-участниц договора и обеспечения ее гармоничного развития «путем уменьшения разрыва между различными районами и преодоления отсталости районов, находящихся в менее благоприятных условиях»¹.

Как таковая региональная политика появляется в европейской повестке с 1970-х гг., когда началось расширение ЕЭС и в мире разразился первый масштабный энергетический кризис. Возникла необходимость уделить внимание выравниванию уровней развития стран-участниц интеграции и оказать помощь наиболее пострадавшим от кризиса экономикам. В 1975 г. был создан первый финансовый инструмент, направленный на реализацию региональной политики. Важным стимулом региональной политики стало принятие в ЕЭС Греции (1981) и Португалии (1986), существенно отстававших от стран-основательниц по уровням экономического и социального развития.

Следующий этап – подписание Маастрихтского договора (1992 г.) и учреждение Комитета регионов, обладающего своим парламентом из 350 представителей всех стран ЕС. Немаловажно то, что сегодня это – один из влиятельных органов Союза. Точка зрения Комитета регионов обязательно учитывается Еврокомиссией при решении широкого круга вопросов как территориального, так и общеевропейского развития (транспорт, занятость, культура, здравоохранение, профессиональное обучение, энергетика, экология, климат и др.). Маастрихтский договор ввел также понятие «европейского гражданства», и граждане других стран ЕС могут участвовать в местных выборах практически наравне с самими жителями данного государства и соответственно – формировать региональную повестку дня.

Важной вехой в развитии региональной политики ЕС стало расширение 2004 г., после которого население ЕС выросло на 20%, тогда как совокупный ВВП всего на 5%. Необходимость исправления этих диспропорций обусловила особое внимание, которое ЕС уделил развитию регионального сотрудничества. Экономический кризис 2008 г. и его последствия подтвердили важность этой политики в условиях снижения инвестиций и роста безработицы.

Региональная политика ЕС реализуется в соответствии со следующими принципами. Во-первых, она направлена на решение страте-

¹ The Treaty of Rome. 25 March 1957. Preamble. Режим доступа: https://ec.europa.eu/romania/sites/romania/files/tratatul_de_la_roma.pdf (дата обращения: 20.09.2019).

гических задач и поддержку наименее развитых регионов. Во-вторых, планирование и реализация политики осуществляются на основании партнерства между Еврокомиссией, государствами-членами и местными властями. Каждая страна предоставляет средства на реализацию общих региональных программ, причем дотации от ЕС и средства, выделяемые правительствами и региональными властями, дополняют, а не заменяют друг друга¹.

Европейская региональная политика опирается на многолетние программы развития, которые формируются Еврокомиссией в сотрудничестве с национальными властями. Это, как правило, крупные инфраструктурные проекты (строительство дорог, развитие железнодорожной сети, экология и т.д.).

Финансирование региональной политики осуществляется на основе принимаемого один раз в семь лет общего бюджета ЕС. Страны Евросоюза разбиты на три группы в зависимости от уровней социально-экономического развития. В первую входят те, где ВВП на душу населения больше 90% от среднего по ЕС уровня, во вторую – государства, занимающие среднюю нишу, между 90 и 75%, в третью – те страны, где подушевой ВВП ниже 75% от среднего по ЕС.

Средства на развитие поступают через пять структурных фондов. Европейский социальный фонд, созданный в 1957 г., финансирует программы, направленные на борьбу с безработицей, решение социальных проблем, развитие образования профессиональной подготовки. Его объем в 2014–2020 гг. составил 84 млрд евро. Европейский фонд регионального развития, образованный в 1975 г., занимается проблемами стран третьей группы, сильно отстающих от средних по ЕС показателей (экономический рост, занятость, конкурентоспособность, инвестиции в инфраструктуру). Он располагает 199 млрд евро на 2014–2020 гг. Фонд сплочения (63 млрд евро на текущую семилетку), сформированный по Маастрихтскому договору 1992 г., работает с государствами второй группы (транспортная и экологическая инфраструктура). Задачи региональной политики решаются также с помощью Фонда сельского развития и Фонда по морским и рыболовным делам.

Цели региональной политики ЕС на очередной семилетний период определяются в зависимости от актуальных задач, которые стоят

¹ Histoire et evolutions de la politique regionale. Режим доступа: <https://www.touteurope.eu/actualite/histoire-et-evolutions-de-la-politique-regionale.html> (дата обращения: 30.03.2019).

перед Союзом в то или иное время. Так, в 2007–2013 гг. основное внимание было уделено помощи странам, вступившим в Союз в 2004 г., а также экономическому росту, борьбе с безработицей, переходу на инновационную экономику. Эти задачи во многом определили и приоритеты региональной политики в 2014–2010 гг. Вместе с тем, они были дополнены такими задачами, как преодоление последствий долгового кризиса еврозоны, развитие транспортной и иной инфраструктуры, поддержка малого и среднего бизнеса, возобновляемой энергетики, экологии, борьбы с климатическими изменениями, образования, здравоохранения. В центре внимания находятся и общие вопросы улучшения функционирования системы предоставления дотаций в рамках региональной политики ЕС.

На 2021–2027 гг. Европейская Комиссия предлагает скорректировать систему региональных дотаций на 6%¹, частично перераспределив средства в пользу стран Южной Европы, пострадавших от финансово-экономического кризиса.

Региональные проекты осуществляются в рамках софинансирования: дотации, поступающие от ЕС, дополнены государственным финансированием. Если основные стратегические направления региональной политики утверждаются на уровне ЕС, то ее реализация возложена на правительства и органы местного и регионального значения.

На 2014–2020 г. на все проекты региональной политики было выделено 451 млрд евро. Еще 180 млрд евро на эти программы предоставляют государства-члены. Самые большие дотации в пересчете на душу населения получают страны Балтии и Словакия (от 2800 до 3800 евро в год на человека). По абсолютным показателям лидирует Польша (86,1 млрд евро и 2266 евро на душу в год). Италия получает 44,7 млрд, Испания – 39,8 млрд, Румыния – 30,9 млрд, Германия – 27,9 млрд, Франция – 27 млрд. Меньше всех дотаций на душу населения получает Голландия (111 евро на чел. в год), Люксембург (167 евро). Бельгия (237 евро), Великобритания (251 евро). Француз получает от региональных программ ЕС 451 евро в год в виде дотаций².

¹ Discours du Président Jean-Claude Juncker à la conférence sur l'état de l'Union organisée par l'Institut universitaire européen. Florence, le 11 mai 2018. Режим доступа: https://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-18-3761_fr.htm?locale=FR (дата обращения: 20.09.2019).

² Fonds structurels europeens: les montants par Etats. 06.09.2018. Режим доступа: <http://www.toutleurope.eu/actualite/fonds-structurels-europeens-les-montants-par-etat.html> (дата обращения: 30.03.2019).

Средства, выделяемые на региональные программы, увеличиваются вместе с постепенным ростом бюджета ЕС в целом. Эффективность региональных программ подвергается регулярному мониторингу. Под эгидой ЕК действуют специальные группы, которые периодически тщательно исследуют, как реализуются программы в тех или иных регионах и какую отдачу они приносят. По итогам мониторинга публикуются отчеты, разрабатываются и внедряются новые подходы к региональной политике.

МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ – ОБНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

В конце первого десятилетия нового века было решено обновить региональную политику с помощью принятия Макрорегиональных Стратегий. Советом ЕС приняты четыре Макрорегиональные Стратегии, направленные на развитие сотрудничества в крупных регионах (макрорегионах) Евросоюза. В 2009 г. принята Стратегия для региона Балтийского моря, в 2010 г. – для Придунайского региона, в 2014 г. – для прибрежного региона Адриатического моря, в 2015 г. – для Альпийского региона.

В Балтийской Стратегии участвуют три бывших советских балтийских республики, а также Швеция, Дания, Финляндия, Германия и Польша.

В Стратегии для стран Дунайского региона принимают участие четырнадцать стран. Это – восемь государств-членов ЕС и их отдельные территории (Австрия, Болгария, Чешская Республика, ФРГ – земли Бавария и Баден-Вюртемберг, Словения, Словакия, Румыния, Венгрия) и шесть не входящих в ЕС стран (Хорватия, Республика Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Республика Молдова, Украина).

Наряду с Албанией, Боснией и Герцеговиной, Черногорией и Сербией, Стратегия ЕС для Адриатического и Ионического морей охватывает четыре страны-члена ЕС (Хорватия, Греция, Италия и Словения).

Стратегия ЕС для Альпийского региона распространяется на семь стран: пять из них – государства-члены Союза (Австрия, Франция, Германия, Италия и Словения) и две страны, не входящие в ЕС (Лихтенштейн и Швейцария).

Объединенные общей целью – способствовать сплочению и повышению конкурентоспособности регионов – четыре программы Макро-

регионов частично накладываются друг на друга. При этом все четыре Стратегии отличаются друг от друга по динамике и имеют различные траектории. Макрорегиональные Стратегии занимаются теми проблемами регионов, которые не решаются на уровнях отдельных стран или отдельных зон и регионов, и нуждаются в наднациональном сотрудничестве. В документах ЕС о Макрорегиональных Стратегиях отмечается необходимость развивать межгосударственное сотрудничество, продвигать отдельные проекты с использованием сетевого подхода и крупные проектные платформы.

В рамках Макрорегиональных Стратегий страны более низкого развития как бы поставлены «под опеку» крупных государств Евросоюза, которые могут осуществлять общий контроль в государствах той или иной Стратегии и одновременно лоббировать их интересы на уровне ЕС. Для Балтийского региона, по-видимому, такими «кураторами» стали страны Северной Европы – соответственно Швеция, Дания, Финляндия, Германия. Для Дунайского макрорегиона – Австрия и Германия. Для стран Адриатического и Ионического макрорегиона – Италия. В отличие от них сама по себе Альпийская стратегия состоит из развитых государств ЕС за исключением Словении.

Средства на Стратегии направляются из структурных Фондов Евросоюза, направляемых на региональную политику. Как отмечается в докладе ЕС по итогам проведенного с апреля по сентябрь 2017 г. анализа Макрорегиональных Стратегий по 80 показателям, Фонды не покрывают все нужды развития регионов. Однако решено, что дополнительного финансирования на эти цели выделяться не будет, как и не будет создано никаких новых специальных административных структур. Вместо этого авторы Доклада предлагают придать финансированию Стратегий долгосрочный характер и проявлять гибкость в вопросах выделения средств на нужды развития Стратегий¹.

Характеризуя общую эффективность региональной политики ЕС, эксперты подчеркивают, что по итогам региональных проектов 1999–2006 гг. было создано 570 тыс. новых рабочих мест, из них 160 тыс. – в странах, вступивших в ЕС в 2004 г. В отчетах также отмечается и другой позитивный пример: несмотря на то, что за 2008–2013 гг. из-за финансово-экономического кризиса инвестиции в странах ЕС сократи-

¹ Study on Macroeconomic Strategies and Their Links with Cohesion Policy. Final Report. European Commission. Directorate-General for Regional and Urban Policy. European Commission. November 2018.

лись на 20%, тем не менее, без региональной политики это сокращение было бы не меньше 50%¹.

С точки зрения европейских специалистов, успешность региональной политики в значительной степени зависит от взаимодействия с отдельными национальными стратегиями, от эффективных макроэкономических условий, благоприятного делового климата, а также от соответствия региональных программ потребностям и устремлениям соответствующего региона. Немаловажным является и применение принципа обусловленности (уважение к открытым рынкам, экологической политике, принципу равных возможностей, соблюдения норм демократии), а также прозрачность при реализации соответствующих программ².

Хотя общий результат региональной политики ЕС оценивается как позитивный, тем не менее, далеко не все страны Евросоюза смогли в полной мере воспользоваться ее плодами. Так, с большими трудностями сталкивается экономика Болгарии, которая пока так и не смогла найти свое место в общей экономической системе ЕС, а также некоторых других стран. Слишком медленно оправляются от кризиса и балтийские республики, и региональные европейские программы, направленные на подтягивание их до среднеевропейского уровня, многими жителями оцениваются как явно недостаточные.

Характеризуя несовершенство европейской региональной системы, нельзя не упомянуть и об еще одном ее аспекте. Некоторые специалисты усматривают в идеях дальнейшей усиленной регионализации внутри ЕС в условиях «разноскоростного» развития определенные риски для будущего единства Союза. Проводя активную региональную политику, ЕС одновременно стимулирует и субрегиональное (внутрирегиональное) межгосударственное сотрудничество. Однако формирование субрегиональных группировок неизбежно затронет не только экономическую, но и политическую сферу, что фактически уже и происходит. Усилившись экономически, государства-члены субрегиональных группировок, объединенные общими интересами (например, Вышеградская группа), получают возможность формулировать свои собственные требования, в том числе, по отношению к Брюсселю в тех

¹ Histoire et evolutions de la politique regionale. Режим доступа: <https://www.touteurope.eu/actualite/histoire-et-evolutions-de-la-politique-regionale.html> (дата обращения: 20.04.2019).

² Ibid.

случаях, когда их подходы расходятся с консолидированной позицией ЕС по тому или иному вопросу. Управление из единого центра таким ансамблем может быть сопряжено с серьезными трудностями. Применение принципов географического баланса, пропорциональности, субсидиарности и институционального равновесия, как и ориентация регионального сотрудничества на проекты, а не на межгосударственные связи, призваны смягчить остроту этой проблемы, что, однако, не означает ее полноценного решения. Сохраняется вероятность того, что то или иное субрегиональное объединение начнет «жить самостоятельной жизнью» и не будет полностью контролироваться Еврокомиссией. В условиях «разноскоростного» развития ЕС и дальнейшего усиления субрегиональных политических связей вопрос об опасности фрагментации Союза остается открытым.

Итак, региональная политика ЕС фактически остается цементирующей основой ЕС и продолжает развиваться, хотя сама по себе она не лишена противоречий и недостатков. На данном этапе позитивный социальный и экономический эффект от регионального сотрудничества очевиден. Подобные связи помогают оптимизировать затраты, создают необходимую экономическую динамику, втягивая в нее все новых государственных и негосударственных акторов и действующих лиц. Решается центральная задача по выравниванию уровней развития и подтягиванию отстающих участников. В целом, региональные программы способствуют сохранению общей системы солидарности между странами Евросоюза и укреплению основы, вокруг которой строятся горизонтальные и вертикальные связи внутри ЕС, что особенно важно в сложных условиях трансформации всего европейского ансамбля.

ИГНАТЧЕНКО И. В.*

КОНСЕРВАТОРЫ И ЛИБЕРАЛЫ ВО ФРАНЦИИ 30–40-х гг. XIX в.: УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Многолетнее изучение политических взглядов французского либерала Адольфа Тьера в годы Июльской монархии во Франции, этого крупного французского политика XIX века, биографии которого исправно появляются в гексагоне каждое десятилетие с завидной регулярностью, позволяет поставить некоторые уточняющие вопросы, такие как, например: кого считать либералом и консерватором в годы Июльской монархии и что вообще означает «быть либералом» в ту эпоху? Были ли либералы неким монолитным явлением или существенно отличались друг от друга по взглядам, варьировались ли таким образом их подходы к различным политическим проблемам?

Представители англосаксонской историографии, английские историки Джон Бюри и Роберт Томбс отмечали, что само понятие «либерализм» довольно условно при обозначении французской действительности: «Как большинство политических ярлыков, понятие «либерал» было очень пространным, неопределенным. К либералам относили людей с порой противоположными взглядами и конфликтующих между собой на личностном уровне...»¹. Поэтому британские историки сомневаются в необходимости оценивать А. Тьера как либерального политика.

Подобная позиция имеет своих сторонников как во Франции, так и в России. Так, например, современный французский исследователь либерализма, политический философ Л. Жом отмечал, что в эту эпоху еще невозможно отделить «экономическую составляющую данной идеологии от ее морально-политических аспектов». По его мнению, либерализм 20–50-х гг. XIX века «представляет собой некое “поле”,

* Игнатченко Игорь Владиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

¹ *Bury J. P. T., Tombs R. P. Thiers, 1797–1877. A political life.* L., 1986. P. 18.

совокупную оппозицию всему тому, что законодательно ограничивало моральную и политическую свободу», поэтому в политической практике либерализм распался на ряд направлений, «восходящих к защите принципов и завоеваний 1789 года, но по-разному трактовавших сущность свободы и средств для ее воплощения в жизнь»¹. Таких же взглядов придерживается и отечественный историк А. В. Фененко, подчеркнувший, что «в середине XIX в. сам либерализм еще не сформировался в целостную и завершенную мировоззренческую систему»².

Профессор университета в Бирмингеме и британский исследователь Сери Кросли на коллоквиуме, состоявшемся в Марселе в 1997 году и приуроченному к двухсотлетию со дня рождения А. Тьера, выступил куда более категорично. Он отметил, что «либерализм Тьера – это определенная проблема для британцев» и добавил, что «англичане плохо понимают, как можно сочетать либерализм с централизмом власти и враждебностью к свободному обмену»³. Это мнение, в целом, отражает современную позицию британской историографии по вопросу атрибуции французского либерализма середины XIX века.

Известный французский историк Морис Агюлон согласен с тем, что понятие «либерал» само по себе достаточно противоречиво, то есть изначально содержит внутренние противоречия, и что существует две параллельные трактовки понятия «либерализм»: **англосаксонская**, когда «либерал» выступает антонимом понятия «консерватор» и **французская**, когда либерал – антоним «социалиста»⁴. Но для либерала в англосаксонском понимании, как подчеркивал М. Агюлон, Адольф Тьер был слишком «наполеонистичен» и являлся «слишком большим протекционистом»⁵.

¹ *Jaume L.* L'individu effacé ou le paradoxe du libéralisme. P., 1997. P. 38.

² *Фененко А. В.* Аристократический консерватизм Алексиса де Токвиля и его влияние на политическую теорию «правых» // *Commentarii de Historia.* 2001, № 4. Электронная версия: <http://www.main.vsu.ru/~cdh/Articles/04-01a.htm>.

³ *Crossley C.* A propos de la réception anglaise de Thiers // *Monsieur Thiers d'une république à l'autre.* Colloque tenu à l'Académie des Sciences, Lettres et Arts de Marseille, le 14 novembre 1997. P., 1998. P. 132.

⁴ *Agulhon M.* Adolphe Thiers. Pour introduire aux débats d'aujourd'hui // *Monsieur Thiers d'une république à l'autre.* Colloque tenu à l'Académie des Sciences, Lettres et Arts de Marseille, le 14 novembre 1997. P., 1998. P. 14.

⁵ *Agulhon M.* Op. cit., p. 14.

Чтобы разобраться в проблеме применимости понятия «либерализм» к французским орлеанистам – сторонникам Орлеанской династии и Июльской монархии, с которыми во французской историографии традиционно связывается понятие «либерализм», обратимся к французским и британским толковым словарям за соответствующими разъяснениями.

Согласно современному французскому словарю *Малому Роберу «либерал»* (слово появилось в 1750 году, тогда как слово «либерализм» в 1816 году) – это «сторонник индивидуальных свобод в политической, экономической и социальной сферах», «сторонник политических свобод и свободы совести». В экономической сфере либерал – «противник социализма», выступает против вмешательства государства в экономику, поддерживает свободное предпринимательство и конкуренцию¹. В толковом словаре *Малый Лярусс 2009 года* указывается: «либерализм» – политическая доктрина, цель которой «сократить власть государства в пользу индивидуальных свобод»².

Другие значения «либерала» можно найти в британских толковых словарях. Так, для британского словаря Collins «либерал» – это тот, кто «способствует прогрессу и реформам»³. По мнению авторов другого британского словаря, антонимом «либерала» являются «доктринер», «консерватор», «реакционер»⁴. Согласно Оксфордскому словарю, в политике либерал означает того, кто «хочет или предоставляет много политической, экономической свободы и поддерживает постепенное социальное, политическое и религиозное изменение»⁵.

Бесспорной антитезой понятия «либерал» для британских специалистов выступает «консерватор». «Консерватор», как считают составители британского словаря Collins – это тот, кто «благоприятствует сохранению установленных порядков, ценностей и сопротивляется нововведениям, реформам»⁶. Примерно такой же смысл отводят этому понятию и французские ученые. «Консерватизм», по мнению авторов *Малого Лярусса 2009 года* «враждебен политическим и социальным изменениям»⁷.

¹ Le nouveau Petit Robert de la langue française 2009. Version électronique.

² Le Petit Larousse 2009. Version électronique.

³ Collins English Dictionary. 8th edition. First published in 2006.

⁴ Merriam-Websters Collegiate Thesaurus. Published in 2003.

⁵ Oxford Advanced Learners Dictionary. 7th edition. Published in 2005.

⁶ Collins English Dictionary. 8th edition. First published in 2006.

⁷ Le Petit Larousse 2009. Version électronique.

Согласно *Малому Роберу «консерватор»* (слово появилось в 1794 году) – это тот, кто «стремится поддерживать существующий социальный порядок», является «защитником традиционных ценностей», «противником реформизма»¹. Однако если британские специалисты ставят знак равенства между консерватором и реакционером, то во французских словарях можно уловить определенную разницу в значениях двух слов. Так, «*реакционер*» (слово появилось в 1796 году) – «противник социального прогресса и эволюции нравов», который «стремится восстановить предшествующие политические институты»². Таким образом, разница между консерватором и реакционером заключается в том, что консерватор признает существующий политический строй, а реакционер стремится его разрушить.

Если исходить из значения слов в современных толковых словарях, то во французской традиции либерал не противоречит консерватору, то есть, можно быть одновременно либералом и консерватором: выступать за индивидуальные свободы и в то же время быть противником социально-политического реформизма. Такого мнения придерживается, в частности, и отечественный специалист А. В. Фененко, отметивший, что «новые параметры изучения творчества либералов и консерваторов предполагают... сочетание в работах каждого автора как либеральных, так и консервативных тенденций, поскольку сама эпоха перехода от ранних буржуазных революций к национальным государствам носила сложный и противоречивый характер. Либерал в вопросах государственного устройства мог выступать с достаточно консервативных позиций в области экономики, а сторонник «свободного рынка» мог считать своим политическим идеалом сословное аристократическое общество...»³.

Для британских ученых подобное невозможно: либерал – это, прежде всего, сторонник реформ, а консерватор – противник реформизма. То есть, отношение к реформам является водоразделом между либералом и консерватором в британской традиции, а во французской – тако-

¹ Le nouveau Petit Robert de la langue française 2009. Version électronique.

² Ibidem.

³ *Фененко А. В.* Гизо и Токвиль: полемика французских либералов и консерваторов середины XIX века по проблемам государства и теории гражданского общества // Труды молодых ученых (Воронежский государственный университет). Вып. 1. Воронеж, 2001. С. 253.

го строгого разграничения нет. Главное для французской либеральной традиции – это отношение к индивидуальным свободам.

Теперь необходимо выяснить, кого британские и французские исследователи причисляют к либералам и консерваторам применительно ко второй четверти XIX века.

В разграничении консерваторов и либералов обнаруживаются существенные расхождения между французской и англосаксонской историографиями. Если для современной французской, а вслед за ней и российской историографии все орлеанисты являются либералами¹, так как все они выступали в защиту индивидуальных свобод, то для англосаксонской исторической традиции характерно причислять всех правых либералов, доктринеров во главе с Франсуа Гизо к консерваторам. Ярким примером является книга английского историка Э. Вудворда под броским заголовком «Три пути европейского консерватизма: Меттерних, Гизо и Католическая Церковь в XIX веке»². Нетрудно заметить, что автор этой книги ставит знак равенства между политическим опытом К. Меттерниха и Ф. Гизо. По мнению английского историка, за время пребывания у власти правительства Ф. Гизо «не было принято ни одной заслуживающей внимания социальной меры. Даже робкие попытки экономических реформ обычно гасились страхом задеть права собственности»³. В целом, представление о французских либералах преимущественно как консерваторах характерно для англо-американской историографии⁴.

Если следовать мысли английских историков, определяющих правых либералов и Ф. Гизо как их видного представителя, как *консерваторов*, ввиду того, что они отказались от социально-политического и экономического реформизма, то в годы Июльской монархии

¹ *Таньшина Н. П.* Франсуа Гизо – теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000; *Федосова Е. И.* Либералы у власти // Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001; *Brogie G. de.* L'orléanisme. La ressource libérale de la France. P., 1981; *Girard L.* Les libéraux français. 1814–1875. P., 1985; *Jardin A.* Histoire du libéralisme politique de la crise de l'absolutisme à la constitution de 1875. P., 1987; *Jaume L.* L'individu effacé ou le paradoxe du libéralisme. P., 1997; *Robert H.* L'orléanisme. P., 1992; *Rosanvallon P.* Le moment Guizot. P., 1985.

² *Woodward E. L.* Three studies in European conservatism: Metternich, Guizot and the Catholic church in the nineteenth century. L., 1929.

³ *Ibid.* P. 201.

⁴ См.: *Бриггс Э., Клэвин П.* Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней / Пер. с англ. М., 2006.

единственными либералами в полном смысле этого слова можно считать лишь левых либералов, «партию движения» во главе с Одилоном Барро и Жаком Лаффитом. Только немногочисленная группировка левых либералов полностью соответствует британскому пониманию либерализма, который подразумевает одобрение реформизма как обязательное условие для либеральной самоидентификации. Впрочем, к либералам в британском понимании можно причислить и французских республиканцев, социалистов и демократов, поскольку все они выступали за социальное обновление и широкие политические реформы.

Следует заметить, что в пользу такого подхода – определения либерала и консерватора на основе их отношения к реформизму – служит политический дискурс самих орлеанистов и их политических оппонентов в годы Июльской монархии. Так, Ф. Гизо писал французскому послу в Риме в 1846 году следующее: «Мы – стойкие консерваторы. Это первый и естественный долг правительств. Мы тем более стойкие консерваторы, поскольку наша страна прошла через ряд революций»¹. Это означает, что сам Гизо определял себя как консерватора на основе своего отношения к проведению политических реформ в стране.

Кроме того, в годы Июльской монархии появляется целый ряд политических памфлетов, в которых политический курс Гизо в 40-е гг. назван «консервативной политикой», а сам Гизо – «консерватором», как и вся «партия сопротивления» и проводимая ими политика, характерная также и для 30-х гг. XIX века². Это позволяет говорить о том, что такой политический дискурс был привычным для французского избирателя того времени и был понятен современникам.

Иными словами, для Франции первой половины XIX века консерватор означал противника новых политических реформ. Интересные замечания можно обнаружить в книге неизвестного автора «Полная история господина Тьера», написанной в 1878 году. В ней автор, касаясь подавления Лионского восстания 1834 года, в частности писал: «Восставших лионцев быстро усмирили. Но необходимая суровость, которую надо было проявить, *вызвала* в прессе, как и в палатах, *раз-*

¹ Цит. по: Бриггс Э., Клэвин П. Указ. соч. С. 90.

² См.: Chambellan A. Aux électeurs à propos du nouveau ministère. P., 1832; Chicoisneau R. Catilinaire conte les pritchardins ou déclaration de guerre au système de la paix et à tous les forts. P., 1845; s. a. La politique des conservateurs et les élections de 1842. P., 1842; Ségoffin F. Du système conservateur. Examen de la politique de m. Guizot et du ministère du 29 octobre 1840 par un homme d'Etat. P., 1843.

дражение либеральной партии [выделено мной – *И. И.*]¹. В данном случае под либеральной партией понимались противники доктринеров и министерства 11 октября, в которое входили А. Тьер, В. де Бройль и Ф. Гизо. Следовательно, под либеральной партией в XIX веке понималась только «партия движения», выступавшая против жестокого подавления этих восстаний.

Автор этой книги также писал: «В 1835 году, таком богатом на волнения, Тьер, хотя и *был связан с либеральной партией, тяготел к сторонникам порядка* [выделено мной – *И. И.*] ...»². Эта фраза показывает, что, по мнению автора, пришедшегося современником Тьера, сторонники порядка, к которым относился Тьер в первой половине 30-х гг., не являются членами «либеральной партии». Из этого следует, что антитезой «либеральной партии», под которой автор сочинения понимал только левых либералов, являются «сторонники порядка». Но тот, кто «стремится поддерживать существующий социальный порядок», как раз и является «противником реформизма» и консерватором. Таким образом, можно сделать вывод, что для современников Тьера, этот политик являлся ярким консерватором в первой половине 30-х гг., а возможно и до начала 40-х гг., когда он впервые стал взаимодействовать с левыми либералами – в частности, с *Левой династической Одилона Барро*.

В таком случае возникает вопрос: кого считать французским консерватором в 30–40-е гг. XIX века и как на этот вопрос отвечает отечественная и зарубежная историография?

Отечественные историки А. А. Галкин и П. Ю. Рашхмир, авторы книги «Консерватизм в прошлом и настоящем», называют яркими представителями французского консерватизма XIX века таких известных ультрароялистов как Жозефа де Местра, Луи де Бональда, а также Рене де Шатобриана. Однако их деятельность относится преимущественно к периоду Реставрации. В то же время в годы Июльской монархии консервативный лагерь, по мнению авторов, разбивается на две группировки: крайне правых ультрароялистов и «либеральных консерваторов», главой которых был Ф. Гизо³. В этом их позиция созвучна взглядам французского историка Рене Ремона, также отмечавшего, что

¹ s.a. Histoire complète de m. A. Thiers. P. 33.

² Ibid. P. 43.

³ Галкин А. А., Рашхмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем: о социальных корнях консервативной волны. М., 1987. С. 31.

«1830 год разделил правый лагерь на более умеренную орлеанскую правую и крайне правый традиционализм»⁴.

Однако в отличие от отечественных историков Галкина и Рашхмира, Р. Ремон не определяет консерватизм как самостоятельное идейно-политическое течение XIX века. В годы Июльской монархии он выделяет две правые группировки: легитимистов и орлеанистов, причем ни одну из них он не идентифицирует полностью с либерализмом. Из этого можно сделать вывод, что орлеанизм не является исключительным носителем либеральных идей в 30–40-е гг. XIX века.

Помимо орлеанизма, которому был свойственен либерализм в политической сфере и консерватизм в социальной и экономической сферах (на что указывает Ремон), легитимизм также можно считать в определенной степени носителем либеральных идей. Так, после Июльской революции 1830 года легитимизм разделился на два течения: с одной стороны, ультрароялисты, выступавшие за «старую Францию» и возвращение к дореволюционным порядкам (до 1789 года); с другой стороны, те, кто высказывался за «новую Францию», в защиту либеральных свобод. Легитимизм после 1830 года, как отметил Р. Ремон, приобретает либеральный и даже демократический характер. Легитимисты были одними из первых, кто стал интересоваться рабочим вопросом и в целом социальной тематикой, оправдывали участников Лионского восстания 1834 года, активно выступали в защиту свободы прессы в парламенте⁵.

Авторы другого фундаментального исследования по истории правых сил во Франции также выделяли «либерально-парламентскую» тенденцию в легитимизме, связанную, в первую очередь, с Пьером Берье – лидером легитимистов в палате депутатов. Легитимисты после Июльской революции 1830 года, подчеркивали эти авторы, выступали за всеобщие выборы и «стремились объединить демократические свободы и монархический легитимизм»⁶. Говоря о тех, кого в отечественной историографии принято называть либералами, эти французские исследователи указывали на «орлеанистский консерватизм», выражавшийся, прежде всего, в «социальном консерватизме орлеанистов». По их мнению, ярким «консерватором» в этом смысле был Франсуа Гизо⁷.

⁴ *Rémond R.* Les droites en France. P., 1982. P. 77.

⁵ *Ibid.* P. 81.

⁶ *Histoire des droites en France / sous la dir. de J.-F. Sirinelli.* Vol. 1. Politique. P., 1992. P. 132.

⁷ *Ibid.* P. 171.

Таким образом, можно выделить два толкования понятия «либерализм». В первом случае под либералами понимаются все сторонники политических свобод, к числу которых можно отнести левых во Франции 30–40-х гг. XIX века (применительно к Июльской монархии), как, впрочем, и многих правых, включая даже часть легитимистов. В этом смысле либералами – сторонниками политических свобод были многие: легитимисты, республиканцы, а не только орлеанисты, поскольку все они выступали в защиту свободы прессы, свободы собраний. Но в этом случае орлеанисты – не единственные носители либеральных идей во Франции середины XIX века, а само понятие «либерализм» является универсальной категорией, не обладающей строгими ситуационными признаками. В таком случае, если сравнивать легитимистов и орлеанистов в годы Июльской монархии, то все они были и либералами, и консерваторами одновременно. Разница заключалась в большей степени в предпочтениях той или иной династии и в принципах наследования королевской власти.

Есть и второе толкование либерализма, которое заключается в том, что либералами следует называть только «реформистов», «прогрессистов», несмотря на политическую обстановку, в которой действуют либералы. Им активно противостоят консерваторы – противники реформ. Так считают почти все современные британские и американские историки, так думали сами французы в XIX веке. На этом основании некоторые английские историки (такие как С. Кросли, Дж. Бьюри, Р. Томбс, Э. Вудворд) сомневаются в том, что Тьер, равно как и все доктринеры были либералами, а то и вовсе отрицают это.

Однако даже если следовать англосаксонской традиции, согласно которой либерализм равнозначен прогрессу, постоянному развитию и переменам, то Тьера, как и всех доктринеров, все же следует причислить к либеральным деятелям. В 20-е гг. он, бесспорно, представляется либералом, выступавшим за развитие политической системы и за расширение политических свобод. В 30-е годы, прежде всего, в первой половине 30-х гг. можно согласиться с тем, что он – яркий либеральный консерватор. Но в 40-е гг. Тьер – вновь либеральный политик, выступавший за изменения в политической системе Июльской монархии. Приверженность Тьера к таким идеям, как сильная центральная власть в ущерб местному самоуправлению и протекционизм в экономической сфере можно объяснить национальными особенностями французской политической системы.

Отечественная историография под либералами в годы Июльской монархии понимает только орлеанистов, отказывая в праве называться либералами легитимистам и республиканцам. В этом смысле возникает ряд вопросов. Первое: что следует брать за образец либеральной модели? Британские исследователи при оценке либеральных систем других стран за основу берут ценности своей британской либеральной модели. Но справедлив ли такой подход при оценке французской либеральной модели, имеющей свои национальные особенности? Может ли вообще существовать единый образец либерализма? Можно ли выработать единые для всех четкие критерии либерализма? Представляется, что это трудная задача, решение которой не предполагает данная статья.

Другой вопрос: либерализм – это политическая или идеологическая категория? На наш взгляд, орлеанизм, также как и легитимизм или республиканизм – это политическое течение, а либерализм, равно как и консерватизм – это идеологический термин. Но эти понятия не обязательно должны совпадать. То есть, орлеанизм не обязательно равен либерализму, как принято считать в отечественной историографии. Орлеанизм – это обозначение политической группировки, которая захватила власть во Франции в результате Июльской революции 1830 года и потеряла ее после Февральской революции 1848 года. Но либералами могли быть не только орлеанисты. Как представляется, понятие «либерализм» гораздо шире термина «орлеанизм», и по праву может включать в себя представителей других политических лагерей в годы Июльской монархии. В этом авторская позиция совпадает с мнениями таких французских историков как Рене Ремон и Жан-Франсуа Сиринелли.

КАНИНСКАЯ Г. Н.*

ФРАНЦУЗСКИЕ ЭКОЛОГИСТЫ НА ВЫБОРАХ В ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

26 мая 2019 г.

«Мы убеждены, что лишь солидарность жителей Европы и других регионов планеты поможет обрисовать контуры жизнеспособного мира»

(Europe écologie. Donnons vie à l'Europe.
Programme des écologistes pour l'Europe:
élections européennes 25 mai 2014).

Идя на европейские выборы в мае 2019 г. французская партия «Европа. Экология – Зелёные» (EELV) не только по-прежнему руководствовалась девизом, избранным для предыдущей каденции и в качестве эпиграфа к настоящей статье, но и решительно выбрала курс на автономию от других левых партий, прежде всего от социалистов. Учитывая, что социалистическая партия Франции (ПС) испытывает серьёзные разногласия и находится на грани исчезновения с политической сцены, по крайней мере, в том виде, в каком в 1971 г. её создал первый президент социалист Пятой республики Ф. Миттеран, экологи в этой связи задались вопросом: «Сумеет ли социальная экология стать той объединительной силой, которую хотели бы найти в ней разочаровавшиеся в Европе?»¹. Иными словами, результаты выборов в Европейский парламент (ЕП), прошедших во Франции 26 мая 2019 г., должны были стать не только показательными для оценки расстановки политических сил на ближайшие пять лет в общеевропейском масштабе, но и серьёзной проверкой потенциала главных политических сил самой Франции, в первую очередь, левых и ПС.

Экологи 26 мая шли на выборы во главе с евродепутатом Яником Жадо автономным списком, решительно отмежевавшись от социа-

* Канинская Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории ЯрГУ имени П. Г. Демидова.

¹ *L'Obs*, № 2847 du 30 mai au 5 juin 2019.

листов, и, как показали итоги голосования, выступили весьма успешно, что стало сюрпризом для французов. Полученный результат – 13,47% голосов – вполне оправдал их собственные ожидания, равно как и опроверг все предшествовавшие прогнозы¹. Став третьей партией страны после этих выборов, зелёные провели в ЕП 12 депутатов². Сразу после подведения итогов голосования Я. Жадо заявил: «Сегодня вечером мы подняли европейскую зелёную волну», – намекая тем самым на прорыв немецких зелёных, набравших свыше 20% голосов, – «Французы нам подали ясный сигнал: они хотят, чтобы экология стала неотъемлемой частью их политической жизни. Я очень рад, что молодёжь захватила эти выборы. И не случайно экология оказалась на первом месте у молодёжи сегодня вечером. Это отличный задел на будущее. Европа для нас – это наша жизнь, и мы все вместе будем учиться её понимать и любить»³. Окружавшие Я. Жадо соратники, ликуя, провозглашали: «Это мы – победители сегодняшнего вечера!»⁴.

Основанием для подобных восторгов послужил тот факт, что за экологистов проголосовала бóльшая часть молодого электората. 27 мая газета «Лё Монд» опубликовала по горячим следам результаты опроса, свидетельствовавшие о резком скачке рейтинга Я. Жадо, обошедшего по популярности даже президента страны: он получил одобрение у 32% французов, тогда как Э. Макрон – у 30%, а М. Ле Пен – у 28%⁵. Аналитики писали, что Я. Жадо «отныне раздражает Елисейский дворец»⁶. Один из номеров журнала «L'Obs» поместил специальную подборку материалов с анализом причин успеха экологистов, их стратегии и дальнейших перспектив, а на обложку поместил портрет

¹ Я. Жадо, когда выдвинул идею автономного списка, заявлял, что EELV сможет добиться 12–15% голосов, тогда как опросы постоянно прогнозировали зелёным от 7,5 до 9% голосов. См., например: <https://fr.yahoo.com/news/europ%C3%A9ennes-surprise-%C3%A9colo-183629440.html> (дата обращения: 27.05.2019).

² Если Великобритания выйдет из ЕС, зелёные получат тринадцатое депутатское место. <https://www.linternaute.com/actualite/politique/1788413-eelv-resultat-aux-europeennes-et-liste-des-elus-27-05-2019/> (дата обращения: 28.05.2019).

³ <https://www.parismatch.com/Actu/Politique/Le-moment-ecolo-profitera-t-il-a-Yannick-Jadot-1613716> (дата обращения: 27.05.2019).

⁴ https://www.francetvinfo.fr/elections/europeennes/direct-elections-europeennes-2019-toutes-les-estimations-les-resultats-du-vote-et-la-soiree-electorale_3458489.html (дата обращения: 27.05.2019).

⁵ Le Monde, 27 mai 2019.

⁶ L'Obs, № 2847 du 30 mai au 5 juin 2019. P. 22.

Я. Жадо с весьма красноречивым вопросом: «Яник Жадо – зелёный гигант?»¹.

Газета «Лё Монд» констатировала: «EELV – первая партия среди 18–34-х летних»². Цифры говорят сами за себя. Так, из числа молодёжи в возрасте 18–24-х лет отдали голоса списку Я. Жадо 25%, а из возрастной группы 25–38-ми лет – 28%. Для сравнения по этим категориям оказалось, что за список победившего на выборах «Национального объединения» (НО), руководимого М. Ле Пен, голосовало соответственно 15 и 20% молодых граждан, а за ставших вторыми стонронников президента «макронистов» – 12 и 17%. Стоит подчеркнуть ещё один заслуживающий внимания факт: по сравнению с выборами в ЕП в 2014 г., численность молодёжи в возрасте до 35 лет, пришедшей к избирательным участкам на этот раз, возросла на 13%. Примечательно и то, что в 2014 г., когда EELV заняла 4 место во Франции, экологистам отдало предпочтение всего 11% молодёжного электората до 35 лет, тогда как лидировавшему в то время «Национальному фронту» (НФ) во главе с М. Ле Пен – 30%³.

Наряду с избирательным успехом у молодёжи, экологисты заметно упрочили свои позиции в ряде городов, где лидируют социалисты. В частности, в Ренне за зелёных проголосовало 24% французов, а за социалистов – около 11%; в Нанте соответственно – 24% и около 10%; в Лилле – 21% и около 9%; в Вилльёрбанне – 20% и около 8%⁴.

Если давать оценку результатам европейских выборов для EELV с точки зрения краткосрочной перспективы, то, согласно выше приведённым цифровым показателям, можно полагать, что курс на автономный партийный список, инициированный Я. Жадо и поддержанный национальным секретарём партии Д. Корманом, был выбран верно. Ориентировать зелёных на отказ блокироваться с другими политическими партиями в совместных электоральных списках, взяв курс «ни левые, ни правые», Я. Жадо начал сразу после того, как в июле 2018 г.

¹ L'Obs, № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 18–19; 24–35. За определением «гигант», выбранным журналом для характеристики Я. Жадо, скрывается двойной смысл, видна своеобразная игра слов, ибо данное определение, с одной стороны, служит намёком на его высокий рост – 1 м 91 см, а с другой – признанием того, что он выиграл своё «экологическое пари».

² Le Monde, 28 mai 2019.

³ L'Obs, № 2847 du 30 mai au 5 juin 2019. P. 3.

⁴ L'Obs, № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 33.

на внутренних праймериз EELV победил в борьбе за то, чтобы возглавить партийный список, набрав 58% голосов «за» из числа 1 тыс. 800 участников голосования¹. Свою роль в принятии этого решения сыграл и плачевный опыт зелёных во время президентских выборов 2017 г., когда Я. Жадо, выдвинутый кандидатом от EELV, под нажимом тогдашнего партийного руководства снял свою кандидатуру ради поддержки единого списка с социалистами во главе с Б. Амоном. В результате, во-первых, в истории политической экологии, начиная с 1974 г., у зелёных впервые не оказалось собственного кандидата на первый тур, а во-вторых, как известно, в 2017 г. социалисты потерпели серьёзное поражение на президентских выборах².

Таким образом, европейские выборы 2019 г. стали своеобразным реваншем лично для Я. Жадо за нанесённый непродуманным тактическим выбором удар по экологистам в 2017 г. Возможно, поэтому в ходе избирательной кампании по выборам в ЕП Я. Жадо нацеливал своих сторонников на создание крупной самостоятельной фракции экологистов в Европарламенте, предлагал «политическую экологию в качестве новой политической модели вместо устаревшей социал-демократии» и решительно отказывался объединяться с левыми партиями³. Хотя по семейной линии Я. Жадо связан с социалистической традицией. Отец его был сторонником Ф. Миттерана, «оплакивал поражение Ф. Миттерана в 1974 г.»⁴, во время президентской избирательной кампании 1980 г. распространял листовки в его поддержку, и тринадцатилетний тогда Я. Жадо встречал вместе с отцом в их родном городе Лаоне будущего президента-социалиста. Однако в интервью газете «Либерасьон» в 2019 г. Я. Жадо сказал, что его «не интересует выживание социалистической партии», чем вызвал осуждение со стороны видных левых

¹ Всего в партии экологистов насчитывается, согласно взносам, 3 тыс. 800 человек. Конкуренткой Я. Жадо на внутренних праймериз была тоже евродепутат Мишель Ривази, которой отдали голоса 35% партийцев, и она шла вторым номером в списке EELV 26 мая 2019 г. Подробнее об этом можно прочитать на официальном сайте зелёных: <https://eelv.fr/nos-combats/>.

² Подробнее о перипетиях в партии зелёных накануне президентских выборов 2017 г. см.: *Nazaret A. Une histoire de l'écologie politique. De René Dumont à Nicolas Hulot.* Paris, Éd. La Tengo. 2019 – 351 p. Ch. 13. P. 313–325.

³ *Libération*, 23 janvier 2019.

⁴ *L'Obs*, № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 27.

лидеров, «от Сеголен Руаяль до Бенуа Амона, включая Рафаэля Глюкмана, которые упрекали его за отказ от диалога и называли главным торМОзом в деле объединения»¹.

По сути, Яника Жадо можно назвать «экологом по призванию», и приобщался он к политической экологии постепенно. В 2001–2002 гг. поучаствовал в избирательной кампании на пост президента кандидата тогдашней партии Зелёные (Les Verts) Н. Мамэра², хотя в партию официально не вступал. По-настоящему Я. Жадо включился в политическую борьбу, лишь вдохновившись 2008 г. инициативой бывшего лидера «Мая 1968 г.» во Франции Д. Кон-Бендита по формированию группы «Европа. Экология» для участия в европейских выборах 2009 г. До этого момента, получив после окончания в 1990 г. университета диплом экономиста, Я. Жадо работал в многочисленных неправительственных организациях (НПО): по два года трудился в Буркина-Фасо и Бангладеш в рамках специального проекта Евросоюза, затем вступил в ассоциацию «Солаграл» (Solagral), занятую анализом и выработкой решений и предложений по вопросам аграрной и продовольственной политики в условиях глобализации, активно участвовал в выступлениях альтерглобалистов против ВТО во время саммита в Сिएгле в 1999 г. и на социальных форумах в Порту-Алегри, наконец, возглавил французское отделение Гринпис, которое представлял во время «Гренельских переговоров по проблемам окружающей среды» при правительстве Н. Саркози³. В 2009 г., когда на европейских выборах французские экологи во главе с Д. Кон-Бендитом добились самых больших успехов за всю свою историю, набрав 16,28% голосов, Я. Жадо, шедший первым в списке от еврорегиона Запад, включавшего Бретань, Земли Луары и Пуату-Шарант, избрался евродепутатом. В ЕП он занял пост вице-председателя комиссии по международной торговле. В следующем году Я. Жадо шёл вместе с Д. Кон-Бендитом в авангарде борьбы за создание партии «Европа. Экология – Зелёные», вступил в EELV, превратился в одного из её лидеров, до 2017 г. упорно противостоял «левацкому уклону» партийного руководства эколо-

¹ Libération, 23 janvier 2019.

² Nazaret A. Une histoire de l'écologie politique. P. 198; L'Obs, № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 27.

³ Подробнее см.: Nazaret A. Une histoire de l'écologie politique. Ch. 11. P. 231–236.

гистов во главе с С. Дюфло и переломил ситуацию в свою пользу в 2018 г., когда возглавил автономный список зелёных на европейские выборы¹.

Я. Жадо решительно поддерживает национальный секретарь EELV Давид Корман, убеждённый в том, что «у левых завершается очередной цикл – социал-демократический, на смену которому должна прийти новая модель – политическая экология»².

Программа, с которой экологи выступали на европейских выборах, была представлена французским гражданам 25 марта 2019 г., называлась: «В защиту Европы и климата» и сопровождалась подзаголовком: «За что мы выступаем, чтобы всё изменить». Трудились они над подготовкой своего плана, который журналисты окрестили «новый зелёный курс», в течение полугода, реализация по срокам намечена от 2024 до 2030/50 гг. Общие положения плана сводились к 5 главным направлениям:

1. Сделать экологию приоритетом для Европы и заключить договор по экологии и «зелёному протекционизму»;

2. Создать Европейский банк по климату и увеличить биоинвестиции;

3. Ввести прочные гарантии для «евро» и ликвидировать «фискальный рай» в Европе;

4. Перевести сельское хозяйство на 100% выращивание биопродуктов;

5. Покончить с властью лобби технократов и превратить Европу в Европу граждан. В более конкретном виде требования EELV свелись к 13 предложениям:

- 1) Подписать европейский договор по проблемам окружающей среды;

- 2) Ввести в действие срочный план по экологии;

- 3) Изменить правила таким образом, чтобы сократить власть денег;

- 4) Переориентировать задачи экономического роста;

- 5) Свершить энергетическую революцию: на 100% добиться использования возобновляемых источников энергии;

¹ Libération, 11 mars 2019; L'Obs, № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 28. Подробнее также см.: Nazaret A. Une histoire de l'écologie politique. Ch. 11. P. 250–263; Ch. 12. P. 265–312; Ch. 13. P. 313–322.

² Libération, 23 janvier 2019.

- 6) Гарантировать права всем гражданам;
- 7) Заключить социальный европейский пакт;
- 8) Охранять территории и благосостояние живущих на них людей;
- 9) Власть тем, от кого эта власть исходит;
- 10) Создать Европу образования и культуры;
- 11) Обеспечить свободный доступ к информационным технологиям;
- 12) Создать Европу миролюбивую, гостеприимную и солидарную;
- 13) Защищать власть граждан и изменить договоры.

В рамках реализации программы предполагалось, например, закрепить экологические нормы в ЕС юридически, в частности, увеличить с 3 до 5% от ВВП эконвсны для стран и инвестировать 100 млрд. евро на перевод экономики на экологические рельсы; реформировать Союз в сторону федерализма и предоставить право референдума; обеспечить достойный приём иммигрантам. Причём подчёркивалось, что нацелена программа на то, чтобы сделать Европу экологической и социальной и усилить её «против Америки Трампа, России Путина, Бразилии Бальсонаро и Китая Си Цзыньпиня»¹.

Анализируя программу экологистов, все аналитики отмечали, что она логически вписывается в левую парадигму, несмотря на то, что Я. Жадо всячески избегает определения «левый» и призывает «отказаться от старых политических клише»². В интервью корреспонденту журнала «Пуэн» 1 марта 2019 г. Я. Жадо рассказал, что осенью 2018 г. предложил Рафаэлю Глюкману, Клэр Нувьян и Томасу Порше создать единый «гражданско-экологический» список, но те отказались и предпочли, по его словам, «спасать ФСП», создав список «Социалистическая партия-Общественный форум». Я. Жадо говорил, что, если бы EELV к нему присоединилась, то это означало бы союз с социалистами только в Париже, тогда как после выборов в ЕП депутаты оказались бы в разных фракциях, ибо он «не собирается сидеть в социалистической», а надеется на возможность создать крупную экологическую»³. В феврале 2019 г. на французской почве EELV уже заключила союзы о совместных списках с «Альянсом независимых эко-

¹ Полный текст программы EELV можно прочитать на официальном сайте зелёных: <https://eelv.fr/nos-combats/>.

² L'Obs, № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 28.

³ www.lepoint.fr/actualite/politique/france/mars2019/html (дата обращения: 10.04.2019).

логистов» (l'Alliance écologiste indépendante) и группой «Солидарные народы и регионы» (Régions et peuples solidaires).

Специалисты назвали политическую линию Я. Жадо «экологический прагматизм», отметив, что «он решил искать поддержку электората как в левом, так и правом центре», поэтому «с самого начала кампании повторял, что экология вполне совместима с рыночной экономикой, свободой предпринимательской и инновационной деятельности»¹. А давний друг и единомышленник Я. Жадо Д. Кон-Бендит, который на выборах в ЕП сам поддерживал партию Э. Макрона, но, тем не менее, поздравил своего товарища с успехом, сказал: «У Яника есть два главных качества: он реформист и гринписовец»². Хотя Д. Кон-Бендит сожалел о резких выпадах Я. Жадо против Э. Макрона.

Между тем, при оценке в среднесрочной перспективе шансов EELV на то, чтобы закрепить полученный на евровыборах успех в национальном масштабе, возникают сомнения. Ближайшая возможность испытать свои силы представится экологистам на муниципальных выборах 2020 г., которые, в отличие от пропорциональных европейских, проходят по мажоритарной системе. Нельзя забывать также, что EELV 26 мая 2019 г. оказалась всё же на третьем месте после «Национального объединения» (НО) М. Ле Пен и «Республики на марше» (LREM) Э. Макрона, программу которого, кстати, одобрили немецкие зелёные. К тому же, известно, что 55% французов сделали свой выбор в пользу зелёных всего за несколько дней до голосования³. Феномен мобилизации молодёжного электората иногда называют «эффектом Греты» по имени шведской школьницы, организовавшей в Европе многочисленные «марши за климат»⁴. Во Франции такой прошёл в марте 2019 г., было собрано 2 млн. подписей под петицией в защиту климата, и Я. Жадо был одним из активных участников марша.

По данным опросов, 54% французских граждан отдаёт предпочтение вопросам национальным, нежели европейским. По партиям цифры распределяются следующим образом: 74% – в «Национальном объединении» М. Ле Пен, 64% – в «Непокоренной Франции» Ж-Л. Меланшона, 62% – у «Вставай, Франция» Н. Дюпон-Эньяна. А среди остальных 46% электората, в большей мере чувствительных

¹ L'Obs, № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 27.

² Ibid.

³ Ibid. P. 19.

⁴ L'Obs, № 2847 du 30 mai au 5 juin 2019. P. 3.

к вопросам европейским, 70% – насчитывают сторонники LREM, 75% – EELV и 62% – социалистов¹. Как видно, экологисты – самые ярые европеисты. Немаловажно и то, что в первом туре президентских выборов 2017 г., молодёжь в возрасте 18–24 лет отдала 30% голосов Ж.-Л. Меланшону, а 28% тех, кому от 25 до 34 лет – Э. Макрону². У экологистов тогда не было своего кандидата, как отмечалось выше, но явно не в их пользу складывается факт, что те, кто стоял у истоков создания EELV, на выборы 26 мая 2019 г. шли по разным спискам. Кроме поддержавшего Э. Макрона Д. Кон-Бендита, вторым по списку «макронистов» избрался П. Канфан – евродепутат с 2009 г., как и Я. Жадо, экс-министр правительства Ф. Олланда; прошёл по этому списку и бывший национальный секретарь EELV П. Дюран.

«Экология стала главной темой этой кампании, – отмечали специалисты. – Все или почти все политические силы выдвинули на первый план необходимость экологического перехода... Партия LREM сделала приоритетом своей программы экологический переход... За три дня до выборов Эмманюэль Макрон созвал новый «совет по экологической безопасности»,... чтобы скоординировать правительственные действия»³.

По сути, электорат EELV и LREM на европейских выборах представляли граждане, очень близкие в социо-профессиональном плане: это «главным образом дипломированные городские жители, приверженцы индивидуальной свободы и «социетального» прогрессизма, в противовес жителям той части Франции, где преобладает НО»⁴. Однако, задавшись целью «превратить экологию в первую политическую силу страны», получить на муниципальных выборах 20–25% голосов, завоевать мэрии «Парижа, Нанта, Ренна, Тулузы» и «многих маленьких и средних городков», Я. Жадо на заседании Федерального совета партии зелёных 22 июня заявил: «Мы должны объединить всех экологистов, и все вместе, без сепаратизма и гегемонизма,... тогда мы сумеем победить», – и решительно раскритиковал «проклятую пару», которую, по-нему, являют собой Национальное объединение и «либералы-продуктивисты» из Республики на марше»⁵.

¹ www.ipsos.com/fr-fr/europeenes-2019 (дата обращения: 25.05.2019).

² L'Obs, № 2847 du 30 mai au 5 juin 2019. P. 3.

³ <https://fr.yahoo.com/news/europ%C3%A9ennes-surprise-%C3%A9colo-183629440.html> (дата обращения: 28.05.2019).

⁴ L'Obs, № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 18.

⁵ <https://fr.news.yahoo.com/eelv-affiche-ambitions-municipales-pr%C3%A9sidentielle-164642169.html> (дата обращения: 23.06.2019).

По-прежнему на стороне Я. Жадо председатель партии Д. Корман, отклонил любой альянс с партией Э. Макрона. «Проект Республики на марше несовместим с экологическим проектом, – заявил он. – Мы решительно в оппозиции к нынешнему большинству... Линия EELV – это не «ни правая, ни левая», это – экология «освобождённая» от «комплексов» и «этикеток» устаревших теорий¹. Под этими устаревшими теориями подразумевается социал-демократия, которую должна заменить социальная/солидарная экология. Другими словами, в преддверии муниципальных выборов экологисты, обеспокоенные «кризисом демократии и потерей доверия у граждан»², призывают все прогрессистские силы создать некую третью силу, противостоящую двум главным партиям, победившим на евровыборах – НО и LREM. Ставка делается на «граждан, НПО, профсоюзы, политические формирования согласные с тем, чтобы экология оказалась в центре» новой политической платформы³. Вместе с тем, Д. Корман призывает своих соратников к осторожности. В интервью корреспонденту радиостанции «Европа 1» он, в частности, говорил: «Когда мы начинали с того, что нам оказали доверие, мы часто его теряли из-за собственных глупостей...Надо внимательно отнестись к результатам европейских выборов: они делают нас обязанными, но не дают никаких прав... Нет никаких гарантий, когда представляешь себя избирательницам и избирателям»⁴. Этими словами Национальный секретарь EELV напомнил экологистам о том, как однажды, после евровыборов 2009 г., принёсших им 16,28% голосов, они уже создавали во Франции иллюзию о способности «переформировать левую»⁵, но вскоре из-за внутренних разногласий и столкновений сами её и развеяли, получив в 2014 г. на выборах в ЕП 8,95%, а в первом туре президентских выборов 2012 г. опустили до 2,3%.

Иными словами, в долгосрочной перспективе, к президентским выборам 2022 г., шансы партии «Европа.Экология – Зелёные» вы-

¹ Ibid.

² <https://fr.news.yahoo.com/eelv-david-cormand-appelle-troupe-132431660.html> (дата обращения: 24.06.2019).

³ L'Obs, № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 33

⁴ <https://www.europe1.fr/politique/eelv-en-pole-position-pour-les-municipales-dans-leur-histoire-les-ecologistes-ont-parfois-gache-des-occasions-avertit-david-cormand-3905930> (дата обращения: 24.06.2019).

⁵ L'Obs, № 2848 du 6 au 12 juin 2019. P. 18.

ступить в роли лидера третьего «прогрессистского» полюса не очень высоки. Особенно с учётом того, что часть её лидеров ушла в LREM, часть – в соцпартию, часть – в «Непокорённую Францию», часть – в другие левые и даже центристские группировки. Поэтому вопрос о том, сумеет ли EELV удержаться на гребне зелёной волны, предложив французскому электорату убедительную доктрину «социальной экологии», остаётся открытым.

КАПЛЯ А. С.*

ЭВОЛЮЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – нач. XXI в.

Проблемы экологии в той или иной степени давно волновали человечество, но экологическое движение как таковое появилось только во второй половине XX века. Феномен возникновения экологического движения принято связывать с обострением экологических проблем. Но еще в XIX веке вся Европа страдала от смога во время использования угольных печей, а экологистов тогда не было. Дело в том, что до 1950-х гг. у большинства рядовых французов были более насущные проблемы: они решали вопросы пропитания, заработка на жизнь. И только в 60-е гг. XX века, когда общий уровень жизни в Северной Америке и Западной Европе повысился, небольшие группы людей стали поднимать вопросы защиты окружающей среды. Быстрый и качественный рост экономики и прогресс в общественном сознании привели к тому, что люди индустриального общества обратились к новым, ранее не обсуждаемым на общественном и политическом уровне проблемам экологии.

Если в XIX веке последствия промышленного переворота вызывали столкновение социалистической и либеральной идеологий, то в 1960-х гг. в конфронтации оказались «защитники маленьких птичек», как тогда именовали будущих «Зеленых»¹, и правящие деловые круги, которым решение экологических вопросов было экономически невыгодно и политически неинтересно. В 1964 г. возникает сам термин «экологисты»²: к ним причисляли не только профессиональных эко-

* Капля Анна Сергеевна – аспирантка кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ Под «зелеными» со строчной буквы подразумеваются экологисты, а название партии, которой посвящена диссертация, пишется с заглавной буквы – «Зеленые».

² *Klimke M., Scharloth J.* 1968 in Europe: A History of Protest and Activism. NY., 2008. P. 8.

логов, но и всех активистов, кто боролся в защиту окружающей среды и предупреждал о катастрофических последствиях, к которым может привести нарушение равновесия во взаимоотношениях человека и природы¹. Таким образом, можно прийти к заключению, что зеленое движение стало прежде всего ответом на кризис индустриального общества.

Не исключено, что вдохновленные в том числе и экологическими проблемами, французские активисты 1968 г. критиковали капитализм и либеральную демократию, указывая помимо прочего на деградацию окружающей среды, расточительное потребление ресурсов. Среди лозунгов французских манифестантов мая 1968 г. довольно распространенным был «Под мостовыми – пляж» («Sous les pavés, la plage»)². Понимать эту аллегория можно следующим образом: бульжники – это продукт человеческой деятельности, а пляж – естественное создание природы. Исходя из этого, люди, замкнувшиеся в капиталистическом обществе, отгороженные от естественной среды продуктами человеческой деятельности, не в состоянии увидеть и оценить первоосновы жизни. Как отмечает известный французский историк М. Винок, одной из целей мая 1968 г. явилось создание «другого стиля отношений между людьми, между людьми и природой, между природой и городом»³. События мая 1968 г. стали триггером к демократизации и модернизации французского общества, в том числе «послужили толчком к реализации экологических идей на практике»⁴.

Стоит отметить, что ранние французские экологи были, в первую очередь, антинуклеаристами. Ведь в годы правления де Голля (1958–1969 гг.) во Франции было построено 8 атомных реакторов⁵, что вызывало ликование у экономистов Пятой республики и тревогу со стороны живущих рядом с новыми небезопасными источниками энергии французов, взволнованных воздействием АЭС (появившихся

¹ *Lacoste Y. Hérodote a vingt-cinq ans. Ecologie et géopolitique en France // Hérodote. 2001. № 100. P. 3.*

² Le site des slogans – <http://www.slogans-manifs.fr/cat/1/maximes-mai-1968> (дата обращения: 15.05.2018).

³ *Winock M. Chronique des années soixante. P., 1990. P. 234.*

⁴ Encyclopedie Larousse Online. – http://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/%C3%A9v%C3%A9nements_de_mai_1968/131140 (дата обращения: 12.03.2018).

⁵ Le site officiel de l'organisation Greenpeace – <https://www.greenpeace.fr/breve-histoire-nucleaire/>.

во Франции в 1960 г.) на окружающую среду. Первые экологи во Франции – люди со средним или выше среднего уровнем жизни, стали проводить эоакции, стараясь привлечь к себе внимание властей, и их действия принесли результат, потому что уже в 1971 г. при президенте Ж. Помпиду было создано министерство экологии¹. В своей речи в Чикаго 28 февраля 1970 г. Жорж Помпиду дал понять, что услышал экологические требования еще в мае 1968 г. и уже тогда обозначил все главные вопросы, которыми будет заниматься будущее министерство: защита воды и атмосферы, приспособление научных и технологических достижений к потребностям человека, одной из которых являлась чистота окружающей среды, создание «экологической культуры» (стимулирование гражданского контроля в этой сфере)².

С момента появления экологической идеи до сегодняшнего дня экологическое движение пережило значительную эволюцию в идейном, структурном плане и в сфере самоидентификации. Экологический фактор во второй половине XX – начале XXI в. постепенно становился всё более значимым в партийно-политической жизни Франции. История экологического движения началась задолго до его трансформации в политическую силу. Можно выделить пять этапов его развития, исходя из организационной, идейной эволюции и политических успехов экологов. Первый (конец 60-х гг. XX в. – 1974 г.) характеризовался появлением экологической проблематики как абсолютно нового феномена в политических реалиях Пятой республики. Он проявился, в основном, в борьбе эоактивистов против строительства АЭС и за создание первых экологических организаций, которые конкурировали между собой. Главным достижением этого этапа можно считать вывод экологической тематики на общенациональный уровень, включая президентские выборы (1974 г.)³, постепенное утверждение ее в массовом сознании французов.

Второй период (1974 – 1984 гг.), совпавший с мировым экономическим, энергетическим и структурным кризисами сер. 70-х – нач.

¹ Histoire de la protection de la nature et l'environnement. <http://www.ahpne.fr/spip.php?article114>.

² Речь президента Помпиду в Чикаго на официальном сайте Национального Собрания. http://www.assemblee-nationale.fr/12/controlle/delat/dates_cles/discours_chicago.asp. (дата обращения: 31.11.2017).

³ La France politique (le site d'information sur la vie politique française) – <http://www.france-politique.fr/election-presidentielle-1974.htm> (дата обращения: 15.10.2019).

80-х гг. XX в., стал для французских экологов временем становления их политической идеологии, поиском возможностей закрепиться на политической арене и войти в Национальное собрание. Впервые в их программах, помимо сугубо экологических, появились и социальные требования, а в 1984 г. экологи сформировали первую единую политическую партию «Зеленые, Экологическая конфедерация – Экологическая партия», или «Зеленые». Та партия, правда, еще не могла объединить все основные экологические группировки.

На третьем этапе (1984–1994 гг.) экологи прошли через непростой период поиска собственной политической идентичности. Попытки пробиться в Национальное собрание на этом этапе оказались безуспешными, хотя потенциал у экологических группировок явно был. Если бы все зеленые объединились в единый избирательный блок, они могли бы рассчитывать на поддержку 10,7% электората (ФСР имела 17,6%, ОПР – 20,25%, ФКП – 9,18%, СФД – 19,08%), т.е. чуть более 2,7 млн. французов¹. Первым значительным успехом партии «Европа. Экология – Зеленые» на этом этапе стало завоевание 9 мест в Европарламенте на выборах 1989 г.²

На четвертом этапе (1995–2010 гг.) «Зеленые» изменили свою стратегию, отойдя от прежнего неприятия политических альянсов и признав целесообразность избирательного и политического союза с социалистами. Успехи не замедлили дать о себе знать. В 1997 г. экологи впервые провели пять депутатов в Национальное собрание. В то же время, в силу идейных брожений многие экологи покидали партию, и в 2000-е гг. образовались новые экологические организации (СЕГА, НЕРНА и пр.), которые выступили на выборах с альтернативной экологической повесткой наравне со старожилами экологической мысли – «Зелеными», Движением независимых экологов, партией «Европа. Экология». В 2010 г. путем слияния партии «Зеленых» с партией «Европа. Экология» во Франции появилось крупнейшее политическое экологическое объединение – «Европа. Экология – Зеленые»³: на евровыборах 2009 г. в совокупности с более мелкими партиями экологического толка «Зеленые» могли рассчитывать на поддержку уже

¹ La France politique (le site d'information sur la vie politique française). <http://www.france-politique.fr/elections-legislatives-1993.htm> (дата обращения: 15.10.2019).

² La France politique (le site d'information sur la vie politique française). <http://www.france-politique.fr/elections-europeennes-1989.htm> (дата обращения: 15.10.2019).

³ Les Statuts d'EELV. Paris. Novembre 2010.

более 18 % электората, что превращало их в ценного союзника для той или иной политической силы¹.

Последний, пятый этап (2010–2012 гг.) ознаменовался качественными структурными и политическими изменениями партии «Европа. Экология – Зеленые». Новому движению удалось закрепиться в образе партии, отвечающей на вызовы современного общества и включившей в свою программу актуальные социально-экономические, внутри- и внешнеполитические лозунги. В 2011 г. «Зеленые» успешно провели выборы на кантональном, местном уровнях. По итогам сенатских выборов они смогли создать первую в истории французского экологического движения фракцию в Сенате. Заключив в ноябре 2011 г. предвыборный политический союз с ФСП, «Зеленые» на парламентских выборах 2012 г. добились поддержки 3,6% избирателей: набрав необходимое число депутатов, они сформировали парламентскую фракцию в Национальном собрании² и заняли место рядом с влиятельными национальными партиями, став третьей по числу полученных голосов избирателей и четвертой по количеству депутатов фракцией Национального собрания после доминировавших тогда ФСП и СНД (и их партнеров – праволиберального Союза демократов и независимых), опережая по числу мандатов Национальный фронт, Левый фронт и Партию Левых радикалов.

Таким образом, каждое десятилетие становилось важным рубежом в организационной и идейной эволюции экологистов. С организационной точки зрения почти за 50 лет экологов от создания по сути антисистемных ассоциаций и неприятия традиционных партийных структур пришли к формированию в одну из системных партий Пятой республики. В 1960-е гг. экологи сформулировали свои первые лозунги; в 1970-х гг. движение впервые заявило о себе на национальных выборах (1974 г.); к середине 1980-х гг. родилась первая экологическая партия; в середине 1990-х гг. это политическое объединение отказалось от попыток сохранить равную дистанцию между правыми и левыми (стратегия «ни-ни»³) и взяла курс на союз с социалистами. В 2010 г. произошла политическая консолидация экологистов и их сторонни-

¹ La France politique (le site d'information sur la vie politique française). –<https://www.france-politique.fr/elections-europeennes-2009.htm> (дата обращения – 15.10.2019).

² Le portail sur les élections dans le journal «Le Figaro». <http://elections.lefigaro.fr/resultats/election-legislatives-2012/> (дата обращения: 15.10.2019).

³ Ni droit, ni gauche.

ков, оформилась новая достаточно хорошо структурированная партия «Европа. Экология – Зеленые», а в 2011–2012 г. она сумела образовать фракции в обеих палатах французского парламента и вошла в правительство на правах младшего партнера социалистов.

С идейной точки зрения движение «зеленых» также эволюционировало: это заметно по изменениям избирательной повестки экологов за 50 лет. Если в 1960–1970-х гг. речь в их лозунгах шла исключительно об экологической проблематике, то к 2012 г. программа «Зеленых»¹ включала в себя не только экологические, но и в большом объеме представленные социальные, внутри- и внешнеполитические требования. По справедливому утверждению социалиста Мишеля Борделу, «программа Евы Жоли была антикоррупционной, а вовсе не экологической»². Не отказываясь от «своих» классических требований по защите окружающей среды, экологисты интегрировались во французскую политическую систему и приступили к разработке партийных положений, непосредственно не связанных с экологией и посягавших на политические поля конкурентов. Таким образом, возникнув как сугубо «нишевая» партия и взяв за основу новаторскую экологическую проблематику, со временем «Зеленые» сделали осознанный выбор в пользу трансформации своего движения в общенациональную партию.

Третий аспект эволюции касался отношения экологов к власти и другим политическим объединениям. Еще в 1974 г. появление кандидата в президенты-эколога Рене Дюмона на национальном экране явилось откровением для большинства французов и вызывало скепсис некоторых СМИ. Но постепенно властям приходилось признавать, что «маленькие защитники птичек» оказывают все возрастающее влияние на общество, а ведущим политическим партиям – обратиться к экологической тематике, видя, что она становится важна для электората. Это повлекло за собой дальнейшее развитие экологического дискурса, поскольку «Зелёные», наблюдая за тем, как их лозунги и идеи перехватывались конкурентами, продолжили свои идейные поиски в различных областях экологии, стремясь сохранить своё лицо, электорат и место, завоёванное на французской политической арене.

¹ *Vivre mieux. Vers une société écologique*. P., 2011.

² Личная беседа с Мишель Борделу 26.01.2015. Личный архив автора.

Результаты участия французских экологов в выборах различных уровней показали, что к началу XXI в. политическая экология¹ утвердилась на политической арене Франции. Возникнув в виде протестного движения, «Зеленые» сумели найти свое политическое лицо, предлагая избирателю идеи, новаторские и во многом альтернативные существовавшим установкам ведущих партий. Первоначально игнорируя социально-экономические и политические сюжеты, которыми были наполнены программы основных партийно-политических сил, экологи выдвинули на первый план уникальную проблематику, неочевидную на первый взгляд. В этом и заключался их протест против характерных черт индустриального общества.

За относительно недолгое время своего существования партия «Европа. Экология – Зеленые» обрела свою политическую нишу на политической арене Пятой республики: некоторые ее идейно-политические установки вызывают справедливую критику, но не равнодушные населения. Партия «Европа. Экология – Зеленые» имеет свою политическую «изюминку»: это и ее актуальные экологические лозунги, и яркие лидеры, чей имидж подчас не соответствовал традиционным образам политиков, и использование эпатажа в своих действиях, и укorenившаяся культура внутрипартийной демократии. Даниэль Кон-Бендит, стоявший у истоков сначала рождения партии «Зеленых», а впоследствии и «Европа. Экология – Зеленые», был бунтарем мая 1968 г. и представителем немецких «Зеленых»². Рене Дюмон имел колоссальный успех в среде студентов, шел против принятых в обществе норм поведения, устраивал первые экологические акции³. Брис Лалонд привлек к себе внимание тем, что на лодке пересек Атлантический океан⁴, Антуан Вештер выступил с эпатажным заявлением, относя партию «ни к правым, ни к левым», а «размещая» ее «позади». Ив Коше и Доминик Вуане выдвигали радикальные предложения, например, о введении

¹ Политическая экология – это набор течений, широко распространенный с 1970-х годов, который подчеркивает учет экологических проблем в политической деятельности, призывая к глубокому преобразованию социально-экономической модели общественного устройства.

² См. подробнее: *Капля А. С.* «Зеленые лидеры»: кому французы обязаны партией экологов // *Франция и Европа в XX–XXI веках. К юбилею Натальи Николаевны Наумовой*. Под ред. А. С. Медякова. М.: Зерцало-М. 2018. С. 200–238.

³ Там же.

⁴ Там же.

табу на использование автомобилей¹. Ноэль Мамер был харизматичным журналистом², Ева Жоли – первым кандидатом в президенты французского происхождения с хорошо заметным акцентом³.

В своих кампаниях «Зеленые» регулярно прибегали к эпатажным выходкам: например, это купание ведущих представителей партии в Сене с транспарантами о важности решения проблем загрязнения воды в самом центре Парижа⁴. На телепередачи «Зеленые» нередко приносили с собой необычный реквизит, как это сделал, например, А. Вештер, демонстрируя ветви больных от состояния воздуха на юге Франции дубов⁵. Общество резко отреагировало на предложение Жоли об отмене общенационального праздника 14 июля⁶. Таким образом, можно отметить, что в партии сильно развит «политический маркетинг». Помимо запоминающихся публице акций «Зеленые» активно используют современные технологии, в частности, интернет (блоги, социальные сети), стремясь идти в ногу со временем и ориентируясь на молодые слои населения.

Спецификой «Зеленых» всегда оставалась широкая внутрипартийная демократия, что создавало благоприятные и равноценные условия для идейной конкуренции, уважения различных точек зрения и поддержания паритета между мужчинами и женщинами внутри партии и среди руководства, на чем всегда настаивали экологисты. Принятию решений обычно предшествуют многочисленные резолюции, практика постоянных внутрипартийных референдумов и другие проявления демократии участия. У каждого из руководящих органов партии имеется собственный регламент, что призвано подчеркнуть невмешательство вышестоящих структур во внутреннюю жизнь нижестоящих организаций. Однако такая демократичность зачастую выливалась в то, что лидерам партии было сложно консолидировать свои позиции, а идеология открытости приводила к возможности участия в праймериз лю-

¹ Там же.

² Там же.

³ См. подробнее: *Капля А. С.* Ева Жоли: в борьбе за «справедливое устройство мира и экологическую безопасность» // Новая и Новейшая история. 2017. № 1. С. 197–206.

⁴ *La vie de Monique.* 40 ans d'écologie politique. P., 2014. P. 103.

⁵ L'Institut national audiovisuel. <http://www.ina.fr/video/CAB88011326/plateau-antoine-waechter-video.html> (дата обращения: 15.10.2019).

⁶ L'Express. https://www.lexpress.fr/actualite/politique/eva-joly-ne-veut-pas-du-defile-militaire-du-14-juillet_1012279.html (дата обращения: 26.05.2019).

бого желающего, даже непосредственно не состоявшего в партии. Это открывало возможности для различного рода неблагоприятных манипуляций и нечестной борьбы. При этом у движения «Европа. Экология – Зеленые» существует строгий партийный устав, в котором четко прописана субординация внутренних структур на всех уровнях власти¹.

Главным критерием успеха любой политической партии является достижение высоких государственных и политических постов его членов. Участие партии в выборах 2010–2011 гг. продемонстрировало правильность стратегии «открытости», принятой на Лионском съезде 2010 г., и стало успешной пробой сил обновлённой партии. Первые политические шаги партии «Европа. Экология – Зеленые» показали, что стратегия «открытости» движения в вопросе о создании новой партии и привлечения новых людей оправдала себя. Кантональные и сенатские выборы 2011 г. продемонстрировали способность и желание экологистов творчески работать сообща и достигать новых политических высот. Ошеломительным результатом кантональной кампании стало увеличение представительства «Зеленых» на местах более, чем в 2 раза (с 12 до 27 мест региональных советников²). На выборах в Сенат «Зеленым» впервые в своей истории удалось создать фракцию на правах союзников социалистов. По сравнению с успехами партии «Зеленые – Экологическая конфедерация», существовавшей до 2012 г., достижения партии «Европа. Экология – Зеленые» 2011 г. стали настоящим качественным рывком.

На волне успеха 2011 г. «Зеленые» подошли к главной цели – первым для обновленной партии общенациональным выборам. Понимая, что судьба президентских выборов 2012 г. решится прежде всего в столкновении правоцентристских кандидатов от крупнейших партий – Союза за народное движение и социалистов, «Зеленые», хотя и выдвинули своего кандидата, выступали на выборах как потенциальные союзники ФСП. В обмен на поддержку социалиста Ф. Олланда во втором туре президентских выборов они рассчитывали получить больше мандатов на следующих – парламентских – выборах за счет избирательного союза с ФСП, оформленного в ноябре 2011 г.³ Уже резуль-

¹ Les Statuts d'EELV. Paris. Novembre 2010.

² Rennes Info. <http://www.rennes-info.org/EELV-35-cantonaux-resultats-du> (дата обращения: 11.05.2018).

³ Официальный сайт партии «Европа. Экология – Зеленые» – https://eelv.fr/wp-content/uploads/2011/11/texte_complet_daccord_EELV-PS1.pdf (дата обращения: 15.05.2018).

таты региональных и кантональных выборов 2011 г. вселили в этом плане надежду. Стремясь сделать свою программу максимально привлекательной для избирателя, экологисты пошли на увеличение в ней неэкологической составляющей, пытаясь найти оптимальный баланс между природоохранительной и другими темами, актуальными для французов. Заключенный экологистами союз с ФСП оказался выгодным для обеих сторон. На парламентских выборах 2012 г. ФСП выступила в роли «буксира», зацепившись за который, «Зеленые» сумели получить 17 мандатов, необходимых для формирования парламентской фракции в Национальном собрании, и даже войти в правительство¹. На правах союзников социалистов, ставших партией власти, экологисты также получили несколько постов в кабинете министров. «Зелёные» претендовали на портфель министра экологии, но из-за существовавших указанных выше серьёзных разногласий между социалистами и экологистами по атомной энергетике министерство экологии, ФСП могла предложить «Зелёным» это министерство, лишь отделив от него департамент по энергетике и транспорту, что снижало политический вес этого ведомства. Поэтому в партии было решено занять министерство по вопросам территорий и жилищного строительства, шестое по значимости и размеру в кабинете министров², которое возглавила Сесиль Дюфло³. Ее однопартиец Паскаль Канфен получил пост министра – делегата по развитию при МИД Франции⁴. Как пояснили члены партии «Европа. Экология – Зелёные», портфель, доверенный Сесиль Дюфло оказался одним из самых «весомых» при распределении и в целом позволял ей приступить к реализации экологических задач, сформированных в предвыборной программе.

Но и ФСП, решившая объединить вокруг себя левоцентристов, критиковавших политику Николя Саркози, нуждалась в поддержке партии «Зеленых». Таким образом, несмотря на то, что экологисты подвергались некоторой критике как справа, так и слева, заинтересованность в них со стороны других сил становилась все более очевидной, и это тоже стоит отнести к политическим успехам движения. Хотя меж-

¹ La France politique (le site d'information sur la vie politique française. <https://www.france-politique.fr/elections-legislatives-2012.htm> (дата обращения – 12.10.2019).

² Личная беседа с Алексисом Прокопьевым 3.12.2015. Личный архив автора.

³ Le site officiel du Conseil Général. <http://www.conseil-general.com/ministeres/ministeres.htm> (дата обращения: 15.05.2018).

⁴ Ibid.

ду ФСП и «Европа. Экология – Зеленые» объективно существует конкуренция за левоцентристский электорат, их взаимодействие 2012 г. можно считать успешным примером симбиоза, поскольку избиратели левого лагеря доверяли ФСП, скорее как крупной и дееспособной политической силе, тогда как «Зеленым» как партии, способной решить жизненно важные экологические вопросы.

Влияние партии «Зеленых» на партийно-политической сцене Пятой республики заключается прежде всего в востребованности их идей. Таким образом экологи в Франции символизируют один из важнейших глобальных трендов современности. Значение деятельности современных «Зеленых» в политической жизни Пятой республики многогранно. Со временем политическая экология стала оказывать влияние на самые разнообразные стороны жизни – медицину, образование, сельское хозяйство, энергетику и т.д. Новизна экологической идеи заключалась в том, что она касалась не только каждого живущего на Земле, но и будущих поколений. Не случайно даже столь далекий от политической экологии человек, как Николя Саркози, заявил, что «если не предпринимать никаких действий сейчас [в экологической сфере. – прим. А. К.], то будет слишком поздно»¹. Тем самым авторы экологической проблематики сумели поставить в центр общественно-политических дебатов вопрос о приоритете гармоничного сосуществования человека с природой как высшей ценности на Земле. И в этом, несомненно, их моральная заслуга. Экологи пытались на практике реализовать концепцию «политической экологии», основанную на бережном отношении человека и политического руководства в целом к окружающей среде и ориентированную на новые безопасные технологии. С другой стороны, экологов часто справедливо критиковали за то, что их предложения и проекты, которые не учитывали существующие экономические и энергетические реалии Франции и Европы.

Оценивая роль движения зеленых в современной Франции, следует подчеркнуть их оригинальную стратегию по интеграции партии в современную партийно-политическую систему Пятой республики. В первую очередь, принимая в расчет историю партии, стоит отметить, что уже само позиционирование ее среди других сил указывало на стремление экологов выделиться среди прочих и продемонстриро-

¹ Le Monde. 15.12.2007.

вать свою идейную уникальность. В то же время история их движения демонстрирует способность экологов для достижения своих целей умело лавировать между прочими партиями, брать на вооружение чужие лозунги и вести политический торг, в том числе со своими партнерами. Не случайно, электорат, к которому апеллируют экологи, крайне широк: это в основном образованная молодежь и представители французской интеллигенции. Стоит также отметить, что среди сторонников «зеленых» также много женщин и иммигрантов.

Пропагандируя собственные установки, экологи делают акцент на демократичности своих организационных структур, готовности к компромиссам с партнерами и правящими силами и наличию неординарных лозунгов. При этом стоит подчеркнуть, что французские «Зеленые» для многих избирателей остаются маргиналами, чьи результаты несопоставимы с результатами популярных в то время партий – СНД, ФСП и некоторых других, поэтому не следует преувеличивать их роль в современной политической жизни страны. Многие предвыборные лозунги экологов, разделявшие их главными союзниками, социалистами, особенно в области ядерной энергетики, остались невыполненными. Полемику вызывают такие инициативы партии, как легализация марихуаны, поддержка сексуальных меньшинств и однополых браков. Важно помнить, что успех на парламентских выборах 2012 г. экологи могут занести себе в актив лишь в контексте их союза с ФСП.

Наконец, нельзя забывать о том, что партия экологов имеет множество идейных собратьев в других странах Европы. Объединяясь и предлагая совместные инициативы в стенах наднационального органа ЕС – Европарламента, экологи дают понять всему миру, что их идейный багаж актуален и востребован, а значит у экологического движения, как во Франции, так и за ее пределами, есть серьезный потенциал для новых достижений в XXI веке.

Следует признать, что экологическая проблематика была представлена в избирательных кампаниях 2012 г. ведущих партий Пятой республики в меньшей мере, чем на предыдущих выборах. Несмотря на проведенную серию встреч «Гренель»¹, выпущенные два закона

¹ См. подробнее: *Le Grenelle de l'environnement: acteurs, discours, effets*. P., 2012.

Гренель 1¹ и Гренель 2², а также создание большого министерства по делам устойчивого развития, президент Саркози не смог провести эффективную экологическую политику и не сдержал всех своих обещаний. В частности, широкой огласке подвергся так и не введенный налог на выбросы в воздух углекислого газа. К тому же, активист экологического движения и автор «Экономического пакта»³ Николя Юло, проиграв праймериз, взял тайм-аут в политической сфере и отдалился от дебатов, снизив их общественный накал. В целом, в 2012 г. экология отошла на второй план, уступив место крайне актуальной для Франции проблеме выхода из финансового и экономического кризиса.

Тем не менее, экология широко присутствовала в предвыборных дебатах, а в повестке ФСП она даже была представлена в большем объеме по сравнению с кампанией 2007 г. Заключив союз с экологистами, социалист Франсуа Олланд расширил свою предвыборную президентскую программу, увеличив число обязательств в сфере защиты окружающей среды. Николя Саркози, наоборот, заметно уменьшил экологическую составляющую своей кампании, выступая за активное развитие ядерной энергетики и вызывая тем самым резкую критику со стороны экологистов. В свои программы экологическую проблематику занесли также Марин Ле Пен, Франсуа Байру и Жан-Люк Меланшон. Заимствование экологической тематики столь разными политическими силами свидетельствовало о значимости экологических установок, ставших одним из главных компонентов современного политического дискурса во Франции. Экологическая проблематика была взята на вооружение различными левыми, центристскими и даже правыми объединениями, а экологизация политического сознания и партийных программ явилась неотъемлемой чертой современной партийно-политической системы Пятой республики.

На фоне этих перемен сама экологическая партия вызывала у французских объединений неоднозначную реакцию. Отношения социалистов с экологистами с середины 1990-х гг. характеризовались практикой кратковременных альянсов на различных выборах, причем значимость экологистов для ФСП к 2000-м гг. постепенно всё боль-

¹ Le site officiel du Sénat. <http://www.senat.fr/leg/tas08-128.html> (дата обращения: 15.07.2019).

² Le site officiel des documents et lois officiels français. <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000020949548> (дата обращения: 15.05.2018).

³ Le pacte écologique. P., 2007.

ше возрастала по мере усиления позиций «Зеленых». Отношение к экологистам других лидеров на левой половине политического поля Франции – центриста Байру и лидера Левого фронта Меланшона было в целом благосклонным, поскольку экологические установки всех трех сил пересекались. В то же время на правой половине французского партийно-политического спектра экологическая идея была куда менее популярна. Правоцентристы из СНД не воспринимали партию «Европа. Экология. Зеленые» всерьез, а Николя Саркози даже позволил себе обзвать ее «сектой». Наконец, Марин Ле Пен подвергла Еву Жоли жесткой критике, так как в идейном, экономическом и экологическом плане установки двух сил серьезно противоречили друг другу. На основании всего вышесказанного можно с уверенностью сказать, что к предвыборной гонке 2012 г. «Зеленые» закрепились в глазах электората скорее как левая группировка. Относительно самоидентификации «левый/не левый» в среде экологистов до сих пор идут споры, но никто из них не относит себя к правой политической семье.

Таким образом, влияние экологической проблематики на жизнь французского общества 2010–2012 гг. проявилось в следующем. Во-первых, в росте популярности и укреплении позиций партии «Зеленых» на политической арене, во-вторых – в постепенной экологизации установок остальных политических объединений. Выборы 2012 г. показали, что экологические сюжеты уже перестали быть монополией «Зеленых», а стали еще одним полем, на котором ведущие партии Пятой республики конкурируют за избирателя. Более того, ряд идей, изначально сгенерированных экологистами, были заимствованы и вошли в том или ином виде в избирательные программы практически каждой крупной партии Франции: например, введение эконалогов как показатель экологической ответственности французского государства. Так, в 2018–2019 гг., администрация президента Макрона, попытавшись ввести эконалог на топливо, что во многом пересекается с установками экологистов, встретило социальный протест – оппозицию в виде движения желтых жилетов¹. Можно предположить, что на основе общепризнанных экологических установок со временем во Франции способен сложиться национальный консенсус, который будет способствовать дальнейшему развитию экологического сознания граждан Пятой республики.

¹ FranceInfo. <https://www.francetvinfo.fr/economie/transports/gilets-jaunes/>.

КИРСАНОВА Н. В.*

ИСПАНСКИЙ ФАШИЗМ ПРОТИВ КАТАЛОНЦЕВ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930-х гг.)

Политические перемены в Испании на рубеже 20-х и 30-х гг. (кризис монархического режима, крушение монархии и установление республики в апреле 1931 г., начало демократических преобразований) привели к переформатированию правых политических сил. Наряду с традиционными для Испании монархическими и правокатолическими группировками появились организации, стремившиеся воспроизвести с учётом испанских реалий идеологию и политический опыт итальянского фашизма.

Ещё в 1927 г. Э.Хименес Кабальеро (1899–1988), которого называли «испанским Габриеле Д’Аннунцио», начал издавать «Гасета Литерариа», пропагандирующую идеи фашизма. В 1931 г. Р. Ледесма Рамос (1905–1936) основал организацию «Завоевание государства» (“La Conquista del Estado”), с марта 1931 г. стала выходить газета с тем же названием – «Ла Конкиста дель Эстадо». Летом 1931 г. О. Редондо (1905–1936) создал группировку «Кастильские хунты испанского действия» (“Juntas Castellanas de Actuación Hispánica”). В октябре 1931 г. «Завоевание государства» и «Кастильские хунты» объединились, превратившись в «Хунты национал-синдикалистского наступления» – ХОНС (“Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista” – JONS). Ледесма Рамос и Редондо стали руководителями новой партии. ХОНС считала своей целью борьбу против «марксистской чумы» и «буржуазного либерализма», за искоренение классово-корпоративную организацию общества и государства, за восстановление имперского могущества Испании. В октябре 1933 г. Х. А. Примо де Ривера (1903–1936), сын генерала М. Примо де Ривера, возглавлявшего диктаторский ре-

* Кирсанова Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

жим в 1923–1930 гг., провозгласил создание ещё одной партии фашистского толка – «Испанской Фаланги» (“Falange Española”). В марте 1934 г. произошло объединение Фаланги и ХОНС. Партию возглавили Примо де Ривера, его соратник Х. Руис де Альда (1897–1936) и Ледесма Рамос. Политические разногласия и внутрипартийная борьба за власть привели к тому, что Ледесма Рамос был исключён в 1935 г. из партии, а Редондо – оттеснён на второй план. Примо де Ривера становится единственным вождём и главным идеологом Фаланги¹.

Крайний национализм и шовинизм – типичная черта фашистских движений во всех странах, испанский фашизм не был исключением. В Испании идеологи фашистских группировок объявляли одним из своих главных врагов «сепаратизм», причём в роли главного «очага сепаратизма» выступала, как правило, Каталония.

В каталонском национализме в начале XX в. существовали разные течения. Умеренное крыло добивалось самоуправления и создания благоприятных условий для развития каталонского языка и культуры. В то же время наиболее радикально настроенная часть националистов считала своей целью образование «каталонской республики». Ещё в 1922 г. один из лидеров этого течения, Ф. Масиа (1859–1933) основал партию «Каталонское государство» (“Estat Català”). В первые дни революции, в апреле 1931 г., Ф. Масиа в Барселоне провозгласил создание Каталонской республики. В результате переговоров с временным республиканским правительством Испании был достигнут компромисс: Каталонии была обещана автономия.

Одной из наиболее острых проблем Второй испанской республики была проблема национально-государственного устройства. Конституция 1931 г. предусматривала возможность создания автономии и содержала процедуру её предоставления. На протяжении первого, республиканско-социалистического, периода испанской революции (1931–1933 гг.), только Каталония смогла успешно пройти этот путь – в 1932 г. вступил в силу Автономный статут Каталонии. Первым главой каталонской автономии был избран в конце 1932 г. Ф. Масиа. После его смерти в 1933 г. этот пост занял Л. Компанис (1883–1940).

¹ Подробная история фашистских группировок, их программы и деятельность рассмотрены С. П. Пожарской. *Пожарская С. П.* Внутренние и внешние факторы утверждения фашизма в Испании // История фашизма в Западной Европе. Отв. ред. Г. С. Филатов. М.: Изд. «Наука», 1978.

Хотя решение каталонской проблемы было найдено, призывы радикально настроенных каталонских националистов в 1931 г. вызывали тревогу у многих испанцев, боявшихся распада единого государства. Эти опасения умело использовали лидеры фашистских группировок. С 1931 г. фашистские идеологи запугивали людей «каталонским сепаратизмом», отождествляли с сепаратизмом любые проявления национальной культуры и национального самосознания каталонцев. Одновременно эта пропаганда дискредитировала политические институты республиканской Испании, поскольку и правительство, и Кортесы представляли в роли пособников каталонского сепаратизма.

В статьях Ледесмы Рамоса, опубликованных в «Ла Конкиста дель Эстадо» весной и летом 1931 г., высшей ценностью провозглашались величие испанской Империи и имперская идея, которая должна сплотить все народы Испании. В мае 1931 г. он писал: «Свободная Каталония? Свободная от чего? От обязательства участвовать в деле величия Испании? ... Это государственная измена. И она должна быть наказана»¹. В статье «Сепаратистская опасность. Испания Единая и Неделимая» Ледесма Рамос призывал бороться с «сепаратистским меньшинством» и «врагами Родины», расстрелять Масиа как предателя, требовал от Кортесов отвергнуть саму идею каталонской автономии. Далее он обвинил «мятежное меньшинство» в подготовке трёхступенчатого плана: на первом этапе – захват власти в Каталонии и воспитание народа в духе предательства; на втором – разложение армии и провоцирование национализма в других регионах страны; на третьем – сепаратизм². Ледесма Рамос отрицал право каталонцев решать судьбу Каталонии; он заявлял, что Каталония не принадлежит ни какой-то одной группе каталонцев, ни даже всем каталонцам; Каталония принадлежит Испании; Каталония – это Испания³. В дальнейшем в своих политических докладах, в статьях, в двух книгах, изданных в 1935 г., он повторял тезис о единой и неделимой Испании, о борьбе с «преступным сепаратизмом» и «анти-Испанией».

Краеугольным камнем мировоззрения другого лидера ХОНС, Онесимо Редондо, было мифологизированное представление об осо-

¹ Antología Ramiro Ledesma Ramos. Madrid: Ediciones FE, MCMXLII. P. 56. <https://www.maalla.es/Libros/RamiroLedesma-Antologia.pdf> (дата обращения: 3.10.2019).

² Ledesma Ramos R. El peligro separatista. España Una e Indivisible // La Conquista del Estado. 13 de junio de 1931. № 14. // www.filosofia.org/hem/193/lce/lce141.htm (дата обращения: 3.10.2019).

³ Antología Ramiro Ledesma Ramos... P. 58. (дата обращения: 3.10.2019).

бой роли Кастилии, которая сумела создать единое испанское государство. Он противопоставлял Кастилию, носительницу мирного и гармоничного единства, «искусственным нациям», чьё богатство возникло благодаря бедной, но созидающей великую испанскую нацию Кастилии¹. Речи и статьи Редондо изобилуют нападками на сепаратистов, марксистов, евреев и «стариков» (Редондо считал, что к власти нельзя допускать людей старше 40 лет.)

Взгляды Ледесмы Рамоса и Редондо легли в основу программных документов ХОНС. Ненависть руководителей ХОНС распространялась и на каталанский язык. В 1931 г. Учредительные Кортесы признали каталанский язык официальным на территории Каталонии, наравне с испанским. Газета «Ла Конкиста дель Эстадо» откликнулась на это решение следующим образом: «Испанцы! Учредительные Кортесы совершили новое предательство против Испании: предательство языка. Почему в Каталонию не отправлены два артиллерийских полка? Доколе терпеть это?»².

В 1933–1935 гг. основатель Фаланги, Хосе Антонио Примо де Ривера, опубликовал несколько статей, в которых он сформулировал доктрину «единства судьбы» («unidad de destino»). В декабре 1933 г. в статье «Свободная Страна Басков?» он сформулировал основы своей теории. «Нация не является ни географической, ни этнической, ни лингвистической реальностью; нация – это просто историческое единство»³. В последующих статьях 1934–1935 гг. Примо де Ривера развивает эту идею. Нация – это тот уровень, на который поднимается народ при выполнении своего универсального предназначения в истории⁴. У Испании, с момента её возникновения было имперское предназначение; разные народы и различные языки оказались неразрывно связаны единством судьбы в мире. Свершениями, которые создали «единство судьбы», Примо де Ривера считал открытие и завоевание Америки, военные походы в Средиземноморье. Примо де Ривера призывал к «па-

¹ Discursos de Onésimo Redondo Ortega – Antología y textos. <https://www.youtube.com/watch?v=-SedEDsZICA> (дата обращения: 4.10.2019).

² Catalunya sota el règim franquista. Volum I Informe sobre la persecució de la llengua i cultura de Catalunya pel règim del general Franco. – París: Edicions catalanes de París, 1973. P.73.

³ *José Antonio Primo de Rivera*. Obras de José Antonio Primo de Rivera / Madrid, 1974. P. 99.

⁴ *Ibid.* P.110.

триотизму великой Испании». Особую роль Примо де Ривера отводил Кастилии – «Кастилия никогда не была провинцией, она всегда стремилась быть Империей»¹. Хосе Антонио использовал термины «баскский народ» и «каталонский народ», но при этом подчёркивал, что эти народы не являются нацией, поскольку в одиночку они не способны выполнить историческую миссию. В своих речах в Кортесах (30 ноября и 11 декабря 1934 г.) Примо де Ривера признавал, что Каталония имеет свой язык, обычаи и историю, но принадлежность к нации определяет не это, а «единство судьбы»².

Лидер Фаланги объяснял появление сепаратизма (под сепаратизмом он понимал любые проявления местного национализма) упадком исторической миссии. Каталонизм рождается, когда Испания теряет колонии, а барселонские фабрики теряют рынки. Каталонизм был спекуляцией крупной капиталистической буржуазии на чувствах народа³. Интересно отношение Примо де Ривера к проблеме автономии – в статье «Испания неотменяема» (“España es irrevocable”) (июль 1934 г.) он гипотетически допустил возможность предоставления автономии Леону или Андалусии, поскольку эти области не будут использовать автономный статут против единства страны. Но нельзя предоставлять статут району “заражённому сепаратизмом”, здесь статут станет оружием в руках тех, кто борется против единства Испании⁴.

Целенаправленную борьбу против каталонской автономии Примо де Ривера начинает весной 1934 г., когда возникает конфликт между каталонской автономией и Мадридом по поводу «Закона о сельскохозяйственных контрактах». Каталонский парламент принял закон, позволявший арендаторам выкупать у помещиков землю, но Трибунал конституционных гарантий объявил этот закон неконституционным. Конфликт был урегулирован к сентябрю 1934 г. Летом и осенью 1934 г. тон выступлений и статей Примо де Ривера становится всё более агрессивным, в сентябре 1934 г. он утверждал, что Каталония вот-вот отделится от Испании и, обращаясь к армии, требовал принятия срочных мер.

В октябре 1934 г. разразился политический кризис. Левые силы ответили на включение в состав правительства руководителей реакционного блока СЭДА (Confederación Española de la Derecha Autónoma,

¹ Ibid. P. 189.

² Ibid. P. 384–386.

³ Ibid. P. 458–459.

⁴ Ibid. P. 287.

CEDA – Испанская конфедерация независимых правых) всеобщей политической забастовкой. В Астурии забастовка переросла в вооружённое восстание. В Каталонии глава автономии, Луис Компанис, публично заявил о создании каталонского государства в составе Испанской федеральной республики, что стало поводом для ликвидации политических институтов автономии и ареста её руководителей, хотя формально статут не был отменён. После октябрьских событий 1934 г. лидер Фаланги клеймил Луиса Компаниса и его соратников как предателей и упрекал власти в том, что после октября 1934 г. они так и не решились отменить Автономный статут 1932 г.¹ Виновниками произошедшего Примо де Ривера считал «международный марксизм» и анти-Испанию.

Победу Народного Фронта на парламентских выборах 16 февраля 1936 г. Примо де Ривера воспринял как реальную угрозу отделения Каталонии и призвал своих сторонников не допустить потери «испанской земли Каталонии»².

Идеи Примо де Ривера были закреплены в программных документах Фаланги («Norma programática de la Falange», ноябрь 1934 г.): программа содержала тезис о единстве судьбы; о стремлении к Империи. Программа предупреждала: «Любой сепаратизм – это преступление, которое мы не простим»³.

Антикаталонская истерия разжигала ненависть между народами Испании, фашистские лидеры постоянно призывали к насилию, к физическому уничтожению своих противников. Всё это подталкивало страну к гражданской войне, ставшей для всех народов Испании национальной трагедией. Националистические идеи Примо де Ривера и других фашистских вожаков были использованы франкистской пропагандой в годы гражданской войны и после её окончания. В первые годы после гражданской войны франкистский режим предпринял попытку насильственной ассимиляции каталонцев, апеллируя к идее борьбы с «каталонским сепаратизмом».

¹ Ibid. P. 846–847.

² Ibid. P. 899.

³ Ibid. P. 339.

МОИСЕЕВ Г. Ч.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепт «политическое лидерство» активно применяется как на теоретическом уровне осмысления политики, так и при объяснении реальных общественных процессов прошлого и настоящего. Среди различных форм лидерства именно политическое занимает особое положение. Оно гораздо более значимо и заметно своей экспрессивностью и преднамеренностью, более влиятельно в разнообразных действиях и проявлениях, более эффективно в воздействии на политическую и общественную жизнь, на весь ход исторического развития.

Начиная с XX века, и особенно его второй половины, политические лидеры различного масштаба все чаще привлекают к себе внимание исследователей. Это связано с ростом их влияния в обществе, появлением все большего числа харизматических личностей, превращением политического лидерства в один из самостоятельных институтов власти¹. Многообразие форм государственного устройства европейских стран и способов осуществления власти после Второй мировой войны стимулировало изучение тех политических процессов, которые в них протекали. И, хотя сам вопрос о том, почему политическое лидерство в различные исторические периоды и в разных странах имеет тенденцию проявляться по-разному, был сформулирован уже давно, наибольшую актуальность он приобрёл именно в 40-70-е годы XX века. Выясняя, например, почему внешне одинаковые институты успешно функционируют в одних странах и совершенно неприемлемы для других, исследователи уделяли все больше внимания реальным субъектам политики, в том числе и политическим лидерам.

* Моисеев Георгий Чеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ См. подробнее: *Васильцов С. И.* Фактор лидера в современном политическом развитии // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 2.

Политическое лидерство сегодня изучается в рамках целого ряда наук, где рассматривается как междисциплинарный объект. Множество подходов к его исследованию, акцентируют внимание на таких аспектах как характерные черты, структурные компоненты, различные типы, критерии эффективности и др. На первый взгляд может показаться, что те, кто занимается изучением феномена политического лидерства, создают исключительно теоретические построения, имеющие абстрактный характер, которые вряд ли могут быть использованы в конкретных исследованиях. Но это не так.

Исследователи общественных движений и политических партий, специалисты по электоральным процессам, авторы биографий, работ по истории повседневности постоянно сталкиваются с необходимостью определения роли тех личностей, которые влияют на содержание и характер происходящих событий или принимают в них активное участие. И чем более значимой для эпохи является фигура того или иного политического деятеля, тем важнее не упустить из виду мельчайшие детали его поведения, вникнуть в особенности процесса принятия решений, понять его намерения, оценить эффективность предпринятых инициатив и наступивших последствий. Применение концепта политического лидерства помогает уйти от одномерных и «эмоциональных» оценок изучаемых персонажей, поскольку предоставляет исследователю, более широкий спектр характеристик, позволяет по-новому посмотреть на формы реализации политики.

Несмотря на давнее стремление раскрыть взаимосвязь объективных и субъективных факторов в истории, первые представления о политическом лидерстве были сформулированы лишь в конце XIX – начале XX вв., и вплоть до 70-х годов прошлого столетия этот феномен не был предметом систематического научного внимания¹.

После множества попыток политологов, философов, юристов, социологов и психологов определить наиболее значимые факторы, влияющие на становление политического лидера, делающих возможным его восхождение к власти и обеспечивающие его воздействие на общество², исследователи пришли к пониманию необходимости систе-

¹ См. подробнее: *Шербинина Н. Г.* Теории политического лидерства. М., 2004.

² Например: теория черт (Ф. Гальтон, Э. Богардус, К. Бэрд), ситуационная концепция (Р. Стогдилл, Т. Хилтон, А. Голдиер), лично – ситуативная теория (Г. Герт, С. Милз), теория конститuentов (Ф. Стэнфорд), психологические теории (З. Фрейд, Э. Фромм, Т. Адорно).

матизации накопленных знаний. Такое обобщение ставит целью не только осмыслить различные стороны политического лидерства в их взаимосвязи, но и использовать этот концепт для расширения наших привычных представлений о прошлом и настоящем.

Среди имеющихся наработок особое внимание привлекает функционально-ролевой подход, в рамках которого политические лидеры выделяются не как обладатели какого-то одного или нескольких ключевых качеств и способностей, а анализируются с точки зрения степени их преобразующего воздействия на общество. В середине 80-х годов XX века сразу несколько исследователей высказывают тезис о поведенческом характере политического лидерства, справедливо полагая, что политика невозможно оценить, исходя лишь из его личностных особенностей без учёта взаимодействия с внешним окружением.

Американский специалист в области политической психологии М. Дж. Херманн в числе факторов, определяющими феномен лидерства, наряду с личностью политика, называет свойства его последователей (сторонников), характер взаимосвязи между ними и лидером, а также исторический контекст (или ситуацию), в которой действует лидер¹. На основе изучения различного сочетания таких факторов исследователь предлагает четыре условных роли лидеров, названия которых говорят сами за себя: «знаменосец», «служитель», торговец» и «пожарный».

Схожие критерии выделяет в своей книге с многообещающим названием «Политическое лидерство: Путь ко всеобъемлющему анализу» французский политолог Жан Блондель². Размышляя над вопросом «имеют ли лидеры значение?» автор предпринял попытку построить типологию политических лидеров, исходя из степени их эффективности. В основу предложенной классификации были положены различные модели поведения политиков, зависящие от комбинации трёх аспектов: личностных особенностей, сложившихся общественных институтов и ситуации, с которой они имеют дело. Разграничивая их между собой, Ж. Блондель одновременно подчёркивал важность ис-

¹ *Hermann M. G. Ingredients of Leadership // Political Psychology. Contemporary Problems and Issues. San Francisco; L., 1986. P. 168–185; Маргарет Дж. Херманн. Стили лидерства в формировании внешней политики // Политические исследования. №1, 1991. С. 91–98.*

² *Blondel J. Political leadership : towards a general analysis. London, 1987; Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992.*

следования данных факторов как относительно самостоятельных, но явно влияющих друг на друга. Такой подход, по мнению автора, способствовал бы пониманию подлинных мотивов поведения политиков, выражающихся не только в их действиях, но также скрытых намерениях и потенциальных возможностях.

Наибольшую сложность при использовании такого подхода вызывает анализ личностного фактора. Несмотря на то, что биографии и автобиографии дают детальные описания личных качеств лидеров, степень и механизм их влияния на конкретное поведение остаётся все ещё неясным.

Одним из первых, кто предпринял попытку определить роль этого фактора для политики, был М. Вебер, обративший внимание на экстраординарные и иррациональные свойства личности, названные им «харизмой»¹.

Основатель политико-психологического подхода к исследованию лидерства, американский исследователь, один из классиков бихевиорализма Г. Лассуэлл считал, что все люди так или иначе рождаются политиками, и искал скрытые мотивы поступков политических деятелей в механизмах вытеснения психотравмирующих «частных конфликтов», пережитых будущими политиками в детстве в сферу общественных объектов и в последующей их рационализации в понятиях общественных интересов². Обострённое стремление человека к власти он характеризовал как своеобразное «затянувшееся детство», когда политик оправдывает собственные амбиции, идентифицируя себя с благородной причиной, например, величием страны или триумфом партии. Иными словами, жажда власти по Лассуэлу помогает лидерам избавиться от чувства собственной посредственности, особенно в тех случаях, когда они доказывают себе и другим свою политическую дееспособность, проявляя чудеса изворотливости и ловкости в политических интригах. Теория бихевиорализма впервые поставила в центр внимания исследователей относительно новую для конца 40-х гг. XX века проблему стиля политического поведения.

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990.

² Lasswell H. D. Power and Personality. N.Y., 1948; Lasswell H. D. Psychopathology and Politics: A New Edition with Afterthoughts by the Author. N.Y., 1960; Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика. М., 2005.

Изучением политического стиля лидеров целенаправленно занимался ещё один американский политолог – Дж. Д. Барбер, анализировавший психологическую структуру личности американских президентов. Под ним он понимал «набор образов привычных действий личности в ответ на ролевые требования»¹.

Среди отечественных исследователей проблем личности политиков следует назвать специалиста в области социально-политической психологии Г. Г. Дилигенского, который рассматривал личность довольно объёмно, выделяя в ней когнитивные, мотивационные, аффективные, коммуникационные и поведенческие компоненты².

Возвращаясь к Ж. Блонделю, отметим, что тот понимал под личностью политиков сумму элементов, которая «описывает» их в конкретный момент, считая, что этот фактор имеет смысл и значение лишь в связи с целями и политическими принципами лидеров, а также их востребованностью обществом.

Если область исследования, связанная с личностью политика, считать своеобразным микроуровневым анализом, то ситуационные и институциональные факторы, представленные процессами и явлениями, в которые политик оказывается вовлечённым «волею судьбы» можно отнести к макроуровню. Изучение конкретного соотношения между этими уровнями позволяет понять, в какой степени значение реального политика определяется его личностными качествами, а в какой – условиями среды, в которой он действует и на которую влияет.

Особое место в рамках среды отводится общественным институтам, которые являются для политического лидера своеобразными инструментами воздействия или его ограничителями. Они включают группы, партии, бюрократию, суды и законодательные органы, средства массовой информации – все, что может мешать или помогать действиям лидеров. Уровень институционализации общества (то есть, предел, до которого институты в нем реально работают), степень централизации или децентрализации системы управления являются значимым критерием учёта этого фактора.

Для того чтобы определить чего реально достигают сами лидеры, а в каких действиях они просто «плывут по течению», в лучшем случае довольствуясь небольшим вмешательством, мы нуждаемся в точной

¹ Barber J. D. The Presidential character: Predicting performance in the White House. N. Y., 1972.

² Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1996.

оценке «знаменателя» нашего «уравнения», которым является конкретная историческая ситуация.

При этом важно понимать, что ситуационный фактор оказывает влияние на политиков не только совокупностью происходящих событий, но и состоянием самой общественной и политической системы, конкретной фазой ее исторического бытия. От этого параметра зависят, в частности, такие значимые моменты, как «климат», в котором лидер начинает свою деятельность, его предшествующий политический опыт, способы, которыми он достиг своего положения.

Чаще всего исследователи отмечают такие качественно различные ситуационные состояния общества как его устойчивое равновесие и поступательная эволюция; стагнация, сопровождаемая кризисными явлениями; состояние ситуационного кризиса, вызванное усложнением конкретных проблем внутренней или внешней политики и угрожающим стабильности системы; общий кризис системы, выражающийся в ее необратимой дестабилизации. Каждая из этих фаз предьявляет специфический «социальный заказ» на лидеров по принципу «нужный человек в нужное время»¹.

Представляется, что в части анализа ситуационных факторов именно историки могут внести наиболее значимый вклад в комплексное изучение феномена политического лидерства. Представители этой науки обладают солидной методологической базой для реконструирования исторических событий и понимания логики их взаимосвязи. Одним из примеров исследования, в котором личность может быть органично вплетена в ткань исторического повествования, является научная биография. Тем более что исследовательские подходы, развиваемые в современной биографистике², вполне соответствуют выше-названной задаче.

Первый из них восходит к идеям В. Дильтея о культурно-исторической интерпретации жизни и предполагает, что интерпретативные методы позволяют увидеть в давно известных текстах и фактах биографии скрытые прежде значения и смыслы. Цель его сторонников состоит в том, чтобы выйти за пределы схематической структурированно-

¹ Дилигенский Г. Г. Указ. соч. С. 214.

² Иванова Т. Н., Мягков Г. П. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеж е XX–XXI вв. / Отв. ред. О. В. Воробьева, З. А. Чеканцева. М., 2012. С. 170.

сти традиционного биографизма и проникнуть в обыденное сознание героя, его «бытийно-историческую ситуацию», для понимания его личностной роли («удела», «принуждения», «миссии», «призвания» и т.д.).

Второй подход «ориентирован на возможности представления в биографической перспективе взаимосвязей, норм и процессов, составляющих фундамент и структуры социальной жизни»¹. В его рамках акцент делается на таких факторах как взаимодействие индивида и социокультурной среды, воздействие межличностных коммуникаций и т.д. Постоянно возникающая у исследователя необходимость отвечать на ключевые вопросы: чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были его внутренние мотивы и основания, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида, как воспринималось расхождение между ними, насколько сильны и устойчивы были внешние факторы и внутренние импульсы – «настоятельно «выталкивает» историка из уютного гнёздышка микроанализа в то исследовательское пространство, где царит макроистория»².

Применяя эти подходы к интересующей нас тематике и сопоставляя ситуационные характеристики состояния социально-политической системы с личностными качествами политического лидера, представляется вполне реальным определить соответствие индивидуальной судьбы политика исторической судьбе той социальной общности, которую он представляет. В реальном времени для такой оценки необходимо хронологически и содержательно соотнести ключевые, знаковые события политической и общественной жизни государства и основные вехи политической биографии исследуемого персонажа.

Однако важно помнить, что «встроенность» политика в конкретную ситуацию и более широкий национально-культурный контекст определялся не только востребованностью его идейных взглядов, предпринимаемых шагов и других, традиционных для историка, аспектов исследования. В условиях наблюдаемого сегодня снижения влияния идеологий и значимости политических программ на первый план выступают иные ресурсы политического лидерства – имиджевые, стилистические.

¹ Голубович И. В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа биографии в социогуманитарном знании). Одесса, 2007. С. 187.

² Репина Л. П. Историографическая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 297.

Специалисты в области политической психологии отмечают, что образ политического лидера, как «набор определённых качеств, которые люди ассоциируют с определённой индивидуальностью»¹, изначально формируется как некий двойственный феномен. С одной стороны – это нечто самому политику принадлежащее. С другой – это нечто привносимое извне, создаваемое другими людьми и «накладываемое» на политика.

Не секрет, что миллионы людей воспринимают политиков исключительно через призму восприятия их виртуальных образов, существующих, как правило, в информационном пространстве (в печатной прессе, на телевидении, в сети Интернет и т.д.) В социальной психологии это называется «удалённым восприятием». Исключительную роль здесь играет человеческое воображение. Чем меньше известно о том или ином деятеле, тем более вероятно, что в случае априори позитивного восприятия его образа такому политику припишут неизвестные и, возможно, несуществующие качества. В случае если образ уже имеет негативный оттенок, то более вероятно наделение его носителя, наоборот, рядом дополнительных негативных характеристик.

Иными словами, в основе образа политика почти всегда лежит некий прототип, в структуре которого заметно выделяется совокупность черт и характеристик, приписываемых ему другими людьми, и, соответственно, ожидаемых от него через реальные действия. Такой образ существует как бы между подлинной индивидуальностью политика и этим прототипом². В силу данной особенности почти всегда образуется некоторый разрыв или «зазор» между образом политика и реальной эффективностью предпринимаемых им шагов. Существование такого «зазора» имеет два возможных следствия. В условиях, когда политик реально способен соответствовать приписываемым ему качествам или даже превосходить их, этот «зазор» обеспечивает перспективу роста политика, определяет «зону его ближайшего развития». Если же лидер демонстрирует явное и постоянное несоответствие своему образу, то это постепенно приводит к разрушению его авторитета со всеми вытекающими последствиями для его электоральной поддержки. Несомненно, понимая эту особенность, политические лидеры, как правило, уделяют большое внимание своей имиджевой стратегии, корректи-

¹ *Denton R. F., Woodward G. C. Political Communication in America.* N. Y., 1985. P. 56.

² *Кошeluk M. E. Выборы: Магия игры. Технология победы.* М., 2000. С. 116–117.

руя с ее помощью свой образ, который складывается в общественном мнении.

Эта особенность вынуждает исследователей воспринимать современных политиков как персонажей, олицетворяющих собой синтез личностных, социально-психологических, мировоззренческих, а также более широких, общественно-политических элементов, демонстрирующих определённый характер их взаимодействия, воплощаемый в идейных разработках и практических мероприятиях. Такая ситуация неизменно порождает непростой вопрос – какая из этих составляющих определяет саму суть политического лидера, придаёт ему оригинальность, объединяет все части воедино? Одним из возможных вариантов ответа может быть восприятие политика с точки зрения своеобразия той модели политического лидерства, которую он сознательно сформирует с учётом собственных идейных предпочтений, личностных особенностей и характера политической ситуации¹.

¹ *Моисеев Г. Ч.* Жискардизм как модель политического лидерства // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века. Отв. ред.: А. В. Кузнецов и др. М., 2016.

НАУМОВА Е. П.*

ФРАНЦИЯ В ЖИЗНИ ИТАЛЬЯНСКОГО АНТИФАШИСТА КАРЛО РОССЕЛЛИ

«В начале XX века Франция являлась одной из великих держав Европы, а Европа была центром мира»¹, – пишет в работе «Франция в XX веке» профессор Московского университета Владислав Павлович Смирнов – ведущий ученый-франковед, широко известный во Франции и в нашей стране. Именно Франция в начале XX в. стала страной, куда со всех концов мира, в том числе и из Италии, стали стекаться потоки эмигрантов, находившие в этой стране не только кров и защиту от диктатуры, но и возможность продолжить активную общественно-политическую и профессиональную деятельность. Политические эмигранты Италии, оппозиционные фашизму силы, обосновавшись главным образом во Франции², развернули мощное антифашистское движение и в подполье самой Италии. В истории антифашистского движения, эмигрантского зарубежья, общественно-политической мысли Италии особое место занимает Карло Росселли³.

Росселли прожил яркую и очень короткую жизнь⁴. Он родился 16 ноября 1899 г. в Палаццо Мариньоли (улица Конвертите 21) в Риме

* Наумова Екатерина Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; доцент кафедры истории государственного и муниципального управления, заместитель декана по учебной работе факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ Смирнов В. П. Франция в XX веке. М., 2001. С. 334.

² См.: Italia in esilio. L'emigrazione italiana in Francia tra le due guerre. Roma. 1984; L'immigration italienne en France dans les années 20. Paris. Actes du Colloque organisé per le CEDEI les 15-16-17 octobre 1987 à Paris, Paris. 1988.

³ Карло Росселли. Биографический очерк // Либеральный социализм. Рим, 1989; Garosci A. Profilo dell'azione di Carlo Rosselli e di G.L. Ed. del P.d'A. Napoli, 1944; 2 ed. Firenze, 1973, vol.1; Tranfaglia N. Carlo Rosselli: dall'interventismo alla Giustizia e Libertà. Bari, 1968.

⁴ Fiori G. Casa Rosselli. Vita di Carlo, Nello, Amelia, Marion e Maria. Einaudi, Torino, 1999; Rosselli A. La famiglia Rosselli: una tragedia italiana. Milano, 1983.

в богатой буржуазной семье в Италии. Выдающийся антифашист, автор теории «либерального социализма», идеолог организации «Справедливость и свобода», кумир Партии действия¹, Росселли всю свою жизнь посвятил борьбе за возвышение человека, освобождение его от тирании, диктатуры, разрабатывая концепцию социальной справедливости и свободы личности². Жизнь Карло Росселли оборвалась 9 июня 1937 г.: он трагично погиб во Франции.

«В XX в. Франция сохраняла репутацию ‘социальной лаборатории’, в которой выдвигались и испытывались новые идеи и учреждения»³, – пишет В. П. Смирнов. Для Росселли Франция стала той страной, где идеи «Либерального социализма»⁴ получили дальнейшее развитие, а антифашистская деятельность воплотилась в конкретные действия⁵.

После прихода в октябре 1922 г. правительства Муссолини к власти, «кризиса Маттеотти»⁶, принятия в 1926 г. «Чрезвычайных зако-

¹ Партия действия (1942–1947) – антифашистская партия Италии. проявила себя в различных областях общественно-политической, военной, социально-экономической и культурной жизни страны, принимала самое активное участие в движении Сопротивления. По численности партизанских отрядов занимала второе место после компартии. Основой идейно-политической платформы ПД был либеральный социализм К. Росселли, либерально-демократические идеи Г. Г. Сальвемини, П. Гобетти, Дж. Амендолы, а также социального либерализма А. Капитини. Авторами программы являлись У. Ла Мальфа, Ф. Парри, А. Тино; ее членами были А. Гароши, Л. Вальяни, Г. Калоджеро, Т. Кодиньола, Р. Ломбарди, Э. Люссу, Э. Росси, О. Реале, Л. Сальваторелли, Г. де Руджер, В. Фоа и др. В блоке с другими левыми партиями выступала за республиканскую форму правления, глубокие демократические преобразования в стране. Подробно см.: *Наумова Е. П.* Партия действия в Италии (1942–1947 гг.): формирование и эволюция идейно-политической платформы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Исторический факультет. М., 1998.

² Подробно см.: *Bobbio N.* Le lezione di Carlo Rosselli // *Quaderni del Circolo Rosselli*. Firenze, 2000. № 1. P. 9–12; *Наумова Е. П.* В поисках синтеза либерализма и социализма: Карло Росселли // *Левые в Европе XX века: люди и идеи*. Под ред. Н. П. Комоловой и В. В. Дамье. М.: Институт всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН), 2001. С. 198–226.

³ *Смирнов В. П.* Франция в XX веке. Указ. соч. С. 335.

⁴ *Rosselli C.* Socialismo liberale. A cura di J. Rosselli. Introd. di N. Bobbio. Torino, 1979; *Росселли К.* Либеральный социализм. Рим, 1989.

⁵ Carlo e Nello Rosselli e l'antifascismo europeo / A cura di Antonio Bechelloni. Milano: Franco Angeli, 2001.

⁶ Политический кризис фашистского режима, проявившийся в связи с убийством 10 июня 1924 г. социалиста, депутата парламента Джакомо Маттеотти.

нов», запрещавших традиционные политические партии, во Францию были вынуждены эмигрировать¹ представители КПИ, УСП и ИСП, Народной партии, либеральной и республиканской партий, профсоюзных организаций и масонских лож. Пережив преследования, аресты, «полицейскую ссылку» (поселение на островах Липари, Вентотоне, Понца, Эльба, Пьяноза и во внутренних районах Аппенинского полуострова) антифашисты вынуждены были покинуть Италию². Франция для многих итальянцев стала второй родиной, «убежищем» или местом временного пребывания по пути следования в США, Швейцарию и Великобританию. Так, во Франции оказались лидеры традиционных итальянских партий и организаций: социалисты Филиппо Турати, Клаудио Тревес, Пьетро Ненни, Джузеппе Сарагат, Артуро Лабриола; либеральные демократы Гаэтано Сальвемини, Джованни Амендола, Пьеро Гобетти, Альберто Таркьяни; пополяри³ Франческо Луиджи Феррари, Гвидо Мильоли, коммунисты Джорджо Амендола, Джузеппе Ди Витторио; республиканцы Раффаэле Россетти и другие. В 1926 г. компартия (КПИ) объявила о переносе своего центра во Францию, одним из руководителей которого стал Луиджи Лонго; в 1927 г. в Париже стал действовать заграничный центр республиканской партии (ИРП), в том же году во французской столице левым социалистом Б. Буоцци был создан новый профсоюзный центр – Всеобщая конфедерация труда, после роспуска в Италии старой ВКТ. В том же году представители антифашистских партий (социалисты реформистского и максималистского направлений, республиканцы), эмиграционного центра ВКТ, Лиги прав человека и других организаций объединились в так называемую Антифашистскую Концентрацию.

Росселли эмигрировал во Францию, имея за плечами уже большой опыт антифашистской борьбы, твердую политическую позицию, впервые проявившуюся еще, в период Первой мировой войны, когда

¹ Закон о лишении итальянского гражданства политических эмигрантов был издан фашистским правительством 31 января 1926 г.

² См.: Белоусов Л. С. Италия: молодежь против фашизма. 1919–1945. М., 1987. С. 27–37; Григорьева И. В. Италия в XX веке. М., 2006. С. 82–101, 118–125; Додолев М. А. Демократическая оппозиция и рабочее движение в Италии. 1922–1926. М., 1975. С. 95–177; Токарева Е. С. Фашизм, церковь и католическое движение в Италии. 1926–1943. М., 1999. С. 141–159.

³ Представители Народной партии, созданной в Италии в 1919 г.

Карло вместе с братьями присоединился к движению интервенционистов¹. 27 марта 1916 г. семья получила трагичное сообщение: в боях погиб Альдо Росселли; за проявленное мужество он был награжден серебряной медалью. В январе 1917 г. по инициативе Нелло братья Росселли начали издавать студенческую газету «Noi giovani» («Мы молодежь»), в которой Карло опубликовал свои первые статьи «Свободная Россия» и «Вильсон», написанные с позиций мадзинизма² и демократического интервенционизма. Трехлетняя служба в армии обнажила перед Карло боль, страдания и тяготы войны. Росселли обратился к идеям пацифизма, которые находил в творчестве французских писателей Ромэна Роллана, Анри Барбюса. Первое знакомство Росселли с лидерами итальянского социалистического движения – Клаудио Тревесом и Филиппо Турати – состоялось в начале 1920 г. Весной того же года он впервые встретился с Гаэтано Сальвемини – либерал-демократом, преподавателем университета Флоренции, идейным вдохновителем Демократического союза. В декабре 1921 г. Росселли начинает сотрудничать с социалистическим изданием «Critica sociale», выходившем в Милане под руководством Ф. Турати, а с декабря 1922 г. с туринским еженедельником «La Rivoluzione Liberale», руководимым Пьеро Гобетти³. В конце 1922 г. Росселли становится членом «Кружка культуры» во Флоренции («Circolo di Cultura»), объединившим в своих рядах интеллектуальную элиту (Гаэтано Сальвемини, Пьеро Каламандреи, Эрнесто Росси и др.). «Кружок культуры» постепенно превратился в небольшой по численности, но влиятельный по силе интеллектуального воздействия, центр борьбы с режимом Муссолини. В 1924 г. фашисты разгромили его, организация была закрыта по приказу префекта⁴.

¹ Движение, выступавшие за вступления Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты.

² Идеюное направление в общественно-политической мысли Италии в период Рисорджименто, основателем которого был Дж. Мадзини (1805–1872).

³ *Bagnoli P.* Rosselli, Gobetti e la rivoluzione democratica. Uomini e idee tra liberalismo e socialismo. Firenze: La Nuova Italia, 1996.

⁴ «Кружок культуры» возобновил свою деятельность после окончания войны (его возглавил соратник К. Росселли Пьеро Каламандреи). В память о Карло и Нелло организация была переименована в Общество политической культуры братьев Росселли («Il Circolo di Cultura Politica Fratelli Rosselli»), которая продолжает играть и по настоящее время заметную роль в общественно-политической и культурной жизни Флоренции и в Италии в целом. Благодаря неутомимой деятельности ученых Вальдо Спино (почетного профессора Флорентийского университета, депута-

Путь ученого и политического деятеля Росселли начал в Университете Боккони в Милане, где расширял свои познания, преподавал вместе с известным экономистом Луиджи Эйнауди на экономическом факультете, а также в Высшем Институте Политической Экономии Генуи. В 1924 г. Росселли начинает сотрудничать с изданием «*La Riforma Sociale*» Эйнауди, на страницах которого была опубликована статья «Рабочее движение». В июле 1924 г. он вступил в Унитарную социалистическую партию, которая образовалась после очередного раскола Итальянской социалистической партии (ИСП). В своей деятельности Росселли сочетал теоретико-пропагандистскую работу с активной антифашистской борьбой. В январе 1925 г. Карло и Нелло совместно с Газтано Сальвемини и Эрнесто Росси основали во Флоренции первую подпольную антифашистскую газету-бюллетень «*Non mollare!*» («Не сдаваться!»). Название газеты станет для последователей Росселли символом антифашизма, лозунгом Сопротивления. В результате доноса летом 1925 г. фашистская полиция подвергла организаторов преследованию. Сальвемини вынужден был тайно эмигрировать во Францию, Росселли укрыться в Милане, потом в Генуе. Последний номер газеты вышел 5 октября 1925 г. В 1926 г. Росселли вместе с социалистом Пьетро Ненни основал журнал «*Il Quarto Stato*» («Четвертое сословие»). В условиях диктаторского режима Муссолини Росселли предпочел политическую борьбу университетской карьере.

В антифашистской среде в октябре 1926 г. при непосредственном участии Карло Росселли, Ферруччо Парри и Риккардо Бауэра в Италии была создана организация, которая подпольно готовила к выезду из страны социалистов, преследуемых режимом, среди которых были Тревес, Сарагат, Турати. За организацию побега Ф. Турати¹ из страны Росселли был арестован и вместе с соратниками по антифашистской борьбе сослан на остров Устика. В сентябре 1927 г. в Савоне² режим Муссолини осуществил процесс против Росселли и Парри, итогом которого стала пятилетняя ссылка на о. Липари³. Вместе с Росселли на острове находилась его жена Мэрион Каве и сын Джон⁴.

та Итальянского Парламента, директора журнала “*Quaderni del Circolo Rosselli*”) и Риккардо Пратези (профессора, Председателя Общества). «Кружок» стал одним из основных европейских центров изучения, распространения и развития идейного наследия Карло и Нелло Росселли.

¹ Come Turati lascio Italia // *La liberta`*. 14 aprile 1932.

² Il processo di Savona. Ed. V. Faggi. Genova, 1956.

³ *Rosselli C. Scritti politici e autobiografia*. Napoli, 1944.

⁴ Жена и сын Росселли покинули остров Липари 23 июня 1929 г.

Во Францию Карло Росселли прибыл в июле 1929 г. после бегства с острова Липари, где уже известный к тому времени в Италии и за ее пределами борец с режимом Муссолини отбывал ссылку. Это был долгий путь, полный опасностей и лишений, которые юный антифашист преодолел с надеждой и стремлением к активным действиям против диктатуры фашизма. Первая попытка бегства с о. Липари, предпринятая 17 ноября 1928 г.¹, закончилась для Карло Росселли и его товарищей – Эмилио Люссу, Джиоккино Долчи и Франческо Фаусто Нитти неудачно. Второй побег, организованный Альберто Таркьяни, Оксилія Долчи, состоялся 27 июля 1929 г. Росселли, Люссу и Нитти на моторной лодке высадились на мысе Бон в Тунисе, им удалось добраться до Корсики и оттуда перебраться сначала в Марсель и затем в Париж.

Акция итальянских антифашистов имела большой резонанс в Европе. Муссолини отреагировал на побег арестом жены Карло Росселли Мэрион и брата Нелло. Во Франции Росселли организовал международную акцию по освобождению жены, которая была беременна их вторым ребенком. После вмешательства бывшего премьер-министра Италии Нитти, который лично направил прошение Ллойд Джорджу (Мэрион имела британское гражданство), а также под давлением общественного мнения, Муссолини вынужден был освободить жену К. Росселли (она не была причастна к побегу Карло).

Можно утверждать, что Франция в представлениях итальянских антифашистов, в том числе и Росселли, имела «репутацию своеобразной социальной лаборатории, где испытывались новые формы государственного и общественного устройства... Даже если какие-либо идеи впервые высказывались в других странах, они зачастую получали мировое признание, проходя через Францию. Французы придавали им ясную, законченную, отчетливую, литературную форму, и именно в такой форме они завоевывали мир. Так было, например, с идеями Просвещения, естественных и неотъемлемых прав человека, лозунгами свободы, равенства, братства и многими другими идеями, которые вошли в обиход всего цивилизованного человечества»². Именно во Франции Росселли смог издать свою работу «Либеральный социа-

¹ Побег был подготовлен республиканцами Чиприано Факкинетти и Раффаэле Россетти.

² *Смирнов В. П.* Там же. С. 7.

лизм»¹, написанную во время ссылки на о. Липари. Рукопись прятали в рояле во время обыска полицией. За месяц до побега жена Росселли тайно переправила ее на материк, а позже – в Париж, где она была издана в 1930 г. на французском языке².

«Париж – не просто столица Франции. На протяжении нескольких веков он был самым крупным городом Европы, главным центром политики и культуры»³. Именно в этом городе в августе 1929 г. антифашисты во главе с Росселли, Сальвемини, Таркьяни, Чанка, Факкинетти основали организацию «Справедливость и свобода» («Giustizia e liberta'»), идеологической базой которой стал «либеральный социализм». Идеологом джеллистов⁴ и лидером организации был Карло Росселли. Он же осуществлял финансирование организации «Справедливость и свобода»⁵, с появлением которой антифашистское движение вступило в новую фазу. Членами организации были Э. Люссу, Ф. Нитти, С. Трентин, Р. Бауэр, Э. Росси, Л. Гинцбург, А. Гароши, В. Фоа, Ф. Вентури и многие другие итальянские антифашисты, «ранее принадлежавшие к старым традиционным партиям (немарксистским и либеральным) и считавшие их уже не соответствующими новому времени, а также молодежь, воспитанная в условиях подпольной борьбы с фашизмом»⁶. Девизом организации стал призыв Мадзини – «Восстать, чтобы возродиться!».

Архивные документы констатируют факт «усиления» организации, расширения ее подпольной сети уже в сентябре 1930 г.⁷, фактически через год после ее возникновения. Парижский центр «Справедливости и свобода» своей задачей считал организацию антифашистской борьбы в Италии, формирование новой политической элиты, способной играть ключевую роль в противостоянии фашизму. С этой целью была создана разветвленная подпольная сеть, благодаря которой ку-

¹ *Spini V.* L'attualità del socialismo liberale // Quaderni del Circolo Rosselli. Firenze, 2000. № 1. P. 13–21.

² «Либеральный социализм» впервые был опубликован в Париже на французском языке: С. Rosselli. Socialisme liberal. Paris. 1930.

³ *Смирнов В. П.* Франция: страна, люди, традиции. М., 1988. С. 65.

⁴ Джеллисты – от итальянского *Giustizia e Libertà* («Справедливость и свобода»).

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РЦХИДНИ. Фонд 513, оп. 1, Ед. хр. 910. Л. 18).

⁶ *Giussani E.* Gli obiettivi del Partito d'Azione // Quaderni dell'Italia libera. Serie della fase clandestina. 1944, n. 33. P. 4.

⁷ РГАСПИ. Ф. 513. Оп. 1. Ед. хр. 910. Л. 41.

рьеры доставляли антифашистскую литературу из французского эмигрантского центра. Опорой организации были традиционные центры демократически и социалистически настроенной интеллигенции – такие города как Турин, Милан, Флоренция. Так один из «информаторов» сообщал, что очередная партия антифашистских изданий была доставлена 809 адресатам. Из прилагаемого списка следовало, что рассылка осуществлялась во множество городов Франции, Италии, США, Мексики, Швейцарии, Алжира, Бразилии, Аргентины, Австралии, СССР и др. В нашу страну антифашистская литература была доставлена двум адресатам (одному – по линии Коминтерна)¹.

Джеллисты рассматривали «Справедливость и свободу» как организацию, которая должна оказать существенное влияние на формирование новой политической элиты, способной играть ключевую роль в противостоянии фашизму. Они уделяли большое внимание издательской деятельности, антифашистской пропаганде, разработке концепций формирования постфашистского демократического общества, в основе которого были идеи работы К. Росселли «Либеральный социализм».

Термин «либеральный социализм» не был сформулирован Росселли. «В течение нескольких веков Франция находилась в авангарде исторического развития: в ней рождались такие идеи и начинались такие общественные преобразования, которые потом распространялись и в других странах»², – пишет В. П. Смирнов. Так было и с идеей «либерального социализма». Считается, что одним из первых мыслителей, стремившихся породнить либеральные и социалистические принципы, в частности, такие понятия как «равенство» и «свобода» на всех уровнях человеческих отношений, в том числе и на государственном, был Пьер Леру (1797–1871) – французский философ, социалист-утопист, один из основателей христианского социализма, издатель журнала «Le Globe» (1824, с 1830 – орган сенсимонистов). В период Революции 1848–1849 гг. П. Леру был членом Учредительного, а затем Законодательного собрания. В 1833 г. на страницах «Revue encyclopédique» Леру опубликовал статью, в которой подверг критике как «эгоистический индивидуализм, так и авторитарный социализм»³. По мнению итальянского

¹ Archivio Centrale dello Stato (ACS). Ministero dell'Interno. Direzione generale pubblica sicurezza. Div. Polizia politica (1927–1944). Busta 111. Fasc. 3.

² Смирнов В. П. Франция в XX веке. М., 2001. С. 6–7.

³ Furiozzi G. B. Le origini del socialismo liberale in Europa / Aldo Capitini tra socialismo e liberalismo. A cura di Gian Biagio Furiozzi. Milano, 2001. P. 11–20.

ученого Джан Биаджио Фуриозци¹, термин «либеральный социализм» общественно-политическая мысль стала широко использовать после выхода в Париже в 1890 г. работы французского радикал-социалиста, депутата Альфреда Накэ «Социализм коллективистский и социализм либеральный»²; в 1911 г. этот термин использовал англичанин Л. Хобхаус, немец Ф. Оппенгеймер³ и др. Однако, в значительной степени, благодаря деятельности итальянца Карло Росселли эта формула, начиная с 1930 г., становится популярной как в Италии, так и в Европе⁴.

Проблема синтеза идей социализма и либерализма занимала Росселли уже в начале 20-х гг. Так, в письме к Новелло Папафава от 22 июня 1922 г.⁵ Росселли писал: «То немногое, что я мог бы сделать, так это осуществить работу по пересмотру социалистических методов с точки зрения либерализма». Первой теоретической публикацией стала статья «Социалистический либерализм», опубликованная в июле 1923 г. на страницах «Critica sociale»⁶, а годом позже в издании Пьеро Гобетти «Energie Nuove» – статья «Либеральный социализм»⁷.

Либеральный социализм в одноименном труде К. Росселли представляется наиболее законченной концепцией, ориентированной автором на ее воплощение. К либеральному социализму Росселли пришел через критику марксизма⁸. Труд Росселли состоит из двух частей: критической – критика марксизма и различных форм ревизионизма – и конструктивной, предлагавшей социализм «немарксистский», «сво-

¹ *Furiozzi G. B. Alle origini del Socialismo Liberale: Alfred Naquet // Carlo e Nello Rosselli. Socialismo liberale e cultura europea (1937–1997). A cura di A. Landuyt. Quaderni del Circolo Rosselli, diret. Valdo Spini, № 11. 1998.*

² *Naquet A. Socialisme collectiviste et socialisme liberal. Paris, 1890.*

³ *Furiozzi G. B. Op. cit. P. 15; G. B. Furiozzi. Attualita' di Carlo Rosselli // Rosselli. Socialismo liberale e 'terza via'. Quaderni del Circolo Rosselli, diret. Valdo Spini, nuova seria, № 1, 2000. P. 107.*

⁴ *Furiozzi G. B. Le origini del socialismo liberale in Europa. Op. cit., p. 20; A. Garosci. La vita di Carlo Rosselli. Roma–Firenze–Milano, 1946.*

⁵ Цит. по: *N. Bobbio. Introduzione // Carlo Rosselli. Socialismo liberale. A cura di J. Rosselli. Torino, 1997. P. XXXVIII.*

⁶ *Liberalismo socialista // Critica sociale, XXXIII, №. 13. 1–15 luglio 1923.*

⁷ *Rosselli C. Liberalismo socialista //La rivoluzione liberale, III, 15 luglio 1924.*

⁸ *Пантин И. К. Карло Росселли и марксизм // Карло Росселли и левые в Европе. К 100-летию со дня рождения Карло Росселли. Под ред. Н. Комоловой, В. Дамье, Е. Наумовой. М.: Институт всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН), 1999. С. 45–52.*

бодный», «либеральный». Росселли призвал социалистов отказаться от марксизма, считая его пройденным этапом в социалистическом движении¹. Марксизм, по мнению Росселли, превратился в догму; социализм нуждается в этическом дополнении, духовных ценностях. Ставя в вину марксизму «экономоцентризм», «детерминизм», Росселли сосредоточил внимание на проблемах морали. Он призывал социалистов вернуться к «истокам» социализма². Говоря о морально-этических принципах в социалистических преобразованиях общества, Росселли указывал на всю совокупность ценностей жизни человека, как личностные, так и социальные.

Росселли был одержим «идеалами демократического социализма, идеей превращения Италии в свободную и современную страну»³, победившую фашизм. Понятие «социализм» он связывал с некой идеей, которая реализуется в отдаленной перспективе. «Социализм, – писал Росселли, – это не социализация, не пролетариат у власти и даже не материальное равенство. Социализм, по своей сути – это прогрессивное осуществление идеи свободы и справедливости между людьми»⁴. Росселли подчеркивал, что социализм не может быть провозглашен, он не может насаждаться властью сверху⁵. Он создается в обществе, «всеми людьми ежедневно». Социализм, к которому пришел Росселли, определялся им как «идейное достояние всех людей»⁶, как «всеобъемлющий гуманизм»⁷, как «вера»⁸ в будущее.

¹ *Rosselli C. Socialismo liberale. A cura di J. Rosselli. Introd. di N. Bobbio. Torino, 1997. P. 128.*

² *Rosselli C. Op. cit., p. 80.*

³ *Bagnoli P. Rosselli, Gobetti e la rivoluzione democratica. Uomini e idee tra liberalismo e socialismo. Firenze, 1996. P. 4.*

⁴ *Rosselli C. Socialismo liberale..... P. 81–82.*

⁵ *Наумова Е. П. В поисках синтеза либерализма и социализма: Карло Росселли // Левые в Европе XX века: люди и идеи. Под ред. Н. П. Комоловой и В. В. Дамье. М.: Институт всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН), 2001. С. 198–226; она же: Карло Росселли и Россия критика тоталитарного режима // Россия и Италия. XX век. Отв. ред. Н. П. Комолова. Москва.: Наука, 1998. С. 148–159.*

⁶ *Rosselli C. Socialismo un movimento proletario? // Giustizia e liberta', 26 ottobre 1934. Переиздано: Scritti dell'esilio, II. Dallo scioglimento della Concentrazione antifascista alla guerra di Spagna (1934–1937). A cura di C. Casucci Torino, 1992. P. 52.*

⁷ *Rosselli C. 7 novembre // Giustizia e Libertà, 9 novembre 1934. Перепечатка: Scritti dell'esilio, II, cit. P. 64.*

⁸ *Rosselli C. Il socialismo rivoluzionario (1921) // Socialismo liberale. A cura di J. Rosselli. Pref. di A. Garosci. Torino, 1973.*

Росселли подверг критике не только марксизм, но и либерализм эпохи Джолитти, либеральные концепции Б. Кроче. Росселли подчеркивал, что свобода в «чистом виде», считавшаяся либералами высочайшей ценностью, является «чистым призраком», если она «не поддерживается минимумом экономической самостоятельности»¹. «В этом случае, – писал Росселли, – индивидуум является рабом своей нищеты, униженным своей зависимостью»². Росселли считал, что человек должен осознавать свою «правовую свободу» и уметь «пользоваться ею»³.

Парижский центр организации «Справедливость и свобода» имел свои отделения и в Италии. Среди членов ее Секретного комитета были Э. Росси, Р. Бауэр, Д. Роберто, В. Калаче, Ф. Фанчелло, Б. Чева⁴ и др. Парижский центр организации «Справедливость и свобода», руководителем которой до июня 1937 г. был Росселли, отличался «большой активностью»⁵. Джеллисты достаточно быстро завоевали популярность в антифашистской среде, чему в немалой степени способствовала деятельность самого Россели. В 1931 г. организация «Справедливость и свобода» сближается с социалистами и Антифашистской Концентрацией, секретарем которой был П. Ненни, вдохновителем и идейным лидером – Ф. Турати⁶, руководителем издания «*La Liberta`*» – К. Тревес. Однако, свою антифашистскую деятельность джеллисты строили «независимо от концентрионистов»⁷. Сотрудничеству препятствовали идейные разногласия. Острая полемика в антифашистской среде по идейно-политическим вопросам способствовала распаду Концентрации (апрель 1934 г.).

В 1932 г. «Справедливость и свобода» отказывается от тактики «индивидуальной борьбы» и приходит к идее «антифашистской революции», оставляя за собой роль ее идейного вдохновителя и политического организатора. Революция, по мнению джеллистов, «не будет ни

¹ *Rosselli C. Socialismo liberale...* P. 91.

² *Ibid.* P. 91.

³ *Ibid.*

⁴ *Giussani E. Gli obiettivi del Partito d'Azione //Quaderni dell' Italia libera. Serie della fase clandestina.* 1944, n. 33. P. 4.

⁵ РГАСПИ. Ф. 513. Оп. 1. Ед. хр. 910. Л. 19. 33.

⁶ Турати Филиппо (1857–1932) – политик, журналист, один из основателей Социалистической партии Италии, лидер ее реформистского крыла. Скончался в Париже 29 марта 1932 г. В Италию его останки были перевезены в 1948 г.

⁷ *Rapporto da un informatore*, 9 agosto 1930. РГАСПИ. Ф. 513. Оп. 1. Д. 910. Л. 34; *Notizie dall' informatore*, 12 settembre 1930. РГАСПИ. Ф. 513. Оп.1. Д. 910. Л. 39.

простым изменением поверхностных политических форм, ни возвращением к прошлому». Она непосредственно должна привести к «глубокому политико-экономическому изменению», свергнуть фашизм и установить демократическую республику, которая будет развиваться мирным путем в направлении к социализму. Во Франции в январе 1932 г. на основе теории либерального социализма организация «Справедливость и свобода» разработала политическую программу, в которой были заложены основы нового демократического общества¹. Авторами программы, опубликованной в Париже на страницах теоретического журнала «Quaderni di Giustizia e Liberta'»², были К. Росселли, А. Таркьяни, Г. Сальвемини, К. Леви и др. Программа сочетала в себе либеральные и социалистические (немарксистские) идеи.

В документе говорилось, что основы нового государства должны заложить местные революционные комитеты, а установление «окончательного республиканского порядка» предстояло осуществить Учредительному собранию, избранному на основе всеобщего избирательного права. В стране намечалось восстановить демократические свободы (слова, печати, ассоциаций, профсоюзных организаций, собраний); упразднить фашистскую милицию и фашистские организации; наказать фашистских преступников; провозгласить свободу совести и вероисповеданий; отделить школу от церкви. Существенным элементом программы была идея местного самоуправления³. Экономическая часть программы предусматривала изменение форм собственности. Аграрная и промышленная реформы должны были исходить из принципа «двухсекторной экономики» (сохранение частного и создание общественного сектора, в котором предполагалось использовать различные формы собственности, например, кооперативной). В основу аграрной политики был положен принцип: «землю тем, кто ее обрабатывает». Имелось в виду, что польщики, мелкие арендаторы и дру-

¹ Наумова Е. П. В поисках модели политического и социально-экономического развития: исторический опыт организации «Справедливость и свобода» в Италии // Модели государственного и корпоративного управления: традиции и перспективы. Сб. статей Международной научно-практической конференции факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, 2018. Т. 1. С. 538–547.

² Il programma rivoluzionario di “Giustizia e Liberta'” // Quaderni di “Giustizia e Liberta'”, №. 1, gennaio 1932. Перепечатано: Bottega d'Erasmus, Torino, 1975. P. 1–8.

³ Ibidem. P. 8.

гие категории трудящихся смогут приобрести землю в собственность за «умеренную компенсацию» в рассрочку. В процессе изменения форм собственности государство выступало, с одной стороны, в роли наблюдателя, с другой, в роли гаранта. В промышленности обобществлению (или социализации) подлежали предприятия общенационального значения (например, судостроение, черная металлургия, сахарная промышленность). Управление социализированными предприятиями должно было осуществляться не государством, а автономными организациями, руководимыми «техническими специалистами» с привлечением рабочих и служащих, что позволило бы «утвердить свободу рабочих на предприятиях». Введение рабочего контроля на крупных и средних предприятиях, независимо от форм собственности, участие рабочих в управлении должно было стать основой «фабричной демократии», «рабочей свободы», заинтересовать рабочих в делах производства, препятствовать возрождению бюрократии. В программе предусматривались широкие меры по социальной защите населения.

Глубокий анализ деятельности организации во Франции и ситуации в родной стране звучит в переписке Росселли с Гаэтано Сальвемини¹, в которой мыслители – политические эмигранты – рассуждали о послевоенном устройстве Италии и антифашистской борьбе за освобождение страны от фашизма, пытаясь понять причины его возникновения². Формула, предложенная Г. Гобетти и определявшая фашизм как «автобиографию нации»³, в новых исторических условиях требовала осмысления. После прихода Гитлера к власти в Германии проблема генезиса фашизма приобрела особое значение. Росселли понимал, что победа нацистов создает угрозу для европейских стран. Глубокий анализ фашизму Росселли дал в статье «Война возвращается»⁴, в которой автор с резкой критикой выступил в адрес пацифистов, которые в сложившейся международной ситуации не пытались пересмотреть свои

¹ Гаэтано Сальвемини (1873–1957) – общественно-политический деятель, депутат парламента в 1919–1921 гг., член организации «Справедливость и свобода». Один из крупнейших лидеров «меридионалистов» (от итал. meridionale – южный), автор трудов по экономической и социально-политической истории, Южному вопросу Италии.

² *Fra le righe*. Carteggio fra Carlo Rosselli e Gaetano Salvemini. A cura di Signori E. Milano: Franco Angeli. 2009.

³ *Le riviste di Piero Gobetti*. A cura di L. Basso e L. Anderlini. Milano, 1961. P. 7.

⁴ *La Guerra che torna // Quaderni di "Giustizia e Libertà"*, n. 9, novembre. 1933.

концепции. Особенно критически Росселли был настроен по отношению к французским социалистам, которые после того, как Германия вышла из Лиги наций, «питали иллюзии» относительно мира в Европе.

Росселли не сомневался в крахе фашизма, который связывал с революцией, формированием нового типа мышления. С точки зрения Росселли, предстоящая революция должна стать революцией антифашистской, демократической, в которой рабочий класс должен играть важную роль¹. Выступая против диктатуры пролетариата, он признавал за пролетариатом ведущую роль в антифашистской борьбе, в борьбе «за новую демократию, социалистическую по своему характеру» и «либеральную по духу»². Росселли был одержим «идеалами демократического социализма, идеей превращения Италии в свободную»³ страну, победившую фашизм.

Росселли был «одним из самых мужественных и активных оппозиционеров Муссолини за пределами Италии»⁴. Он отрицал любого рода «бездействие» и «выжидание», господствующие в Авентинском блоке⁵, в антифашистской среде. Более того, Росселли возводил эти понятия в принцип, распространяя его как на область мышления, так и на практическую деятельность. Он высоко ценил «действие» («azione») – лозунг Мадзини. Не случайно, соратники и последователи Росселли, образовавшуюся в 1942 г. партию назвали Партией действия («Partito d’Azione»)⁶. Росселли отвергал компромиссы, использовал «непри-

¹ См.: *C. Rosselli. Il movimento operaio // Quaderni del Circolo Rosselli. A cura di A. Landuyt. № 11. 1998. P. 93–100.*

² *Кракси Б. Предисловие // К. Росселли. Либеральный социализм. Рим, 1989. С. 11.*

³ *Bagnoli P. Rosselli, Gobetti e la rivoluzione democratica. Uomini e idee tra liberalismo e socialismo. Firenze: La Nuova Italia, 1996. P. 4; Bobbio N. Le lezioni di Carlo Rosselli // Quaderni del Circolo Rosselli. Firenze, 2000. № 1. P. 9–12.*

⁴ *Salvemini G. Carlo e Nello Rosselli. Un ricordo. Giustizia e liberta`, collana di studi e testi. A cura di A. Garosci e N. Terracciano. Ed. Galzeranno, Casalvelino Scalo. Salerno, 1999. P. 99.*

⁵ Авентинский блок – символическое название «Комитета оппозиционных партий», в который входили либералы, демократы, католики и социалисты, покинувшие парламент после убийства фашистами Маттеотти. Само название было взято из истории Древнего Рима: восставшие плебеи удалились на один из холмов Рима – на Авентин.

⁶ Подробно см.: *De Luna G. Storia del Partito d’Azione. 1942–1947. Roma: Editori Riuniti, 1982; Valiani L. Dall’ antifascismo alla Resistenza. Milano. 1959; Valiani L. Le matrici politiche del Partito d’Azione // Il Partito d’Azione dalle origini all’inizio della Resistenza armata. Atti del Convegno. Bologna, 23–25 marzo 1984. Pref. di G. Galasso.*

миримость» как метод политической и идеологической борьбы. Этот принцип использовали последователи Росселли – ационисты¹, особенно ярко проявив его в борьбе по «институциональному вопросу» в период Соппротивления, заняв непримиримую позицию по отношению к военно-монархическому правительству Бадольо².

В антифашистском движении Росселли выделялся своими взглядами³ на проблемы фашизма, антифашистской борьбы, будущего постфашистского общества, что во многом определяло неоднозначное отношение к нему представителей левых и правых традиционных политических партий. При жизни Росселли лидеры левых сил не увидели в «либеральном социализме» концепцию «социальной справедливости и свободы личности». П. Тольятти в 1934 г. охарактеризовал теорию Росселли как «диссидентский фашизм»; критика последовала и со стороны Сарагата, Ненни, Тревеса и др. Если коммунистов и социалистов в теории Росселли не устраивала прежде всего критика марксизма, то либералов – социалистические идеи.

Муссолини видел в Росселли опасного врага. Теория «либерального социализма» представляла для фашистского режима опасность гораздо большую, чем коммунистическая доктрина. Будучи одновременно направленной против большевистского социализма и капиталистической системы, теория могла стать близкой и понятной тем слоям населения, на которые опирался фашизм. Ее осмысление неизбежно

Roma. 1985. P. 23–26; *Наумова Е. П.* Партия действия в Италии: особенности организационного становления и внутривнутрипартийной дискуссии об идеологии и программе партии (весна 1942 – лето 1944 г.) // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). М., 2016. № 59. С. 20–62; *Ее же:* Проблема государственного управления в проектах Партии действия в Италии // Ученые труды факультета государственного управления. Вып. 8. Издательство Московского университета. М., 2012. С. 400–408.

¹ Ационисты – от названия Партии действия (Partito d’Azione).

² *Наумова Е. П.* Карло Росселли: Либеральный социализм и Партия действия // Карло Росселли и левые в Европе. К 100-летию со дня рождения Карло Росселли. Под ред. Н. Комоловой, В. Дамье, Е. Наумовой. М.: Институт всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН), 1999. С. 31–44.

³ *Rosselli C.* Europeismo o fascismo // *Giustizia e Libertà*, 17 maggio 1935; *Rosselli C.* Il movimento operaio // *Quaderni del Circolo Rosselli*. Diret. V. Spini. A cura di A. Landuyt. № 11. 1998. P. 93–100; *Rosselli C.* Per l’unificazione politica del proletariato // *Quaderni del Circolo Rosselli*. Diret. V. Spini. A cura di A. Landuyt. № 11. 1998. P. 119.

подвело бы средние слои к выводу о возможности построение общества («третьего пути»), в котором сотрудничество классов, труда и капитала, социальная защищенность и социальные гарантии, демагогически провозглашенные фашизмом, реализуются без насилия и диктатуры, без ломки человеческих душ. Росселли сумел увидеть корни фашизма, его идеологические основы, понять механизм воздействия режима на общество. Он развенчивал мифы о Муссолини и фашистском государстве. Концепция «политической свободы» и «социальной справедливости» могла стать объединительной почвой для рабочего класса и средних слоев в борьбе с фашизмом. Идеология Росселли тем самым выбивала почву из-под ног фашистского режима, лишала его массовой базы.

Именно поэтому Муссолини усматривал в Росселли «самого опасного противника фашизма», врага, за которым агенты секретной полиции, внедренные в эмигрантские организации антифашистов, осуществляли пристальное наблюдение, где бы он ни находился – во Франции, Швейцарии, Испании. В 1936 г. «была своевременно раскрыта первая попытка покушения на Росселли со стороны наемного убийцы, агента секретных служб, проникшего в ряды ‘Справедливости и свободы’»¹ во Франции.

Росселли выступал против любой формы тоталитарного режима – итальянского фашизма, немецкого нацизма, испанского франкизма. Формы этой борьбы были различны: теоретическое изучение проблем и доведение собственных выводов до сознания масс через средства подпольной печати, организация выступлений антифашистов против режима, в том числе непосредственное участие в вооруженной борьбе, что имело место в Испании в период диктатуры Франко. Так, на страницах газеты «Giustizia e Liberta`» и журнала «Quaderni di Gustizia e liberta`» Росселли не прекращал атаковать фашизм, разоблачать его сущность. Он организовывал распространение с воздуха листовок над Миланом, движение протеста против поездки Муссолини в Берлин и т.д. В 1936 г. Росселли возглавил отряд итальянских добровольцев в Испании², сражавшихся на стороне республики. В Каталонии он уви-

¹ Карло Росселли. Биографический очерк // Либеральный социализм. Рим. 1989. С. 15.

² *Bechelloni A.* “E` difficile prendere sul serio questa guerra”: la Spagna di Rosselli e altre Spagne del 36–37 // Carlo e Nello Rosselli e l’antifascismo europeo. A cura di Antonio Bechelloni. Milano: Franco Angeli. 2001. P. 153–171; *Arbizzani A.* Antifascisti emiliani e romagnoli in Spagna e nella Resistenza. Milano. 1980. P. 8–10.

дел одну из моделей нового общества. Его клич «Сегодня в Испании – завтра в Италии», прозвучавший по радио Барселона 13 ноября 1936 г., был воспринят как призыв к антифашистской революции и стал известен в Европе.

Росселли погиб 9 июня 1937 г. во Франции, на курорте Баньольде-де-Л'Орн, где он находился на лечении после ранения в бою под Монте-Пелато в Испании. Он и его брат Нелло были зверски убиты французскими кагулярами¹. Убийство братьев Росселли вынудило французское правительство начать расследование, в результате которого было выявлено несколько подозреваемых. Расследование не было завершено. 22 июня 1937 г. правительство Леона Блюма ушло в отставку.

О трагической гибели Росселли сообщала пресса многих стран мира, в том числе и советская – «Правда» и «Известия»². В июне 1937 г. Росселли был впервые представлен советской общественности как известный антифашист, погибший от рук «фашистских террористов».

После вторжения Германии во Францию³ и образования Вишистского режима⁴, маршал Петен выпустил всех подозреваемых в убийстве братьев Росселли. Расследование во Франции возобновилось после падения режима Виши и окончания Второй мировой войны⁵.

Гибель Росселли стала свидетельством взаимодействия французских и итальянских фашистов, для которых деятельность Росселли

¹ Подробно см.: *Pottier M.* Il delitto del 9 giugno 1937 e l'opinione pubblica in Normandia: emozione e di fronte a una vicenda tenebrosa // Carlo e Nello Rosselli e l'antifascismo europeo. A cura di Antonio Bechelloni. Milano: Franco Angeli, 2001. P. 239–249; *Viole N.* La “copertura” dell'assassinio dei fratelli Rosselli sulla stampa popolare perigina // Carlo e Nello Rosselli e l'antifascismo europeo. A cura di Antonio Bechelloni. Milano: Franco Angeli, 2001. P. 258–272; *Naumova Ekaterina.* Carlo Rosselli e l'URSS // Carlo e Nello Rosselli e l'antifascismo europeo. A cura di Antonio Bechelloni. Milano: Franco Angeli, 2001. P. 289–303.

² Убийство итальянских антифашистов во Франции // Правда, 14 июня 1937; Убийство братьев Росселли фашистскими террористами // Известия, 14 июня 1937.

³ 14 июня 1940 г. немецкая армия без боя вступила в Париж. 22 июня 1940 г. – заключение франко-германского перемирия, 25 июня 1940 г. заключение франко-итальянского перемирия.

⁴ Название прогитлеровского режима, установившегося во Франции летом 1940 г. в период Второй мировой войны (1939–1945); происходит от названия г. Виши, в котором находилось коллаборационистское французское правительство А. Ф. Петена (1940–1944).

⁵ *Pugliese S. G.* Carlo Rosselli. Socialist Heretic and Antifascist Exile. London, 1999. P. 222.

стала опасной. В документе, направленном в 1945 г. из посольства СССР в Италии в Москву, говорилось: «Карло Росселли был убит агентом ‘ОВРА’¹ ... при тесном взаимодействии итальянской фашистской тайной полиции с французскими кагулярами»².

Режиму Муссолини удалось во Франции физически устранить своего врага, но не удалось ликвидировать духовное наследие Росселли, идейное влияние «либерального социализма» на умы людей. Идеи Росселли стали частью идеологии Сопротивления, а его деятельность – примером для многих антифашистов Италии.

¹ ОВРА – тайная политическая полиция.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Ед. хр. № 800. Л. 21.

НАУМОВА Н. Н.*

«ИСХОД»: ПРОБЛЕМА МАССОВОГО БЕГСТВА ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ФРАНЦИИ В МАЕ-ИЮНЕ 1940 г. (в отражении современной историографии)

Поражение Франции летом 1940 г. ни в отечественной, ни тем более во французской историографии не рассматривается как феномен, связанный исключительно с военным крахом Третьей республики в период победоносного наступления Вермахта в мае-июне 1940 г. «Развал», «разгром», «падение», «отравленная атмосфера», «всеобщий хаос»¹ – вот те эпитеты, которые используют историки применительно к событиям, которые развернулись во Франции в летние месяцы 1940 г. и которые включают в себя не только военную катастрофу, переживаемую французской армией, но и еще две крупные социально-политические драмы, непосредственно вытекавшие из нее и сопровождавшие крах «считавшейся самой сильной армии мира»² – массовое бегство гражданского населения на юг Франции, подальше от театров военных действий по мере продвижения с северо-востока нацистских армий, и тяжелейший политический кризис, сопутствовавший военному и закончившийся в июле 1940 г. установлением во Франции авторитарного режима Виши во главе с маршалом Петеном, лидером французских коллаборационистов. В центре предлагаемой статьи находятся оценки современных исследователей одной из важных составляющих фено-

* Наумова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ См., напр., *Duroselle J.-B. L'Abîme: 1939–1944*. P., 1982; *Azéma J.-P. 1940, l'Année terrible*. P., 1990; *Crémieux-Brilhac J.-L. Les Français de l'an 40*. V. 1–2. P., 1990; *Le Goyet P. La défaite. 10 mai–25 juin 1940*. P., 1990; *Berstein S. et Milza P. Histoire de la France au XX siècle*. P., 1995; *Rémond R. Le siècle dernier. 1918–2002*. P., 2002 и др.

² *Hoffmann S. Le trauma de 1940 // La France des années noires*. V. 1. De la défaite à Vichy. Sous la dir. de J.-P. Azéma et F. Bédarida. P., 2000. P. 139. Еще 16 мая премьер-министр Великобритании У. Черчилль считал, что «смешно думать, будто бы Францию можно завоевать 120 танками». Цит. по: *Kersaudy F. De Gaulle et Churchill. La mésentente cordiale*. P., 2010. P. 41.

мена «поражения Франции» летом 1940 г., названной в исторической научной литературе «исходом»¹.

Историки С. Бернштейн и П. Мильза в своей книге «История Франции в XX в.» охарактеризовали «исход» как «бегство потерявшего голову населения на юг, чтобы избежать немецкого окружения», и справедливо назвали его «еще одним аспектом [помимо факта военного поражения армии – *Н. Н.*] разгрома» Франции². Это беспорядочное массовое бегство усугублялось расстройством железнодорожной системы, загруженностью отступающими войсками и военной техникой дорог, страшными неконтролируемыми слухами и часто ложными новостями, наконец, все возрастающей паникой от рейдов немецких и итальянских самолетов, которые с непонятной периодичностью и жестокостью беспрепятственно расстреливали несчастных людей, не способных ни укрыться от снарядов, ни обороняться. Французский историк М. Ферро, будучи в это время подростком и участником массового бегства населения на юг, вспоминал: «Июнь 1940-го, дороги Франции ... Разгром неописуем, французские армии разбиты или окружены. Париж занят немцами. Министры и правительство эвакуированы и рассеяны; они измотаны и утратили последнюю надежду. Население равнодушно смотрит, как в беспорядке движется отступающая армия. И все это сопровождается бешеным воем несущихся к земле «юнкеров»...»³. Так «битва за Францию» привела к «великому исходу». Эта «индивидуальная миграция» женщин, детей, стариков – пешком, на велосипедах, редко на автомобилях – стала кошмаром как для беженцев, так и для тех городов, городков и деревень, которые их принимали. Они, по словам Ж.-П. Азема, «превратились в одно огромное место ночевки, где скопились изнуренные, жаждущие и дезорганизованные толпы. Они были перенаселены... Например, в Лиможе насчитывалось 200 тыс. беженцев, блуждавших по его улицам»⁴.

Известный английский специалист по истории Франции Э. Напп в своей последней монографии «Французы под бомбами союзников (1940–1945)», написанной на архивных материалах министерства внутренних дел и местных архивов, доказывает, что возможная эва-

¹ См., напр.: *Vidalenc J. L'Exode de mai – juin 1940. P., 1957.*

² *Berstein S. et Milza. Op. cit., p. 596.*

³ *Ферро М. История Франции. М., 2015. С. 453.*

⁴ *Azéma J.- P. Le choc armé et les débandades // La France des années noires. V. 1. De la défaite à Vichy. Sous la dir. de J.-P. Azéma et F. Bédarida. P., 2000. P. 118.*

куация людей, сценарии которой разрабатывались осенью 1939 г. – в начале 1940 г., была плохо подготовлена, не продумана, не хватало транспорта, существовали огромные трудности с размещением людей во «внутренних департаментах» Франции. Дирекция «пассивной (гражданской) обороны» при МВД Третьей республики в январе 1940 г. предлагала сократить количество населенных пунктов, предназначенных для расселения в случае необходимости эвакуации граждан, потенциальное количество которых резко уменьшилось в правительственных документах. «Четыре месяца спустя, – отмечает английский ученый, – эти сокращенные цифры будут полностью сметены реальностью «исхода»¹. По свидетельству представителя региональных властных структур, префекта Марселя П. Барро, у него был «печальный [в оригинале несчастный – *H. H.*] опыт» проведения эвакуации эльзасцев в сентябре 1939 г. в центральные департаменты Франции: «размещение людей стало настоящей катастрофой. Понадобилось много месяцев, чтобы исправить эту ситуацию»². Другой префект – департамента Сены – Р. Биффе, в преддверии освобождения Франции в 1944 г., утверждал, что при массовой эвакуации «надо любой ценой избежать анархии мая – июня 1940 г.». Для населения, пережившего летнее поражение французской армии, «исход стал синонимом хаоса, всевозможных опасностей, разделенных семей и разграбленных домов»³. На основе изученных свидетельств и официальных распоряжений правительственных структур Э. Напп делает справедливый вывод о том, что осуществление плана генеральной эвакуации, подготовленного в 1939 г., привело с наступлением драматических событий лета 1940 г. к «фатальным последствиям», а главными его недостатками являлись «нехватка транспортных средств», неразработанность «возможностей снабжения продовольствием и расселения людей»⁴.

С известной долей критики описывает действия кабинетов Третьей республики в вопросе об эвакуации гражданского населения и А. Сови, известный французский экономист, демограф, социолог, лично знакомый с многими действующими лицами событий Франции военной эпохи. В своей книге воспоминаний «От Поля Рейно до Шарля

¹ *Knapp A.* Les Français sous les bombes alliées 1940–1945. P., 2014. P. 276.

² Цит. по: *Ibidem.*

³ *Ibid.* P. 277.

⁴ *Ibid.* P. 276.

де Голля»¹ он указывает на то, что в ходе стремительного наступления нацистских войск правительство «не сумело понять достаточно ясно ситуацию ... предписало эвакуацию государственных служащих, в частности, преподавателей, что в значительной мере ускорило «исход». Где оно надеялось поселить всех этих людей? В каких условиях? Никто об этом не подумал. Складывалось впечатление, что Франция обладает десятками тысяч дополнительных километров территории»². А. Сوفي подчеркивает, что в сложившейся социально-экономической обстановке, когда гражданское население бежало на юг, оставляя за собой промышленно и сельскохозяйственно развитые департаменты, оккупированные Вермахтом, в стране мог возникнуть настоящий голод. Но, несмотря на серьезный ущерб, нанесенный экономике, «голодной катастрофы» не произошло: немецкие власти разрешили и даже облегчили возвращение беженцев в оккупационную северную зону, «более богатую продовольствием», и постепенно «один за другим французы стали возвращаться в свои жилища, после всех пережитых ими тяжелых и бесполезных страданий и жестоких потерь»³.

* * *

Массовое бегство людей началось еще в мае 1940 г.: его «спусковой механизм был приведен в действие бельгийцами, перебивавшими в соседние с ними французские департаменты»; «исход» нарастал новыми волнами беженцев, которые увеличивались по мере получения известий об отступлениях французских армий, особенно после их разгрома на Сомме и решения правительства Рейно оставить Париж, объявив его «открытым городом» (11 июня). Узнав об отъезде из столицы правительства, парижане стали массово покидать свои дома, присоединяясь к беженцам из северных и восточных областей Франции. По свидетельству Р. Ремона, «в одном Парижском районе насчитывают 2 миллиона тех, кто уехал до прихода немцев»⁴. Французский историк-коммунист Ж. Виллар также указывает на «великое множество

¹ *Sauvy A.* De Paul Reynaud à Charles de Gaulle. P., 1972.

² *Ibid.* P. 116.

³ *Ibidem.*

⁴ *Rémond R.* *Op. cit.* P. 282. Ж.-П. Азема утверждает, что по крайней мере четверть населения Парижа осталась в городе, особенно в народных кварталах. См.: *Azéma J.-P.* *Op. cit.* P., 2000. P. 119.

людей и машин», сквозь которые пробивался «правительственный кортеж»: президент Республики, председатели обеих палат, глава правительства и министры, главнокомандующий и его ставка – все мчались на юг¹. Самый крупный отечественный специалист по истории Франции в годы Второй мировой войны В. П. Смирнов отмечает: «по самым осторожным подсчетам, не менее 10 млн. человек, четвертая часть всего французского населения, бродили по дорогам»². В другой своей книге «Две войны – одна победа» (2015) он также описывает ужас людей, которые «с детьми и пожилками ... хлынули на дороги, смешались с войсками, мешая их продвижению. Немецкие самолеты забрасывали эти беспорядочно бегущие толпы бомбами, расстреливали из пулеметов»³. Э. Напп в своем исследовании приводит данные о количестве бомбардировок и жертв среди местного гражданского населения: более 3 тыс. 200 французов погибло на дорогах Франции от налетов немецкой авиации в ходе панического массового бегства людей и правительственной неразберихи⁴. Современные ученые дают по-прежнему впечатляющие цифры участников «исхода»: «ошеломляющая по численности миграция – 8 млн. человек»⁵ (Ж.-П. Азема); «5-6, может быть, 8 млн. людей, бросивших свое жилье и не знавших, куда идти»⁶ (Р. Ремон).

Все исследователи этого феномена – «исхода» – подчеркивают одну из главных его составляющих – страх: от бомбардировок, от неустроенности и неуверенности в завтрашнем дне, страх за родных, отступавших с полей сражения и «забытых» своими командирами. По словам Ж.-П. Азема, это был «атавистический страх бесчинств немецкой солдатни», сохранившийся еще со времени оккупации северо-восточной части Франции в 1914–1918 г.г. и «обновленный официальной пропагандой, которая изображала немецких солдат как варварские орды»⁷. В своей статье «Армия в шоке и беспорядочное бегство» (2000 г.) историк приводит случаи индивидуального и массового насилия нацистов над местным населением, ставшие известными летом

¹ См.: Willard G. La drôle de guerre et la trahison de Vichy. P., 1960.

² Смирнов В. П. «Странная война» и поражение Франции. М., 1963. С. 340.

³ Смирнов В. П. Две войны – одна победа. М., 2015. С. 233.

⁴ Knapp A. Op. cit., p. 19.

⁵ Azéma J.-P. Op. cit. P., 2000. P. 118.

⁶ Rémond R. Op. cit., p. 282.

⁷ Azéma J.-P. Op. cit. P., 2000. P. 118.

1940 г.: убийство всей прислуги французского поэта Сен-Поль Ру и изнасилование его дочери; истязания и казнь 45 гражданских лиц в Куррьере, более 70 человек – в Уани; 48 пленников немцы «скосили» из пулемета около города Бург-ан-Бресс и 120 сенегальских стрелков расстреляли в окрестностях Шартра; около тысячи из них погибли в пригороде Лиона¹. В результате, чтобы спровоцировать новую волну миграции, хватало только слухов о зверствах нацистов, помноженных на воспоминания об оскорблениях, нанесенных населению в Первую мировую войну, о незаконных поборах, бесчинствах врага, принудительном вывозе трудоспособных молодых людей в Германию, нехватке продовольствия. Страх вызывал и сам Третий рейх, чья политика в отношении граждан оккупированных стран и карательный аппарат пока что непосредственно не затронули французов, но вызывали у них по доходившим известиям естественное отторжение.

Р. Ремон, семья которого пережила это массовое бегство, пишет: «Как можно было оставаться, когда не было ни власти, ни врачей, ни торговцев, ни булочников ... Отъезды влекли за собой новые отъезды; движение стало неудержимо заразительным»². В этой беспрецедентной внутренней миграции участвовало от 1/4 до 1/5 французского населения. Смятение «этих жалких толп, этих разъединенных семей», смерти, мародерство, голод оставили неизгладимый след в коллективной памяти, такой же глубокий, как военное поражение французских армий. Эти две, параллельно разыгравшиеся драмы, по своей сути – настоящие трагедии, «устранили традиционное различие между передовым краем и тылом, гражданскими и военными, оказались определяющими [для жизни Франции – *Н. Н.*] факторами»³. Неспособность государственной власти справиться с военным и социальным кризисом, тяжелейшие страдания безвинных людей, всеобщее ощущение подавленности и быстрого развала страны – этот «разрыв текстуры социальной ткани французского общества»⁴ – требовали у политического класса ответа на непростой вопрос: не пора ли на любых условиях остановить сражение? Положительно ответил на него последний глава правительства Третьей республики маршал Петен, избранный председателем Совета министров 16 июня 1940 г. и призвавший не-

¹ Ibidem.

² *Rémond R.* Op. cit., p. 282.

³ Ibid. P. 283.

⁴ *Azéma J.-P.* Op. cit. P., 2000. P. 117.

медленно – «во имя нации» – прекратить войну. И в качестве главного морального оправдания подобного решения он использовал «исход», мучения французов в возникшем и непрекращающемся хаосе. Именно поэтому и приход к власти Петена, и его переговоры о перемирии с нацистским руководством, и его первые правительственные шаги, очевидно недемократического характера, в первую очередь «несовместимая с законами 1875 г. конституционная реформа, устанавливающая в пользу Маршала абсолютную диктатуру»¹, нашли поддержку у значительной части как французской политической элиты, так и простых обывателей, которые, по известному выражению военного историка Ж.-Л. Кремье-Брийяка, переживали «почти биологическую необходимость в восстановлении и выходе из создавшейся ситуации»². «Кажется, – отмечает Ж.-П. Азема, – что внушительное большинство французов почувствовало облегчение, увидев в Филиппе Петене вершителя судеб Франции, побежденной и оккупированной». Он представлялся им одновременно защитником от жестокого победителя и человеком, способным разрешить «очень серьезный кризис национальной идентичности, в который погрузились глубоко униженные французы»³.

* * *

«Беспрецедентный травматизм, испытанный французской нацией, оставил раны и глубокие шрамы в коллективной памяти и в последующей истории [Франции – *Н. Н.*]», – справедливо утверждает в статье «Травма 1940 г.» американский историк С. Хоффман⁴. Этот феномен ставит перед исследователями несколько вопросов. Первый заключается в том, можно ли считать травматизм от военного поражения и «исхода», так называемый «травматизм разгрома», только эпизодом, пусть и самым глубоким и тяжело воспринимаемым в «целой серии травматизмов», переживаемых Францией в 30–40-е г.г., например, от экономического кризиса, «мюнхенского сговора», от «размежевания общества на вишистов–коллорационистов и атлантистов–сопротивленцев», от условий Освобождения страны в 1944 г., которые Хоффман называет «практически гражданской войной?» Американский

¹ *Duroselle J.-B.* Op. cit., p. 215.

² *Crémieux – Brillhac J.-L.* Op. cit. V. 1. P. 714.

³ *Azéma J.-P.* Op. cit. P., 2000. P. 132.

⁴ *Hoffmann S.* Op. cit., p. 140.

ученый полагает, что в истории Франции с этой точки зрения выделяется компактный «временной блок со всеми его конвульсиями» – 1934–1946 гг., а в нем особое, очень важное место занимают события эпохи военного поражения, повлиявшие на коллективную память своим драматическим исходом¹.

Другой вопрос касается причин довольно «скромного» интереса французских историков к сюжету «разгрома 1940 г.». Действительно, первые 50 лет после поражения Франции его история изучалась главным образом по воспоминаниям и свидетельствам очевидцев – Ш. де Голля², М. Блока³ и Л. Блюма⁴. Только в 1990 г. появился первый обобщающий двухтомный труд известного историка, участника движения Сопротивления Ж.-Л. Кремье – Брийяка «Французы 1940-го года», в котором на основе многочисленных документов излагались интересные факты и выводы по истории Франции, связанной с ее военным крахом и последующей за ним сменой политического курса. К этому моменту уже существовала обширная историография политической истории «поздней» Третьей республики, правительства Виши и движения Сопротивления, но не военного поражения 1940 г.

Объяснение этому несоответствию дает анализ восприятия французами событий тех лет. Изучение их коллективной памяти позволило С. Хоффману выделить две ее главные характеристики: чувство сопричастности к очень серьезной катастрофе, вторжения в обыденную жизнь людей «чего-то почти астрального по скорости и необычности происходящего»; а также чувство унижения и стыда за пережитое⁵. Об этом же рассуждает в своей книге «Последний век. 1918–2002» ведущий французский историк Р. Ремон. Исследователи Ж.-П. Азема, М. Ферро, С. Бернштейн, П. Мильза и другие также в многочисленных работах рассматривают особенности коллективной памяти французов, переживших поражение, «исход» и оккупацию страны.

С. Хоффман сравнивает коллективную память населения Третьей республики о Первой и Второй мировых войнах и делает интересный вывод: в коллективной памяти первой войны доминировало «чувство долгого и острого страдания». Для людей 1940 г. события

¹ Ibid P. 141.

² *Gaullie Ch. de Mémoires de guerre*. Т. 1. L'Appel. P., 1954.

³ *Bloch M. Strange Defeat: A Statement of Evidence Written in 1940*. London, 1949.

⁴ *Blum L. A l'échelle humaine*. P., 1945.

⁵ *Hoffmann S. Op. cit.*, p. 143–144.

лета были связаны с «ощущением неожиданного и грубого удара по голове и в сердце». Этот удар, ассоциировавшийся у них с катастрофой, хаосом, имел следствием «двойное передвижение» людей – физическое и географическое (массовое бегство, концлагеря, для некоторых – вынужденная эмиграция, как например, для де Голля и его соратников, оказавшихся в Лондоне), а также ментальное, психологическое (переход от привычного индивидуализма к коллективизму военного времени: люди, вырванные из привычной среды, ощущали тягу к принадлежности к какой-то группе, будь то трагическая атмосфера концлагеря или партизанское сообщество участников движения Сопротивления)¹.

Второй характеристикой коллективной памяти 1940 г. обычно называют унижение или даже стыд. Это часто встречающаяся психологическая ситуация – довольно распространенная в истории различных народов – требует от них поиска утешения и оправдания. Часто и на бытовом, и на официальном уровне, вновь переживая малоприятные или унижительные моменты военного поражения или политического фиаско лета 1940 г., французы вспоминают и приводят примеры героического поведения или политической смелости, чтобы показать последующему поколению, что не все было плохо и катастрофично, и при других обстоятельствах, как в 1914 г., нация сохранила бы достоинство. В качестве таковых упоминаются бесстрашные курсанты Сомюра, несколько дней сдерживавшие попытки немецких дивизий форсировать Луару в июне 1940 г., контратаки бронетанковой дивизии полковника де Голля на территории Бельгии, нежелание сдаваться – уже после подписания с нацистской Германией перемирия 22 июня – последних защитников «линии Мажино» и др.

Среди факторов, которые могут рассматриваться как попытки «оправдания» военного разгрома армии со всеми вытекающими из него обстоятельствами, раньше часто приводился так называемый «удар ножом в спину». Речь идет о знаменитой пятой колонне, миф о которой уже давно даже не поднимается в работах серьезных ученых. Второе «оправдание» – заявление некоторых военных и политиков о численном превосходстве немецких армий и вооружения, что подтверждается не всеми историками и лишь частично. Третье «оправдание» сводится к осуждению бездействия (США) и недостаточной помощи (Велико-

¹ Ibid. P. 144.

британия) союзников, что не является полностью неправдой, но вызывает споры в научной среде¹.

Именно унижение, стыд за свое прошлое, а также явная недостаточность или несостоятельность «утешительных мифов» и создали в конечном счете феномен, который объясняет относительный пробел в коллективной памяти многих событий эпохи военного поражения Франции. Социологические исследования показали, что первое, о чем думает француз, когда его спрашивают о событиях лета 1940 г., – это знаменитая речь де Голля 18 июня 1940 г.², призвавшего по английскому радио своих соотечественников продолжить сопротивление врагу и бороться за освобождение Родины. О «намеренном умолчании» о трагических неделях мая – июня 1940 г., в том числе связанном с «исходом», пишет в своей монографии Э. Напп³, а известный французский историк Ж.-Р. Риу справедливо утверждает, что «отказ или намеренное умолчание [коллективной памяти о военном поражении 1940 г. – *Н. Н.*] появились в связи с отсутствием [у населения – *Н. Н.*] знаменательных памятных дат»⁴. Другой французский современный ученый Р. Франк еще четче сформулировал эту мысль: «то, что вспоминается с грустью, с трудом становится знаменательной датой»⁵. События лета 1940 г. в полной мере можно назвать «печальными» еще и потому, что военная катастрофа и социальная драма, переживаемая французами в связи с «исходом», дополнилась неизбежным в таких условиях политическим кризисом, который показал непрочность основ политического режима Третьей республики, отсутствие в политической среде смелого и решительного лидера, сложные, порой болезненные отношения между властью и армией, не сумевшими сплотиться и стать бастионом национальной независимости французской Республики.

В заключение хотелось бы отметить, что в российской исторической науке тема «исхода» не стала предметом специального исследования отечественных ученых, которые чаще обращались к военным или политическим аспектам «драмы 1940 г.». И следует признать, что все

¹ Ibid P. 144–145.

² См. речь де Голля 18 июня 1940 г. по: *Gaullé Ch. de. Discours et messages. Pendant la guerre. Juin 1940 – Janvier 1946. V. 1. P., 1970. P. 3–4.*

³ *Knapp A. Op. cit., p. 277.*

⁴ *Rioux J.-R. La France de la IV République. P., 1980. T. 1. P. 264.*

⁵ *Frank R. Le Front populaire a-t-il perdu la guerre? // L'Histoire. Juillet – août 1983. P. 377.*

эти публикации уступают по глубине анализа, широте источниковой базы и объему привлеченного исторического материала монографии В. П. Смирнова «Странная война и поражение Франции», вышедшей в далеком 1963 г. С учетом особенностей той эпохи и идеологических требований, которые не могли не найти своего отражения в этой книге, она и сейчас остается самым основательным и подробным изложением событий, связанных с военным крахом Франции летом 1940 г., в том числе и с проблемой «исхода».

НИКИТИНА Т. В.*

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-ГРЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1950–1960-е гг.

Советско-греческие отношения в XX в. и в частности в 1950–1960-е годы довольно фрагментарно изучались как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Новые документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) позволяют рассмотреть сам процесс развития этих отношений в этот период и его место во взаимоотношениях СССР и Греции. После Второй мировой войны советско-греческие отношения оставались неурегулированными. Дипломатические связи, хотя и не были прерваны полностью, носили весьма ограниченный и формальный характер. В январе 1946 года, после приезда в Афины посла СССР, дипломатические отношения Советского Союза с Грецией возобновились. Однако, в связи с враждебно настроенной политикой греческого правительства, в апреле 1947 года советский посол и основной состав посольства были отозваны из Афин. До сентября 1953 года дипломатические отношения осуществлялись через временных поверенных в делах¹. В этот период отсутствовали регулярные торговые и культурные связи, не говоря уже о политических. Основными причинами нестабильных отношений явились гражданская война в Греции 1946–1949 гг. и начавшаяся «холодная война», в которую включились и правящие круги Греции. Подробно политика СССР по отношению к Греции с 1945 по 1949 годы изучена в работах А. А. Калинина². На протяжении всего послевоенного периода сохранялась двойственная позиция СССР; с одной стороны, поддерживались контакты с официальными Афинами и предпринимались по-

* Никитина Татьяна Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 44. П. 160. Д. 10. Л. 1.

² См. Калинин А. А. Греция в политике Советского Союза в 1945–1949 гг. // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. М., 2018.

пытки развития советско-греческих отношений, а с другой, в прессе присутствовала критика «греческих фашистов»¹. Известно, что уже на Ялтинской конференции в октябре 1944 года У. Черчилль и И. В. Сталин подписали так называемое «процентное соглашение», по которому Греция входила в сферу интересов Англии. Однако, верный своим идеологическим установкам, СССР помогал греческим коммунистам в гражданской войне. В связи с этим в 1947 году возникла угроза разрыва дипломатических отношений. Фактически до 1953 года советско-греческие отношения оставались замороженными².

В 1953 году по инициативе Советского Союза советско-греческие отношения были нормализованы; страны обменялись послами. Этому способствовали как заинтересованность торгово-промышленных кругов Греции в восстановлении и развитии традиционных торговых связей с СССР, так и недовольство греков милитаризацией страны и односторонней внешнеполитической ориентацией правящих кругов Греции на Запад. Правительство А. Папагоса было вынуждено пойти на нормализацию отношений с СССР. В 1953 году впервые после Второй мировой войны было подписано советско-греческое соглашение о товарообороте и платежах. Срок действия этого соглашения в сентябре 1954 года был продлен еще на год³. До этого соглашения между СССР и Грецией существовала лишь Конвенция о торговле и мореплавании 1929 года.

В справке МИД СССР, направленной В. М. Молотову в марте 1955 года указывалось, что основным нерешенным вопросом в отношениях между СССР и Грецией был вопрос о репатриации из СССР греческих политэмигрантов, проживавших в Узбекской ССР с 1949 года после окончания гражданской войны в Греции. В районе Ташкента находились 17,5 тыс. греков-политэмигрантов, в том числе 217 бывших военнослужащих греческой королевской армии. 18 человек, наиболее враждебно настроенных, были отделены от основной массы политэмигрантов и проживали в поселке Муйнак Каракалпакской АССР. Греция требовала репатриировать политэмигрантов, считая, что их удерживают в СССР насильно⁴. Уже в июне 1955 года вышло постановление ЦК КПСС о мерах по развитию отношений между СССР и Грецией, в

¹ Калинин А. А. Указ. соч. С. 382.

² Там же. С. 392.

³ АВП РФ. Ф. 084. Оп. 48. П. 172. Д. 11. Л. 20–21.

⁴ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 44. П. 160. Д. 10. Л. 10.

котором было записано, что в целях создания основы для дальнейшего развития советско-греческих отношений, советское правительство желает ускорить репатриацию тех политэмигрантов, которым может быть разрешен выезд из СССР и которые пожелают репатрироваться. Кроме того, указывалось на необходимость расширения экономических и культурных связей, а также декларировалось, что советское правительство, руководствуясь принципами равноправия, уважения суверенитета, независимости и невмешательства во внутренние дела друга друга, готово оказать Греции экономическую и научно-техническую помощь. Для создания благоприятных условий развитию советско-греческих отношений через послов Венгрии и Румынии рекомендовалось обратить внимание на скорейшее восстановление дипломатических отношений этих стран с Грецией. В этом документе указывалось, что препятствием для нормализации советско-греческих отношений была проблема Кипра, в решении которой позиции СССР и Греции расходились. Греки считали Кипр своей исторической территорией и стремились объединить остров с Грецией. В постановлении ЦК КПСС было отмечено, что при постановке греческим правительством на Генеральной Ассамблее ООН вопроса о Кипре, чрезвычайно актуального в это время, советской делегации предписывалось поддержать право народов Кипра на самоопределение и прекращение для этой страны статуса английской колонии¹. Между правительством СССР и правительством Греции не существовало совпадений во взглядах по кипрскому вопросу, т.к. греческое правительство выражало свою готовность предоставить Великобритании военные базы как на Кипре, так и в Греции².

С сентября 1955 года в Греции у власти находилось правительство К. Караманлиса, представлявшее интересы финансового, крупного промышленного, торгового капитала. Его партия – Национальный радикальный союз (ЭРЭ), ориентировалась на США и НАТО. Однако, в МИД СССР считали, что, одержав победу на выборах в 1956 году, правительство К. Караманлиса стало испытывать значительные трудности при проведении своего проамериканского политического курса. И эти трудности были вызваны следующими обстоятельствами: общей разрядкой международной напряженности, что требовало гибкости во внешней политике, резким обострением греко-английских и греко-

¹ АВП РФ. Там же. Л. 15–16.

² АВП РФ. Ф. 84. Оп. 46. П. 166. Д. 10. Л. 2.

турецких отношений из-за кипрского вопроса, а также значительным укреплением оппозиционных партий, (например, ЭДА). В связи с этим правительство К. Караманлиса вынуждено идти на известное улучшение отношений между Грецией и СССР. В октябре 1955 года в Афинах было создано греко-советское Общество дружбы, которое направило несколько делегаций в СССР. В мае 1958 года подобное Общество дружбы «СССР–Греция» было создано в Москве¹. В июне 1956 года состоялся визит в Грецию министра иностранных дел СССР, а 23 августа 1956 года Москву посетила греческая парламентская делегация². В то же время, в советском МИД считали, К. Караманлис проявлял крайнюю сдержанность и осторожность во всем, что касалось улучшения греко-советских отношений. Так, Караманлис и его правительство не затрагивали вопрос о советской экономической помощи, всячески уклоняясь от обсуждения этого вопроса, но зато они стали больше проявлять заинтересованность в развитии торговых отношений с Советским Союзом³. Очевидно, это было не только выгодно для Греции, но и не вызывало серьезных возражений со стороны США, поскольку Греция экспортировала в СССР главным образом сельскохозяйственную продукцию: табак, маслины, изюм, цитрусовые и т.д.

Партия К. Караманлиса дважды, в 1956 и 1958 гг. одерживала победу на выборах. С этим правительством Советскому Союзу было довольно сложно активизировать многосторонние отношения. Тем не менее в справке МИД СССР сообщалось, что с 1953 по 1958 годы в развитии советско-греческих отношений были достигнуты известные успехи; товарооборот между странами увеличился почти в 7 раз. 21 июля 1958 года было заключено долгосрочное торговое соглашение между СССР и Грецией. В соответствии с этим соглашением, товарооборот между двумя странами в 1960 году должен был превысить уровень 1957 года примерно в 2,5 раза. Значение этого акта состояло в том, что долгосрочные соглашения впервые были введены в практику греческой внешней торговли, что способствовало укреплению торговых отношений Греции и СССР на взаимно выгодной основе⁴. Соглашение создавало прочную основу для сбыта значительной части греческой сельскохозяйственной продукции, особенно в условиях функциониро-

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 48. П. 172. Д. 11. Л. 21.

² АВП РФ. Ф. 84. Оп. 45. П. 164. Д. 12. Л. 75.

³ АВП РФ. Там же. Л. 75.

⁴ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 41. П. 47. Д. 6. Л. 39.

вания «Общего рынка». За 8 месяцев 1959 года греческие порты посетило 160 советских торговых судов¹. В интервью Н. С. Хрущева греческому издателю Ламбракису еще в мае 1958 года отмечалось, что советская сторона готова рассмотреть вопрос и о других формах экономического сотрудничества с Грецией, если со стороны греческого правительства будет проявлена заинтересованность². Однако, после майских выборов 1958 года греческое правительство начало проводить политику, направленную на максимальное ограничение контактов с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря, в том числе и в области торгового обмена. По мнению советской стороны, такая позиция объяснялась тем, что на выборах 1958 года демократические силы Греции одержали крупную победу; партия ЭДА (Единая Демократическая Левая) набрала 24,4% голосов, получив 79 из 300 мест в парламенте, ЭРЭ-170 мест. Успех демократических сил на выборах был расценен греческим правительством как результат роста влияния СССР среди греков. Кроме того, в Греции также усилилось движение за мир, против размещения на ее территории американских баз атомного и ракетного оружия. В декабре 1958 года греческая полиция арестовала видного прогрессивного деятеля Греции, члена Исполкома партии ЭДА, директора газеты «Авги» Манолиса Глезоса, обвинив его в шпионаже. С января 1959 года в стране началась широкая кампания в защиту демократических сил Греции и за освобождение Манолиса Глезоса³. Неудивительно, что правительство К. Караманлиса ужесточило политику в отношении Советского Союза; оно ввело строгий визовый режим на въезд греческих граждан в Советский Союз и советских граждан в Грецию, а также выступило против установления советской авиалинии Москва–Афины–Каир. Греческое правительство приняло решение о запрете издания бюллетеня Посольства СССР в Афинах «Советские новости», выходившего тиражом 8 тыс. экземпляров. Усилилась антисоветская пропаганда через радио, правую прессу и церковь, усилились нападки на Посольство СССР. Активизировалась деятельность эмигрантских «союзов», которыми были организованы антисоветские выставки в городах Волос и Салоники. «Угроза с Севера», о которой твердили правящие круги, разжигала шовинистические чувства; правительство К. Караманлиса упорно не же-

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 42. П. 49. Д. 3. Л. 10.

² АВП РФ. Ф. 084. Оп. 48. П. 172. Д. 11. Л. 21.

³ АВП РФ. Там же. Л. 22.

лало восстанавливать дипломатические отношения с Албанией и всячески препятствовало нормализации греко-болгарских отношений¹. Тем не менее, в октябре 1959 года Общество «СССР–Греция» и греко-советское Общество дружбы провели Декаду дружбы между странами, в ходе которой в городах Греции и СССР провели собрания, лекции, концерты, направленные на укрепление советско-греческой дружбы. В связи с этим в Афины на Декаду дружбы был приглашен Директор института истории В. Хвостов². В советском МИД считали, что препятствия развитию советско-греческих отношений, чинимые правительством К. Караманлиса, носили искусственный характер, поскольку между обеими странами не имелось неурегулированных вопросов. Как указывал Заведующий 5-м Европейским Отделом МИД СССР П. Дедушкин, с советской стороны в разное время делались заявления о том, что Советский Союз стремится к дальнейшему развитию отношений с Грецией, если со стороны греческого правительства будет проявлена к этому готовность и добрая воля, однако, греческая сторона пока не реагировала на эти пожелания³. Тем не менее с 1953 по 1959 годы товарооборот между СССР и Грецией вырос в 10 раз⁴. Советский Союз занимал в 1959 году 9-е место среди стран экспортеров; на международной ярмарке в Салониках он имел один из больших павильонов. Большим спросом пользовались советские сельскохозяйственные машины⁵. В это же время Советский Союз начал поставлять на нефтеперерабатывающий завод в Аспропиргосе советскую нефть и как отметил директор завода Н. Григориадис, нефть хорошего качества⁶. Фирма Ниархоса была готова заключить с «Совфрахтом» соглашение на перевозку советской нефти на продолжительный срок – 6–7 лет⁷. Объем греко-советской торговли в 1959 году достиг 35 млн. долларов и продолжал расти⁸. Значительную торговлю с Советским Союзом в течение ряда лет вела греческая фирма «Барлас боксит эллас», продавая ежегодно до 150 тыс. тонн бокситов и покупая различные советские машины и оборудование. На рудниках фирмы работало

¹ АВП РФ. Там же. Л. 3.

² АВП РФ. Ф. 84. Оп. 42. П. 49. Д. 3. Л. 6.

³ АВП РФ. Там же. Л. 25.

⁴ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 50. П. 176. Д. 11. Л. 33.

⁵ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 42. П. 49. Д. 6. Л. 71.

⁶ АВП РФ. Там же. Л. 114.

⁷ АВП РФ. Там же. Л. 157.

⁸ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 42. П. 49. Д. 7. Л. 28.

около 400 рабочих, в день фирма могла погружать на суда до 2 тыс. тонн руды. В беседе с советским послом М. Г. Сергеевым (13 февраля 1960 г.) владелец фирмы г-н Барлас отметил, что Советский Союз платил за тонну бокситов ниже других стран (5,05 долл. вместо 7 долл.), поэтому он просил воздействовать на организацию «Разноимпорт», с тем, чтобы увеличить цену хотя бы до 5,25 долл. Барлас также прокомментировал предложение греческого правительства СССР о строительстве алюминиевого завода. По его мнению, это было сделано только в целях шантажа западных фирм, так как правительство К. Караманлиса никогда не согласится предоставить Советскому Союзу права на строительство завода в Греции, даже если советские предложения будут очень выгодными¹. Торговая фирма «Гемсов», глава Элиопулос, ежемесячно закупала в СССР 350–400 тонн бумаги; в Афинах 75% тиража всех газет печаталось на советской бумаге². Тем не менее, в 1960 году ситуация стала меняться в худшую сторону. Причину ослабления экономических связей двух стран советский посол М. Г. Сергеев пытался выяснить в беседе с видным греческим экономистом, издателем журнала «Неа Икономия» А. Ангелопулосом, которая состоялась в Посольстве 6 мая 1960 года. А. Ангелопулос назвал экономическое положение в Греции тяжелым; с одной стороны банки располагали большими суммами денег и иностранной валюты, которые не находили производительного применения, а с другой – в сельском хозяйстве в течение 2-х лет наблюдалась стагнация, так как остро стояла проблема экспорта продукции. «Можно строить большие плотины, электростанции, увеличить производство электроэнергии, но основная проблема для Греции сейчас не в этом. Экспорт сельскохозяйственной продукции – это главное», заявил Ангелопулос³. Это можно достичь, считал греческий экономист, за счет развития торговли со странами социалистического лагеря, греческое же правительство не следует политике развития экономического сотрудничества с Советским Союзом. Он считал необходимым составить 5-летний план развития экономических связей с Советским Союзом и социалистическими странами. В ответ М. Г. Сергеев заметил, что греческие власти не принимают предложения советского торгового представительства и чинят препятствия нашей торговле. М. Г. Сергеев попросил Ангелопулоса разъ-

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 43. П. 52. Д. 4. Л. 7–8.

² АВП РФ. Там же. Л. 11.

³ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 43. П. 52. Д. 4. Л. 76.

яснить, чем объясняется в этих условиях относительная стабильность драхмы? С точки зрения наличия запасов валюты, а также состояния платежного баланса, считал А.Ангелопулос, положение хорошее. Имелся, правда, большой дефицит во внешней торговле, но он покрывался поступлениями от туризма, торгового флота, денежных переводов из-за границы и иностранной помощи. Но эта стабильность драхмы довольно хрупкая¹. Кроме того, заявил Ангелопулос, расточительно расходуются средства: строится дорогой пляж в Навплионе, в Вульгмени, рушат недавно построенные дороги и строят новые, в то время как в Афинах значительное число улиц не заасфальтировано. Поскольку в банках много денег, а проведение «общественных работ» самое легкое средство траты денег, (вместо создания промышленных предприятий), то правительство избрало именно этот путь. От проведения этих работ получают известную прибыль близкие к правительству влиятельные круги. Оптимизм К. Караманлиса относительно экономического положения страны ни на чем не основан, считал А. Ангелопулос. За исключением пока экономических связей, прекращены почти все связи с Советским Союзом, в то время как с Турцией у Советского Союза связи улучшаются. Ангелопулос считал, что грекам необходимо опередить Турцию². Ассоциация планирования Греции, объединявшая ведущих экономистов страны, во главе с Ангелопулосом, считала, что правительство Греции, как и во всех слаборазвитых странах, должно выступать инициатором и исполнителем планов промышленного развития страны. Однако, греческое правительство все еще ожидает проявления частной инициативы, хотя частные владельцы капиталов несколько не заинтересованы в развитии промышленности. Ангелопулос считал, что Советский Союз мог бы строить в Греции алюминиевый завод, металлургические предприятия, возможно – атомную электростанцию, что решило бы проблему безработицы³.

Советский Союз пытался через СМИ показать свое желание наладить отношения с Грецией. 25 июля 1960 года в газете «Правда» была опубликована статья под заголовком «Греция и Советский Союз могут жить в дружбе». В ней отмечалось, что, стремясь к развитию отношений с Грецией, СССР не имеет целью «изолировать» и «оторвать» страну от союза с Западом. Цель одна – содействовать разрядке напря-

¹ АВП РФ. Там же. Л. 77.

² АВП РФ. Там же. Л. 79–80.

³ АВП РФ. Там же. Л. 81.

женности на Балканах и укреплению традиционных дружественных связей с греческим народом. В статье указывалось, что именно, благодаря инициативам Советского Союза в 1953 году были нормализованы отношения между двумя странами; начали налаживаться культурные связи, расширяться торговля. Советский Союз посетила греческая парламентская делегация, представители муниципалитетов Афин, Пирея. В 1959 году по приглашению А. И. Микояна состоялся визит в СССР видного политического деятеля Греции, лидера партии «Прогрессистов» – С. Маркезиниса. Последний осуждал одностороннюю ориентацию К. Караманлиса на США, выступал за политику «равной дружбы» со всеми странами, за развитие отношений с СССР «в рамках верности Греции НАТО», был против создания американских атомных и ракетных баз на греческой территории. Он осудил капитуляцию греческого правительства по кипрскому вопросу, выразившуюся в подписании Цюрихско-Лондонских соглашений и даже выступал за контакты с ЭДА в политической жизни Греции, правда, на выборах 1958 года он отказался от сотрудничества с этой партией, надеясь, вероятно, с помощью США прийти к власти¹. В архиве хранятся его восторженные отзывы о поездке в СССР. В июне 1960 года СССР посетил лидер партии либералов – С. Венизелос, который был принят Н. С. Хрущевым². Выступая перед греческой общественностью, С. Венизелос уверял слушателей в искренности стремлений Советского Союза развивать всесторонние отношения с Грецией. Из-за визита в СССР американцы даже не пригласили С. Венизелоса в свое посольство по случаю национального праздника США, хотя он заявил, что был и остается «человеком Запада»³. В последнее время, отмечалось в статье, греческие правящие круги взяли курс на резкое сокращение контактов и культурных связей с СССР и другими социалистическими странами. Греческое правительство отклонило предложение СССР о создании безатомной зоны на Балканах, ссылаясь на «неурегулированность» своих отношений с Албанией и Болгарией⁴. Советский посол в Греции М. Г. Сергеев приложил немало усилий к тому, чтобы наладить контакты с греческими коллегами, об этом свидетельствуют его беседы с генеральным директором МИД Греции Ксантопулосом-Паламасом,

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 48. П. 172. Д. 11. Л. 17.

² АВП РФ. Ф. 84. Оп. 43. П. 53. Д. 12. Л. 66.

³ АВП РФ. Там же. Л. 73.

⁴ АВП РФ. Там же. Л. 69.

а также назначенным в сентябре 1960 года послом в СССР Христопулосом. Отсутствие культурных, научных, спортивных и других связей между странами греческое правительство мотивировало тем, что все другие виды связи, кроме торговых, усиливают демократическое движение в Греции и прежде всего позиции партии Единой Демократической Левой (ЭДА). Христопулос заметил, что это все временно, и он будет способствовать расширению этих связей. То же самое сказал и Ксантопулос-Паламас, указав, что в последнее время правительство назначило своих посланников в Венгрию, Польшу, Чехословакию и что отношения со странами народной демократии расширяются. Трудности остаются только с двумя странами – Болгарией и Албанией. Однако, если с Болгарией была возможность улучшения отношений, то с Албанией никаких перспектив в этом направлении не было, так как существовало состояние войны. Сергеев считал, что это состояние поддерживается искусственно¹.

В связи со строительством на территории Греции американских военных баз возникла угроза размещения на них атомного оружия. Поэтому в июне 1959 года советское правительство выступило с заявлением о создании на Балканах и в районе Адриатики зоны, свободной от атомного и ракетного оружия. Греческое правительство и правительства других стран НАТО остались глухи к этому предложению. В августе 1959 года в Греции была создана группой видных политических деятелей организация «Движение за балканское сотрудничество». Цель этой организации – сотрудничество балканских стран на основе предложения Председателя Совета Министров Румынской Народной Республики Киву Стойка по превращению Балкан в безъядерную зону. Организацию возглавил депутат греческого парламента Стаматис Меркурис². Эта организация выступила с инициативой координировать деятельность подобных комитетов других балканских стран с тем, чтобы в феврале 1960 года созвать первую Балканскую конференцию. Для привлечения общественного мнения Греции в пользу балканского сотрудничества было решено провести цикл публичных лекций³. СССР послал пожелание плодотворной деятельности этому движению.

О культурных связях двух стран свидетельствовала деятельность издательских компаний. Так издательство «Мелисса», основанное в

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 43. П. 52. Д. 4. Л. 169–172.

² АВП РФ. Ф. 084. Оп. 48. П. 172. Д. 11. Л. 58.

³ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 43. П. 52. Д. 9. Л. 2.

1953 году, занималось изданием произведений русских и советских авторов, а также греческих писателей-демократов. Первой книгой, изданной фирмой, были «Студенты» Трифонова, затем был сделан перевод «Всемирной истории». «Детство Никиты» А. Н. Толстого было издано тиражом 6 тыс. экземпляров, что было много для Греции¹. Издательская фирма «Михалакеас и К.» опубликовала «10 дней, которые потрясли мир» Джона Рида под названием «История русской революции», а затем серию «Собрание сочинений русских классиков», в первую очередь произведения Л. Толстого и Ф. Достоевского². Однако, греческие власти пытались всячески препятствовать распространению в стране произведений русских и советских авторов, об этом в беседе с М. Г. Серегеевым сказал совладелец фирмы «Мелисса» Раяс³. Благодаря усилиям Советского Союза, с 1956 года стал осуществляться обмен делегациями представителей общественных и деловых кругов, а также налаживаться культурные контакты. В августе 1956 года Советский Союз посетила профсоюзная делегация Греции во главе с депутатом Стратисом, который в беседе с послом благодарил за самый сердечный прием в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Сочи. В Москве также побывали делегации греческих парламентариев, ученых, артистов, спортсменов⁴. В это же время Афины посетили первые советские туристы, которые остались очень довольны поездкой, если не считать инцидента в Дафни; в туристический автобус были подброшены белоэмигрантские антисоветские листовки⁵. Были налажены контакты между Афинской национальной библиотекой и Библиотекой имени В. И. Ленина, которая передала в дар грекам книги русских и советских писателей. В Греции полностью переводились произведения Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого⁶. В мае 1959 года состоялся визит в СССР греческой молодежной делегации, состоящей из депутатов парламента – представителей молодежи различных политических партий. Однако правительство К. Караманлиса, проводившее политику ограничения контактов с СССР, запретило трем молодым депутатам партии ЭРЭ принять участие в поездке в СССР в составе делегации молодых пар-

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 43. П. 52. Д. 4. Л. 19–20.

² АВП РФ. Там же. Л. 21.

³ АВП РФ. Там же. Л. 20.

⁴ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 39. П. 43. Д. 7. Л. 42.

⁵ АВП РФ. Там же. Л. 19.

⁶ АВП РФ. Там же. Л. 17–18.

ламентариев¹. 20–23 октября 1960 года в Греции праздновалась 123 годовщина Наваринского сражения. На торжества были приглашены послы СССР, Англии, Франции, которые присутствовали на молебствии в соборе и возложении венков к памятнику трех адмиралов – командующих русской, английской и французской флотилиями, который находится в центре города Пилос на берегу Наваринской бухты. 23 октября 1960 года на о. Сфакирия, где находится могила русских моряков, погибших при Наваринском сражении, состоялось открытие памятника русским морякам. На нем присутствовали советский посол, 40 членов греко-советского Общества дружбы, а также греческий историк Д. Фотиадис². Необходимо отметить большую просветительскую роль советского посольства в Греции. Оно проводило подготовительную работу по установлению на греческом острове Керкира памятника русским морякам, погибшим в 1799 году при осаде адмиралом Ушаковым крепости о. Корфу (Керкира)³. При содействии посольства в июне 1960 года из Одессы в Грецию был отправлен колокол в качестве подарка патриарха Алексия православной общине в г. Пирее, в храм Св. Евфимия⁴. На территории Греции находятся братские могилы русских и советских солдат, погибших в годы Первой и Второй мировых войн. МИД СССР считал необходимым содержать их в порядке, чем и занимались работники посольства⁵. Большой вклад в укрепление советско-греческих отношений внес своей активной деятельностью советский посол М. Г. Сергеев, который участвовал не только в официальных мероприятиях. Блестяще владея греческим языком, он выступил 29 октября 1960 года на расширенном (350 чел.) заседании греко-советского Общества дружбы Афин, посвященного «Дню Охи» и открытию Декады греко-советской дружбы. В своей речи, рассказывая о традиционных исторических связях двух народов, он указал на необходимость укрепления дружбы между Грецией и Советским Союзом.

Начиная с 1960-х гг. в Греции вновь и вновь поднимался вопрос о возвращении в страну политических эмигрантов, бывших участников Движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. Как видно, греческое правительство так и не решило эту проблему. Обращаясь с

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 42. П. 49. Д. 6. Л. 150–151.

² АВП РФ. Ф. 84. Оп. 43. П. 52. Д. 4. Л. 217–218.

³ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 43. П. 53. Д. 12. Л. 78.

⁴ АВП РФ. Там же. Л. 135.

⁵ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 42. П. 50. Д. 12. Л. 187, 195.

письмом к Генеральному секретарю ООН г-ну Хаммаршельду, бывшие участники Движения Сопротивления просили предпринять шаги перед греческим правительством с тем, чтобы оно устранило препятствия для возвращения на родину нескольким тысячам политических эмигрантов из Греции, проживающих в Советском Союзе. Они отмечали, что условия жизни в этой стране у них хорошие, но сильным было желание вернуться на родину. При этом репатриация должна осуществляться без унижительных действий и заявлений об отказе от их убеждений, что «противоречит элементарным свободам и достоинству человека и гражданина»¹. Однако правительство не реагировало на эти требования. Особенно усилились эти требования в 1963 году после убийства демократа Г. Ламбракиса. В газете «Авги» от 2 марта 1963 года было опубликовано обращение общественного деятеля Англии Бертрانا Рассела в ООН, в котором он призывал ООН поднять голос в защиту греческих политзаключенных: «Эти люди, писал Б. Рассел, обвиняются в преступлениях, совершенных в период борьбы против немецких оккупантов, но их действия называются преступлениями только лишь потому, что греческим правительствам не нравятся политические убеждения заключенных»². В мае 1963 года Всегреческий Союз инвалидов и раненных периода Национального Сопротивления призвал все оппозиционные партии к борьбе против возрождения фашизма в связи с убийством Г. Ламбракиса³. Однако до реабилитации участников Национального Сопротивления в Греции пройдет еще немало лет.

С ноября 1963 года премьер-министром Греции был Г. Папандреу, лидер партии «Союз центра», которого в стране называли «отцом демократии». Именно с этого времени начинают активнее развиваться греко-советские связи. Оживились культурные связи между странами; в 1963 году в Греции с успехом выступали группа балета Большого театра СССР, танцевальный ансамбль «Березка». В СССР дважды гастролировал Пирейский театр древнегреческой трагедии Рондириса. В Москве и Куйбышеве экспонировалась большая выставка «Современная греческая живопись», на которой были представлены работы 42 греческих художников. С каждым годом в Греции все больше издавалось книг советских писателей, а в СССР переводилось произведений греческой литературы. В 1964 году советский посол в Греции

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 50. П. 176. Д. 11. Л. 22.

² АВП РФ. Ф. 84. Оп. 46. П. 58. Д. 9. Л. 11–12.

³ АВП РФ. Там же. Л. 14.

Н. И. Корюкин в своей статье, посвященной 40-летию установления дипломатических отношений между СССР и Грецией, писал, что между странами нет никаких спорных вопросов. Наши народы никогда не воевали друг с другом. Таким образом, имелись благоприятные условия для налаживания и укрепления сотрудничества в политической сфере. Хорошей основой для политического сотрудничества были мирные предложения Советского Союза о превращении Балкан и района Средиземноморья в безъядерную зону. Московский договор о запрещении испытаний в воздухе, под водой и в космосе подписала и Греция¹.

На заметное расширение связей между странами в 1965 году указал греческий посол в СССР А. Сгурдеос в своей беседе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном. Большое значение имел визит в Грецию делегации Верховного Совета СССР во главе с Председателем ВЦСПС В. В. Гришиным, ожидался приезд в Советский Союз премьер-министра Греции Г. Папандреу. Посол подчеркнул, что улучшение отношений с Советским Союзом являлось программой правительства Г. Папандреу. Греция особо заинтересована в расширении торговли с Советским Союзом, в увеличении экспорта своей сельскохозяйственной продукции за счет расширения импорта из СССР промышленной продукции, в частности, тракторов и других машин для нужд сельского хозяйства. Среди греческой общественности возрос интерес к изучению русского языка, к ознакомлению с достижениями советской науки и культуры. В ответ А. И. Микоян с сожалением отметил, что по ряду важных международных проблем не слышно голоса греческого правительства. В частности, он имел в виду нерешительную позицию Греции по вопросу создания многосторонних ядерных сил НАТО, в отличие, например, от Норвегии, которая отказывалась от участия в ядерных силах. Греция не выступала против вооружения Западной Германии, хотя в годы Второй мировой войны одной из первых подверглась нападению фашистской Германии. На это Сгурдеос ответил, что, определяя внешнеполитический курс, Г. Папандреу заявил, что Греция является союзницей Запада, но одновременно стремится к развитию дружбы с восточными странами. Греция малая страна и не может оказать серьезного влияния на проблемы разоружения и создания безатомных зон. Это зависит от договоренностей меж-

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 47. П. 61. Д. 10. Л. 9–12.

ду СССР и США¹. Этот рефрен «малая страна» часто присутствовал в лексике греческих дипломатов. На советско-греческие отношения продолжала оказывать влияние позиция советского правительства по кипрскому вопросу, который выступал против насильственного присоединения Кипрской Республики и превращения ее территории в зону военных баз НАТО, с чем не были согласны греки, выступающие за объединение Кипра с Грецией. Так что, до заключения политических договоренностей между СССР и Грецией было еще далеко.

С 1967 по 1974 годы в Греции был установлен режим так называемых «черных полковников». С политической точки зрения он подвергался критике в Советском Союзе, но торговые отношения между странами, хотя с известными трудностями, сохранялись. Представляет интерес запись беседы торгового представителя СССР в Греции Е. П. Гурова с министром координации Н. Макарезосом 11 июля 1968 года о состоянии торговли между СССР и Грецией². На жалобу Макарезоса о падении товарооборота между странами (СССР не закупал греческий табак), Гуров ответил, что, действительно, выполнение ряда статей торгового соглашения по вине греческой стороны, проходит крайне неудовлетворительно. Особенно это относилось к статье «машины и оборудование», имеющей большое значение для торгового обмена между двумя странами. Принятое еще в августе 1967 года решение греческого правительства о закупке в СССР для нужд государственных организаций различных машин и оборудования на сумму 4,6 млн. долларов так и не было выполнено, контракты на всю выделенную для этой цели сумму так и не были подписаны. Такое положение дел вынуждало советские внешнеторговые организации, учитывая тот факт, что расчеты между СССР и Грецией производились на основе клирингового соглашения, не проявлять поспешности в закупке греческих товаров. Советское оборудование и машины находились в неравных условиях по сравнению с товарами, импортируемыми из других стран, в частности из стран «Общего рынка», ассоциированным членом которого Греция стала с 1961 года. Например, пошлины на ввоз тракторов из Советского Союза были в 3 раза выше, чем из стран «шестерки», пошлины на легковые автомобили выше в 2 раза. Поэтому следовало в первую очередь решить проблему пошлин. Как

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 48. П. 62. Д. 8а. Л. 9–11.

² АВП РФ. Ф. 84. Оп. 51. П. 65. Д. 3. Л. 9.

отметил Гуров, предыдущие греческие правительства предусмотрели такую возможность. Например, при заключении Долгосрочного торгового соглашения между СССР и Грецией 13 октября 1964 года обе стороны обменялись соответствующими письмами по этому вопросу. Кроме того, ст. 21 Соглашения о присоединении Греции к ЕЭС предусматривала, что «для облегчения импорта определенных товаров из стран, с которыми Греция связана двусторонними договорами, Греция имеет право распространить действие пониженного тарифа или предоставить право беспошлинного ввоза товаров на эти страны»¹. Н. Макарезос пообещал разобраться с этим вопросом, сославшись на то, что он не был информирован по вопросу пошлин. Этот вопрос был решен в 1970 году, когда был подписан протокол между Грецией и СССР о снижении на 50% таможенных пошлин на товары, импортируемые из Советского Союза². Существенным шагом в развитии советско-греческих отношений явилась разработка установления прямого железнодорожного и воздушного сообщения между Грецией и СССР³. То, что отказалось делать в свое время правительство К. Караманлиса, претворял в жизнь режим «черных полковников». Правительство Г. Пападопулоса, по словам греческого посла в Москве А. Деметропулоса также изучало вопрос о возобновлении научного и культурного обмена с СССР⁴. По просьбе греческой стороны в январе 1972 года для Национального исторического музея Греции были направлены фотокопии документальных материалов государственных архивов СССР, касающихся борьбы греческого народа против турецкого ига в 1821 году⁵. Примечательным явлением в этот период была частая смена послов, (практически каждый год), как греческих, так и советских. 14 мая 1973 года при вручении верительных грамот послом СССР в Греции И. М. Ежовым Г. Пападопулос произнес речь, которая отражала не только каноны дипломатии, но и реальное желание развивать дальше отношения с СССР: «Я с удовольствием принимаю Ваше Превосходительство в стране гостеприимного Зевса... Я надеюсь, что традиционные узы дружбы между нашими странами, которые стали еще более тесными в период борьбы за национальное освобождение, явятся необходимой

¹ АВП РФ. Там же. Л. 10.

² АВП РФ. Ф. 167. Оп. 37. П. 51. Д. 5. Л. 3.

³ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 55. П. 69. Д. 4. Л. 26.

⁴ АВП РФ. Там же. Л. 26.

⁵ АВП РФ. Там же. Л. 1.

основой для дальнейшего улучшения отношений между нашими странами, диктуемого нынешней международной действительностью»¹. Г. Пападопулос отметил, что краеугольным камнем внешней политики Греции являлось желание сохранять и устанавливать плодотворные отношения со всеми странами независимо от различий, которые могут существовать между социальными, экономическими или политическими системами, при непереносимом условии взаимного соблюдения и уважения принципов Устава Объединенных Наций и, в частности, принципа невмешательства во внутренние дела третьих стран. Выразив таким образом пожелание дальнейшего укрепления греко-советских отношений, Г. Пападопулос, обращаясь к послу, закончил свою речь словами: «Я хочу заверить Вас в том, что при выполнении Вашей миссии Вы всегда будете встречать полную солидарность компетентных греческих служб»². И действительно, в период военного режима, советско-греческие отношения получили свое дальнейшее развитие.

Таким образом, в 1950-1960-е годы, во время правления в Греции правительств А. Папагоса, К. Караманлиса, Г. Папандреу и «черных полковников» дипломатические отношения СССР и Греции сохранялись и развивались. Однако, с момента установления дипломатических отношений в 1924 году и до начала 1970-х годов не было заключено никаких договоров в области политических и культурных связей. Существовали только Конвенция о торговле и мореплавании 1929 года, Соглашение о товарообороте и платежах 1953 года и Долгосрочные Торговые соглашения 1958 и 1964 годов, т.е. на основе взаимной выгоды расширялись исключительно советско-греческие торговые отношения. Политические и культурные связи носили не системный характер и были по большей части эпизодическими. Большую роль в развитии отношений между Советским Союзом и Грецией сыграла советская дипломатия, особенно посол СССР в Греции М. Г. Сергеев, который поддерживал активные контакты не только с официальными кругами, но и с деловой, прогрессивной греческой общественностью. Конечно, в 1950–1960-е годы в дипломатических отношениях между СССР и Грецией были и периоды охлаждения, и периоды потепления, но именно в это время были заложены основы дальнейшего поступательного развития советско-греческих отношений.

¹ АВП РФ. Ф. 84. Оп. 56. П. 70. Д. 4. Л. 24.

² АВП РФ. Там же. Л. 24.

ОБИЧКИНА Е. О.*

ФЕНОМЕН Н. САРКОЗИ: ОБРАЗ ВЛАСТИ В ЭПОХУ «ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ» ДЕМОКРАТИИ

Президентское правление Н. Саркози стало достоянием истории, хотя сам остался действующим политиком, пожалуй, самым близким нынешнему президенту Э. Макрону из всех прежних ныне живущих руководителей Франции. Хотя работа над этой статьёй начата в 2007 г., её сюжет и проблематика, с точки зрения достоверности концепции, требовали некоторой проверки временем, пусть речь шла о сравнительно небольшом историческом сроке. Она посвящена феномену Н. Саркози, созвучному определённой стадии развития либеральной демократии, которую можно назвать «потребительской демократией»¹ и различимому уже тогда кризису партийно-политической системы, который, в свою очередь, был связан с кризисом модели социального государства в условиях слабого экономического роста и наступившего вскоре финансового кризиса. Его психологические и социально-политические последствия наглядно проявились в момент выборов 2017 г., привели к власти новую центристскую силу «Вперёд, Республика!» (LRM – «La République, en marche») и практическому разрушению ведущих партий правого и левого лагеря – Республиканцев и социалистов. От Н. Саркози к Ф. Олланду и Э. Макрону во Франции совершается смена образа власти, созвучная глубоким изменениям политического пейзажа.

* Обичкина Евгения Олеговна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД РФ.

¹ Термин «потребительская демократия» или «демократия потребления» является оригинальным и предложен автором данной статьи. См.: *Обичкина Е. О.* Социально-политический кризис во Франции: жёлтые жилеты и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // Вестник МГИМО. № 65 (2). 2019.

КРИЗИС СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И ВЫЗОВЫ «ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИИ»

С конца XIX века, когда на Западе парламентские режимы, отказавшись от цензовой системы, вывели политику из сферы исключительной компетенции «разумного меньшинства», превратив всеобщие выборы в точку отсчёта политического цикла и «момент истины» для массы избирателей и для политической элиты, главной связующей нитью между миром политики и обществом была чёткая социальная и идейная направленность политического проекта, содержание программы и её соответствие ожиданиям избирателей, составлявших социальную опору партий и движений. XX век был отмечен чётким противостоянием левых, защищавших интересы «маленького человека», «трудящихся», и правых, защитников экономического либерализма и модели «государства-гаранта», поэтому выбор между партиями двух главных направлений имел ярко выраженную идейно-социальную мотивацию, нацеленную на реализацию определённого общественного проекта. По мнению известного французского политического философа и социолога П. Бирнбаума, под влиянием научно-технического прогресса и роста благосостояния западные общества пришли к отказу от больших идеологий с их пониманием общественных разломов и непрекращающихся конфликтов. В результате возникло убеждение в способности политически нейтральной элиты организовать общество в соответствии с общим интересом, отказавшись от прежней парадигмы, связывающей власть и политическое господство. В то же время, соответствующая трансформация политической области влечёт за собой изменение демократической модели, основанной на активном участии граждан в определении их общей судьбы¹. Чёткая поляризация во второй половине XX века постепенно уступала место иным связям между избирателями и их представителями. Во Франции их определили три данности.

Первая из них – «государство всеобщего благоденствия» или социальное государство, развитие которого с 1945 года и до кризиса середины 1970-х годов опиралось на бурный и неуклонный экономический рост «славного тридцатилетия». Его результат и вторая данность – общество потребления. «Государство всеобщего благоденствия» дало социальную защиту наёмным работникам и расширило возможности

¹ *Birnbaum P.* La fin du politique. P.: Pluriel, 1995. P. 269–270.

социального восхождения, в первую очередь, сделав общедоступным высшее образование и тем самым создав новые социальные лифты и обеспечив активному поколению убеждение, что дети будут жить лучше родителей. Этим социальное государство взяло на себя функции ответственности за экономическое благосостояние личности, которые в пору либерального государства принадлежали исключительно частной сфере, а общественный позитивный настрой создал основу для устойчивого консенсуса вокруг сложившейся социально-политической модели.

Этот консенсус был поддержан вторым фактором, отметившим послевоенный экономический подъём. Им стал прогрессивный рост заработной платы и социальных выплат, развитие потребительских кредитов, что открыло людям со скромными доходами широкий доступ к потреблению товаров и услуг, способствовало преодолению социального раскола общества. Жёсткие законы рынка были смягчены активной политикой государства по обеспечению социальных гарантий. Наследники пролетариев стали активными потребителями товаров и услуг, в том числе – государственных, как в прямом – в рыночном, так и в переносном – социально-политическом смысле этого понятия.

Третья данность – Пятая республика, усилившая полномочия и ответственность президента, который по замыслу основателя республики – Ш. Де Голля превращался в национального арбитра, стоящего над социальными и узко политическими интересами. Таким образом, Пятая республика способствовала персонификации образа власти, так же как всеобщие выборы президента, которые отдают победу кандидату, в программе которого большинство французов могут увидеть отражение своих интересов.

Более 20 первых лет Пятой республики у власти находились правые – разные конфигурации блока двух политических направлений: голлистов и либералов. Левые силы по-прежнему могли выступать в качестве протестной оппозиции, защитников трудящихся от государства, которое те привыкли считать «орудием капитала». Хотя социальная защита со стороны государства неуклонно расширялась, было очевидно, что социальные права трудящихся завоёваны в непрекращающейся борьбе с государством и миром капитала.

Эта чёткая политическая поляризация была нарушена в 1980–1990-е годы, благодаря длительному пребыванию у власти президента-социалиста Ф. Миттерана и правительств левых сил, а также трём

периодам «сосуществования» левых и правых¹, когда бифидальная исполнительная власть была представлена президентами и правительствами, принадлежащими к противоположным политическим лагерям, вынужденным в таком случае к совместному управлению государством. Внутривластный консенсус – не только необходимое условие исполнения государственных функций. Причины здесь более глубокие и они шире национальных рамок французской политики. С одной стороны, крушение социалистической системы (так называемого «реального социализма») и чередование правых и левых в управлении государством, как это было во Франции, в Германии, Италии и Испании, лишили левые силы их антикапиталистического пафоса. Таким образом, в континентальной Западной Европе произошло то же, что в Великобритании и США в первой половине XX века, где главные партии, противостоящие консерваторам (республиканцам) – лейбористы и демократы последовательно «поглощали» радикальные левые движения. Из защитников идеи социального преобразования они превратились в партии власти, стремящиеся к эффективному управлению в условиях рыночной, капиталистической экономики. С другой стороны, те, кто считает себя «пасынками» либерального капитализма, неизбежно преобладают над его «баловнями», и для правых политиков было бы самоубийством после полувека неуклонного развития социального государства спорить с необходимостью активной социальной поддержки малоимущих.

В то же время, в отличие от предшествующего периода, когда развитие социального государства не только сопутствовало, но и соответствовало развитию общества потребления, поскольку было обусловлено устойчивым экономическим ростом «славного тридцатилетия», на рубеже XX–XXI веков инерционное их развитие стало невозможным из-за замедления экономического роста в Западной Европе. Дефицит социальных фондов, жизнь в долг стали постоянной бюджетной проблемой. Поэтому в поисках эффективной экономической модели и правые, и левые партии власти вынуждены были обратиться к жёстким рецеп-

¹ В 1986–1988 гг. президент-социалист Ф. Миттеран после проигранных парламентских выборов вынужден был сосуществовать с правительством правых сил во главе с Ж. Шираком; в 1993–1995 гг. ситуация повторилась: Миттерану ассистировало правоцентристское правительство Э. Балладюра; в 1997–2002 гг., после внеочередных парламентских выборов, объявленных президентом Ж. Шираком, но выигранных левыми силами, Ж. Шираку ассистировал социалист Л. Жоспен.

там англо-саксонского неоконсерватизма, поощряющего предприимчивость и личную экономическую ответственность в борьбе с ростом иждивенческих настроений, исходящих из привычки перекладывать ответственность за решение экономических проблем личности на плечи государства. Противоречие между идейной идентичностью левых и интересами эффективного управления национальной экономикой, в первую очередь, подорвало доверие левого электората к социалистической партии (ФСП) и её союзникам по правящей коалиции левых сил, в том числе к стремительно терявшим влияние коммунистам. В свою очередь, чтобы не быть в прогнитофазе по отношению к массовому избирателю, партии правоцентристского спектра: наследники голлистов из ОНР, преобразованного с 2002 г. в СПБ/СНБ (Союз президентского/народного большинства) и их союзники из либерального СФД сблизилась на идейной платформе, сочетавшей социальный либерализм с неоконсерватизмом в решении бюджетных и экономических проблем. Таким образом, спектр французского политического истеблишмента начал «линять». В первые десятилетия Пятой республики партийно-политическая система была подобна прямоугольнику с четырьмя вершинами¹, две из которых, правые, были представлены голлистами и либеральным СФД, а две левые – социалистами и коммунистами, и каждая – с ярко выраженной идентичностью, особыми ценностями и собственным общественным проектом. На рубеже XX–XXI веков эта модель трансформировалась в сторону англо-саксонской двухпартийности (*alternance – фр.*), где смена двух ведущих политических сил у власти не приводит к глубоким общественным преобразованиям, но придаёт генеральному курсу тот или иной корректирующий оттенок. Непрестанная адаптация голлизма – ключевая идея Ж. Ширака с 1970-х годов и необходимая дань меняющимся условиям, так же как по-

¹ В отечественной историографии в отношении подобной модели употребляется также понятие «поддержанная биполярная», «характеризующаяся существованием двух центральных блоков (ФСП и ОНР-СФД), представляющими каждый по 30–40% избирателей, поддержанных с флангов двумя небольшими крайними партиями (ФКП и НФ), представляющими каждая по 10% голосов». См.: *Преображенская А. А.* Франция 80–90-е гг.: перемены в партийно-политической системе и общественном сознании// Эволюция политических институтов на Западе. М.: ИМЭМО, 1999. С. 65. Впрочем, если коммунисты действительно с 1981 г. входили в правящий блок левых сил, то НФ с большой натяжкой и лишь ситуативно (на региональных выборах и в отдельных регионах позволялось «поддерживать» республиканских правых (ОНР+СФД).

вторяющиеся периоды сосуществования с левыми вынуждали правых отстаивать не столько голлистскую, сколько правую идентичность, что вело к стиранию его родовых черт (национальное величие, социальный консерватизм и дирижизм в экономике). Это обстоятельство, впрочем, отвечало электоральной стратегии Ж. Ширака, задумавшего перед выборами 2002 г. консолидировать правый электорат, объединив избирателей голлистского и либерального толка (голлистского ОПР¹ и неолиберального СФД) под эгидой Союза за президентское большинство, после выборов переименованного в Союз за народное большинство (СНБ – UMP)². Он ссылаясь на англо-саксонский опыт, видел в своём новом детище аналог британских консерваторов или американских республиканцев с их вертикальной структурой электората, чёткой идейно-политической идентичностью, внятной программой, мощным партийным аппаратом и армией убеждённых сторонников-активистов на местах. В то же время, в замысле Ж. Ширака было заложено одно существенное отличие бонапартистского толка. Не случайно СНД первоначально назывался Союз президентского большинства. Президент Ж. Ширак, чьё семилетнее правление было отягощено самым длительным в истории республики пятилетним сосуществованием с правительством левых сил, надеялся, что новая партийная машина будет служить на предстоящих президентских выборах 2002 г. его собственной победе в качестве единого кандидата республиканских правых, благодаря сплочению правого электората уже в первом туре. СНД таким образом помогал избежать распыления голосов правого электората в первом туре, как на выборах 1995 г., и в противовес широкой и пёстрой левой коалиции и крайне правым, прежде всего, НФ. В случае победы – Союз должен был обеспечить убедительное пропрезидентское большинство на последующих парламентских выборах. Политические трансформации 1980–1990-х годов благоприятствовали этому замыслу: идейно-политические установки голлистского ОПР постепенно утрачивали яркую голлистскую идентичность в пользу неолиберализма, поэтому

¹ ОПР (RPR) – Объединение в поддержку республики – наследник нескольких разноимённых изданий голлистского движения; СФД (UDF) – Союз за французскую демократию – широкое объединение центристов-либералов.

² UMP – Union pour la Majorité Présidentielle/Populaire (переименование не коснулось аббревиатуры), переименованный незадолго до выборов 2002 г. в партию Республиканцев – Les Républicains (LR), что подчеркнуло сходство с американской моделью.

СНБ казался своевременным средством преодоления раскола правых республиканцев, существовавшим между консервативными наследниками голлизма и широким центристским объединением либеральных партий и движений. В то же время, смена лидерства: уход с политической арены Ж. Ширака и выдвижение нового амбициозного руководителя партии Н. Саркози направила эволюцию СНБ в особое русло, ещё более усилив бонапартистский оттенок, изначально присущий голлизму, но противоречащий духу либерального крыла объединения. За то время, что Н. Саркози был его председателем, и за тот год, когда он, став президентом Франции, оставил пост председателя и продолжал направлять партийное строительство, СНБ превратился скорее в объединение сторонников Н. Саркози, чем в массовую правую партию с устойчивой социальной базой. И для грандов партии, и для избирателей главным фактором выбора была не идейно-политическая платформа партии, а сам президент Н. Саркози.

В свою очередь, «альтернанс», т.е. чередование у власти с правыми, казалось бы, превратившее социалистов из партии оппозиции режиму голлистской республики в одну из двух ведущих правящих сил, постепенно подрывало партию изнутри, лишая выбор «ядерного» электората внятного социально-политического смысла. Вместе с тем, глобальные изменения – крах мирового коммунизма и неблагоприятные последствия глобализации, в первую очередь, цифровая революция, деиндустриализация и массовая нелегальная иммиграция, трансформировали социальную повестку дня и привели к росту протестного электората, не находящего решения своих проблем в условиях устоявшегося, но устаревшего консенсуса. На обоих политических флангах росло влияние радикальных групп и движений, которые в условиях мажоритарной системы не были представлены в Национальном собрании, что выливалось на выборах в растущий абсентеизм и/или протестное голосование против партии власти.

В результате, кандидат левых сил социалист Л. Жоспен на первых же президентских выборах XXI века, в 2002 г. не прошёл во второй тур, и главным соперником представителя правого центра Ж. Ширака впервые стал лидер Национального фронта Ж.-М. Ле Пен. Тогда эта победа крайне правых в первом туре была расценена как национальный позор, однако начавшаяся демаргинализация НФ стала устойчивой тенденцией, так же как усугубившийся кризис двух властных партий (правоцентристской партии Республиканцев и социалистов). В первом туре президентских выборов 2017 г. оба их кандидата со-

шли с дистанции, и во втором туре представителю новой центристской силы Э. Макрону оппонировала дочь Ж.-М. Ле Пена, Марин Ле Пен.

Последствия стирания идейно-политической идентичности во Франции в последние десятилетия XX века стал предметом беспокойства французских аналитиков и объектом внимания исследователей на рубеже веков¹. Ю. И. Рубинский писал: «консерваторы оказываются всё более реакционными, либералы консервативными, социалисты всё более либеральными. Между тем, на крайних флангах политического спектра растёт влияние партий ультраправого или левацкого толка, оперирующих популистской националистической и социальной демагогией /.../ Политические конфликты нередко выходят за рамки правового поля – на улицу в виде массовых движений протеста. В таких условиях формирование и деятельность умеренных коалиционных правительств левого и правого центра становятся всё более затруднительными»². Между тем, как и при Ф. Миттеране (особенно с конца 1980-х годов), Ж. Шираке, Н. Саркози и Ф. Олланде, вплоть до настоящего момента именно центризм остается главной правящей линией, воплощённой в современной Франции в президенте Макроне, опирающемся на парламентское большинство, представленное пропрезидентским движением «Вперёд, республика!», что является свидетельством сохраняющейся, хотя и поколебленной устойчивости социального консенсуса и республиканской модели.

Оборотной стороной такого консенсуса стало стирание идейной и социальной идентичности внутри политического класса. Ни одна из соперничающих политических партий не может представить идеологически связного проекта, на котором бы чётко стоял социальный адрес. Избирательные консультации с 1990-х годов сделали привычными колебания избирателей, большая часть которых рассталась с классовыми и идеологическими предпочтениями. Это явление было названо «электоральным рынком»³, на котором избиратель подобен

¹ *Birnbaum P.* La fin du politique. P.: Pluriel, 1995; *Donégani J.- M., Sadoun M.* La V-ème République. Naissance et mort. P.: Calman-Lévy, 1984; *Обичкина Е. О.* Франция на рубеже XX–XXI веков: кризис идентичности. М.: 2003.

² *Рубинский Ю. И.* Ценностные ориентиры современной Европы // Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. Гл. 5. С. 304.

³ Термин «электоральный рынок» для характеристики поведения избирателей в отсутствие внятной идейно-социальной идентичности главных партий французской политической системы был предложен ещё в конце 1990-х гг.: *Donégani J.-M., Sadoun M.* La V-ème République. Naissance et mort. P.: Calman-Lévy, 1998. P. 221.

покупателю, оценивающему потребительские свойства товара не по его содержанию, а сообразно привлекательной рекламе, в зависимости от находчивости «продавца». Это вовсе не означает «конца политики» как сферы борьбы социальных интересов. Но борьба эта приобретает новые черты. Для подавляющего большинства граждан, социальная справедливость и либеральные ценности перестали быть полярно противоположными. В современной идеологии прав человека либеральные свободы так же незыблемы, как и социальные права личности. Антиномия свободы и равенства со второй половины XX века преодолевалась на путях социального государства, и отражением этого синтеза идеологий стало чередование у власти право и левоцентристов, не приводившее к радикальным изменениям структурного характера. Кроме того, современная политическая сфера обогатилась новой проблематикой, не совпадающей с социально стратифицированными интересами, отчего возникает множество комбинаций интересов, связанных с решением насущных проблем личности или вызывающих повышенную индивидуальную чувствительность, вроде гендерного равенства, охраны окружающей среды, прав этнических, религиозных и сексуальных меньшинств и т.п.. Для их обозначения во французской аналитике наряду с социальными, относящимися к экономическому состоянию индивида, стали выделять «социетальные» (sociétales) вопросы, решение которых служит его социальному комфорту и лучшей самореализации. Современная демократия перестала ассоциироваться с решающей ролью мнения большинства, но с уважением прав меньшинства. В результате, избиратель не стоит перед идеологическим выбором между социализмом и либерализмом, правыми и левыми, но поддерживает прагматичные решения, которые работают, и политиков, способных уловить и синтезировать настроения разрозненных общественных групп. В этих условиях возрастает роль политического маркетинга, яркой политической рекламы и визуализации результата. Однако, потребляя электоральный продукт, избиратель менее чем прежде причастен его созданию. Одно из объяснений этого феномена предложено социологом А.-М. Женгра, которая видит его причину в крайней медиатизации выборов в эру телевидения, когда СМИ взяли на себя главную роль в освещении избирательных кампаний и, следовательно, в формировании общественного мнения и создании рейтинга кандидатов. Она считает нарушение прежней связи между базовым электоратом и его представителями во время выборов следствием

агрессивного политического маркетинга, который взял на себя манипулирование сферой политики. В результате прежние политические актеры – партийные активисты, агитаторы, рядовые члены партий и сочувствующие избиратели утратили интерес к политической деятельности, поскольку значимость их выбора была снижена, практически поглощена средствами массовой информации, вовсе не нейтральными. Таким образом, вместо того, чтобы способствовать связи между правящими и управляемыми, новые политические технологии породили отчуждение между ними¹.

Отсюда второе следствие стирания идентичности партий власти. Скрытый консенсус внутри политического класса не соответствует состоянию общества, далёкого от однородности в силу растущей разницы доходов, снижения покупательной способности и нового расслоения среднего класса, роста социального и экономического давления со стороны иммигрантов, растущего этнического и религиозного обособления этой социальной группы и др. Потенциал расширения завоеваний социального государства ограничен снижающимися темпами экономического роста. Поэтому растёт разрыв между избирателями и их представителями, недоверие к политическому классу, отчуждение между сферой политики и гражданским обществом.

Любые попытки реформ социальной сферы во Франции с середины 1990-х годов были призваны преодолеть кризис социального государства, снизить дефицит социальных фондов, повысив адресность и эффективность реформ социальной сферы, прежде всего, образования и здравоохранения, более экономного расходования растущих и дефицитных социальных фондов. Они неминуемо сводились к повышению социальной ответственности личности, будь-то реформа образования, пенсионного обеспечения или меры по интеграции иммигрантов. И столь же неизбежно они наталкиваются на резкое неприятие тех слоёв, к которым адресованы. Если в 1970–1980-х годах Франция с гордостью могла сказать, что социальные конфликты разрешаются в зрелом демократическом обществе не на баррикадах, а в парламенте, в начале XXI века протесты опять переместились на улицы, в иммигрантские гетто, в пригороды и университетские кварталы. Достаточно вспомнить студенческие волнения в Париже – протест против приня-

¹ *Gingras A.-M.* Impact des communications sur les pratiques politiques // *Hermès*, № 17–18, CNRS, 1995. P. 38–45.

того правительством Д. де Вильпена т.н. «закона первичного найма» в 2005 г. или бурные протесты жёлтых жилетов, сотрясавшие страну с ноября 2018 г.

По законам политического маркетинга выделение специфических социальных категорий, воздействие на их «болевы точки» так же необходимы, как поиски предложений, способных объединить эти разнородные категории. Тем труднее представителям политической элиты предложить избирателю рациональный и идеологически связный политический проект, поскольку трудно соединить в нём противоречивые положения. Зато можно направить предпочтения граждан в период выборов благодаря удачной рекламной кампании, подменив разум и слово ярким образом, воздействующим на эмоции. Отсюда персонификация и медиатизация выборов, придающая политической жизни видеократический оттенок. Президентские выборы 2007 г. во Франции стали тому ярким подтверждением. В лице победившего на них Н. Саркози, лидера правоцентристского объединения СНБ Франции был предложен новый образ политического руководителя.

Ученик Р. Арона, известный историк, экономист и публицист, ведущий обозреватель таких изданий, как «Le Point», «Le Monde», «Les Echos» Н. Баверез перед выборами 2007 г. издал книгу «Что делать?»¹, в которой заострены основные проблемы современного французского общества. Сторонник Н. Саркози, он представил будущего президента в качестве политика, которого Франция давно ждала. «Франция переживает новый общенациональный кризис, беспрецедентный по своей значимости с конца 4-ой республики». В этом кризисе переплелись упадок институтов страны, экономический и социальный регресс, кризисное состояние государственных финансов, падение влияния страны в Европе и в мире». Автор перечислил наиболее яркие его проявления: провал референдума по Конституции ЕС в мае 2005 г., отклонение кандидатуры Парижа для проведения летних Олимпийских игр 2012 г. в пользу Лондона, восстания в предместьях. Франция спустилась с 4-го на 6-ое место в мировой экономике после Китая и Великобритании, её поразил социальный коллапс в связи с массовыми студенческими выступлениями против Контракта первичного найма, коррупционные скандалы вроде дела Клерстрим. Причину он видел в плохой адапта-

¹ *Baverez N. Que Faire? P.: Perrin, 2007; La France qui tombe. P.: Perrin, 2004. Disciple de R. Aron, historien, économiste, éditorialiste au Point, Monde, Echos.*

ции к новым мировым условиям, вытекающим из окончания холодной войны и глобализации (мондиализации), возложив ответственность на политический класс. Виновны правые и левые в равной степени, поскольку Миттеран и Ширак одинаково повлияли на развитие страны на протяжении последней четверти века, пока Франция «была не в ладу с историей». По мнению автора памфлета, стране следовало придать новое ускорение. Упадок не фатален. Он явился результатом стратегических ошибок, но его преодоление не зависит только от стратегии правительства и от волевых решений. Оно зависит от гражданской позиции и от желания французов способствовать изменениям. Иначе реформы будут по-прежнему заблокированы, и эта неспособность к изменению через реформу благодаря общественному консенсусу приведёт к революции, которую Н. Баверез считает в корне враждебной республиканскому духу¹. Вспоминая о деструктивной роли ФКП в её пропаганде отказа от либеральной демократии в пользу модели «реального социализма» советского толка, автор считал её принципиально неприемлемой. Она означала, что граждане, принадлежащие к французской демократии, не способны понять общенациональные трудности, бороться с ними, пытаться преодолеть их, разделяя риски и бремя необходимых изменений. Но для этого требуется покончить с иллюзиями и ложью, которая вуалировала истинные трудности, чаще всего, исходя из сиюминутных электоральных интересов партии власти, вернее, партий, деливших власть и стремившихся к сохранению консенсуса, который становился всё более иллюзорным, также как связь между избирателями и их представителями. Н. Баверез связал стремительно растущий рейтинг кандидата-правоцентриста Н. Саркози с большими ожиданиями французов, которые «доверили (ему) императивный мандат на реформирование социальной и экономической модели страны»², чтобы приспособить Францию к глобализации, в частности, чтобы противостоять усилившейся конкуренции стран ускоренного развития, особенно, Азии.

Н. Саркози предлагал новые условия сохранения консенсуса не через смягчение государством жёстких условий рынка, а через добровольный отказ от социального иждивенчества, не через государственное вмешательство, а благодаря росту личной ответственности

¹ *Baverez N. Que Faire? P.: Perrin, 2007; La France qui tombe. P.: Perrin, 2004. P. 13.*

² *Baverez N. Que Faire? P.: Perrin, 2007; La France qui tombe. P.: Perrin, 2004. *Disciple de R. Aron, historien, économiste, éditorialiste au Point, Monde, Echos.**

граждан, т.е. возвращению от потребительской демократии к индивидуальной ответственности за своё материальное благополучие. Однако, в отличие от своих предшественников, начиная с де Голля и кончая Шираком, Саркози не стремился воодушевить соотечественников предложением нового социального проекта или новой универсальной идеи. Скорее, это была попытка внедрить новую стратегию модернизации через изменение экономического поведения.

Критика политики предшественников требовала породить у избирателя тревожное ощущение упадка страны, с другой стороны, гражданам должны были оценить перспективы изменений, предложенных Н. Саркози, не впадая в излишний деклинизм. «В свете (разочаровывающих) результатов, полученных коалицией ловкачей и умников, настало для Франции великое время обратиться к твёрдолобым, к простым умам»¹. Н. Саркози предложил в качестве образца личного преуспевания собственный образ – человека дела, преодолевшего изначальные трудности самореализации. Он намеренно подчёркивал своё иммигрантское происхождение, заявив в момент оглашения результатов голосования: «Я всем обязан Франции и отдам ей всего себя». В одном из телевизионных интервью в первое лето своего правления он так определил своё политическое амплуа: «Я не теоретик, не идеолог, я не интеллектуал: я за конкретные дела»². Странники Н. Саркози отмечали его способность озвучивать накопившиеся проблемы, указывать на болевые точки, демонстрировать желание действовать и тем самым пробуждать надежды³.

ПОЛИТИКА И ОБРАЗ ВЛАСТИ В ПРАВЛЕНИЕ Н. САРКОЗИ

Для обозначения французского издания западной видеократии историк и политолог Оливье Дюамель и политический телеобозреватель Мишель Фьельдо придумали неологизм – «старкозизм» (*starkozisme*)⁴. В информационную эру политик становится таким же

¹ *Baverez N.* Que Faire? P.: Perrin, 2007; *La France qui tombe.* P.: Perrin, 2004. P. 228.

² *Foessel M.* «Je ne suis pas un intellectuel». La consécration présidentielle d'un lieu commun // *Esprit*, août-septembre 2007.

³ *Mongin O., Foessel M., Padis M.-O.* Retour au politique ou nouvelles illusions? // *Esprit*, nov. 2007. P. 12.

⁴ *Duhamel O., Field M.* Le starkozysme. P.: Seuil, 2008.

достоянием видео и медиарынка, как звезда шоу-бизнеса, откуда лишнее «р», прорвавшееся в корень фамилии президента Саркози, созвучной слову «star» – звезда. В этом Н. Саркози следовал за президентом США Б. Клинтон и британским премьер-министром Т. Блэром, соперничая с главой итальянского правительства С. Берлускони. Подобная визуализация власти – реакция на общественный запрос, соответствующий определённому этапу развития либеральных демократий на рубеже XX–XXI веков, а точнее – между двумя мировыми кризисами 1974 и 2008 гг.

Напомним, что соперницей Саркози на президентских выборах была Сеголен Руаяль, не уступавшая ему в степени медиатизации, фигура-символ, кандидат, которого точно также трудно было себе представить лет пять назад. Мать семейства, но пренебрегающая официальными брачными узами, в духе свойственного молодёжи левых взглядов презрения к «буржуазному» браку, она не стеснялась позировать фотографам глянцевого журнала в бикини, чтобы подчеркнуть свою отличную физическую форму и молодость. Трудно было бы представить, что в борьбе за право называться кандидатом от левых сил женщина, подобная С. Руаяль, которая до этого занимала второстепенные правительственные посты, «плавала» в сложных политических вопросах, к тому же состояла в гражданском браке, обошла опытных старейшин ФСП (Л. Фабиуса, Д. Страус-Канна, Ю. Ведрина). Однако плеяда опытных политиков-социалистов, в том числе тогдашний секретарь ФСП и её гражданский муж Ф. Олланд выдвинули С. Руаяль, видя в ней, прежде всего, яркий образ, способный представить ФСП партией коренного обновления.

Точно также скандальные подробности из жизни четы Саркози, его иммигрантское происхождение, его резкие выпады и даже его разрыв с политкорректностью прежде были бы непреодолимыми препятствиями к выдвижению на пост президента от право-республиканского СНБ, который долгое время оставался олицетворением социально-истеблишмента пятой республики. Дуэль столь необычных кандидатов, так же как оба пришествия Берлускони или беспрецедентный успех Барака Обамы на президентских выборах 2008 г. и «обамания»¹ охватившая европейские столицы, кажутся явлениями одного порядка

¹ Так была названа статья в Libération (25.07.08) о подготовке Парижа к визиту кандидата в президенты США.

и напрямую связаны с феноменом «визуализации власти», следствием общественно-политических трансформаций последних десятилетий XX века, которые определили характеристики новой стадии развития демократических обществ. За неимением другого термина, её можно назвать «потребительской демократией». Причины этих изменений и их характеристики были рассмотрены выше. Наглядным проявлением этих тенденций, которые в итоге вылились в кризис французской партийно-политической модели, явилось президентское правление Н. Саркози.

После убедительной победы на выборах 2007 г., на которых была зарегистрирована рекордная явка избирателей (85%)¹, Н.Саркози, благодаря голосованию 53,6%, выступил с впечатляющей программой реформ, призванных разрешить накопившиеся проблемы в социальной, экономической и юридической сферах. Однако, в поведении электората Н. Саркози на выборах 2007 г. было заложено явное противоречие между осознанием насущных перемен и слабой поддержкой его реформ. По опросам начала 2008 г. с ними были согласны только 40%, и уже первый год его правления был отмечен резким падением популярности президента. На муниципальных выборах в марте 2008 г. пропрезидентский Союз Народного Большинства (СНБ), проиграл социалистам – неудачникам недавней президентской кампании. При этом, вопреки обыкновению, кандидаты пропрезидентской партии избегали демонстрировать свою близость к президенту, которая могла оказаться скорее недостатком, чем преимуществом в борьбе за избирателя. Ведь согласно весенним опросам общественного мнения, поддерживали президента всего 38%. При этом большинство недовольных (63%) не устраивала сама личность Н. Саркози, а неприятие его политики выразили 58%².

Следовательно, дело не только в непопулярности реформ как таковых, и причины столь резкого колебания рейтинга Н.Саркози следует искать не только в его политике. Упрощением было бы видеть их в непостоянстве избирателей или в неблагоприятной экономической конъюнктуре 2007–2008 гг. Как правило, за подобное неблагоприятное расписание своей популярностью правительство. Думается, причина состоит в созвучии фигуры президента Франции и условий поли-

¹ Duhamel O., Field M. Le Starkozysme. P: Seuil/ Presses de Sciences Po, 2008. P. 43.

² Les résultats des Elections municipales 2008. <https://www.france-politique.fr/elections-municipales.htm>.

тической деятельности, созданных в эру потребительской демократии. По сути, в 2007 г. в лице Н. Саркози Франция избрала новый образ власти, и подобный выбор требует отдельного анализа. С приходом Н.Саркози визуализация власти – тенденция, характерная для политики «информационной эры», воцарилась и в Елисейском дворце.

Притом, что Н. Саркози далеко не первый, кто придавал большое значение своему образу на телеэкране, редко кто из президентов Франции в начале своего мандата пользовался таким вниманием средств массовой информации. Ему удалось склонить на свою сторону лидеров общественного мнения, телевидение и «большую прессу», причём, не только правую газету «Фигаро», но и «Монд» – рупор левых интеллектуалов. Первые месяцы своего правления он не сходил с первых полос газет и журналов и с экранов телевидения. Меньше чем за год после его избрания появились 6 книг, посвящённых его персоне, в добавление к тем 15, которые были приурочены к избирательной кампании 2007 г. и к тем, которые написаны или подписаны им лично, не считая того, что написано о первой леди, Сесилии Саркози¹ и что писали позже о его новой супруге Карле Бруни. Конечно, большинство книг в этой уже достаточно обширной библиографии были продиктованы конъюнктурой, но само наличие такой конъюнктуры показательно, поскольку оно свидетельствовало о небывалой медиатизации персоны президента Франции. Пресса, радио и телевидение считаются важным орудием политической пропаганды, приобщения к политической жизни. При этом долгое время политическая сфера, несмотря на необходимую в период избирательных кампаний публичность и обязательную гласность и открытость парламентской деятельности, сохраняла камерный характер. Публичное появление главы государства всякий раз было знаменательным событием в жизни страны, а его частная жизнь должна была оставаться скрытой от общества, в соответствии с чётким разделением на частную и публичную сферы, прописанным в правах человека. В этом плане образ Н. Саркози порывал с прошлым. Предшественники Саркози – и де Голль, и Миттеран, и Ширак в своих появлениях на публике и своих радио и видеообращениях, количество и качество которых было значительно меньше видеопрезентаций Саркози, стремились прежде всего, представить свою политику. Видео-кампания президента Сарко-

¹ Брак с Сесилией Сегонер-Альбенис (Саркози) (1996–2007 гг.) уже в период избирательной кампании висел на волоске и окончательно распался по инициативе Сесилии в первый год президентства Н. Саркози.

зи работала скорее на его имидж, чем на пропаганду его политических идей или задуманных им реформ. Последнее стало, скорее предметом работы с оппозиционной президенту фракцией политического класса, прежде всего, с видными лидерами ФСП центристского толка из бывшего окружения Миттерана в период его неолиберального разворота, с 1984 г.

В 2007 г. избирателям были предложены несколько граней образа нового президента. Прежде всего, это политик, пятидесятилетний (опытный, но моложавый), демонстрировавший прямоту, решительность, эффективность. Подчёркивая свою роль арбитра и стремясь обеспечить поддержку своих реформ среди нотаблей из оппозиционного лагеря, Н. Саркози пошёл значительно дальше, чем Ж. Ширак. Тот задумал объединить правые политические силы под эгидой одной партии. Саркози предложил более широкое объединение и не электоральное, вокруг партии и единого кандидата, а более длительное, вокруг фигуры президента, привлекая к активному сотрудничеству знаковые фигуры, в первую очередь, обратившись к видным левоцентристам, мэтрам ФСП, не простившим С. Руаяль её президентских амбиций и, тем более, проигранных выборов. Тем самым, новый президент хотел обозначить разрыв с правлением своего бывшего патрона Ж. Ширака. Министра иностранных дел (в правительстве Л. Жоспена, 1997–2002) Ю. Ведрина он попросил возглавить рабочую группу по подготовке доклада «Франция в процессе глобализации», бывшего премьер-министра М. Рокара – подготовку доклада о положении преподавателей, Ж. Аттали – близкого сотрудника Ф. Миттерана, он назначил руководителем комиссии по изучению «препятствий экономическому росту», Ж. Ланга, бывшего министра культуры и советника С. Руаяль – в комиссию по реформе институтов (во главе со своим ментором Э. Балладюром), а блестящего экономиста Д. Стросс-Кана продвинул на пост генерального директора МВФ. Министром иностранных дел он сделал Б. Кушнера, основателя НПО «Врачи без границ» и одного из активных деятелей избирательного штаба своей главной соперницы С. Руаяль, министра здравоохранения в социалистическом правительстве Л. Жоспена. Став президентом, Н. Саркози сложил с себя руководство партией. «Президентское большинство будет гораздо шире естественного ареала партии», – заявил он летом 2007, приступая к формированию правительства¹. В результате, руководство главной

¹ *Revault d'Allonnes D. Opération « Ouverture » // Esprit, nov. 2007. P. 64.*

партии оппозиции было серьёзно расколото, и этот кризис впоследствии скажется на судьбе ФСП.

Не ограничиваясь представителями политического класса, Саркози стремился объединить вокруг себя элиту финансовой, экономической, артистической и медиа сфер, заявив, что хочет создать «лучшую команду Франции»¹. К. Лагард, председатель глобального стратегического комитета транснационального американского юридического гиганта Baker & McKenzie и в прошлом успешный министр внешней торговли Франции стала министром сельского хозяйства, а затем министром экономики и финансов, Р. Дати – блестящий пример личного преуспевания, происходящая из семьи иммигрантов из Марокко – министром юстиции.

Одной из граней образа Н. Саркози стала визуализация личного успеха, распространённая на его окружение. Всем своим видом он говорил французам: «Смотрите, деньги – это не стыдно. Обогащайтесь!». Богатые и знаменитые – так можно было охарактеризовать дружеский круг президента, и он сознательно это афишировал, желая продемонстрировать преимущества тех, кто подобно ему совершил стремительный «путь наверх», но бросая тем самым вызов привычке французской элиты скрывать свое богатство. Не он первый стремился внедрить в сознание французов американский стиль социального поведения, но попытки Ж. Ширака и Э. Балладюра, насаждавших массовый народный капитализм своей политикой реприватизации государственного сектора через продажу акций малыми пакетами, была направлена на изменение их экономического поведения. Саркози хотел заразить их духом успеха, создав побудительные мотивы индивидуальной предприимчивости. Он решил отпраздновать свою победу в «Фукетс» – лучшем ресторане Парижа и провести первые президентские каникулы на роскошной яхте одного из своих друзей, охотно демонстрируя коллекцию дорогих часов – символ материального успеха, во французском истеблишменте являющийся скорее визитной карточкой чванливых парвеню. Неудивительно, что эти дорогие привычки нового президента, были с раздражением встречены в общественном мнении, как и одна из граней его образа, предложенная широкой публике: президент – плейбой. Н. Саркози – человек из плоти и крови, способный понять французов и вызвать стремление ему подражать. Ему близки

¹ Ibidem. P. 63.

модные увлечения, ему нравятся дорогие часы и красивые женщины, он потеет на утренней пробежке и предпочитает активный отдых на модных зарубежных курортах. Он не похож на прежних президентов, предпочитавших, чтобы в них видели, прежде всего, социальных и политических арбитров, стоящих над частными интересами и страстями и чья личная жизнь была скрыта от публики. С Н. Саркози всё обстояло иначе. Ещё в бытность его министром внутренних дел его личная жизнь стала достоянием глянцевого журналов. Со временем, благодаря непрерывному тиражированию, образ стал карикатурным, президента отнесли к непопулярной категории политиков – правые в «побрякушках» – «la droite bling-bling», и это выражение имитировало звон монет и украшений. Общественное раздражение усиливалось по мере разрастания крупных и малых коррупционных скандалов с участием президента и его окружения. Выяснилось, что избиратели предпочитают видеть в своём президенте выдающегося политика, а не персонажа скандальной или светской хроники. Между тем, видеообраз президента подчас затмевал его политику, а его богатая личная жизнь привлекла к себе столько внимания, что была похожа на телесериалы, в которых суть общественной деятельности персонажей меркнет в сравнении с перипетиями романтического сюжета. Каждый его политический шаг, его утренняя пробежка и его отдых с семьёй, даже интимная жизнь – уход и возвращение жены Сесилии, счастливое воссоединение перед выборами 2007 г. и последовавший за этим развод, скорый новый брак с красавицей-моделью Карлой Бруни – всё становилось достоянием широкой публики. Президент не стеснялся демонстрировать свои чувства. Ему была чужда высокомерная любезность высших классов в общении с низами, и при посещении бунтующих предместий или среди недовольных фермеров, услышав дерзкие выкрики из толпы в свой адрес, не стесняясь в выражениях, он отвечал оскорблением на оскорбление.

Ликование и страдания президента, вспышки гнева, которые он себе позволял перед телекамерами, только на первый взгляд могли показаться спонтанным взрывом эмоций. Они «играли» на образ президента, поскольку невозможно предположить, чтобы человек его уровня, с его политическим чутьём в подобных случаях не контролировал бы своё поведение.

Саркози называли «мальчиком из Нейи»¹, и это знаковая принадлежность к носителям непривычного, модного облика французской элиты. Он отличался от ряда своих предшественников, которые, в соответствии с высоким предназначением президента Пятой республики, стремились выступать в роли мудрых арбитров, далёких от частных интересов и страстей. Н. Саркози, наоборот, явился воплощением частного и особенного, и именно эти частности составили основу его привлекательности. Потомок иммигранта-аристократа из Венгрии, он мог себе позволить отступить от внешних правил «политкорректности» при обсуждении самых острых социальных проблем.

Показной блеск образа жизни президента тем более раздражал общество, что центральной идеей его проекта для Франции было возвращение ценности труда, которую он считал, отторгнутой «разрушительным духом» молодых бунтарей 1968 г., не желавшие становиться взрослыми и «гнуть спину» на буржуазное государство и богачей. В глазах Саркози, труд как средство экономической самореализации личности способствовал пропаганде образа предприимчивого индивидуума, целью которого является постоянное умножение благосостояния, в противовес растущему социальному иждивенчеству, уповавшему на щедрость государства. В то же время, в глазах трудящихся предложенные Саркози меры поощрения «трудоголиков» (отмена ограничений на сверхурочную, свыше 35 часов в неделю работу, освобождение дохода за сверхурочные часы от налога и т.д.) нарушали сложившиеся связи солидарности. Введение в 1997 г. 35-часовой рабочей недели было осуществлено правительством левых сил для уменьшения безработицы, расширения вакансий и обеспечения полноценного отдыха лиц наёмного труда, и теперь «президент богатых» призывал их к отказу от досуга в пользу работы². Как известно, деньги не являются самоцелью для тех, у кого их не хватает.

Не более привлекательными были призывы Саркози к интеграции иммигрантов. Президент мог сослаться на собственный опыт, заявляя о том, что интеграция иммигрантов – это, прежде всего, усилие, которое требуется совершить самим иммигрантам. Он настаивал на принципе «избирательной натурализации», заявляя, что Франция сама будет решать, какие граждане ей нужны. Летом 2006 г. по инициативе

¹ Нейи – один из наиболее престижных, модных и дорогих округов Парижа, в котором вырос и мэром которого Н. Саркози избран, когда ему ещё не было 30 лет.

² *Le Blan G. Travail comme valeur ou comme labeur? // Esprit, nov. 2007. P. 138.*

Н. Саркози, который тогда был министром внутренних дел, гражданство согласно новой процедуре отбора получили 2 тысячи соискателей, но они составили всего 20% подавших прошение. С одобрения президента Саркози летом 2007 г. был принят закон, согласно которому для получения вида на жительство при воссоединении семей иммигрантов просители должны подтверждать своё кровное родство тестом на ДНК, что в глазах его оппонентов слева напоминало расовую политику правительства Виши¹.

Стремительный рост своей популярности Н. Саркози пережил в бытность министром внутренних дел в правительствах Ж.-П. Раффарена и Д. де Вильпена. Тогда он проявил блестящие тактические способности. Его визитной карточкой стал ряд показательных «точечных» и результативных мер. В частности, в 2004 г. им были введёны строгие меры борьбы с нетрезвыми водителями. В результате уже за первые месяцы усиленного полицейского контроля резко сократилась смертность на дорогах Франции. Тогда же благонамеренная Франция приветствовала усиление борьбы с подростковой преступностью, ставшей настоящим бичом неблагополучных предместий. Саркози свернул малоэффективные, хотя и гуманные, программы профилактических центров работы с правонарушителями, переадресовав средства министерства внутренних дел на оснащение и безопасность полицейских в борьбе с преступностью, то есть на безопасность сил правопорядка. Став президентом, он инициировал законопроект Р. Дати (по имени министра юстиции, которая сама происходила из семьи выходцев из Марокко), согласно которому рецидивисты получают более суровое наказание, чем те, кто впервые нарушил закон. Эти меры успокоили законопослушных граждан, озабоченных проблемой личной безопасности и разочарованных «политикой благих пожеланий», свойственной правительствам левых сил. Саркози предложил «говорить начистоту» о социальной напряжённости, о проблемах общества, порывая с политкорректностью миттерановско-шираковских времён, когда политики проповедовали терпимость и великодушную снисходительность к радикализму неблагополучных низов, особенно если речь шла об иммигрантах, из опасения спровоцировать нетерпимость и социальный раскол, рост расизма и ксенофобии. Такая политика была ответом росту популярности правоэкстремистского Национального фронта,

¹ Le Monde, 03.10.07; *Leneveu G.* Tests génétiques: le passage en force /// *Esprit*, nov. 2007. P. 124.

косвенно отвечала запросу его избирательного резерва, к настроениям которого два предшествующих президента Миттеран и Ширак были абсолютно нетерпимы. Между тем, именно резкий тон заявлений министра внутренних дел Н. Саркози, пожалуй даже больше, чем его жёсткая политика в отношении иммигрантов, обеспечил ему голоса значительной части потенциального электората Национального Фронта. Иммиграция в действительности стала одним из определяющих факторов общественного и политического развития страны, поскольку она обозначила комплекс проблем, связанных с новыми линиями социального раскола. Социальная уязвимость, низкие стартовые условия для выходцев из этой среды делают качественный рост иммигрантов одним из источников нестабильности. От интеграции и социальной адаптации иммигрантов напрямую зависит идентичность французского общества.

Выступая перед журналистами на большой пресс-конференции в январе 2008 г. он назвал свой курс «политикой цивилизации»¹, обозначив разрыв с прежней политической практикой: «Недоверие французов к политике, угрожающее подорвать нашу демократию, происходит из ощущения бессилия политики. Потому что она никогда не затрагивала реальных причин проблем, пытаясь справиться с их последствиями половинчатыми мерами /.../. После десятилетий неудачных реформ, после десятилетий господства столь удобного единомыслия, в котором было бы так удобно пребывать и дальше², десятилетий стагнации, массовой безработицы, замораживания зарплат, обесценивания труда, дефицита и роста долгов, когда нарушились общественные связи и сломались механизмы социального восхождения, срочные меры необходимы везде. Это проблемы, стоящие перед нашей цивилизацией, и для их решения нужно что-то большее, чем некоторые управленческие меры или дополнительные кредиты».

¹ Conférence de presse de M. Le Président de la République. 8 janvier 2008.

² Единомыслие или господство «единой мысли» (la pensée unique) – так во Франции называют свод жёстких правил, установленных защитниками политкорректности в отношении любых социально-политических высказываний. Апеллируя к либерально-демократическим ценностям прав человека, особенно к равенству и терпимости, они исключают любое суждение, способное прямо или косвенно оскорбить чувства меньшинств, угнетённых и обездоленных, что подчас приводит к искажению реального смысла общественных проблем из-за невозможности выразить его, не нарушая политкорректности.

В том же духе был проведён закон о запрещении во Франции панджи и ужесточены меры контроля над нелегальной иммиграцией. «Если мы не возьмём под контроль иммиграционный поток, мы приведём нашу систему интеграции к полному провалу», – заявил Н. Саркози, выступая перед французами в связи с формированием нового правительства Ф. Фийона в ноябре 2010 г.¹

Меры, предложенные Саркози, обозначили устойчивый тренд иммиграционной и интеграционной политики Франции на годы вперёд. Они встретили поддержку крайне правого электората, но вместе с тем легализовали праворадикальные идеи, разрушая стену их неприятия в консервативном слое республиканцев. В то же время, понизив общественную толерантность, они не улучшили условия интеграции иммигрантов, т.е. не решили проблемы. Исламский радикализм стал одним из главных вызовов внутренней безопасности Франции, разразившийся в 2012 г. кризис мигрантов привёл к новому росту незаконной иммиграции.

КРИЗИС – ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

В политической жизни, в отличие от театра, результат выборов – апогей и разрешение интриги – не означает конца спектакля. Избиратели, составлявшие публику интерактивного спектакля, и отдавшие свои голоса победителю, ждут компенсации. Но медиатизация не превращает зрителей в участников. Только требуют они уже не просто нового появления «Бога из машины», а результатов его вмешательства. Беспрецедентно быстрое и резкое падение популярности президента Саркози, начавшееся в первый же год его правления (к зиме 2007–2008 гг.) – было следствием чрезмерных и безответственных ожиданий. Между избирателем-потребителем и избирателем-гражданином есть существенная разница. По определению, либеральная демократия предусматривает политическое участие экономически и социально ответственного гражданина, – не зрителя и не просителя. Упадок Римской республики начался с того, что армия наёмников заменила армию граждан, и статус гражданина перестал ассоциироваться с обязанностью защищать интересы республики, а главным выражением воли её граждан стало требование «хлеба и зрелищ!».

¹ L'allocution du Président le 16.11.2010. <https://www.elyseeinformation.fr>.

В современной Франции общественное иждивенчество нарастает, в то время как убывают преимущества от экономического и политического первенства, поскольку финансовой кризис и стремительный рост цен на сырьё и энергоносители затронули общие показатели экономического роста в ЕС и во Франции, сместив центр быстрого экономического развития в Азиатско-Тихоокеанский регион. Реальное уменьшение бедности не снижает болезненного восприятия социального разрыва и ощущение упадка у средних слоёв, тем более, что бедность – понятие относительное, поскольку бедными считаются те, чьи доходы на 60% ниже, чем в среднем по стране. Согласно докладу Совета стратегического анализа (CAS), в 1970 во Франции к категории немущих относились 19%, а 2005 – 12%. Социальный минимум (пособие, назначенное тем, кто не имеет ни стажа работы, ни иных доходов) выплачивался 5 млн. французов¹.

Ситуация усугубилась вследствие мирового финансового кризиса, болезненно отозвавшегося во всей зоне евро. За год до предстоящих президентских выборов, весной 2011 г., только 21% французов хотел бы видеть во главе государства Н. Саркози, и это был самый низкий рейтинг действующего президента². На кантональных выборах 20 марта 2011 г. его партия Союз за народное движение получила 17% голосов, отстав на 8 пунктов от главной силы оппозиции – ФСП. Вплотную за правящей партией шёл Национальный фронт с 15% голосов, и ничтожность этого разрыва – показатель роста протестных настроений в правом лагере.

Большую роль в том, что итог правления Саркози был скорее негативным, сыграли внешние обстоятельства. Экономические проблемы страны с осени 2008 г. были умножены мировым финансовым кризисом. Не случайно, одним из первых проявлений его стал именно кризис неплатежей по ипотечным кредитам – следствие не только банковских злоупотреблений, но и роста безответственного потребления семей. Не политика Н. Саркози привела к кризису, но вездесущему «гиперпрезиденту»³, ставшему воплощением власти, предстояло нести за него ответственность.

¹ *Sylvain Allemand. Déclin: la France est-elle menacée? P.: Edition SCRINEO, 2007. P. 84.*

² Новый лидер Национального фронта Марин Ле Пен получила тогда же 23% голосов респондентов (РГ, 22.03.2011).

³ Об этой стороне образа Н. Саркози см. подробнее: *Рубинский Ю. И. Франция: время Саркози. М.: Международные отношения, 2011. С. 62.*

До сих пор не найден рецепт приемлемого выхода из этого кризиса, который бы гарантировал одновременно сохранение высокого уровня потребления и невысокие требования к социальной и экономической ответственности личности. Это парадоксальным образом определяет дальнейшее развитие тенденции к «видеократии». С одной стороны, дефицит внятных идей по преодолению этого противоречия обостряет потребность в «Боге из машины», который как по волшебству, со всеми имеющимися вводными, разрубит узел проблем благодаря исключительным личным качествам. Естественно, пропаганда такой личности – дело СМИ – активного агента рынка, в том числе электорального, что обуславливает актуальность визуализации власти. С другой стороны, кризис снизил порог толерантности и обострил ощущение социального неблагополучия, повысив требования к реальным, а не рекламным политическим достижениям.

Быстрое разочарование французов в собственном выборе свидетельствует о том, что избирательной кампанией политическая жизнь не исчерпывается и что видеократия не способна поглотить политическую деятельность, как не способен консенсус в политическом классе снизить социальное напряжение в обществе. Приближение очередных президентских выборов 2012 г. в обстановке экономического кризиса явилось очередным «моментом истины». Избирательная кампания с самого начала была отмечена взлётом популярности Марин Ле Пен – наследницы основателя Национального Фронта и главного соперника Ж. Ширака на выборах 2002 г., однако победу на них одержал политический и личностный антипод Н. Саркози, кандидат левых сил социалист Ф. Олланд, противопоставивший гиперактивному и яркому Н. Саркози неяркий образ президента, типичного представителя «средних французов». Главную роль в победе Олланда, безусловно сыграло массовое социальное отчаянье, связанное с кризисом, наступление которого ассоциировалось с правлением Саркози.

Кроме того, ФСП предложила демократизацию процедуры выдвижения кандидатов, направленную на преодоление отчуждённости между избирателями и избираемыми. Это был грамотный предвыборный ход в отсутствие безусловного лидера, равного Ф. Миттерану. Социалисты прибегли к американской практике праймериз, в которых могут принять участие рядовые избиратели, тогда как прежде кандидатов выдвигали партийные активисты, а активными членами партий во Франции является всего 1–2% граждан. Во 2-м туре праймериз побе-

дил с 39% голосов Ф. Олланд – «кандидат перемен». Ему оппонировала из левого крыла партии с 30% голосов М. Обри. В какой-то степени она взяла на вооружение имиджевые достоинства С. Руаяль – бывшей гражданской жены кандидата Ф. Олланда и главной соперницы Н. Саркози на предыдущих выборах. В большей степени, чем пара Руаяль-Олланд связанная с социалистической, рабочей традицией партии, она позиционировала себя, как первая женщина-президент, способная победить Н. Саркози, и это было не только гендерным посланием к женщинам Франции, но и призывом ко всем противникам Саркози.

Действующему президенту Саркози надо было противопоставить достойного лидера – без проблем, коррупции и с социально направленной программой преодоления финансового кризиса. Отторжение неолиберальных рецептов его преодоления и инерция эмоционально окрашенного потребительского поведения сделали притягательными обещания Олланда, продиктованные левой идеей социальной справедливости, в духе «богатые за все заплатят», но неоднократно показавшие свою неэффективность. Этот опыт последний раз был повторён в президентство Ф. Миттерана. Первая фаза его правления при правительстве П. Моруа была ознаменована введением высоких налогов на крупные доходы и состояния. Начавшееся вследствие этого бегство капиталов, обрушив экономическую политику правительства, привело к необходимости объявить «паузу» в социальных реформах, а затем вернуться к неолиберальным рецептам антикризисного управления. Между тем, этот вызов, брошенный Саркози – «президенту богатых», заслонил прочие резоны, которые могли быть продиктованы историей повторяющихся неудач налоговых экспериментов левых правительств, начиная с 1920-х годов, с правления Левого картеля во главе с Э. Эррио.

Вместе с тем, слабым местом Н. Саркози явилось то, что его команда управляла страной в последние годы, которые стали годом мирового финансового кризиса. Его неизбежным следствием стало падение доходов и потребительских ожиданий, рост безработицы до 10%, кризис евро, падение инвестиционного рейтинга страны. К этому добавились последствия глобализации: падение французского экспорта, деиндустриализация (делокализация предприятий в Азию и В. Европу). Конкурентоспособность французской промышленности была подорвана высокими издержками производства: налогами, социальными отчислениями, сравнительно малой продолжительностью (35-часовой) рабочей недели, с которой без особого успеха начал бороться Саркози.

Завоевание протестного электората в условиях кризиса было не под силу правящей команде, но было тем важнее исключить его переход к ультраправым. В преддверии выборов 2012 всплывали события 10-летней давности, когда протестный электорат в первом туре принёс победу популисту Ж.-М. Ле Пену – кандидату НФ.

Кризис обострил электоральную борьбу, но не привёл на выборах 2012 к отказу от привычек, свойственных избирателю-потребителю. За полгода с начала избирательной кампании и до выборов около половины избирателей изменили свои электоральные намерения, решая за кого голосовать и голосовать ли вообще. В результате 1 тура разрыв между двумя основными был незначителен (Олланд 28,63%, Саркози 27,18%), а Ле Пен завоевал 17,9% голосов. Если сразу после 1 тура 22 апреля разрыв между Олландом и Саркози составлял по опросам избирателей около 10% (за Олланда подано 55%, а за Саркози 45% голосов), то в канун выборов он сократился всего до 4% (52 против 48). Абсентеизм в 1 туре составил около 30%. Вместе с тем, различные левые партии и течения были верным избирательным резервом (около 17%) Олланда, давая тому не менее 45,63%, тогда как надежды на голоса либералов-центристов, проголосовавших за Ф. Байру, как и на правый протестный электорат из лагеря Ле Пена были слабыми, поскольку оба его противника заявили, что не проголосуют за Саркози, таким образом, их избиратели должны были решать самостоятельно. Здесь главной проблемой Н. Саркози стала сама его личность. Многие из голосовавших за его соперников на деле выступили против Саркози. Несмотря на то, что бывший президент продолжает привлекать к себе внимание СМИ, главным образом, благодаря коррупционным скандалам, его выпадение из высшей когорты политиков во многом является следствием видеократического характера его правления. Его вездесущность в медиапространстве в период президентского правления вызвала усталость избирателя-потребителя, который развернулся к новому образу власти.

На смену видеократии Саркози пришло правление Олланда – «заурядного» француза и очень среднего президента, который, однако, продолжил «президентскую сагу» в том смысле, что его личная жизнь благодаря пристальному вниманию СМИ также стала предметом политической хроники. Однако, банализация фигуры президента при Ф. Олланде не означала, что заурядный президент способен долго идти на поводу у настроений среднего избирателя. Ему не удалось предложить новых решений, способных примирить поиски экономической

эффективности и развитие социальной политики, обеспечить рост доходов и экономический подъём. Вторая фаза его правления, связанная с правительством Э. Вальса, была неизбежным возвращением к старым и непопулярным неолиберальным рецептам строгой экономии. Параллельно продолжался кризис руководства в Социалистической партии, не преодоленный со времени смерти Ф. Миттерана и вылившийся в фактический распад партии, ускоренный массовым разочарованием в результатах правления президента-социалиста Ф. Олланда, чей низкий рейтинг не позволил ему баллотироваться на второй президентский срок. кандидата ФСП на президентских выборах 2017 г. Б. Амон потерпел сокрушительное поражение уже в первом туре.

Новым президентом Франции Э. Макроном, лидером новорождённого центристского движения «Вперёд!» была предложена схожая с саркозистской, но более уважаемая модель меритократии, которая, однако, вызвала не меньшее раздражение у среднего француза. Макрон во многом следовал по стопам Саркози: он взял на вооружение его идею глубокого изменения социально-экономического поведения французов и содействовал разрушению партийно-политических перегородок в правящем слое. Э. Макрон провозгласил себя кандидатом всех прогрессистов – поборников позитивных перемен, нацеленных в будущее и преуспел в разрушении обеих главных партий прежних десятилетий, пригласив центристов из обоих лагерей объединиться вокруг президента и его движения «Вперёд, республика!» и тем самым подорвав силы парламентской оппозиции: к нему перебежали многие видные представители как социалистов, так и Республиканцев, в том числе Э. Филипп, возглавивший правительство. Однако, два первых года его правления показали, что как и прежде и даже в большей степени главным тормозом в проведении задуманных реформ является ещё более наглядное нарушение связи между правящей группой и гражданами, т.е. отсутствие большого республиканского консенсуса между гражданами и их представителями. В ноябре 2018 г. на улицы вышли тысячи недовольных неолиберальным курсом президента, в отсутствие возможности защитить свои интересы через парламентское представительство¹. Новая фаза правления Э. Макрона будет отмечена

¹ *Рубинский Ю. И.* Приметы времени: в 3-х т. Т. 3. ФГБУН Ин-т Европы РАН. М.: Ин-т Европы РАН, 2018. *Обичкина Е. О.* Социально-политический кризис во Франции: жёлтые жилеты и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // Вестник МГИМО. № 65 (2). 2019.

большим вниманием президента к разъяснению основных направлений своей политики и, возможно, к возвращению президента к активному диалогу с обществом, не свойственному первой фазе его меритократического правления. За два года правления Э. Макрона кризис представительной демократии во Франции далёк от завершения. Еще даже не определились основные пути новой консолидации оппозиции и протестного электората, однако в нынешнем кризисе обнаружилось, что потребительская демократия, являясь естественным следствием, возможно, неизбежной фазой социального государства в эпоху экономического благополучия, не обеспечивает решения главного условия устойчивости либеральной демократии в период экономических потрясений – установления нового баланса общественных интересов.

ПЕТРУНИНА О. Е.*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГРЕКОВ И ИТАЛЬЯНЦЕВ В ГРЕЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ ПЕРИОДА ИТАЛО-ГРЕЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 1940–1941 гг.

Карикатура как мощное средство пропаганды давно и плодотворно использовалась в политических баталиях¹. Она широко и плодотворно применялась всеми воюющими сторонами в годы Второй мировой войны. Использованию карикатуры в этот период посвящена специальная литература, однако в ней исследованы только главные участники противоборствующих коалиций: СССР, Великобритания, США, Германия, Италия, Япония². Между тем, все те же цели, которые преследовала визуальная пропаганда, к примеру, в нашей стране, были актуальны и для других стран, подвергшихся нападению агрессора.

Среди них особое внимание заслуживает Греция: подвергшись внезапному нападению фашистской Италии, греки сумели дать достойный отпор захватчику, изгнать итальянские войска со своей территории и продвинуться вглубь Албании. На формирование оси Рим–Берлин–Токио греки смотрели с большим беспокойством, которое

* Петрунина Ольга Евгениевна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ См., напр.: *Голиков А. Г.* Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник московского университета. Сер. 8. История. 2011. С. 51–71; *Ефимов Бор.* Основы понимания карикатуры. М.: Академия художеств СССР, 1961; *Хрусталева Д. Г., Успенский В. М., Россомахин А. А.* Имперский шаг Екатерины. Россия в английской карикатуре XVIII века. СПб.: Арка, 2016.

² *Rhodes A.* Propaganda: The Art of Persuasion: World War II. London: Chelsea House, 1976; *Welch D.* The Third Reich: Politics and Propaganda. London: Routledge, 1993; *Вейн Д. К.* Образ врага в карикатурах Кукрыниксов в годы Великой Отечественной войны: по страницам газеты «Правда» // Известия АлтГУ. 2017. № 2 (94). С. 63–67; *La caricatura internazionale durante la seconda guerra mondiale.* Novara: Istituto Geografico De Agostini, 1971; *Schimmelpfennig A. F.* Der Zweite Weltkrieg in deutschen Karikaturen. Passau: Sketec, 1994; *Bryant M.* La Seconde Guerre mondiale en caricatures. Paris: Hugo&Cie, 2009.

усиливали имперские амбиции захватившей в 1939 г. Албанию фашистской Италии. Греция, тяжело пережившая поражение в войне с Турцией 1919–1923 гг. и вынужденная на протяжении всего межвоенного периода решать проблему беженцев, не проявляла агрессивных намерений в отношении соседей. Назревание военной угрозы подталкивало диктаторский режим И. Метаксаса к укреплению обороноспособности страны, но все же в Афинах надеялись, что война обойдет Грецию стороной. Отражение итальянской агрессии воспринималось как война за Родину и способствовало консолидации греческого общества¹.

«Эпопея 1940 года» прочно вошла в национальное сознание греков как одна из самых героических страниц их новейшей истории: День Охи (День «Нет») 28 октября 1940 года, когда греческий диктатор И. Метаксас ответил отказом на итальянский ультиматум, стал вторым по важности национальным праздником; на этот же день был перенесен важный церковный праздник Покрова Богородицы.

В конце 1940 г. страна переживала небывалый патриотический подъем: королевский театр ставил «Персов» Эсхила, театр «Олимпия» – музыкальную комедию Д. Хронопулоса «Маре нострум», популярнейший (в том числе в Германии и США) шлягер итальянского композитора Э. ди Ладзаро «Крестьянка Регинелла» (1938) немедленно обрел новую жизнь и еще большую популярность: Г. Икономидис написал к нему текст, высмеивающий агрессора и, под названием «Муссолини в дураках», песня в исполнении Н. Гунариса и С. Вембо стала новым хитом. Женщины вязали шерстяные носки и свитера для солдат: по всей стране шла акция «Свитер для бойца». Газеты были полны сводками и фотографиями с фронта, а также карикатурами на врага. Созданные тогда греческими карикатуристами образы известны и узнаваемы до сих пор, тем не менее, до сих пор нет ни одного серьезного исследования греческой карикатуры этого периода. Попытку ее систематизировать предпринял современный публицист Д. Лазой-оргос-Эллиникос, подготовивший к 60-летию юбилею тех событий подборку газетных карикатур². Однако этот альбом нельзя назвать научным исследованием: многие рисунки даже не атрибутированы.

¹ Подробнее см.: *Петрунина О. Е.* Настроения в греческом обществе в годы Балканских и двух мировых войн: сравнительный анализ // Феномен мировых войн в истории XX века. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.). Воронеж: Научная книга, 2017. С. 60–64.

² *Λαζογιώργος-Ελληνικός Δ.* Κορίδο Μουσολίνι. Το έπος του 1940 μέσα από τις γελοιογραφίες της ελοχής. Αθήνα: Πελασγός, 2000.

Политическая карикатура пришла в Грецию из Европы еще в XIX веке и использовалась преимущественно во внутривнутриполитических баталиях. В период Первой мировой войны некоторые газеты иногда размещали карикатуры по поводу событий на фронтах и международной арене¹. Гораздо более многочисленными были тогда карикатуры в греческой прессе, издававшейся в Османской империи и имевшей большие финансовые возможности.

В межвоенный период греческая карикатура интенсивно развивалась. Художники-карикатуристы, сотрудничавшие со многими газетами, создали свой творческий Союз карикатуристов, устраивавший ежегодные юмористические выставки, продолжавшиеся и после установления в 1936 г. диктаторского режима². После нападения на Грецию фашистской Италии года этот жанр становится частью визуальной патриотической пропаганды и все чаще появляется на страницах богатых центральных газет: «Этнос», «И вradiни», «Акрополис», «Неос козмос», «Эллиникон меллон». В большинстве из них война – это единственная тема для карикатур, героями которых почти всегда становятся греки и итальянцы. Авторами карикатур были как опытные художники, сотрудничавшие с прессой еще в годы Первой мировой войны (Г. Гейвелис), так и представители молодого поколения (Н. Кастанакис. Э. Терзопулос).

Греки и Греция в карикатурах представлены несколькими образами. Чаще всего встречается собирательный образ греческого солдата. В восприятии греков он сложился еще в начале XX века в связи с

¹ Подробнее см.: *Петрунина О. Е.* Международные отношения и боевые действия в конце 1914 – начале 1915 г. в карикатурах греческих художников Константинополя // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915. Материалы V международной научно-практической конференции (25–28 ноября 2015 г.). М., 2016. С. 663–671; *Петрунина О. Е.* Образы европейских государств в пропагандистской кампании в Османской империи в начале Первой мировой войны (по материалам газеты «Эмброс») // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 57. Август 2016 г. С. 249–264. http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/57_2016petrunina.htm, http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk_57_avgust_2016_g./kommunikazionnii_menedjment_i_strategitcheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/petrunina.pdf (дата обращения: 03.08.2019).

² Подробнее см.: *Μοσχονάς Σ.* Καλλιτεχνικά σωματεία και ομάδες τέχνης στην Ελλάδα κατά το α΄ μισό του 20^{ου} αιώνα: η σημασία και η προσφορά τους. Διδακτορική διατριβή. Αθήνα, 2010. Σ. 496–497.

Τὴν «ὥρα τῶν κλεπτῶν» !

Рис. 1. Н. Кастанакис.
«В воровской час»¹

соперничеством между Грецией и другими балканскими государствами в Македонии и в период итало-греческой войны не претерпел никаких изменений. Несмотря на то, что греческая армия к этому времени имела обмундирование европейского образца, греческий солдат, который часто представляет не только армию, но всю страну в большинстве случаев изображен в одежде бойцов национально-освободительной революции 1821 года,

хотя эта форма была парадной только для эвзонов – солдат и офицеров королевской (ныне президентской) гвардии. Война с Италией в Греции воспринималась как освободительная даже тогда, когда боевые действия велись на территории Албании, поэтому она понималась как продолжение дела национального освобождения, начатого в 1821 году.

Для усиления экспрессии карикатуристы активно пользуются переносом свойств эвзона

Рис. 2. Н. Кастанакис.
«Итальянские новости:
дождь и непогода
помешали продвижению
наших войск»²

¹ Ἑλληνικὸν μέλλον. Ἔτος Θ'. Ἀρ. 2919. 08.11.1940.

² Ἔθνος. Ἔτος 28. Ἀρ. 9351. 02.11. 1940.

на частную деталь – его обувь. Царухи – традиционный деревянный греческий башмак с металлической подошвой и большим шерстяным помпоном – второй по частоте употребления образ греков, выступающий как синоним и эвзона, и греческого оружия. Эти образы призваны подчеркнуть преемственность между героями революции 1821 года и современной греческой армией, историческое единство греческой нации.

Такие «тапкозакидательские» настроения первых дней войны, конечно, были сатирическим преувеличением, но уже к середине ноября греческие газеты наполнились победными сводками с фронтов и фотографиями взятых в плен итальянцев.

Образ греков дополняют фольклорные персонажи: хитрый Карагёз, традиционно побеждавший турок своей смекалкой, в новой трактовке Э. Терзопулоса обводит вокруг пальца итальянцев¹. С ними с легкостью справляется и совершенно не военный персонаж Тодоракис Рассеянный, «живущий» на страницах газеты «Эллиникон меллон». Серия юмористических комиксов о Тодоракисе публиковалась в газете на протяжении нескольких лет. Она была посвящена преимущественно бытовым темам, хотя ее главный герой внешне похож на Э. Венизелоса, на него же намекает и критская форма имени персонажа. В это время газета яркого приверженца Народной партии Никоса Евстратиу не могла открыто выражать взгляды своего издателя, и бытовые сюжеты занимали в ней больше места, чем прежде. Комиксы под названием «Ежедневные приключения господина Рассеянного» обычно помещались на второй или четвертой полосах. С началом войны Тодоракис «переехал» на первую полосу, облачился в царухи и фустанеллу и отправился бить врага². Комиксы приобрели теперь исключительно военно-патриотическую направленность, юмор сменила сатира, а название стало оксюморонно-эпическим: «Труды и дни господина Тодоракиса Рассеянного».

Конкретные греческие исторические деятели – король, военачальники – никогда не появляются в карикатурах. Исключение составляет диктатор И. Метаксас, несколько раз возникающий как олицетворение Греции и оппонент Муссолини. Так, два диктатора стали персонажами рождественского сюжета Н. Кастанакиса «Колядки». Этот сюжет можно считать традиционным для греческой карикатуры, его яркие образ-

¹ Η βραδυνή. Έτος 16. Αρ. 6379. 06.11. 1940.

² Έλληνικόν μέλλον. Έτος Θ'. Αρ. 2913. 02.11. 1940.

Рис. 3. «Труды и дни господина Годоракиса Рассеянного» (Ελληνικόν μέλλον. Έτος Θ'. Αρ. 2914. 03.11. 1940).

цы были созданы старшим коллегой Н. Кастанакиса Г. Гейвелисом еще в годы Первой мировой войны¹. Рисунок сопровождается стихотворная подпись, поясняющая, что войти в дом «Греция» будет не так легко, как захватить Эфиопию².

Примечательно, что с началом войны вся греческая пресса создавала единый собирательный образ греков и Греции, символизировавший национальное единство, столь необходимое в трудное военное время.

Образ итальянца как врага в восприятии греков традиционно отсутствовал: их историческая память не сохранила каких-либо значимых конфликтов с итальянцами. В предвоенные годы греческая пресса вполне уважительно подавала новости, связанные с Италией и ее государственными деятелями. Образ врага стал формироваться с началом войны и вполне сложился уже к началу следующего 1941 года. Греция стала первой страной, успешно отразившей нападение агрессора, образ которого не мог не стать уничижительным. Греческие журналисты изменили написание слова *Ίταλία* (Италия) и однокоренных на *Ίτταλία* (производное от *ἧττα* – «поражение»).

В первые недели войны греческие карикатуристы искали подхо-

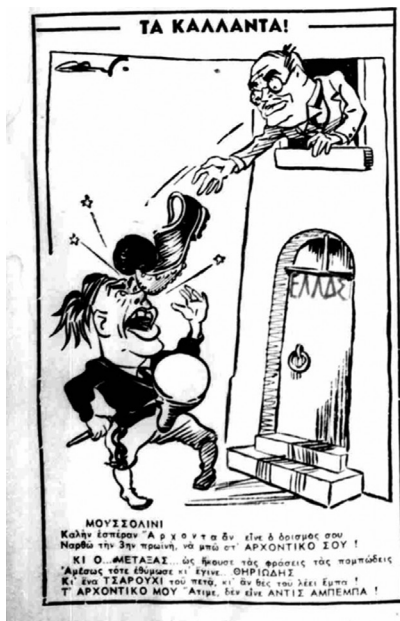

Рис. 4. Н. Кастанакис. Колядки

¹ Петрунина О. Е. Образы европейских государств ... С. 254.

² Ελληνικόν μέλλον. Έτος Θ'. Αρ. 2966. 25.12. 1940.

Рис. 5. Э. Терзопулос.
Стремительно назад...
(Η βραδυνή. Έτος 16. Αρ.
6377. 04.11. 1940).

дящий образ в классических сюжетах (Давид и Голиаф)¹, изображали итальянских солдат в виде неспособных воевать бонвиванов, атрибутом которых часто выступает гитара или мандолина. «Храбрость» противника греческие газеты высмеивали, изображая потребность итальянских бойцов не в свитерах, а в смене нижнего белья².

Постепенно эти множественные, но не запоминающиеся образы вытесняет яркая фигура дуче Муссолини, которая и становится главным символом агрессора. Поначалу дуче появляется в греческой карикатуре в разных обличьях: диких животных (гориллы или акулы), шута, неудачливого любовника³.

Позже формируется образ Муссолини-агрессора как толстого, неповоротливого, тупого и заносчивого солдафона с имперскими амбициями, необоснованно считающего себя потомком древних римлян. Его военачальники бездарны, а армия неспособна воевать⁴. Потому его имя часто меняется на «Финито»: на Новый год театр родоначальника современной греческой комедии В. Аргиропулоса давал музыкальную

¹ Έλληνικόν μέλλον. Έτος Θ΄. Αρ. 2913. 02.11. 1940.

² Έλληνικόν μέλλον. Έτος Θ΄. Αρ. 2932. 21.11. 1940; Νέος κόσμος. Έτος Δ΄. Αρ. 233. 13.02. 1941.

³ Έλληνικόν μέλλον. Έτος Θ΄. Αρ. 2923. 12.11. 1940; Έλληνικόν μέλλον. Έτος Θ΄. Αρ. 2924. 13.11. 1940; Έλληνικόν μέλλον. Έτος Θ΄. Αρ. 2925. 14.11. 1940; Έλληνικόν μέλλον. Έτος Θ΄. Αρ. 2939. 28.11. 1940; Έλληνικόν μέλλον. Έτος Θ΄. Αρ. 2946. 05.12. 1940.

⁴ Η βραδυνή. Έτος 16. Αρ. 6387. 14.11. 1940; Έλληνικόν μέλλον. Έτος Θ΄. Αρ. 2942. 01.12. 1940; Νέος κόσμος. Έτος Δ΄. Αρ. 233. 13.02. 1941; Νέος κόσμος. Έτος Δ΄. Αρ. 230. 23.01. 1941; Ο Τύπος. Έτος 7. Αρ. 2241. 24.02. 1941; Ο Τύπος. Έτος 7. Αρ. 2246. 01.03. 1941.

Рис. 6. Э. Терзопулос. «Новый год у... Финито». Фрагмент (Η βραδυνή. Έτος 17. Αρ. 6434. 01.01. 1941).

комедию «Финито Бенито»¹, а карикатурист Э. Терзопулос создал персональный сатирический календарь для дуче.

В большинстве случаев дуче олицетворяет итальянскую армию или фашистский режим, но не Италию и итальянский народ, попавшие под власть фашистов². Уже в начале 1941 г. в Греции многие были уверены, что поражения в Албании и Северной Африке подорвали самые основы фашистского режима, который вот-вот рухнет³. Однако в марте настроения в Греции радикально изменились, что нашло отражение в прессе: газеты постепенно закрывались, поскольку доходы населения падали и подписчиков становилось все меньше; из все еще выходивших газет практически исчезла карикатура. Последнее изменение можно связать не только с материальными проблемами издателей, но и с нараставшей в стране тревогой, которую вызывало не столько новое наступление итальянцев, сколько ухудшение международной обстановки и новые победы Германии. В марте немецкие войска вошли в Болгарию и теперь стояли на греческой границе. Нападение Германии на Югославию еще более усилило опасения греков: в прессе стали появляться статьи, посвященные общим страницам освободительной борьбы греков и южных славян⁴.

¹ Έθνος. Έτος 28. Αρ. 9410. 01.01. 1941.

² См., напр.: Η βραδυνή. Έτος 16. Αρ. 6433. 31.12. 1940.

³ Петрунина О. Е. Вторая мировая война на Средиземном море в освещении газеты «Эгеон» (о. Самос) // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. По материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 20–22 апреля 2016 г.). Воронеж, 2016. С. 25–33.

⁴ Δασκαλάκης Α. Ο Ρήγας και οι Γιουγκосλαῖοι // Έθνος. Έτος 28. Αρ. 9497. 29.03.1941; Δασκαλάκης Α. Ο Καραγιώργης // Έθνος. Έτος 28. Αρ. 9498. 30.03.1941.

Поражение, нанесенное Греции гитлеровской Германией в апреле-мае 1941 года, глубоко травмировало национальные чувства греков. Однако героическое сопротивление и победы над фашистской Италией вписали достойную страницу в греческую историю. Изгнание итальянских интервентов с территории Греции и вступление греческих войск в Южную Албанию, которую греки считали своей исторической территорией, понималось не просто как война за Родину, но и как продолжение процесса национального освобождения, начатого революцией 1821 г.

Собирательный образ итальянца-врага в греческой карикатуре так и не сложился. Его заменили конкретные личности: Муссолини и его военачальники. Несмотря на последующую оккупацию Греции в результате вмешательства в итало-греческую войну гитлеровской Германии, в памяти греков надолго остался образ фашиста-неудачника Муссолини как получившего по заслугам агрессора.

ПИМЕНОВА Л. А.*

ГОРОД-ТЕКСТ, СОЧИНЕННЫЙ ГЕНЕРАЛОМ ЛАНЖЕРОНОМ

В российских библиотеках и архивах волею судеб оказалось небольшое число документов, связанных с французской дворянской семьей Ланжеронов. Она принадлежала к древнему дворянскому роду Андро (Andrault), известному с XIII в. В 1420 г. оруженосец герцога Бурбонского Лоран Андро женился на наследнице сеньории Ланжерон, расположенной возле Сен-Пьер-ле-Мутье в провинции Ниверне, и стал первым бароном де ла Ферте-Ланжерон. В 1656 г. глава старшей ветви рода Филипп Андро сумел добиться возведения сеньории Ланжерон в ранг графства.

Самым известным представителем рода стал внук Филиппа Андро – Луи-Александр Андро, кавалер-граф де Ланжерон, маркиз де ла Кост, барон де Куньи, де ла Ферте-Ланжерон и де Сасси, барон Австрийской империи и гражданин Женевы (1763–1831). В 1777 г. он начал военную карьеру и участвовал в Войне за независимость Америки. В начале Французской революции с разрешения короля Ланжерон отправился в Вену, намереваясь вступить в австрийскую армию, воевавшую с турками, но, получив отказ от императора Иосифа II, весной 1790 г. поступил на русскую службу. Через несколько лет он дослужился до генерал-лейтенанта, в 1799 г. получил русское подданство и стал графом Российской империи. В составе русской армии Ланжерон участвовал во всех крупных кампаниях конца XVIII – начала XIX в., в том числе командовал дивизией под Аустерлицем и прошел с русской армией от Москвы до Парижа в 1812–1814 гг. В 1815–1822 гг. он был генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии, сменив на этом посту Армана-Эмманюэля дю Плесси де Шинона, герцога де Ришелье¹.

* Пименова Людмила Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

На протяжении многих лет Ланжерон вел дневник, на основе которого сочинил мемуары. Их оригинал хранится в Архиве Министерства иностранных дел Франции, а полная рукописная копия, сделанная по заказу императора Александра III, – в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. В конце XIX – начале XX в. отрывки из мемуаров публиковались в переводе в ряде русских журналов. Личные архивы Ланжерона хранятся в Государственном архиве Одесской области (документы 1793–1825 гг., относящиеся к его военной службе в России и деятельности на посту генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии) и в Одесском историко-краеведческом музее (материалы 1780–1830 гг., касающиеся его службы в Одессе, и документы, привезенные им из Франции, в частности, бумаги собрания дворянства баляжа Сен-Пьер-ле-Мутье в провинции Ниверне периода выборов в Генеральные штаты 1789 г.).

В Москве семейный фонд Ланжеронов находится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Документы семьи Ланжерон были куплены во Франции у антикваров в 1927 г. в ходе формирования Центрального партийного архива. Вероятной причиной того, что документы французской дворянской семьи оказались в архиве Института Маркса, Энгельса и Ленина при ЦК ВКП (б), был интерес директора института Д. Б. Рязанова к Луи-Александрю Андро де Ланжерону, о котором шла речь выше. Приобретая семейный архив Ланжеронов, Рязанов, очевидно, рассчитывал пополнить коллекцию документов Французской революции. В действительности в этом фонде нет почти ничего касающегося революции, что не делает его менее интересным для исследователя.

Всего фонд семьи Ланжерон насчитывает 550 дел периода 1664–1831 гг. Значительную долю среди них составляют документы семейной истории: доказательства дворянского происхождения, посмертные описи имущества, свидетельства об уплате подушного налога (капитации), о приеме членов семьи в Орден Святого Людовика и т. п. Поскольку члены семьи Ланжерон принадлежали к «дворянству шпаги»,

¹ О записках Ланжерона периода его русской службы см.: *Пименова Л. А.* Из истории французской эмиграции в России: документы из архива графа Ланжерона // Великая французская революция и Россия. М.: Прогресс, 1989. С. 494–503; *Пименова Л. А.* Французская революция и русская история в сочинениях графа де Ланжерона // *Пименова Л. А.* Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка. В 2-х ч. М.: Исторический ф-т МГУ. 2018. Ч. II. С. 258–269.

в их архиве сохранилось немало документов по истории французской армии и флота XVIII в.: сведения о комплектовании, вооружении, передвижении по службе и награждениях, расходах, отчеты об инспекциях полков, донесения периода военных кампаний, в частности, Семилетней войны.

Среди корреспонденции членов семьи Ланжерон встречаются письма, адресованные известным особам: французскому послу в Мадриде герцогу де Дюра и королю Испании Фердинанду VI, герцогу де Шуазёлю и принцу Конде, генеральному директору финансов Жаку Неккеру.

При этом большая часть документов из РГАСПИ принадлежала не старшей, а младшей ветви рода – семье де Молеврье-Ланжерон (Maulevrier-Langeron), отделившейся от ветви Андро де Ланжерон в XVI в. Впоследствии за военные заслуги ее главы Людовик XIV возвел сеньорию Молеврье в ранг маркизата.

Из разнообразных документов семейного архива Ланжеронов мое внимание привлекли составленные членами семьи записки и трактаты (*mémoires*). Изучение документов из личных и семейных архивов стало активно развивающимся направлением современной историографии. Обращаясь к таким документам, историки стремятся «исходить из индивидуального, чтобы лучше понять коллективное, принимая во внимание многочисленные факторы, способные объяснить или помочь расшифровать системы ценностей и их пространственные, социальные и, в особенности, временные вариации»¹.

О трех записках, которые сочинил Шарль-Клод Андро, маркиз де Молеврье-Ланжерон, граф де Шабрьер, барон де Дюзе (1720–1792)², у

¹ Bardet J.-P. Pour dire quelque chose sur nos conduites érudites // Les écrits du for privé en Europe (du Moyen Age à l'époque contemporaine). Enquêtes, Analyses, Publications / sous la dir. de J.-P. Bardet, E. Arnoul, F.-J. Ruggiu. Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux, 2010. P. 646. См. также: *Artières Ph., Kalifa D. L'historien et les archives personnelles: pas à pas // Sociétés et Représentations. Histoire et les archives de soi. 2002. № 13. P. 7–15; Les Ecrits du for privé. Objets matériels, objets édités / sous la dir. de M. Cassan, J.-P. Bardet, F.-J. Ruggiu. Limoges: Presses Universitaires de Limoges, 2007.*

² Шарль-Клод Андро, маркиз де Молеврье-Ланжерон (1720–1792), командир полка Конде (1743), генерал (*maréchal-de-camp*, 1758), генерал-лейтенант королевских армий (1762), кавалер Ордена Святого Духа (1784), женат на Луизе Перрине, дочери Давида-Пьера, сьера де Пезо (*de Pezeau*), генерального сборщика финансов Фландрии, Эно и Артуа (*Dictionnaire des familles françaises anciennes ou notables à la fin du XIXe siècle. T. 1. Paris. 1983. P. 195–196.*)

меня уже вышла специальная публикация¹. Две из них были посвящены чрезвычайно актуальному для Франции XVIII века вопросу о налоговой реформе, третья – состоянию дорог².

Три документа, о которых пойдет речь в этой статье, составлены примерно двадцатью годами позже, написаны другим почерком и подписаны «*Le C. de Langeron*», т. е. граф де Ланжерон. Документы были составлены в период с 1783 по 1787 г. Это инструкция командиру пехотного гарнизона в бретонском городке Роскофф и две записки о том же городе³. Их автором, очевидно, был младший брат маркиза, Александр-Клод-Николя-Эктор Андро, граф де Молеврье-Ланжерон. Он поступил на военную службу в 1747 г., командовал полком Фуа, в 1770 г. получил звание генерал-майора (*le maréchal de camp*), с 1776 г. служил в Бресте, где инспектировал войска и строительство укреплений Бреста и Сен-Мало. В начале 1784 г. он дослужился до генерал-лейтенанта королевских армий, а весной 1788 г. стал заместителем главнокомандующего провинции Бретань (на этот пост годом ранее был назначен Анри-Шарль-Габриэль, граф де Тиар де Бисси)⁴.

¹ *Пименова Л. А.* Размышления французского аристократа XVIII века о развитии финансов и торговли // *Пименова Л. А.* Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка. Ч. II. С. 252–257.

² «1765 janvier. Mémoire sur les impositions», «Explication du mémoire», «Grands chemins. Mémoire» (Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Фонд 319. Опись 1. Дела 460–462). Все три подписаны одной буквой «L». Авторство записок мне помогло установить то, что среди документов из архива Ланжеронов есть адресованное королю Испании письмо 1754 г. с просьбой позволить сохранить в семье после смерти отца пожалованную ему цепь Ордена Золотого руна. Письмо написано тем же самым почерком и имеет ряд тех же характерных особенностей орфографии, что и записки о налогах и состоянии дорог. В семье Ланжеронов был один кавалер Ордена Золотого руна – скончавшийся в 1754 г. маршал Франции Жан-Батист-Луи Андро, маркиз де Молеврье-Ланжерон, что и позволило сделать вывод об авторстве записок. Автором был не кто иной, как старший сын маршала Шарль-Клод.

³ «Instruction pour l'officier commandant le détachement d'Infanterie à Roskoff», «Octobre 1783. Roskoff. Mémoire sur Roskoff», трехстраничная записка без заглавия (РГАСПИ. Фонд 319. Опись 1. Дела 386–388).

⁴ *Anselme (père), Potier de Courcy.* Histoire de la Maison royale de France. Vol. 9. Part. 2. Paris, 1879. P. 608–611; *Aubert de La Chesnaye-Desbois F.-A.* Dictionnaire de la noblesse, contenant les généalogies, l'histoire & la chronologie des familles nobles de France, l'explication de leur armes, & l'état des grandes terres du royaume. T. 1. A Paris: chez la veuve Duchesne, 1770. P. 258; *Pocquet du Haut-Jussé B.-A.* Les journées de mai-juin 1788 à Rennes vues par un royaliste // *Mémoires de la Société d'Histoire et d'Archéologie de Bretagne.* 1962. P. 78–79.

Фигурирующий во всех трех документах Роскофф – город моряков, торговцев и судостроителей, расположенный на северном побережье Бретани в 66 км от Бреста. В силу своего географического положения порт Роскофф превратился в центр контрабандной торговли с Великобританией. Интерес военного, отвечавшего за укрепления вдоль бретонского побережья, к такому городу вполне объясним. Маленький Роскофф, наряду с крупными Брестом, Сен-Мало и Шербуром, являлся частью береговой линии, отделяющей Францию от ее главного внешнеполитического противника XVIII века – Великобритании, – и потому привлекал внимание служившего в Бретани генерала.

В городе, где процветала легальная и нелегальная торговля с Великобританией, постоянно находились английские моряки и торговцы. Беспokoйством об их взаимоотношениях с местным населением продиктована инструкция командиру расквартированной в Роскоффе роты пехотинцев. В бумаге, направленной из Бреста 27 июня 1787 г., Ланжерон указывает своему подчиненному, что «откомандированному в Роскофф офицеру поручено поддерживать в этом месте порядок и дисциплину между жителями и прибывающими в порт английскими матросами»¹, а также проявлять должное внимание (*les égards convenables*) к англичанам, постоянно проживающим в городе, и обмениваться информацией о них с морским комиссаром. Помимо предотвращения межнациональных конфликтов и слежки за англичанами поручения Ланжерона касаются участия пехотинцев в борьбе с преступностью. Их командиру вменяется в обязанность направлять патрули, чтобы отлавливать дезертиров и беглых с каторги из Бреста, которые могут объявиться в Роскоффе, кроме того, отслеживать суда контрабандистов², сообщать Ланжерону об их появлении, а по возможности задерживать их и препровождать в Брест. Инструкция Ланжерона – рядовой служебный документ, но содержащаяся в нем информация о круге обязанностей пехотного офицера в пограничном портовом городе представляет определенный интерес. То, что от него требуют отлавливать дезертиров, беглых каторжников и контрабан-

¹ «L'objet de la Mission de l'Officier détaché à Roscoff est de maintenir dans ce lieu le bon ordre et la discipline entre les habitants et les matelots anglais qui fréquentent ce Port» (РГАСПИ. Фонд 319. Опись 1. Дело 386).

² Ланжерон называет их так, как это было принято в Бретани: «les bâtiments smogleurs». Местное словечко образовано от английского «smuggler» (контрабандист).

дистов, следить за англичанами (вдруг среди них окажутся шпионы), не вызывает вопросов. Но, поддерживая мир и порядок в отношениях между местным населением и англичанами, он фактически исполнял функции начальника отсутствующей в Роскоффе городской полиции, так что инструкция Ланжерона дает нам еще один пример характерного для Франции Старого порядка исполнения военными дел гражданской администрации¹.

Еще интереснее и информативнее черновики двух записок Ланжерона о городе Роскофф. Знакомство с ними заставляет вспомнить статью Роберта Дарнтона о том, как буржуа из Монпелье середины XVIII в., описывая свой город и классифицируя его население, «наводил порядок в окружающем мире»². Описания Ланжероном маленького бретонского городка не столь полны и обстоятельны и занимают не четыре сотни, как у анонимного буржуа из Монпелье, а всего лишь по несколько страниц (в первой записке 6 листов, исписанных с двух сторон, во второй – 3), и их автор явно преследовал более практические цели. Сочиняя свой город-текст, он не стремился создать нечто вроде путеводителя, а, очевидно, как военный, отвечающий за безопасность побережья Бретани, внимательно оценивал один из укрепленных городов вверенной ему провинции с точки зрения его обороноспособности и намеревался доложить свои выводы министрам. Тем не менее, собранная и изложенная им информация гораздо обширнее и разнообразнее, чем сведения военного характера.

Описание города в первой записке, датированной октябрём 1783 г., Ланжерон начинает, как будто приглашая читателя приехать туда вместе с ним: «Роскофф отстоит на одну льё от Сен-Поль-де-Леона, откуда ведет весьма хорошо построенная большая дорога»³. Сведения о городе не обходятся без хотя бы приблизительной оценки численности его населения. А как ее определить, если переписи населения

¹ С другим подобным примером я встретила, изучая деятельность одного из главнокомандующих в Бретани XVIII в. – герцога д'Эгюийона, который занимался благоустройством городов, организацией общественных работ, строительством дорог, каналов и портов. См.: *Пименова Л. А.* О том, как поссорились его светлость герцог д'Эгюийон с мессиром Ла Шалоте // *Пименова Л. А.* Монархия и придворное общество во Франции в конце Старого порядка. Ч. I. С. 109–130.

² *Дарнтон Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. С. 126–172.

³ «Roscoff distance d'une lieu de St. Paul de Léon – où l'on arrive par un grand chemin et assez bien bâti» (РГАСПИ. Фонд 319. Опись 1. Дело 387. Пагинация отсутствует).

не проводились? Наверное, можно было бы посмотреть списки налогоплательщиков, но не все горожане платили налоги. Ланжерон пошел другим путем, обратившись к священникам. В его записке сказано, что в городе проживают 1100–1200 причастников (*communiantes*). Конечно, такой подсчет дал заниженную численность городского населения: не учтенными остались дети, еще не достигшие возраста первого причастия, постоянно проживающие в городе англичане и другие протестанты. По мнению современных исследователей, в конце XVIII в. население Роскоффа составляло чуть больше 2,5 тыс. жителей¹.

Общая характеристика умонастроений горожан тоже явно навеяна беседами с местным духовенством: «Народ в целом набожный и охотно слушает наставления пастыря, если полюбит его»². Далее Ланжерон начинает конструировать социальное пространство. Жители, по его словам, «делятся на три класса: земледельцев, моряков и наемных работников торговых домов»³. В перечне не упомянуты ни привилегированные, ни зажиточные горожане, хотя из дальнейшего рассказа становится ясно, что они в городе Роскофф тоже живут. Ланжерон с удовлетворением отмечает, что в городе совсем нет нищих, ставя это в заслугу кюре, госпиталю и прочим местным благотворительным учреждениям.

Значительное место в записке уделено состоянию торговли. Ланжерон обращает внимание на то, что его тревожит: местные жители издавна торговали льном-сырцом, из Нормандии везли соль для засолки рыбы, но теперь ведущие позиции захватили английские контрабандисты, которые торгуют чаем и водкой. Им в этом помогали обосновавшиеся в Роскоффе британские торговые дома. Правда, в период участия Франции в Войне за независимость Америки их стали изгонять из города и в результате уцелеть удалось только одному из них – торговому дому Коппингер и К°. В городе Роскофф нет рынка, только мясники приезжают сюда по субботам. А за остальными продуктами жители отправляются в близлежащий Сен-Поль-де-Леон. Поскольку совершать такие поездки им приходится довольно часто, Ланжерон переходит к

¹ http://cassini.ehess.fr/cassini/fr/html/fiche.php?select_resultat=29677 (дата обращения: 24.09.2019).

² «Le Peuple est généralement pieux et écoute volontiers les avis du Pasteur lorsqu'il se fait aimer» (РГАСПИ. Фонд 319. Опись 1. Дело 387).

³ «Les habitants sont divisés en trois classes, les cultivateurs, les marins et les journaliers employés par les maisons de commerce» (Там же).

подробному рассказу о состоянии дороги, соединяющей два города, и рассказ этот плохо согласуется с благостными словами автора в самом начале записки. Там была «весьма хорошо построенная» дорога, здесь – «большая дорога, ведущая из Сен-Поля в Роскофф, пребывает в самом плачевном состоянии разрухи, и зимой становится непроходимой для повозок»¹, что наносит большой ущерб торговле. Ланжерон полагает, что привести в порядок дорогу должны провинциальная администрация и епископ, являющийся сеньором обоих городов.

Затем Ланжерон вспоминает о проживающих в городе дворянах и семьях, «живущих по-дворянски» (*vivantes noblement*). По его словам, в городе четырнадцать таких семей (*maisons nobles*), и все они принадлежат к двум родам (*familles*), связанным между собой родственными и брачными узами. Главы семейств – как правило, военные, бывшие военные и кавалеры Ордена Святого Людовика. Местные дворяне, по мнению Ланжерона, – выше всяких похвал и готовы сделать для родного города «всяческое благо, какое только внушает им человечность и позволяют возможности»². Но одних лишь их усилий недостаточно, и Ланжерон заканчивает записку призывом к правительству обратить внимание на город Роскофф, занимающий в случае войны стратегическую позицию из-за своей близости к Бресту. Общий призыв он сопровождает частным советом поощрять своих контрабандистов в пику англичанам.

Как сообщает сделанная в конце черновика заметка, в ноябре 1783 г. Ланжерон передал свою записку про Роскофф морскому министру маркизу де Кастру и военному министру маркизу де Сегюру, «дабы сообщить им о важности и преимуществах маленького порта Роскофф»³. По-видимому, записка не возымела никакого действия, и спустя два года Ланжерон снова взялся за ту же работу.

Вторую записку для большей наглядности и убедительности он разбил на рубрики, в чередовании которых, правда, трудно проследить

¹ «Le grand chemin qui conduit de St. Paul à Roscoff, est dans le plus déplorable Etat de dégradation et impraticable l'hiver aux voitures» (Там же). В записке, составленной спустя два года, Ланжерон добавляет к этому, что, помимо большой дороги для повозок, Роскофф с Сен-Поль-де-Леоном соединяет мощеная тропа для пешеходных путников, но и она пришла в плохое состояние (РГАСПИ. Фонд 319. Описание 1. Дело 388).

² «...tout le bien que l'humanité leur suggère, et que leurs facultés leur permettent» (РГАСПИ. Фонд 319. Описание 1. Дело 387).

³ «... pour leur faire connoître l'importance et les avantages du petit port de Roscoff» (Там же).

логику: Расположение города Роскофф; Население; Сельское хозяйство; Порт; Батарея форта Круа; Форт Блоскон у часовни Сент-Барб; Торговля; Рейд; Батареи острова Батц; Значение острова Батц в военное время; Население острова; Батарея форта Калло; Батарея форта Св. Анны; Меры предосторожности на время войны; Противодействие английским контрабандистам; Размещение войск; Сила артиллерии¹.

Во второй записке автор говорит о серьезной проблеме города, о которой не упоминал в первой: это нехватка питьевой воды. Из трех источников, расположенных поблизости от города, хорошую воду дает только один – самый дальний. Он никак не обустроен, и его загрязняют люди, постоянно толпящиеся вокруг.

Население города во второй записке автор увеличил до 1500 жителей. Как и в первый раз, он попытался представить весь городской социум, разделив его на классы. Очевидно, изначально в голове у него не было четкой схемы для подобной классификации, и он вырабатывал ее спонтанно по ходу сочинения записок, в результате чего в двух сочиненных им текстах население города оказалось структурированным по-разному. Если в записке 1783 года Ланжерон разделил жителей Роскоффа на три класса (земледельцев, моряков и наемных работников торговых домов), то в записке 1785 года классификация городского населения предстает более полной: «Жителей можно разделить на четыре класса: первый состоит из дворян и особ, живущих по-дворянски, большинство из них отставные военные и продолжающие нести службу в береговой охране; второй – из французских и английских купцов; третий – из мелких торговцев и трактирщиков; четвертый и самый многочисленный включает в себя земледельцев, матросов, рыбаков, извозчиков и рабочих»². То есть все три класса населения из первой записки во второй записке попали в один и тот же класс – четвертый. Автор специально отмечает, что в городе нет врачей, хирургов и судебных (*officiers de judicature*), имеется лишь один синдик, ответственный за размещение войск. Но, как и в первом случае, в перечне отсутствует духовенство, хотя в самом начале второй записки Ланжерон сообщил,

¹ РГАСПИ. Фонд 319. Описание 1. Дело 388.

² «Les habitants peuvent être partagés en quatre classes; la première, est composée de gentilshommes, ou personnes vivant noblement; la plupart anciens militaires, et servant encore dans la garde-côte; la seconde, de négociants français et anglais; la troisième de petits marchands et aubergistes; la quatrième et la plus nombreuse comprend les cultivateurs, les matelots, les pêcheurs, les charretiers et les manoeuvres» (Там же).

что в городе есть кюре, викарий, два священника и монастырь капуцинов.

Какими критериями руководствовался граф де Ланжерон, описывая и классифицируя население города Роскофф? Самыми разными: он принимал во внимание род занятий, сословную принадлежность, образ жизни, имущественное положение. Но в этом разнообразии прослеживается закономерность: он отказывается от сословных характеристик в пользу профессиональных. Духовенство в обеих записках оказалось за рамками классификации – вероятно, по причине его малочисленности. Дворян он спокойно объединил с «особами, живущими по-дворянски», подчеркнув при этом, что большинство из них – военные, то есть их объединяет не только место в традиционной сословной иерархии, но и общая профессия. Примечательно также, что Ланжерон вообще не употребляет понятий «ранг» или «сословие»; он говорит о «классах». В двух составленных им записках этот термин наполнен разными смыслами. В первой записке он обозначает род профессиональной деятельности (земледелец, моряк, рабочий). Во второй – характеризует группы, отличающиеся друг от друга большим или меньшим престижем профессии и имущественным положением (так, купцы и мелкие торговцы отнесены к разным классам). Но в обоих случаях изображенное Ланжероном городское общество состоит не из сословий. Подобно буржуа из Монпелье, хотя и на иной лад, граф де Ланжерон в своих записках отошел от традиции и заглянул в XIX век.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ А. А.*

ИММИГРАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Франция в качестве этнически неоднородного государства и страны массовой иммиграции столкнулась с проблемами интеграции в общественную ткань светского, демократического государства многочисленных переселенцев, сознание которых формировалось в иной социокультурной среде. Иммиграция стала важным фактором влияния на экономическую, социальную, политическую и культурную жизнь страны.

В данной статье ставится задача рассмотреть эволюцию отношения общества к иммиграции и порождаемым ею проблемам.

Давняя история и крупномасштабный характер миграции обуславливает многочисленность приезжего населения, причем в последние десятилетия наблюдается расширение географии миграционных потоков¹. В 2014 г. среди иммигрантов насчитывалось 31.5% выходцев из европейских стран, 43.8% – из стран Африки и 14.5% – из государств Азии². Существенная часть переселенцев приходится на гуманитарных мигрантов с низким уровнем образования, что не обусловлено потребностями рынка труда и существенно ограничивает возможность их трудоустройства. Для значительного количества иммигрантов осно-

* Преображенская Арина Александровна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

¹ На 1 января 2015 г. во Франции проживало 65,8 млн. человек, из которых 5,9 млн. (9% населения) являлись иммигрантами (родившимися вне Франции от родителей не французов). (Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Population française, étrangère et immigrée en France depuis 2006, 13.10.2015. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1410693>.

² Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Insee Références 27.02.2018. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3303358?sommaire=3353488>.

вой цивилизационной самоидентификации является ислам. Буквально за 50 лет во Франции образовалась самая многочисленная в Европе арабо-мусульманская диаспора, которая составляет по разным оценкам свыше 5 млн. человек.

Расселение мигрантов по территории страны отличается неравномерностью и концентрацией в ограниченном ряде ареалов. 60% приезжих и их потомков проживает в трех регионах – Иль-де-Франсе, Роне-Альпах и Провансе-Лазурном берегу или, иначе говоря, в пригородах Парижа, Лиона и Марселя. Десятилетиями в эти пригороды стягивались безработные, иммигранты, зачастую не имеющие прав на жительство, лица с низким уровнем образования и профессиональной квалификации, неблагополучные семьи и пр., а покидали их – имеющие стабильный заработок рабочие и служащие, что способствовало геттоизации этих кварталов.

Чем больше иммигрантов проживает в отдельных кварталах, тем более межличностные отношения замыкаются на лицах своей национальности, тем интенсивнее становится соблюдение религиозных обрядов. По словам социолога Д. Лаперони, социальная и этническая сегрегация привела к формированию в ряде кварталов «альтернативного контр-общества», характеризующегося тесными связями между его членами и отсутствием позитивного взаимодействия с представителями аутгрупп¹.

Еще с конца 90-х годов наблюдается тенденция к реисламизации потомков переселенцев, которую французские исследователи связывают с неудачами в социально-экономической интеграции мигрантов, особенно представителей их второго-третьего поколений². За официальной риторикой равенства шансов и возможностей скрывались социальная сегрегация при получении образования и дискриминация по происхождению при трудоустройстве. Молодые потомки иммигрантов чувствовали себя в стороне от национального сообщества. По убеждению политолога Жюль Кепеля, религия преподнесла последним

¹ Novembre 2005, dix ans après les émeutes. Actes du colloque des 19 & 20 octobre 2015 à Sciences PO. http://www.cevipof.com/rtefiles/File/graduate%20conference/Cahier_60.pdf p.42.

² *Beauchemin, C.* Emploi, école: les réussites et les blocages de l'intégration en France // *Le Monde* 08.08.2016. http://www.lemonde.fr/societe/article/2016/01/08/les-enfants-d-immigres-s-integrent-mais-restent-victimes-du-chomage-et-de-la-discrimination_4843872_3224.html.

компенсацию чувства социальной, политической и экономической невостребованности¹. В мире бедности именно ислам стал доступным культурным ресурсом. Интенсифицируется отправление религиозных обрядов – становится более регулярным посещение мечетей, практика рамадана, а также употребление исключительно халяльной пищи. Сказались и внешние факторы: палестино-израильский конфликт, иракский, афганский, ливийский и особенно сирийский кризисы сыграли на руку идеологам исламизма.

Все это представляют источник острых социально-политических проблем, решение которых требует поиска адекватной интеграционной модели. Проводившаяся более 40 лет политика социального выравнивания имеет более чем скромные результаты. Видимыми проявлениями сложностей, с которыми сталкивается французское общество, стали погромы и бунты иммигрантской молодежи в пригородах, серия масштабных террористических актов 2015–2016 гг., большинство исполнителей которых, несмотря на иностранные корни, выросли во Франции. Эти процессы в свою очередь питают исламофобию местного населения и порождают конфликтность в межконфессиональных отношениях.

Политическим последствием сложностей французской интеграционной модели стал рост влияния партии Национальное объединение (до 1 июня 2018 г. – Национальный фронт), находящейся на крайне правом фланге политического спектра, связывающей рост безработицы, преступности и терроризма с увеличением количества иммигрантов. Большинство (54%) французов считает, что иммиграция вызвала в стране негативные изменения, в частности рост давления на социальные службы и усиление конкуренции на рынке труда². Пользу иммиграции для экономики признали только 16% опрошенных, для культуры – 28%³.

С иммиграцией жители страны связываются и резкое усиление террористических угроз. С сентября 2015 г. по март 2016 г., после серии террористических актов, значительно увеличилась (с 59 до 80%)

¹ Gilles Kepel, *Banlieue de la République*, Paris, 2011 // *Le Monde* 04.10.11.

² Ipsos IMMIGRATION ET RÉFUGIÉS : FRANCE, PAYS D'ACCUEIL OU PAYS EN REPLI ? 22 Août 2016 <http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2016-08-22-immigration-et-refugies-france-pays-d-accueil-ou-pays-en-repli>.

³ Ibidem.

доля французов, полагающих, что под видом мигрантов в страну могут проникать террористы¹.

В феврале 2018 г. 63% французов считали, что иммигрантов в стране слишком много². Вместе с тем такое же количество – 63% опрошенных полагали, что Франция должна принимать беженцев, которые «подвергаются гонениям на родине»³. По сравнению с 1990-ми годами население стало несколько толерантнее относиться к присутствию мигрантов на рынке труда. Так, в декабре 2012 г. 70% французов были согласны с утверждением, что переселенцы исполняют такую работу, которая не привлекает коренное население, 54% согласились с тем, что сокращение числа мигрантов никак не отразится на количестве безработных. Только 24% опрошенных выступали за приоритет французам при трудоустройстве, тогда как в 1990-х гг. такого мнения придерживались 45%⁴.

Вопрос об интеграции иммигрантов в общество лежит не только в социально-экономической, но и социокультурной плоскости. Во Франции проживают последователи различных течений ислама – от традиционного классического до неофундаменталистских течений, приверженцы которых отвергают европейские ценности и стремятся в максимально возможной степени жить по законам шариата. Вопрос состоит в том, может ли ислам стать совместимым со светскими, республиканскими нормами и институтами. Неотъемлемой чертой французской идентичности является светский характер Республики. Еще в 1905 г. церковь была отделена от государства, преподавание никаких религий в государственных учебных заведениях не допускается. В 2004 г. принят закон о запрете знаков религиозной символики в школах, в 2010 г. – о запрете в общественных местах одежды, закрывающей лицо.

¹ Ipsos/ Présidentielle 2017: la place de la religion et de la laïcité dans l'élection présidentielle. <http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2017-03-22-presidentielle-2017-place-religion-et-laicite-dans-l-election-presidentielle>. P. 10, 11.

² Migrants: seuls 37% des Français approuvent la politique d'Emmanuel Macron // Le Nouvel Observateur 02.07.2018. URL: <https://www.nouvelobs.com/monde/migrants/20180207.OBS1855/sondage-migrants-seuls-37-des-francais-approuvent-la-politique-d-emmanuel-macron.html>.

³ Ibidem.

⁴ Ipsos FRANCE 2013 : LES NOUVELLES FRACTURES 25 Janvier 2013. <http://www.ipsos.fr/ipsos-public-affairs/actualites/2013-01-24-france-2013-nouvelles-fractures>, http://www.tns-sofres.com/_assets/files/2013.02.06-baro-FN.pdf.

Одной из основных ценностей, по убеждению абсолютного большинства граждан (90%), является светскость. В 2017 г. около трех четвертей опрошенных полагают, что в настоящее время она находится под угрозой, тогда как в 2005 г. подобного мнения придерживались 58% респондентов. Вместе с тем трактуется это понятие по-разному. Для 43% опрошенных светскость означает «право исповедовать любую религию или не исповедовать никакую», для 36% – «возможность для людей различных убеждений жить вместе», 34% – «отделение религии от государства» и 25% «сохранение традиционной французской идентичности»¹.

По данным опроса 2013 г., 73% респондентов имели плохое или очень плохое мнение об исламе. Несмотря на то, что только один француз из двух (33%) утверждал, что хорошо или достаточно хорошо осведомлен об этой религии, две трети граждан (67%) заявляли, что «ценности ислама не совместимы с ценностями французского общества»². И главная причина этого в том, что исламская культура постоянно выходит за границы частной сферы – в общественное пространство и на поле общественно-политической жизни. По данным проведенного в 2019 г. среди мусульман опроса, 70% респондентов полагали, что «светскость позволяет приверженцам ислама спокойно исповедовать свою религию», 41% считали, что традиции ислама должны подстраиваться под нормы французского светского общества. Однако, по мнению 37% опрошенных, именно светскость должна адаптироваться к ценностям ислама (причем количество последних с 2011 г. выросло на 8 пп.), а 27% заявили, что нормы шариата должны главенствовать над французскими законами³. Подавляющее большинство (82%) участвовавших в опросе мусульман выступают за то, чтобы дети могли получать халяльное питание в школьных столовых, 68% являются сторонниками того, чтобы девочки носили мусульманский головной убор в учебных заведениях, для 54% важно иметь возможность демонстриро-

¹ Ipsos / Sopra Steria Présidentielle 2017: la place de la religion et de la laïcité dans l'élection présidentielle. <http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2017-03-22-presidentielle-2017-place-religion-et-laicite-dans-l-election-presidentielle>.

² Le regard des Français sur la religion musulmane. <https://app.box.com/s/2rrh1m44p0m12ydqps258zi550vwbknl>.

³ IFOP, Le Point Etude auprès de la population musulmane en France, 30 ans après l'affaire des foulards de Creil. https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2019/09/116646_Rapport_Ifor_le_Point_FJJ_2019.09.11.pdf.

вать свою религиозную идентичность на работе, по мнению 49% работодателей должен учитывать религиозные обязательства сотрудников¹.

Некоторые пожелания мусульман общественное мнение расценивает как правомерные – принятие во внимание нужд верующих в тюрьмах, больницах, армии. Французы толерантно относятся к обычаям, не выходящим за пределы частной жизни, – паломничеству в Мекку, употреблению халяльного питания. Большинство (55%) опрошенных одобрило наличие в школьных столовых меню, составленного в соответствии с религиозными традициями учащихся². Но другие запросы мусульман вызвали негативную реакцию – ношение закрывающей лицо одежды в общественных местах, требование предоставить место молитвы на рабочем месте, отказ от работы в разнополом коллективе или под руководством женщины (мужчины). Не случайно Высший Совет интеграции³ подчеркнул, что не может быть даже дискуссии о смещении графика обучения в школах и школьных программах, недопустим отказ от работы в разнополых коллективах. Вместе с тем он рекомендовал искать компромисс в таких вопросах, как еда без свинины в столовых, отсутствие на работе в праздничные для мусульман дни⁴.

С 2014 по 2016 год зафиксирован явный рост неодобрения на проявления ислама в общественном пространстве. За два с лишним года снизилось количество французов, одобряющих сооружение мечетей (45% – 8 пп.), возросло неприятие «мужчин в традиционном мусульманском костюме» (52% + 4 пп.) и женщин в головном уборе, закрывающем лицо (87% + 4 пп.). Как отметил политолог Б. Тентюрье, гендиректор института по изучению общественного мнения IPSOS, «особенно угрожающей кажется символическая фигура мусульманского мужчины в национальной одежде»⁵. Все больше негативных откликов вызывает гипотетический выход замуж дочери за мусульма-

¹ Ibidem.

² IFOP Ce que veulent les Français. http://www.ifop.com/media/poll/3945-1-study_file.pdf.

³ Высший Совет Интеграции – с 1989 по 2012 гг. – консультативный орган при правительстве, в его задачи входила подготовка рекомендаций по разработке и реализации политики интеграции

⁴ 1990–2010: 20 ans au service de l'intégration Auteur(s) :Haut conseil à l'intégration Editeur La Documentation française. 2010. P. 41.

⁵ Ipsos L'évolution de la relation à l'autre dans la société française .17 Janvier 2017. <http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2017-01-17-l-evolution-relation-l-autre-dans-societe-francaise>.

нина (42%, – 2), особенно выходца из стран Магриба (47% – 6), в то время как, напротив, растет одобрение женитьбы сына на мусульманке (51%, +3)¹.

Подавляющее большинство граждан – 79% – в 2017 г. одобрили запрет мусульманского головного убора в университетах, 77% французов поддерживают запрет буркини (мусульманского купальника) в общественных местах. Более половины французов (58%) поддержали предложение лидера крайне правых Марин Ле Пен внести в Конституцию страны запись о том, что «Республика не признает никаких общин»². Вместе с тем, с 2013 по 2017 г. несколько увеличилось (с 32 до 39%) количество опрошенных, признающих совместимость ислама с французскими ценностями, и напротив, снизилась (с 32 до 24%) доля тех, кто абсолютно уверен в их несовместимости³. При этом серия масштабных террористических актов 2015–2016 гг. прервала положительную динамику, с января 2015 по март 2017 г. совместимость потеряла 8 пп.⁴ Однако большинство французов были далеки от того, чтобы возлагать на мусульман ответственность за произошедшие теракты. Так, 67% французов после терактов ноября 2015 г. считали, что «большинство мусульман мирно проживает во Франции, представляют угрозу лишь радикальные исламисты», тогда как для 28% опасен ислам в целом⁵.

В феврале 2018 г. появился опрос, согласно которому большинство (56%) французов заявили о том, что ислам совместим с республиканскими ценностями⁶. С декабря 2016 по декабрь 2017 г. на 6 пп. (с 43 до 37%) снизилось количество опрошенных, считающих, что

¹ Ibidem.

² Ipsos / *Sopra Steria Présidentielle 2017: la place de la religion et de la laïcité dans l'élection présidentielle.* <http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2017-03-22-presidentielle-2017-place-religion-et-laicite-dans-l-election-presidentielle>.

³ Harris inretactive. 04.2013 Le regard des Français sur la religion musulmane. <https://app.box.com/s/2rrh1m44p0m12ydqps258zi550vwbknl>. P. 12.

⁴ Ipsos/ *Présidentielle 2017: la place de la religion et de la laïcité dans l'élection présidentielle.* <http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2017-03-22-presidentielle-2017-place-religion-et-laicite-dans-l-election-presidentielle>. P. 10–11.

⁵ Le rapport des Français à l'Islam en France Ifop pour Atlantico.fr. http://www.ifop.com/?option=com_publication&type=poll&id=3218.

⁶ Europe1 Sondage sur l'islam : «C'est le signe d'une certaine décrispation // 11.02.2018 <http://www.europe1.fr/societe/sondage-sur-lislam-cest-le-sign-dune-certains-decrispation-3571043>.

«дети иммигрантов, родившиеся во Франции – не настоящие французы»¹. Несмотря на то, что данные опросы проводили разные институты по изучению общественного мнения, поэтому конкретные цифры могут не совпадать, можно отметить тенденцию снижения недоброжелательного отношения к исламу и мусульманам, и некоторое уменьшение скептического отношения к результатам интеграции потомков иммигрантов в общество.

Стоит отметить, что несколько более благожелательное отношение к иммиграции, стремление наделить приезжих теми же гражданскими правами, что и французов, а также наиболее толерантное отношение к социокультурным особенностям иммигрантов и их потомков демонстрирует молодежь – особенно младшая возрастная категория от 18 до 24 лет (см. табл. 1).

Таблица 1

Согласие с утверждениями

Возраст	18–24	25–34	35–49	50–64	Более 65
Темп иммиграции слишком высок (%)	51	71	60	70	66
Иностранцы могут голосовать на выборах в местные органы власти (%)	52	42	44	34	34
Сохранение автоматического получение гражданства детям иностранцев, родившихся во Франции, по достижении ими 18 лет (%)	64	49	49	35	34
Отмена воссоединения семей (%)	43	53	52	65	65
Введение пограничного контроля между Францией и странами ЕС (%)	49	63	67	73	69
Введение специального меню в школьных столовых (%)	74	61	53	50	48
Разрешение на ношение закрывающего лицо головного убора в ВУЗах (%)	11	13	4	2	3

¹ CEVIPOF. Le Barometre de la confiance politique. Les résultats: vague 9- janvier 2018. <http://www.cevipof.com/fr/le-barometre-de-la-confiance-politique-du-cevipof/resultats-1/vague9/>.

Составлено по: IFOP. Ce que veulent les Français. URL: http://www.ifop.com/media/poll/3945-1-study_file.pdf.

Несмотря на критическое отношение к иммиграции и исламу, наблюдается относительная стабильность в личных отношениях французов с лицами разных национальностей и конфессий. Так, согласно данным опросов, проводившихся с июля 2014 по ноябрь 2016, три четверти французов посещали людей, отличающихся от них вероисповеданием, этническими корнями и цветом кожи. Доля тех, кто поддерживает хорошие отношения с выходцами из стран Магриба, субэкваториальной Африки и Азии, остается стабильной от 56 до 68%, даже прогрессирует в отношении цыган (хотя и остается на низком уровне – 28%, +13 пп.)¹. Хотя четверть опрошенных полагают, что «мусульмане плохо интегрированы в общество», отношения с ними в повседневной жизни у основной массы складываются хорошо (61%), что намного превышает количество тех опрошенных, у которых они складываются плохо (16%)².

Таким образом, в общественном мнении наблюдается неоднозначное отношение к иммиграции, негативные оценки преобладают над позитивными. Сдержанное отношение французов к переселенцам и исламу во многом отражает возникшие под влиянием иммиграции социально-политические и социокультурные проблемы. Открытым остается вопрос о формах взаимодействия светского государства с исламом, у приверженцев которого сформировано представление о неразделимости религиозного и общественного существования. Алармистский дискурс об «исламизации» Европы сопровождается появлением все новых требований, зачастую идущих вразрез с поведенческими нормами в светском государстве, со стороны мусульман. Однако в личных отношениях французов с лицами иных национальностей и конфессий наблюдалась относительная стабильность. В последние годы фиксируется некоторое уменьшение скепсиса к результатам интеграции потомков приезжих в общество, причем наиболее толерантное отношение к социокультурным особенностям переселенцев демонстрирует молодежь.

¹ Le Monde 17.01.2017 // Attentats en France: pas de hausse des préjugés sur les minorités et les immigrés.

² Ibid.

РОДИН И. В.*

ФРАНЦУЗСКИЕ СТУДЕНТЫ И ОБЩЕСТВО В 1960-е гг.: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Сегодня, когда 1960-е гг. в европейской и мировой истории воспринимаются как десятилетие романтиков и идеалистов, попытка понять эту сложную эпоху затрудняется её сформированным и растражированным образом. Если и допустимо представление о ней как о «молодости» современного мира, то лишь с пояснением, что в молодости человек – и, шире, общество – по-настоящему готовы к переменам.

Западный мир и, в частности, Франция в силу сложившихся политических традиций и общественных норм, как показало развитие событий на протяжении 1960-х гг., не ожидали столь стремительного утверждения новой, информационной эпохи, но ещё меньше они готовились к тому, что её носителями станут студенты университетов. Однако именно учащаяся молодёжь во Франции, США, ФРГ, Испании, Италии и других странах стала архитектором современного мира. Французский пример здесь является одним из наиболее показательных. В чём его особенности?

ПАРАДОКСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО КЛИМАТА 1960-х гг. ВО ФРАНЦИИ

Становление V Республики во Франции как политический процесс проходил в несколько этапов¹. Принятие новой Конституции и избрание Шарля де Голля президентом в 1958 году стали важнейшим

* Родин Илья Викторович – заместитель заведующего кафедрой музейного дела и охраны культурного наследия факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры (Московская обл., г. Химки); доцент факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва).

¹ *Смирнов В. П.* Франция в XX веке. М., 2001. *Арзаканян М. Ц.* Политическая история Франции в XX веке. М., 2003. Ферро М. История Франции. М., 2015. *Berstein S., Milza P.* Histoire de la France au XXe siècle. T. III. 1958 à nos jours. Paris, 2009.

рубежом во всей истории страны. В 1962 году последовало принятие поправок, установивших прямые выборы президента Республики. В политическом смысле Франция перешла к президентско-парламентской форме правления.

Однако, несмотря на то что установившийся режим был достаточно консервативным, партийно-политическая борьба оставалась важным элементом принятия государственных решений. И хотя голлистская партия, носившая разные названия, стабильно успешно участвовала в выборах в Национальное собрание Франции в 1958, 1962 и 1967 гг., она постоянно сталкивалась с мощной оппозицией как правого, так и левого толка.

Сам Шарль де Голль был более популярен у французов, чем партия его поддержки. Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения и избрание политика на второй срок на президентских выборах 1965 года.

Одной из важнейших характеристик политической жизни была высокая популярность левых сил, прежде всего, социалистов (Французская секция рабочего интернационала) и Французской коммунистической партии (ФКП). В 1965 году социалисты сформировали коалицию с рядом других левых и лево-центристских партий, получившую название «Федерация демократических и социалистических левых сил» (ФДСЛС). Постоянно присутствуя в парламенте, социалисты и коммунисты регулярно выступали с критикой политики президента и выдвигали свои инициативы, направленные на изменение государственного курса.

Экономика Франции в 1960-е гг. находилась на подъёме. Быстро рос объём продукции различных отраслей промышленности и жилищное строительство. Значительным образом увеличивалась также и техническая оснащённость промышленности. Динамичное развитие экономики сопровождалось усиленной концентрацией предприятий. Её темпы постоянно росли, и монополизация экономики становилась нормой. Французское правительство поощряло этот процесс, мотивируя свою политику стремлением выстроить экономику, способную выдержать уровень международной конкуренции.

Рост экономики способствовал повышению уровня доходов французского населения и менял их жизненные привычки. Значительно увеличился удельный вес «среднего класса» во французском обществе. О 1960-х гг. можно говорить как о времени появления во Фран-

ции «общества потребления». В контексте дискуссии об этом явлении исследователи подчёркивают интеллектуализацию среднего класса и возросшую роль знаний, а не рабочих рук или капитала, в построении карьеры¹.

Уникальность ситуации 1960-х гг. заключалась в том, что консервативная логика роста потребления, понятная властной элите, отторгалась молодым поколением. Условный вопрос «Почему они протестуют в условиях процветания?» на пике гражданского противостояния в мае 1968 года, сформулированный французской властью, будет отражён в реплике Шарля де Голля «Реформам да, бардаку нет», которую начнут пародировать студенты в своих плакатах².

Именно учащаяся молодёжь стала двигателем общественных изменений, которые в результате привели к формированию постиндустриального мира. Франция в 1960-е гг. переживала процесс рождения такого явления, как массовое высшее образование, следствием которого и стала колоссальная роль студентов в общественной жизни.

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ МАССОВОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В 1960/1961 учебном году численность студентов во Франции составляла около 215 тысяч человек, а в 1967/1968 учебном году – примерно 500 тысяч³. Когда ректор Парижского университета Жан Рош выступал на торжественном собрании, посвящённом началу 1967/1968 учебного года, он озвучил число учащихся в университете в предыдущем, 1966/1967 учебном году: оно составило около 140 тысяч человек⁴. Это фантастическое даже по меркам современных университетов количество превращало столицу Франции в мощный центр студенческой жизни.

Во Франции, где исторически были сильны профсоюзные традиции, значительная часть студентов состояла в собственной независимой организации «Национальный союз студентов Франции». С ним

¹ XX век. Краткая историческая энциклопедия. М., 2001. С. 15–16.

² Большая коллекция плакатов, связанных с протестным движением мая 1968 года во Франции, представлена в оцифрованном виде на сайте Национальной библиотеки Франции gallica.bnf.fr и на сайте jeanpaulachard.com.

³ Notes et études documentaires. № 3577. 31 mars 1969. P. 8–9.

⁴ Annales de l'Université de Paris. 1967. № 4. P. 527.

связаны многочисленные дискуссии и акции французских студентов в 1960-е гг. Он активно сотрудничал с Национальным профсоюзом работников высшей школы, демократической организацией преподавателей и других сотрудников системы высшего образования.

Главной сложностью, с которой столкнулась французская высшая школа в 1960-х гг., заключалась в её неготовности должным образом организовать процесс обучения огромного числа студентов, а также полноценно вовлечь их в подготовку к будущему трудоустройству.

Несмотря на увеличение объёмов финансирования высшей школы, открытия новых университетов и строительства новых зданий система, не предполагавшая качественных изменений в образовании, не отвечала актуальным запросам растущего «среднего класса». В числе структурных подразделений Парижского университета существовало одновременно два факультета естественных наук и два факультета филологии и гуманитарных наук! В то же время консерватизм методов преподавания, обилие поточных лекций на сотни студентов и недостаточное количество индивидуальных занятий и консультаций не позволяли обновить систему образования.

Поэтому в конечном итоге представители молодого поколения были недовольны той образовательной моделью, которую им предлагали французские университеты. «От студентов требуют обладания некоторым критическим подходом, в то время как их учёба не подразумевает такого подхода. Кроме того, студенты отдают себе отчёт в том, что в дальнейшем у них не будет возможности играть в обществе ту роль, которая соответствует их подготовке»¹, – говорил вице-президент Национального союза студентов Франции Жак Соважо в интервью в мае 1968 года.

При этом попытки власти реформировать высшую школу провоцировали недовольство студентов, части преподавателей, а также представителей политической оппозиции. Так, негативную реакцию вызвала реформа, которую проводил министр национального образования К. Фуше. Она была анонсирована в 1964 году и стартовала после принятия соответствующих декретов в 1966 году. Её главным элементом была реорганизация университетского образования путём

¹ Jacques Sauvageot (U.N.E.F.) // *La révolte étudiante. Les animateurs parlent*. Paris, 1968. P. 19. Перевод цитаты см.: Родин И. В. Университетское сообщество и кризис системы высшего образования во Франции (1964–1968 годы) // *Новая и новейшая история*. 2014. № 5. С. 229.

создания трёх циклов обучения с выдачей дипломов после каждого из них. Первый цикл составлял два года, и после его завершения студент уже считался человеком, получившим высшее образование.

Говоря о реформе на стадии её подготовки, в 1964 году, К. Фуше заявил, что разделение высшей школы на циклы будет способствовать более точному соответствию выпускников их профессиональным возможностям¹. Далеко не все были согласны с такой трактовкой.

Идея создать несколько ступеней подготовки вполне может считаться логичной, однако она в любом случае усложняет саму последовательность получения высшего образования. Кроме того, хотя выпускники разных циклов считаются людьми с высшим образованием, уровень этого образования и, соответственно, перспективы трудоустройства различаются. Поэтому ещё на этапе анонсирования реформы французские коммунисты объявили её стремлением разделить высшую школу на «короткое образование для масс» и «полное образование для элиты»².

Реализация реформы К. Фуше в 1966–1968 гг., создавшая целый ряд организационных трудностей в университетах, только подогревала растущее недовольство студентов системой высшего образования. Но студентов беспокоили не только университетские проблемы. Учащаяся молодёжь была активно вовлечена в политическую жизнь Франции.

СТУДЕНЧЕСКАЯ СРЕДА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ

1960-е годы предоставляли массу поводов следить за политической повесткой дня: завершение войны с Алжиром и подписание Эвианских соглашений в 1962 году, с одной стороны, и начало операции США во Вьетнаме в 1964 году, с другой, были в числе тем, больше всего волновавших студентов и другие слои французского общества.

С середины 1960-х гг. именно движение солидарности с Вьетнамом и протест против агрессивной внешней политики США стали важнейшими факторами политизации студентов. Многие из них вступали в так называемые Базовые комитеты по Вьетнаму и в Национальный комитет по Вьетнаму. Активное обсуждение темы Вьетнама в прессе,

¹ Journal Officiel de la République Française. Débats parlementaires. Assemblée Nationale. Année 1964–1965. № 88. P. 4124.

² L'Humanité. 11.IX.1964.

в частности, в профсоюзной, говорило о её важности для французского общества в целом.

Значительное влияние на студентов в 1960-е гг. оказали левые идеи разной степени радикальности. Молодёжь интересовали идеи китайского социализма, сформулированные Мао Цзедунем, а также концепции философа Герберта Маркузе и революционера Льва Троцкого. Тезисы Карла Маркса и Владимира Ленина также осмысливались в студенческой среде.

Идея переустройства общества стала для многих студентов отправной точкой для размышлений о своём будущем и будущем Франции. Архаичность существовавших порядков беспокоила молодёжь, которая готовилась стать основой экономически активного населения страны¹. Таким образом, проблемы университетского образования и проблемы политических решений во Франции оказались тесно связанными.

Важной особенностью процесса политизации студентов стала напряжённость в их отношениях с традиционными левыми силами. Наиболее показательны в этой связи сложности, возникшие у Французской коммунистической партии в выстраивании взаимодействия с молодёжью. Радикальных левых, «гошистов», ФКП подвергала резкой критике. Но даже с молодыми коммунистами у партии возникли трудности взаимопонимания. Созданный в 1956 году Союз студентов-коммунистов функционировал непосредственно как молодёжное крыло ФКП. Тираж официального печатного органа Союза, газеты «Ясность», в начале 1960-х гг. доходил до 30 тысяч экземпляров. «Самодостаточность» этой молодёжной организации вызывала растущее беспокойство у ФКП. И действительно, на протяжении 1960-х гг. Союз постепенно дистанцировался от партии. Кроме того, именно выходцы из Союза студентов-коммунистов основали в дальнейшем несколько крайне левых молодёжных организаций, принявших активное участие в протестном движении мая 1968 года².

Начиная с ноября 1967 года по апрель 1968 года усилившаяся политизация студенческой среды выразилась в более частом проведении

¹ *Родин И. В.* Однажды в мае: что значат события 1968 года во Франции спустя полвека // Новая и новейшая истории. 2018. № 6. С. 192.

² *Matonti F., Pudal B.* L'UEC ou l'autonomie confisquée (1956–1968) // Mai-juin 68. Sous la direction de D. Damamme, B. Gobbille, F. Matonti, B. Pudal. Paris, 2008. P. 131, 134, 141.

акций и создании новых объединений, представлявших из себя своеобразные «клубы», на встречах которых обсуждались университетские и политические проблемы, велись дискуссии по актуальным вопросам и принимались решения о протестных акциях. Таковы были, к примеру, Движение 22 марта под предводительством одного из будущих лидеров мая 1968 года, студента-социолога Даниэля Кон-Бендита, и Движение университетского действия.

На фоне роста активности учащейся молодёжи, традиционным политическим и профсоюзным структурам становилось сложнее следить за ситуацией. Часть активистов покидала такие организации, как Национальный союз студентов Франции и Союз студентов-коммунистов. И в этом одна из главных особенностей наступавшего мая 1968 года: требование свободы и становления гражданского общества исходило от человека, а не от организации, оно было индивидуальным, а не коллективным. Партии, профсоюзы и другие объединения лишь следовали за личностью.

МАЙ 1968 ГОДА: КАК ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ИЗМЕНИЛО ФРАНЦИЮ, НЕ СТАВ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Развернувшееся в мае 1968 года движение за становление гражданского общества было стихийным, но этот факт является поразительным доказательством того, что перемены действительно назрели, и достаточно было ошибки власти, не понимавшей сути происходящего, чтобы протест охватил всю Францию.

Когда студенты решили провести 2 мая 1968 года «День антиимпериализма» на территории факультета филологии и гуманитарных наук в пригороде Парижа Нантерре, декан принял решение приостановить работу факультета. Когда на следующий день студенты решили собраться уже на старой территории Парижского университета, в Латинском квартале, ректор вызвал полицию, чтобы вывести митингующих с университетской территории. Это было серьёзной ошибкой. Студенты были возмущены таким поворотом событий и вступили в силовое противостояние с полицией. Очень скоро в протесте против жёстких действий полиции объединились студенты, преподаватели, журналисты и интеллигенция. И в этом единстве зазвучали требования свободы в университете и обществе.

Демонстрация 13 мая 1968 года в Париже, в которой принял участие, по некоторым оценкам, один миллион человек, открыла новый этап движения. Начались массовые забастовки на промышленных предприятиях, стихийное формирование органов самоуправления в университетах и максимально активная работа средств массовой информации. К 20 мая в забастовочном движении участвовало около 10 миллионов человек¹. Это число составляло примерно 20% всего населения Франции!

Новизна этого явления заключалась в том, что требования граждан выходили за рамки традиционных протестов индустриального общества. Студенты требовали не только и не столько новых помещений для занятий, а рабочие ожидали не просто традиционного повышения зарплаты или аналогичных экономических уступок. Протестующие заявляли о необходимости принципиально иных отношений между студентами и университетской администрацией, между работниками и работодателями, между властью и журналистами, отношений партнёрства и сотрудничества.

Индивидуализация протеста как одна из главных отличительных черт движения мая 1968 года высвободила колоссальную творческую энергию, энергию свободного человека. Поэтому появились знаменитые остроумные надписи на парижских стенах, афоризмы на транспарантах на демонстрациях и плакаты с яркими и запоминающимися образами.

Несмотря на то что к концу мая 1968 года французской власти удалось представить протест как угрозу порядку и перехватить инициативу у общественного движения, а прошедшие в конце июня досрочные парламентские выборы завершились победой голлистов и их союзников, процесс становления нового общества уже невозможно было остановить.

Удивительно, но президент Шарль де Голль и его сторонники, даже удержав власть, оказались в принципиально иной политической обстановке. Уже летом 1968 года началась разработка новой основополагающей реформы высшей школы. Принятая в качестве закона в ноябре 1968 года, она закрепляла участие студентов в управлении университетами и значительную автономию учреждений высшего образования.

¹ *Pudal B.* Les événements de mai et juin 1968 : bref récit chronologique // Mai-juin 68. P. 191–192.

Консервативный, но чувствующий Францию политик, Шарль де Голль выдвинул на первый план реализацию концепции «участия» граждан в решении важнейших государственных вопросов. Была ли это реальная попытка попасть в ритм новой эпохи? Два элемента этой концепции были вынесены на референдум 27 апреля 1969 года: региональная реформа и реформа Сената. На следующий день после голосования, на котором большинство французов отвергло предложения Шарля де Голля, президент досрочно покинул свой пост. Не став революцией, май 1968 года стал подлинным временем перемен для Франции.

СЛЕСАРЕВ И. Ю.*

ПРОБЛЕМА УСЛОВИЙ ПЕРЕМИРИЯ И ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА В ФРАНКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1917–1918 гг.)

Столетие подписания Версальского договора в июне 1919 года, определившего архитектуру системы международных отношений в межвоенный период, обращает взгляды исследователей к предыстории его заключения. Национальные интересы, разные трактовки целей войны, характер взаимоотношений лидеров блока стран Антанты ещё в годы войны заложили основу для нового мирового порядка, впоследствии продемонстрировавшего свою хрупкость и неспособность противостоять угрозе, вызванной неразрешенными в Версале противоречиями. Многие сюжеты этого проблемного поля до сих пор остаются недостаточно изученными, когда заполнение этих пробелов и рассмотрение с новых ракурсов способствуют системному анализу международных отношений и накоплению научного знания.

Можно уверенно утверждать, что наиболее выдающимися акторами переговоров выступили председатель Парижской мирной конференции – многоопытный и непримиримый премьер-министр Франции Жорж Клемансо, и идеалист, автор «Четырнадцати пунктов», принципов, легших в основу договора, президент США Вудро Вильсон, идейный конфликт которых создавал точки напряжения в ходе конференции. С первых дней войны США, находясь в состоянии нейтралитета, демонстрировали верность исторической дружбе двух республик. Установившиеся крепкие торгово-финансовые связи и социокультурная близость, склонили США к вступлению в войну на стороне блока Антанты в апреле 1917 года. Предшествующие этому многократные дипломатические попытки Вильсона выступить в роли посредника и миротворца не были положительно встречены ни во Франции, ни в

* Слесарев Илья Юрьевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Великобритании. Положительного результата не дало и предложение Вильсона в декабре 1916 года воюющим сторонам обозначить свои цели в войне. Стремясь занять положение третейского судьи и архитектора нового миропорядка Вильсон, вступая в войну, обозначил США в роли ассоциированного союзника Антанты, заведомо не обременив себя Лондонскими¹ или какими-либо новыми соглашениями. Выступая перед обеими палатами конгресса 22 января 1917 года, он заявил, что главным условием будущего мирного договора должен стать тезис «Мир без победы»². В Европе же «мир без победителей и побежденных» восприняли как оскорбление³. Позже, в июле того же года Вильсон писал своему другу и доверенному лицу в вопросах внешней политики полковнику Эдварду Хаузу: «Англия и Франция не имеют тех же самых взглядов на мир, которые свойственны по известной причине нам. Когда война кончится, мы сможем заставить их думать по-нашему»⁴.

Принимая решение о вступлении в войну, Вильсон и его кабинет очевидно исходили из расчета, что к моменту окончательной готовности американских войск летом 1919 года война уже закончится⁵; что флот Германии и флот Великобритании будут ослаблены, а американский флот усилится новыми современными военными судами и делает США крупнейшей морской державой; что США обретут реальную военную мощь на суше. При этом большие военные потери могли сильно ударить по авторитету американских властей, которые послали своих солдат воевать за демократию, но всё же не за свободу и независимость собственного государства. Вот почему активно участвовать в боевых действиях американцы стали лишь с сентября 1918 года, то есть за два месяца до окончания войны, и в итоге понесли сравнительно незначительные потери: 50 тыс. убитыми и 230 тыс. ранеными. Для

¹ Лондонский договор 1915 года – секретное соглашение между Великобританией, Россией, Францией и Италией о вступлении последней в блок Антанты. Договор является первым юридическим оформлением Антанты, признанным и подписанным всеми её участниками.

² Обращение В. Вильсона к Конгрессу США 22.01.1917: <http://www-personal.umd.umich.edu/~ppennock/doc-Wilsonpeace.htm> (дата обращения: 10.08.2019).

³ Романов В. В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М., Тамбов, 2005. С. 86–87.

⁴ Хауз Э. Архив полковника Хауза. Избранное. М., 2004. С. 40.

⁵ Лан В. И. США: от Первой до Второй мировой войны. М., 1976. С. 46.

сравнения: за 4,5 года войны Германия потеряла убитыми 2,3 млн. человек, Россия – 1,8 млн., Франция – 1,3 млн., Англия – 744 тыс.¹

Первые крупные переговоры после вступления США в войну состоялись во время обмена дипломатическими миссиями. В апреле 1917 года в Вашингтон отправился маршал Жоффр (герой Марны, главнокомандующий французскими войсками в 1915–1916 годах) и политик Рене Вивиани. Их целью было согласование с американским командованием размера подготавливаемого контингента, сроки проведения перебросок и совместная выработка инструкций по кооперации сил, а также обсуждение вопросов финансовой поддержки². За несколько дней до них в США прибыла английская миссия во главе с Артуром Бальфуrom. Государственный секретарь Роберт Лансинг вспоминал, что французов американское население чувствовало более радостно чем англичан. «В то время когда Франция, как и другие союзники, нуждалась в деньгах, маршал Жоффр умолял нас немедленно послать войска во Францию. Он намекал, но не сказал прямо, что моральный дух французской нации ослабевал под давлением войны, а военные неудачи существенным образом угнетают французские армии. Им было необходимо что-то, чтобы восстановить их дух и надежду, и ничто не было бы столь эффективным, как присутствие американских солдат на французской земле» – писал он³. В то же время в своем дневнике полковник Хаус отметил: «Разговоры с французами не приносят большого удовлетворения, поскольку они не облечены какими-либо полномочиями и находятся здесь больше для осведомления о нуждах Франции и для выражения чувств уважения по поводу нашего вступления в войну. С Бальфуrom дело обстоит иначе. Он министр иностранных дел наиболее мощного из наших союзных государств, и возможно, что он будет играть большую роль на будущей мирной конференции»⁴.

Демократические лозунги президента Вильсона, внутриполитическая обстановка в европейских странах и общий идейный климат побуждали руководство противоборствовавших блоков, по крайней мере в публичных выступлениях, смягчать свои претензии на перекройку границ в свою пользу и облекать свои цели в либеральную

¹ Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2012. С. 144.

² Joffre J. Memoires du marechal Joffre (1910-1917). Paris, 1932. P. 450.

³ Lansing R. War memoirs of Robert Lansing. London, 1935. P. 276.

⁴ Архив полковника Хауса. Указ. соч. Т. II. С. 41.

риторику¹. Поступавшие новости о дипломатическом посредничестве Соединенных Штатов, неоднозначно оцениваемые представителями правящей элиты Франции, попадали на страницы парижских газет в ограниченном количестве и зачастую в нужный момент вбрасывались министерством иностранных дел Кэ д'Орсе². Вопрос послевоенного мироустройства обострил конфликт несовпадения государственных интересов стран Антанты. Наличие у Вашингтона собственных целей войны, его претензии на лидерство в послевоенном мире превращали США в потенциального соперника.

Дипломатическая обстановка накалилась осенью 1917 года, когда в начале ноября (по новому стилю) большевики взяли власть в свои руки, и вскоре Россия окончательно вышла из войны. То, чего опасалось не только американское руководство, но и стран Антанты, было выражено в «Декрете о мире»³. Пропагандистский документ, обращенный к народам всех воюющих держав, создал определенные трудности для союзников. США, заявлявшие, что ищут от войны только утверждения идеалов свободы, справедливости и демократизма, не могли просто «не заметить» декрет. Игнорирование мирных инициатив грозило усугубить внутреннее положение стран, социальный климат которых оставался нестабильным, а левые идеи на фоне большевистской революции и тягот войны только набирали силу. Либеральные демократии Запада не могли позволить себе отдать инициативу в руки Советской России. В отличие от политиков Франции и Великобритании президент Вильсон занял особую позицию и выступил с собственной программой, которая отвечала интересам США и Антанты и вместе с тем давала ответ большевикам, стремясь поставить под свой контроль миротворческие процессы и усилить деморализующее воздействие пропаганды союзников на германское общество.

8 января 1918 года в ежегодном послании «О положении в стране» президент изложил свои взгляды на послевоенное урегулирование, представив документ, вошедший в историю как «14 пунктов»

¹ Романова Е. В. Перестройка системы международных отношений в годы войны // Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина. М., 2014. С. 353.

² Тышецкий И. Т. Происхождение Первой мировой войны. М., 2015. С. 79.

³ Декрет о мире 8 ноября (26 октября) 1917 года. URL:http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_mire.htm (дата обращения: 01.08.2019).

Вильсона¹. Французские газеты, занимавшие проправительственную точку зрения, опубликовали всю речь, назвав обращение президента к Конгрессу «историческим событием»², однако давать ей развернутую оценку и рассматривать как основу для заключения мира на предложенных Вильсоном условиях не спешили.

«14 пунктов» Вильсона представляли собой одновременно заявление США о своих претензиях на лидерство в послевоенном мире и реакцию на мирные инициативы советского правительства. Первый пункт декларировал отказ от тайной дипломатии, гласность в переговорах о мире, «открытые мирные договоры». Второй пункт торжественно объявлял свободу мореплавания в мирное и военное время, или «свободу морей». В третьем пункте говорилось о свободе торговли, устранении всех таможенных барьеров, т.е. о международном признании принципов «открытых дверей» и «равных возможностей». Четвертый пункт требовал установления твердых гарантий, обеспечивающих сокращение национальных вооружений «до предельного минимума». В пятом пункте провозглашалось «полностью независимое, беспристрастное решение колониального вопроса» при равном учете интересов не только метрополий, но и населения колоний (несмотря на туманную формулировку, речь шла о признании права колониальных народов на самоопределение и независимость³). Шестой пункт, посвященный России, утверждал её право на «свободное определение» своей национальной политики и пути политического развития. В последнем, четырнадцатом пункте Вильсон предлагал образовать «всеобщую ассоциацию наций».

Официальные круги Франции и Великобритании не были удовлетворены программой, так как по ряду объективных причин она могла помешать им в достижении своих целей на будущей мирной конференции. Д diamетрально противоположные по целям «14 пунктов» Вильсона и советский «Декрет о мире» тем не менее содержали схожие положения общедемократического характера. Заявления Вильсона вроде «Мне приносит удовлетворение то обстоятельство, что, если нужно, я смогу обратиться к народам Европы через головы их правителей»

¹ Речь Вудро Вильсона в Конгрессе 08.01.1918 года «Четырнадцать пунктов Вильсона» // Слова, изменившие мир. Под ред. Т. М. Голуэя, 2011. С. 191.

² См., напр.: Le Journal. 09.01.1918; Le Petit Parisien. 10.01.1918.

³ *Горохов В. Н.* История международных отношений. 1918–1939. М., 2004. С. 24.

устрашали лидеров Англии и Франции¹. Пункт об отказе от тайной дипломатии напрямую шел вразрез с традициями внешнеполитической стратегии европейских стран. Под «тайной дипломатией» Вильсон подразумевал все договоренности, существовавшие между странами Антанты и заключенные до вступления США, по чему логически можно прийти к выводу, что Соединенные Штаты стремились к их отмене и пересмотру.

«14 пунктов» часто называют наиболее серьезной «либеральной альтернативой» «Декрету о мире»². Исследователь Е. В. Романова отмечает, что «и у Вильсона, и у Ленина почти полностью отсутствовали преграды для обличения старой модели международных отношений. В основе сходства двух проектов лежало то, что они были выдвинуты силами, не связанными с прежней системой [в виду особого нейтрального положения США – *И. С.*] Эти силы оказались наиболее последовательными в критике старой модели и в наибольшей степени готовыми к её разрушению и формированию новой системы на её фундаменте»³. Прежняя система миропорядка была в глазах большей части населения Европы дискредитирована, поэтому в условиях усталости от войны идеи этих проектов звучали привлекательно.

На фоне этих дипломатических заявлений в изможденной Франции усиливались идеи пацифизма, разделяемые в первую очередь представителями левого политического крыла. Французские социалисты положительно встретили «14 пунктов» и даже увидели в них определенное единство со своими взглядами, ожидая немедленной мирной декларации, составленной всеми союзниками «на принципах, определенных президентом Вильсоном»⁴. «Вильсон – новый Жорес!»⁵, «Вильсон положит конец государственному эгоизму стран Антанты!»⁶ – кричали заголовки статей социалистической газеты «Юманите». Однако в «идеалистических принципах» Вудро Вильсона некоторые журналисты увидели совсем иное лицо американской политики: «Условия Вильсона выдвинуты только для того, чтобы отказаться от договорен-

¹ Там же. С. 31.

² Романова Е. В. Планы держав-победительниц и мировые реалии // Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014.

³ Там же. С. 448.

⁴ L'Humanité. 10.01.1918.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid. 11.01.1918.

ностей, заключенных странами Антанты до вступления США, – Вильсон их никогда не примет»¹.

Программу «14 пунктов» Вильсон дополнил пятью так называемыми «существенными условиями мира» 27 сентября 1918 года, выступая в Нью-Йоркском «Метрополитен-опера» по случаю четвертого выпуска облигаций «Займа свободы»². В своей речи он провозгласил принцип равенства для всех, недопустимость экономических бойкотов, дискриминации, невозможность основы будущего мира на особых или специальных интересах какой-либо нации. В этом выступлении союзникам очевидно был брошен упрек, что их действия «выходят за рамки разумного ожесточения»³. За день до него президент говорил своему секретарю Тьюмалти: «Великобритании, Франции и Италии речь не понравится»⁴. Интересно, что французская пресса, обзревавшая обычно каждое выступление Вильсона, в этот раз молчала. Из крупных изданий только правобуржуазная «Фигаро» в небольшой заметке упомянула о речи президента и его «надежде на установление долгого мира посредством Лиги Наций»⁵.

Именно на основе «14 пунктов» 4 октября 1918 немецкое правительство, осознавая бедственность положения Германии, попыталось заключить немедленное перемирие, а затем мир. Новый канцлер Германии принц Макс Баденский по указанию фельдмаршала Гинденбурга послал ноту президенту Вильсону. Газета «Пти Паризьен» при этом отметила, что на следующий день после отправления этой ноты «Макс Баденский представил рейхстагу совсем другие условия заключения мира, отличающиеся от программы Вильсона ... Кажется он что-то не понимает, если предлагает союзникам согласиться с автономией, а не возвращением раннее захваченных Эльзаса и Лотарингии»⁶. Видимо, в Германии считали, что противоречия между державами Антанты и США, выступавшими против аннексионистской политики, позволят ей по крайней мере сохранить свою территориальную целостность. Вопрос возвращения захваченных Германией регионов по итогам

¹ Ibid. 12.01.1918.

² Речь Вильсона 27.09.1918: <https://www.wintersonnenwende.com/scriptorium/nexus/NXnewyorkspeech.html> (дата обращения: 12.08.2019).

³ Уткин А. И. Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989. С. 199.

⁴ Tumulty J. P. Woodrow Wilson as I know him. London, 1922. P. 301.

⁵ Le Figaro. 28.09.1918.

⁶ Le Petit Parisien. 06.10.1918.

Франко-прусской войны, в США действительно не всегда был однозначным. В 1917 году французы были огорчены открытием, что американцы «не отличались единодушием в вопросе возвращения Эльзаса и Лотарингии Франции»¹. Французская миссия в США во главе с верховным комиссаром Андре Тардьё усердно старалась убедить в необходимости этого американские политические круги и общественность, проводя пропагандистскую работу. Уже в конце 1917 года Тардьё с удовольствием констатировал: «Такой образ мыслей совершенно изменился. Я имею смелость полагать, что в этой перемене сыграла большую роль деятельность моих сотрудников и моя собственная, а также 1500 произнесенных по-английски речей, в которых наши молодые офицеры со всем авторитетом, придаваемым им опытом войны и полученными ранами, изобразили жалкое состояние захваченных провинций. Тысячи огромных плакатов, воспроизводящих «Альзасьен» Геснера, с текстом «Бордосского протеста» довели до сведения каждого штата значение и цели наших требований»².

Осенью 1918 года Вильсон не спешил с началом переговоров. По мнению исследователя внешней политики Вильсона А. И. Уткина, «президент США специально затянул переговоры и полагал, что односторонние меры Вашингтона поднимут престиж Америки как лидера союза»³. Первоначальный ответ Вильсона на просьбу о переговорах, требовавший лишь «эвакуации германских войск с завоеванных территорий»⁴, казалось бы, подтверждал надежды Берлина. Французская пресса опубликовала письмо Вильсона правительствам Центральных держав, в котором президент положительно оценивал согласие Германии с программой «14 пунктов», но добавил, что «США не могут пойти на перемирие с Германией без участия стран, ассоциированными союзниками которых они объявили себя, вступая в войну»⁵. Уже 14 октября Вильсон послал Максуду Баденскому вторую ноту, в которой содержались требования более приемлемые для союзников: «прекращение военных действий на суше и море до начала переговоров»⁶. 20 октября иллюстрированная газета «Мируар» вышла с портретом

¹ Ласвель Г. Техника пропаганды в Мировой войне. М., 1929. С. 107.

² Цит. по: Там же. С. 108.

³ Уткин А. И. Указ. соч. С. 202.

⁴ Le Petit Parisien. 10.10.1918.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid. 16.10.1918.

Вильсона на первой странице: «Арбитр мира Вудро Вильсон ответил на письмо Максимилиана Баденского. Возможно, ответ не был таким, каким его ждали в Берлине, но он оправдал доверие союзников мудрости американского лидера»¹. Вильсон действовал так, будто Совет Антанты избрал его главой антигерманской коалиции.

Отметим, что крупномасштабная Мёз-Аргоннская операция с участием американских войск в это время была в самом разгаре. На Западном фронте под артиллерийским огнем, сквозь минные поля, в облаках ядовитых газов наступали и гибли солдаты. Перед французской пропагандой ставилась нелегкая задача – объяснить уставшему от войны населению, почему необходимо продолжать боевые действия до полного разгрома врага, когда мирные предложения от самого противника уже опубликованы.

Находящиеся в оппозиции к правому кабинету премьер-министра Франции Жоржа Клемансо левые силы обличали поборников войны и обвиняли их в «упущенной возможности мира», предложенной Вудро Вильсоном². Это антиправительственное социалистическое движение во французской историографии получало название антиклемансистов³. Социалисты оказались единственными, кто открыто заявлял о своем негативном отношении к военной политике правительства, но им не хватало сильного харизматичного лидера, который возглавил бы их – Жорес был мертв, а Жюль Гед, Марсель Самба, Альберт Тома не являлись политиками такого масштаба⁴. В условиях раздробленности и слабости французского рабочего движения к концу 1918 года программа Вильсона стала для них связующим звеном. По утверждению французского историка Жана-Батиста Дюрозеля, большевизм разделял, а «вильсонизм» объединял и примирял⁵. 10 октября 1918 года Всеобщая конфедерация труда обратилась к трудящимся Франции⁶. Со страниц газеты социалистов «Юманите» она заявила о поддержке рабочими заключения мира на основе «14 пунктов». Правые (Альфред Капю в «Фигаро», Жорж Фишер в «Галуа») были раздражены, видя, что социалисты «присваивают себе Вильсона» в политической риторике.

¹ Ibid. 20.10.1918.

² L'Humanité. 02.05.1918.

³ См., напр.: *Robert J.-L. Les ouvriers, la patrie et la révolution: Paris 1914–1919.* Paris. 1995.

⁴ *Duroselle J.-B. La France et les français 1914–1920.* Paris. 1972. P. 310.

⁵ Ibidem.

⁶ L'Humanité. 10.10.1918.

Французская общественность разделилась по вопросу, «нужно ли заключать перемирие сейчас или же стоит продолжать войну до полного поражения Германии?». Ввиду отсутствия в изучаемую эпоху технологий оценки общественного мнения судить о его состоянии практически невозможно. Как ни странно, исследователям помог жесткий режим цензурирования писем – изучение данных Почтового управления показало, что к осени 1918 года 5% французов желало заключения мира любой ценой, еще 5% высказывало готовность принять капитуляцию Германии без предварительных условий. Оставшееся большинство разделилось примерно пополам между теми, кто желал наказать Германию, перенести войну на ее территорию, и теми, кто согласился бы на немедленное перемирие при условии передачи Эльзаса и Лотарингии Франции и недопущения возобновления войны Германией¹. Активно выступали за продолжение войны правые и радикальные газеты, например: «Аксьон франсез», «Лантерн», «Матэн», «Эко де Пари», чьи известные журналисты Барре и Пертинакс опасались «германской уловки»². «Германия хочет теперь замаскировать свой империализм и авторитаризм. Союзники и, в первую очередь, Вильсон должны положить конец этой опасной комедии, которая в случае продолжения лишь задержит победителей и реанимирует побежденных. Продолжаем войну, даже если она продлится до весны. Что касается Америки, то мы с удовольствием читаем заметки их газет. США выступают против торгов с врагом и настаивают на полной победе», – писал журналист Андре Жеро, известный по псевдониму «Пертинакс»³.

Отсутствие единства общественного мнения, которое показывают вышеприведенные данные, осложняло дальнейшее ведение войны – уставшая страна, в любом случае, желала мира. Кабинет Клемансо, ранее настаивавший на продолжение войны до полного разгрома Германии, осознавая, что нынешние военные союзники на будущей мирной конференции могут оказаться политическими соперниками, при условии успеха наступательной компании осени 1918 года был готов заключить перемирие на условиях Франции.

В октябре 1918 года Вильсон вступил в переговоры с Германией, никак не координируя свои действия с представителями Антанты. Чтобы понимать происходящее, Париж и Лондон потребовали от Виль-

¹ *Duroselle J. B.* Op. cit., p. 293.

² *L'Écho de Paris.* 06.10.1918.

³ *Ibid.* 11.10.1918.

сона прислать в Европу полномочного представителя, с которым они вместе могли бы сформулировать окончательные условия перемирия¹. Как и прежде Вильсон отправил не государственного секретаря, а своего друга полковника Эдварда Хауза, прибывшего в Париж 27 октября.

В ходе совещаний в Париже и Версале, проходивших с 29 октября по 4 ноября с участием глав союзных правительств и Хауза были согласованы условия перемирия с Германией. Как отмечает Ж.-Б. Дюрозель, эти переговоры были псевдопубличными². Несмотря на то, что пресса освещала этапы передачи германо-австрийской ноты (от 4 октября 1918 года) к президенту США³, основные события происходили тайно и на высшем уровне.

В обращении к Германии 14 октября Вильсон заявил, что для установления перемирия необходимо взаимодействие с военными советниками Антанты. Эта формулировка вызывала недоумение главнокомандующего союзными армиями Фердинанда Фоша, считавшего, что единственным и максимально компетентным органом в этом вопросе является только он и совет главнокомандующих. Эту позицию он твердо обозначил в письме Клемансо⁴. В ходе совещания глав Антанты 31 октября Фошу было предложено высказать мнение об общей военной обстановке. После доклада полковник Хаус спросил его, считает ли он предпочтительным продолжать войну с Германией или следует заключить перемирие. В ответ Фош сказал: «Я веду войну не ради войны. Если я добьюсь путем перемирия условий, которые мы хотим продиктовать Германии, я буду удовлетворен. Когда цель достигнута, никто не имеет права проливать больше ни одной капли крови»⁵. Как и следовало ожидать, принятие консолидированного решения об условиях перемирия оказалось трудным. Клемансо, Ллойд Джордж и премьер-министр Италии Витторио Орландо заявили, что «14 пунктов» не согласовывались с ними, а смысл и цели многих из высказанных Вильсоном пунктов им просто непонятны. По воспоминаниям Хауза, Клемансо, не скрывая иронии, сказал: «Я хочу знать, что это за 14 пунктов?», а министр иностранных дел Италии Соннино до-

¹ Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М., 2019. С. 291.

² Duroselle J. B. Op. cit., p. 292.

³ См., напр.: Le Temps. 09.10.1918.

⁴ Фош Ф. Воспоминания. СПб., 2005. С. 480.

⁵ Фош Ф. Указ. соч. С. 486.

бавил «не слишком приятным тоном»: «И ещё пять, и другие еще»¹. С самого начала Клемансо не скрывал, что не поддерживает идею отказаться от тайной дипломатии: «Я не могу дать согласие, – сказал он, – на то, чтобы никогда не заключать особых или тайных дипломатических соглашений какого-либо рода». К этому Ллойд Джордж с такой же краткостью и решительностью добавил: «Не думаю, чтобы можно было так себя ограничивать»². В штывы были приняты и положения по ограничению вооружения (удар по Франции) и нейтрализации морей (неприемлемо для Великобритании). Очевидную неудовлетворенность девятым пунктом (касательно итальянских границ) высказал и Соннино. Тогда Хауз дал знать, что отказ стран Антанты от заключения перемирия на предложенных принципах сорвет переговоры с Германией, и США будут вынуждены обсуждать этот вопрос непосредственно со странами Четверного союза. «Это будет означать сепаратный мир между Соединенными Штатами и центральными державами», – возмутился Клемансо, «Возможно», – ответил полковник. «Мое заявление, – телеграфировал он президенту, – произвело на присутствующих разительное впечатление»³. Разрыв отношений с Вильсоном, воспринимаемым обществом в качестве лидера мирового либерализма, оставил бы неизгладимый отпечаток на политической карьере премьер-министров. Кроме того, прекращение сотрудничества с Соединенными Штатами сильно затронуло бы благосостояние стран Антанты и, в частности, Франции, полагавшейся на американскую военную помощь и поддержку в период восстановления.

Вильсон решил прибегнул к «элементарному шантажу»⁴ и отправил Хаузу поручение: «Я считаю своим торжественным долгом уполномочить вас сказать, что я не могу согласиться принять участие в переговорах о мире, который не включал бы свободы морей, ибо мы обязались воевать не только с прусским милитаризмом, но и с милитаризмом вообще. Не могу я также принять участие в мирном соглашении, которое не включало бы Лигу наций, потому что такой мир через несколько лет приведет к тому, что не останется никаких гарантий, кроме всеобщих вооружений, а это будет гибельно. Надеюсь, что я

¹ Архив полковника Хауза. Указ. соч. Т. II. С. 442.

² Там же. С. 443.

³ Там же. С. 445.

⁴ *Смирнов В. П.* Две войны – одна победа. М., 2015. С. 109.

не буду вынужден огласить это решение»¹. Премьеры союзных держав менее всего желали общественных дебатов о целях войны, которые возникли бы в результате оглашения перед Конгрессом существующих разногласий сторон. В тот момент престиж Вильсона во Франции, Англии и Италии был настолько велик, что они не могли открыто отвергнуть его принципы. Равным образом они не осмеливались взять на себя ответственность за продолжение войны без моральной и экономической поддержки Соединенных Штатов, между тем как следствие дезорганизованности Европы и нараставших финансовых трудностей эта поддержка становилась все более и более необходимой. Нестабильность внутривосточного положения американского президента, по мнению исследователей, всё равно не давала возможности лидерам Антанты рассчитывать на противников Вильсона². Спустя несколько лет посол Франции в США Жан Жюль Жюссеран размышлял: «Я сомневаюсь, что у Парижа в то время была возможность переговоров с Республиканцами в обход головы президенту»³.

Европейские державы пошли на компромисс, отложив трудный разговор о послевоенном мироустройстве до будущей конференции. К моменту завершения их работы из войны вышли союзники Германии: 30 октября Антанта подписала перемирие с Турцией, а 3 ноября с Австро-Венгрией – в тот же день восстанием матросов и рабочих Киля началась революция в Германии.

По результатам межсоюзнического совещания «14 пунктов» были одобрены 4 ноября в качестве основы для переговоров о перемирии и будущем мире и вскоре опубликованы⁴.

11 ноября 1918 года в 5 часов утра недалеко от города Компьен в салон-вагоне маршала Фоша состоялось подписание перемирия, а в 11 часов артиллерийский залп возвестил об окончании войны. Колокольный звон всех церквей славил победу, ликующая толпа парижан устремилась на площадь Согласия. В 4 часа дня началось заседание палаты депутатов. Депутаты стоя приветствовали Клемансо бурной овацией. Зачитав полный текст перемирия, Клемансо добавил: «Мне кажется, что в этот великий, грозный, прекрасный час мой долг испол-

¹ Архив полковника Хауза. Указ. соч. Т. II. С. 447.

² *Kaspi A. Le Temps des Américains. Le concours américain à la France (1917–1918). Paris, 1976. P. 312.*

³ Archives Diplomatiques. Papiers Jusserand. PAAP93. 27.

⁴ Le Figaro. 06.11.1918.

нен. От имени французского народа, от имени правительства я шлю привет от единой и неделимой Франции вновь обретенным Эльзасу и Лотарингии»¹. «До здравствует Клемансо!» – кричали депутаты.

Не стоит особо уточнять, как счастливая новость праздновалась во всех без исключения уголках Франции. Стоит лишь отметить, как прав был журналист первой поздравившей нацию утренней газеты «Матэн», сказав: «Теперь, когда удалось выиграть войну, союзникам предстоит выиграть мир. Настоящий, крепкий и долгий мир»².

Буржуазная пресса в те дни превозносила Клемансо³. За ним навсегда закрепилось новое прозвище – «Отец победы». Однако даже перемирие 11 ноября 1918 года не положило конца антиклемансистским нападкам социалистов. Несмотря на его провильсоновские речи⁴, в их прессе антиклемансистская риторика следовала сразу после сюжета о роли Вильсона и США в победе над Германией⁵. Социалисты противопоставляли привлекательный им идеализм американского президента жесткой политике силы и европейского баланса Клемансо⁶. Кроме того, против премьер-министра настроились многочисленные журналы «Эклер», «Авенир», «Раппель», «Републик франсез» и др., а также пресса крупного тиража: верная Аристиду Бриану «Матэн», также пробриановские «Журналь», «Интрасияжант» и «Эвр» Густава Тери, редактора, известного своими пацифистскими взглядами. В распоряжении Клемансо, как и прежде, остались газеты крупнейшего тиража «Пти Паризьен», «Пти Журналь» и вся правая пресса: «Аксьон франсез», «Эко де Пари», «Фигаро», «Галуа».

Пропагандисткам кампания по идеализации образа Соединенных Штатов Америки в войне, сыграла злую шутку с политической элитой Франции. Заявление Вильсона 18 ноября 1918 года о намерении лично возглавить американскую делегацию и его визит в Париж в декабре произвели сенсацию в обществе.

Клемансо не мог не раздражать неподдельный восторг, с которым 14 декабря парижские обыватели встречали Вильсона. Издание

¹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 11.11.1918: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6465484f>.

² Le Matin. 11.11.1918.

³ См., напр: Le Figaro. 12.11.1918.

⁴ См., напр.: Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. 19.11.1918: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k64654868/f19>.

⁵ См., напр.: L'Humanité. 13.11.1918; Le Populaire. 17.11.1918.

⁶ Duroselle J. B. Op. cit., p. 317.

«Фигаро» посвятило описанию торжеств по случаю прибытия Вильсона в Париж целый выпуск¹. Улицы, как и в апреле 1917 года, окрасились цветами звездно-полосатого флага, люди скандировали «Да здравствует Вильсон!». Ни один политик ранее не был удостоен такой чести, таких оваций в столице Франции. Люди были не только на улицах, но и на балконах, крышах. Вдоль маршрута процессии было выстроено 36 тысяч отборных французских солдат. Над проспектом Шанз-Элизе висел гигантский плакат: «Слава Вильсону справедливому!». Военные оркестры исполняли гимн США и Марсельезу. В честь Вильсона были организованы приемы сначала в Сенате, а затем в Палате депутатов. Парламентарии стоя приветствовали его длительными овациями. Впервые в истории Третьей республики глава иностранного государства получил слово в парламенте. Зная, что Вильсон высоко ценит ученые звания, его пригласили в Сорбонну и в присутствии президента Пуанкаре, представителей Сената и Палаты депутатов, дипломатического корпуса, членов правительства и высших чинов ему присудили две ученые степени – доктора исторических и доктора юридических наук².

Его имя было у всех на устах, а резиденция в отеле «Крийон» на улице Монсо стала местом паломничества французских и иностранных государственных деятелей. Делегация социалистов вручила Вильсону памятный адрес, после прочтения которого он «заявил, что сожалеет, что не может говорить по-французски, но очень счастлив принять делегацию и благодарит их за визит»³. Он тут же составил ответный текст для Всеобщей конфедерации труда и Социалистической партии и сказал, что может поприветствовать с балкона демонстрацию французских трудящихся. В ответ лидер делегации Жан Лонге (главный редактор «Юманите») заявил: «Наша манифестация не состоялась, её разогнали. Мы осознаем, что вы не намерены вмешиваться во внутреннюю политику Франции, но надеемся на ваше понимание – разрешение на демонстрацию от нас не зависело»⁴. Газета «Фигаро» иронично отметила: «Социалисты ни дня не могут провести спокойно. Когда вся Франция единодушно встречает Вильсона, они предпочитают стоять особняком. Остальная часть страны для них лишь мелочь. Им кажется,

¹ Le Figaro. 15.12.1918.

² Лан В. И. Указ. соч. С. 57.

³ L'Humanité. 15.12.1918.

⁴ Ibidem.

что только они способны думать, только они всё понимают, только они что-то значат. Вчера они сочли своей обязанностью лично вручить президенту памятный адрес (второй раз за сутки) [первый раз они встретили его еще на вокзале – *И. С.*], чтобы напомнить ему о провозглашенных им же мирных принципах (ну а вдруг он их забыл?) и заверить его в поддержке Социалистической партии и трудящихся Франции»¹.

Нет никаких сомнений, что оказанные почести не являлись исключительно бескорыстным стихийным порывом народных чувств. Они были продуманы и безукоризненно выполнены с целью подготовки президента к предстоящим переговорам². Последующие месяцы обнажат все разногласия между программой Вильсона и целями французской политической элиты.

Ещё до прибытия Вильсона в Европу главный редактор «Фигаро» А. Капю писал: «Президент Вильсон, как обычно, преисполнен оптимизма, доверяя германской нации и заявляя, что “немцы выбрали путь самообладания и мирной адаптации”. Но, как мы могли заметить, это мнение, как и многие другие взгляды президента США, далеки от правды. Взгляд господина Вильсона с того расстояния, на котором он сейчас находится, сильно отличается от ракурса, под которым на события смотрим мы»³. В конце декабря скепсис стала разделять и газета «Тан»: «Проект Лиги наций – это идеал. Но что мы видим в реальности? Мы видим Россию, где анархия и нищета с каждым днем становятся всё более ужасающими. Мы видим, как соседние с Россией народы ведут отчаянную борьбу против распространяющегося хаоса. Мы видим революцию в Берлине, поворачивающуюся к большевизму под двойным воздействием социал-демократов и русских большевиков, посланных на помощь своим немецким братьям. С какой Германией нам предстоит заключать мир? Что станет с малыми государствами, которых должна взять на попечение Лига наций? Как контролировать реки, железные дороги, судьбы рабочих по всему миру, если от Северного до Японского моря остались только руины, отчаяние и безумие? Как создать новую Лигу наций, если существующая лига неспособна действовать?»⁴

Опьянение победой проходило под влиянием тяжелой действительности: «Процветают черный рынок, коррупция, спекуляция, хищения,

¹ Le Figaro. 15.12.1918.

² Лан В. И. Указ. соч. С. 58.

³ Le Figaro. 13.11.1918.

⁴ Le Temps. 29.12.1918.

нехватка транспортных средств. Повсюду царит беспорядок» – писал один современник¹. Спадал и ажиотаж «вильсонизма». Исследование данных контроля за корреспонденцией, проведенное Ж.-Б. Дюрозелем, показало, что к концу 1918 года среди народных масс приверженцев лозунга «Вильсон – проповедник» встречалось гораздо меньше, чем называвших его «марионеткой; опасным персонажем; сумасшедшим и чокнутым; большим болтливым и тщеславным попугаем»².

Один из представителей британской делегации в начале Парижской конференции Гарольд Никольсон вспоминал: «Военные формы двадцати шести иностранных армий исказили стиль парижских улиц. Нервы Парижа, казалось, скрипели так, что было слышно. Французы реагировали на это нашествие варваров отнюдь не любезно. Почти с самого начала они настроились против американцев с озлобленным негодованием. Постоянные окрики их газет и дерзость их нападок все возрастали и возрастали ... Совокупный эффект всей этой газетной шумихи, поднятой у самых ворот конференции, нервировал всех её участников»³.

Информационный фон конференции был организован на самом верху, и это было известно представителям США. Один из французских издателей передал Вильсону тайные инструкции правительства Франции прессе: «1) подчеркивать факты республиканской оппозиции Вильсона в Америке; 2) подчеркивать состояние хаоса в России и необходимость союзной интервенции; 3) убеждать читателя в способности Германии платить больше репараций»⁴. Видимо, исполняя предписание, газета «Эхо де Пари» взялась за освещение внутривосточной обстановки США и демонстрировала французским читателям снижение поддержки Вильсона на родине и растущую республиканскую оппозицию⁵. Газеты указывали, что Франция является наиболее потерпевшей стороной и нуждается в германских выплатах, а США, понесшие наименьший ущерб, занижают размеры выплат. Так, например, праворадикальная газета «Аксион франзес» в материале под заголовком «Справедливости!» приводила статистику полученного ущерба: «в во-

¹ *Marcellin L.* Politique et politiciens après la guerre. Paris, 1923. P. 26.

² *Duroselle J. B.* Op. cit., p. 317.

³ *Никольсон Г.* Как делался мир в 1919 году. М., 2015. С. 107.

⁴ *Уткин А. И.* Указ. соч. С. 263–264.

⁵ См., напр.: *L'Écho de Paris.* 25.02.1919.

йне Франция потеряла 62% своего [национального – *И. С.*] богатства; Англия – 32 %, США – 4,5%»¹.

Как отмечает историк В. И. Лан, когда на секретных совещаниях президента с премьер-министрами Вильсон пытался упорствовать в вопросах, непосредственно касающихся Франции, парижские газеты нападали на него, указывая, что Вильсон является генералом без армии, что американский народ от него отвернулся во время последних выборов в Конгресс. Стоило только в парижской прессе назвать Вильсона «германофилом»², как президент тут же переходил от настойчивости к компромиссу³. Хотя уже упомянутый Гарольд Никольсон считал, что «Вильсон не так сильно возмущался, когда газеты обвиняли его в том, что он хочет быть духовным владыкой, или ругали за то, что он не посетил разрушенных районов Франции, или открыто обвиняли в том, что он настроен прогермански, или называли пророком, преследуемым своей мечтой. Но против чего он возражал, – это против тех забавных каламбуров, с которыми выступали по его адресу французские газеты, непрерывного окружения его имени не ореолом почтения, а цепью насмешек по поводу его поведения. Каждый инцидент был использован французской прессой, чтобы изобразить президента в смешном свете»⁴.

Действительно, карикатур, высмеивавших Вильсона и американцев выходило более чем достаточно. Приведем, например, некоторые из юмористического журнала «Рир»: разговор двух американцев у барной стойки: «Почему ты не хочешь возвращаться в Нью-Йорк? Нас встретят как победителей!» – спросил первый. «Но мы же не сражались...» – ответил второй. «Разве американцам нужно сражаться, чтобы быть победителями?»⁵; карикатура под заголовком «Принципы Вильсона»: муж, застающий свою жену в постеле с американским солдатом: «Не сердись, дорогой! Он меня заверил, что это для твоего же блага!» – говорит жена. «Да, наш президент хочет, чтобы французы отдохали!» – добавляет американец⁶; Разговор аллегоричных образов стран Марианны и Дяди Сэма на фоне отвернувшейся Германии: «Моя

¹ L'Action française. 25.02.1919.

² См., напр.: L'Action française. 26.02.1919; L'Homme Libre. 22.05.1919.

³ Лан В. И. Указ. соч. С. 64.

⁴ Никольсон Г. Указ. соч. С. 108.

⁵ Le Rire. 17.05.1919.

⁶ Ibidem.

дорогая подруга, если она [Германия – *И. С.*] заплатит, то она разорится!» – обратился Дядя Сэм к Марианне. «Но мой дорогой друг, если она не заплатит, то я разорюсь уже дважды», – ответила Мариана¹; изображение Вильсона в виде садовника (во время кратковременного возвращения Вильсона в США): «Неужели я ошибся? Я посадил оливковое дерево, а вернувшись обнаружил «волчьи пасти» [дословный перевод французского названия цветка «львиный зев», с которым автор карикатуры иронично сравнивает участников конференции – *И. С.*] и «пятелистную левку» [французское разговорное выражение, обозначающее «оплеуху» – *И. С.*]»².

Таким образом, мы видим, как по мере приближения мирных переговоров трансформировались и осложнялись франко-американские отношения, развивавшиеся до этого в ключе союзного единения. Жорж Клемансо и политические элиты Франции были глубоко заинтересованы в американской помощи в виде военных сил, товаров и кредитов, для чего были вынуждены считаться с идеалистической и либеральной риторикой президента Вильсона, настороженно относясь к его проекту Лиги наций. Боясь потерять свое влияние на лидеров стран Антанты после перемирия, Вильсон, очевидно, решил сразу навязать им часть пунктов своей программы, пока те находились от него в сильной зависимости. Состоявшиеся переговоры обнажили противоречия глав правительств и их неготовность безоговорочного принятия «Четырнадцати пунктов», успевших стать для европейской общественности идеологической основой будущего мира. В условиях накаленной внутривластной обстановки французской элите пришлось пойти на уступки и отложить реализацию национальных интересов до мирной конференции. Однако после заключения перемирия, когда бои перенеслись в дипломатическую сферу и сражения шли уже не с Четвертым союзом, а между самими победителями, США предстали перед французами в роли серьезного политического соперника.

¹ Ibid. 03.05.1919.

² Ibid. 22.03.1919.

ТУТБЕРИДЗЕ И. Д.*

КАК ФРАНЦУЗЫ ВИДЕЛИ РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НАЗАД

Отношение французов к расширению ЕС в начале XXI в. нашло отражение в разнообразных дискуссиях, манифестациях, партийно-политической борьбе, разногласиях и спорах с европейскими бюрократами в ходе саммитов ЕС, протестном голосовании, а также в прессе и в многочисленных опросах общественного мнения.

Несмотря на довольно широкое освещение в СМИ деятельности Европейского Союза, европейцы, в общем, немного знают о нем. Например, в 2002 г. 47% французов не могли назвать ни одну страну, вступающую в ЕС в 2004 г., 49,3% сказали, что это Турция и Болгария¹. По убеждению Ж. Рюпника, главной причиной этого является «скудность информации», а слабая поддержка общественным мнением расширения ЕС объясняется в значительной степени «отсутствием политического объяснения» процесса².

Демократизация и эффективность процесса управления ЕС, как и практическая целесообразность, требуют от европейских чиновников знания мнения и реакции европейцев на различные, тем более масштабные проекты ЕС. Европейская Комиссия регулярно проводит опросы общественного мнения европейцев по различным аспектам деятельности Евросоюза. Европейское общественное мнение очень разнородно. Жители Евросоюза по-разному относятся к увеличению числа членов Сообщества – в зависимости от национальной и конфессиональной принадлежности, политических предпочтений, социального уровня, а также ряда других факторов.

Нас интересуют, прежде всего, опросы, касающиеся отношения французов к проблеме расширения ЕС на Восток. Они проводились

* Тутберидзе Ирина Давидовна – кандидат исторических наук, преподаватель факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ Eurobaromètre 57 (Août 2002). Bruxelles, 2003. P. 7.

² Ibid. P. 19–20.

главным образом после 2002 г., когда стало окончательно ясно, какие страны и в какое время присоединятся к Евросоюзу.

Наиболее негативное отношение к увеличению числа членов Европейского Союза наблюдается именно у французов. Вот как характеризует состояние общественного мнения Пятой республики в 2002 г. специалист научно-исследовательского центра «Наша Европа» М. Жуан: «Франция – единственная на сегодняшний день страна ЕС-15, в которой больше противников расширения, нежели его сторонников»¹.

По данным опроса, проведенного летом 2002 г., 40% жителей Французской республики высказались за расширение ЕС, 47% – против². По данным того же опроса, жители Франции оказались наиболее чувствительными к таким вопросам, как возможное изменение роли Франции в Европе (47%) и рост безработицы в связи с расширением ЕС (48%)³.

Весной 2003 г. уже 54% французов выступили против расширения и только 31% – «за»⁴. Они по-прежнему выражали обеспокоенность по поводу безработицы (50%), стоимости процесса расширения и потери ведущей роли Франции в Европе (41%). 69% опрошенных считали, что с увеличением числа членов внутри ЕС станет намного сложнее принимать общеевропейские решения, 54% респондентов высказались за необходимость немедленного проведения институциональной реформы⁵. Следует отметить, что всего лишь 23% французов полагали, что нужно оказывать финансовую помощь будущим членам ЕС. Большинство же выражали обеспокоенность сокращением поступлений в национальную казну из евробюджета после включения в ЕС слабо развитых государств ЦВЕ. 53% французов, принявших участие в опросе «Евробарометра», были недовольны именно этим.

Следующий опрос общественного мнения был проведен «Евробарометром» осенью того же года. Его результаты несколько отличаются от предыдущего, но не в пользу стран Новой Европы: уже 55% опрошенных французов выразили свое негативное отношение к вхождению

¹ Jouen M. L'élargissement de l'Europe: quelques conséquences pour la France [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://notreeurope.fr/notemj9_02.htm>.

² Eurobaromètre 57 (Août 2002). Bruxelles. 2003. P. 11.

³ Ibid. P. 14.

⁴ Eurobaromètre 59 (Printemps 2003). Bruxelles. 2003. P. 15.

⁵ Ibid. P. 19.

в состав Евросоюза десяти новых членов, и только 34% одобрили его¹. Опять у Франции оказался наиболее высокий показатель протестных ответов. В этот раз «Евробарометр», к сожалению, не спрашивал респондентов о том, какие проблемы, с точки зрения респондентов, повлечет за собой очередное расширение Евросоюза. Поэтому мы не можем сравнить общественное мнение жителей Пятой республики по этому вопросу с предыдущими опросами.

Последний опрос был проведен в марте 2004 г., то есть за 2 месяца до официального вступления в Евросоюз новых членов. На этот раз «Евробарометр» спрашивал людей о степени их осведомленности по вопросу пятого расширения ЕС. 52% респондентов признавали, что они не очень хорошо информированы, 19% ответили, что практически ничего не знают об этом, достаточно информированными считали себя лишь 26% опрошенных, а очень хорошо информированными – 2%². Эти цифры наглядно подтверждают мнение французских аналитиков о недостаточном информировании европейцев о функционировании ЕС. Специалист в области международных отношений, политолог М. Фийоль справедливо отмечает, что европейцам не хватает информации в области политики, проводимой Европейским Союзом³.

Исследование общественного мнения в марте 2004 г. характеризуется увеличением числа французов, высказавшихся «за» расширение Евросоюза – 47% «против» и 37% «за»⁴. Вот как это объясняет директор Института исследования общественного мнения Б. Жанбар: «Большинство жителей Франции положительно относится к этому лишь только потому, что расширение уже свершилось»⁵. Нельзя не согласиться с точкой зрения ученого, подтверждением чему является изменение заголовков статей о расширении ЕС на Восток ведущих французских газет. До вступления новых стран в них отражались недовольство и обеспокоенность жителей Франции в связи с увеличением числа членов Евросоюза: «Расширение: Польша во главе фронды

¹ Eurobaromètre 60 (Automne 2003). Bruxelles, 2003. P. 25.

² Eurobaromètre 61 (Printemps 2004). Bruxelles, 2004. P. 21.

³ Quelle politique européenne pour la France? Sous la coord. éditoriale de Dario Chi. P., 2005. P. 83.

⁴ Ibid. P. 22.

⁵ L'Humanité. 6.05.2004.

стран-кандидатов»¹, «Наша Европа не их»², «Эти новые соседи, которые так волнуют Европу»³, «ЕС-15 и вызовы расширения»⁴, «как расширить Евросоюз и не разочароваться?»⁵, «Ницца, суровый саммит для будущего Европы»⁶. Накануне и после 1 мая 2004 г. заголовки французских газет стали более оптимистичными: «1 мая 2004 года, единая сильная Европа с населением 450 миллионов человек»⁷, «Впервые в истории весь континент объединился»⁸.

В анкете «Евробарометра» в марте 2004 г., о которой упоминалось выше, также отсутствовал вопрос о возможных последствиях расширения ЕС. Однако респондентам был предоставлен список наиболее актуальных проблем: наибольшее опасение у французов вызывали вывод предприятий в другие страны-члены ЕС ввиду меньших в них затрат на производство (80%), ухудшение положения аграриев (73%), увеличение взносов Франции в европейский бюджет (68%), ухудшение социальной защиты граждан (63%), повышение уровня преступности (60%), возможный экономический кризис (56%), потенциальная опасность потери национальной и культурной идентичности (38%)⁹. Мы видим, что теперь простых граждан менее волновали место и роль Франции в мире, их заботили более насущные проблемы, такие как, безработица, например, а также финансовая составляющая вопроса – сколько каждому французу придется заплатить за присоединение бывших социалистических стран к Европейскому Союзу. Довольно странно, но в анкетах «Евробарометра» проблема иммигрантов не была выделена особым пунктом, хотя она являлась одной из наиболее серьезных и животрепещущих социально-политических проблем во Франции.

По данным опроса французов, проведенного газетой «Юманите» 6 мая 2004 года¹⁰, половина населения опасалась негативных последствий именно в социальной сфере (возможные проблемы безработицы и в области социальной защиты), связанных с расширением Европей-

¹ Le Monde. 4.12.2002.

² Ibid. 7.12.2002.

³ Ibid. 11.12.2002.

⁴ Ibid. 12.12.1997.

⁵ La Croix. 13.12.1997.

⁶ Le Monde. 7.12.2000.

⁷ Ibid. 23.05.2004.

⁸ Libération. 4.05.2004.

⁹ Eurobaromètre 61 (Printemps 2004). Bruxelles. 2004. P. 21.

¹⁰ L'Humanité. 6.05.2004.

ского Союза. По мнению Б. Жанбара, французы хотят «чтобы Европа, как и правительство, занимались больше проблемами безработицы и социальной защиты»¹. 69% респондентов полагали, что решения, принимающиеся в Брюсселе, не соответствуют желаниям и потребностям, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни, т.е. речь идет об оторванности евробюрократии и правительства от масс. Французская социалистическая газета «Либерасьон» делает довольно однозначное и критическое замечание по поводу отношения населения ЕС–15 к принятию новых членов: «Опросы общественного мнения во всех старых членах ЕС показывают усталость их жителей от проблемы расширения, даже в Великобритании и Германии, правительства которых всегда активно поддерживали расширение»².

Социологи спрашивали французов не только о предстоящем расширении ЕС, но и об их отношении уже к свершившемуся расширению. Только лишь 47% опрошенных оценили пятое расширение ЕС как положительное³. В опросе января 2006 г. сотрудники «Евробарометра» исследовали отношение к этой проблеме с учетом партийно-политической принадлежности людей. По данным исследования, 58% респондентов, считавших себя «правыми», высказались против пятого расширения ЕС, и 57%, причисляющих себя к «левым», были солидарны с ними. Подобный результат (практически одинаковое отношение «правых» и «левых» к расширению Евросоюза) мы видели и при анализе мнения французских представителей в общеевропейских структурах, и при изучении позиций ведущих французских периодических изданий различного толка. Это еще раз подтверждает, что большинство французов, независимо от их политической ориентации, выступали против увеличения числа членов «единой Европы».

Данные по поводу вступления в Евросоюз Румынии и Болгарии отличаются от других: в опросе января 2006 г. не приведены конкретные цифры сторонников и противников будущего присоединения этих стран к ЕС. Сказано лишь, что в общем французы одобряют шестое расширение⁴. Далее же социологи приводят мнение респондентов о сроках вступления: 34% французов высказались за вступление Болгарии в ЕС только через несколько лет, 35% ответили просто «позже»,

¹ Ibidem.

² Libération. 15.12.2003.

³ Eurobaromètre 64 (Janvier 2006). Bruxelles. 2006. P. 32.

⁴ Ibid. P. 33.

12% были против расширения вообще. Данные по Румынии: 33%, 37% и 16% соответственно.

Опрос «Евробарометра» осени 2006 г. содержал уже конкретные данные об отношении французов к Европе-27: 66% сказали «нет» шестому расширению Евросоюза¹. Как мы видим, число сторонников Новой Европы значительно уменьшилось. На этот раз противников расширения больше всего оказалось среди французов в возрасте от 15 до 24 лет. По данным «Евробарометра», только лишь 50% французов, участвовавших в опросе, считали, что членство в ЕС выгодно для их страны². Жители «единой Европы» были все меньше и меньше довольны членством в ЕС и не видели особых выгод от него. Весной 2007 г., после вступления Болгарии и Румынии, 60% участников опроса заявили, что не хотят, чтобы в ближайшее время в ЕС вступали новые члены³.

Примечательно, что через полгода после завершения председательства Франции в ЕС во втором полугодии 2008 г., в мае 2009 г., уже 60% участников опроса поддержали дальнейшее расширение интеграционного строительства в Европе⁴ (в то время как весной 2007 г. 60% высказались против увеличения числа-членов ЕС). 15% опрошенных одобрили пятое и шестое расширения Евросоюза. 35% заявили, что «они скорее согласны, нежели против»⁵. Изменение отношения французского общества к европейскому строительству и проблеме расширения ЕС, в частности, можно объяснить удачным для Франции председательством в Евросоюзе. 63% респондентов назвали председательство 2008 г. удачным для Франции⁶. Однако, как и пять лет назад, весной 2009 г. французы считали себя плохо информированными о деятельности ЕС в целом (78% опрошенных).

Итак, многочисленные опросы общественного мнения, проведенные во Франции до и после пятого и шестого расширений ЕС на Восток, показали динамику французского общественного мнения по вопросу появления на мировой арене ЕС-27. Еще до расширения большинство жителей Пятой республики выступали против принятия новых членов

¹ Eurobaromètre 66 (Septembre–Octobre 2006). Bruxelles. 2006. P. 28.

² Ibid. P. 7.

³ Eurobaromètre 67 (Printemps 2007). Bruxelles. 2007. P. 29.

⁴ Eurobaromètre Flash (April–Mai 2009). Bruxelles. 2009. P. 5.

⁵ Ibid. P. 16.

⁶ Ibid. P. 10.

в Евросоюз. Особое беспокойство вызывали потенциальное ухудшение социальной защиты в стране, рост безработицы. Однако решения о тех или иных процессах в Европейском Союзе принимают вовсе не рядовые граждане, а европейские чиновники и главы стран-членов Сообщества. По мере приближения неизбежного момента вступления в ЕС новых государств отношение французов становится более благожелательным (47% против). Но вскоре после свершившегося расширения 2004 г., когда стали проявляться его, в том числе, и негативные последствия, уже 57% французов сказали «нет» предстоящему шестому увеличению членов Сообщества. После вступления Болгарии и Румынии таких недовольных стало 60%. Зато после удачного председательства Франции в ЕС в 2008 г. 60% опрошенных граждан Французской республики одобрили «европейское строительство», под которым, естественно, понимались многие программы европейских реформ, включая и дальнейшее расширение ЕС.

Наряду с опросами общественного мнения, другим важным индикатором общественного мнения является пресса. Целесообразно выделить некоторые вопросы и проблемы, связанные с расширением Евросоюза, которые нашли наибольшее отображение во французских периодических изданиях¹. Следует сказать, что особое внимание расширению Евросоюза французские газеты и журналы уделяли во время прохождения саммитов Европейского Совета, и большая часть опубликованного материала посвящена тому, что на них происходило.

Наибольший отклик во французской прессе нашла проблема отставания стран-кандидатов на вступление от государств-членов ЕС-15, о чем уже многократно упоминалось выше, и связанные с расширением дополнительные финансовые расходы, которые лягут тяжелым бременем, прежде всего, на экономически развитые страны ЕС. По утверждению газеты «Монд», «расширение ЕС за счет очень бедных стран будет дорого стоить и ослабит Европу»². В той же газете в статье с необычным заголовком «Трудная алхимия сообщества 25» задается вопрос, волновавший всех: «Сколько понадобится времени, чтобы десять стран достигли уровня [экономического – *И. Т.*] развития членов

¹ См. подробнее: *Тутберидзе И. Д.* Французские «тревоги» в связи с расширением Евросоюза на Восток (по материалам прессы) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2011. № 3.

² Le Monde. 19.10.2002.

ЕС-15?»¹. По данным французских газет, расширение Евросоюза в среднем обойдется в 25 евро в год каждому жителю ЕС–15, население которого насчитывает 380 млн человек, что, по подсчетам «Фигаро», составит приблизительно 40,83 млрд евро² в период с 2004 по 2006 гг. (0,1% от годового ВВП ЕС-15)³. Вот что писала «Фигаро» после Копенгагенского саммита ЕС в декабре 2002 г.: «В какой мере ЕС удастся «переварить» такое расширение экономически? Выгоды от расширенного евrorынка лежат в будущем, а оплачивать этот процесс придется старым членам сообщества уже сейчас, что не вдохновляет их население»⁴. В декабре 2003 г. газета «Монд» констатировала уже очевидный факт: «Стало ясно, что Франции придется платить за расширение ЕС»⁵. Наиболее развитыми в экономическом плане среди «новичков» были Кипр, Мальта и Словения, которые по уровню экономического развития примерно соответствовали показателям Греции и Португалии. Руководство ЕС ожидало, что в скором времени они могли бы стать «чистыми» донорами в европейский бюджет, компенсируя, таким образом, затраты европейцев на расширение. Однако экономически слабых Болгарию и Румынию придется «дотягивать» до уровня «единой Европы» довольно длительный срок.

Уже говорилось, что так называемые финансовые «тревоги» заключались не только в распространении субсидий и помощи на страны Центральной и Восточной Европы, но также в том, что на долю членов ЕС-15 после расширения будет приходиться меньше общеевропейских средств. И это, в первую очередь, волновало Ирландию, Испанию, Грецию и Португалию, отстающих по своим экономическим показателям от других государств–членов «единой Европы», получавших до расширения большую часть дотаций и субсидий. С другой стороны, кандидаты на вступление требовали увеличить финансовую помощь, чтобы быстрее адаптироваться к требованиям внутреннего рынка ЕС. Специалист в области проблем западноевропейской интеграции Д. Легард в своем интервью французскому еженедельнику «Экспресс» в

¹ Ibid. 10.12.2002.

² Эти цифры совпадают и с данными, приводимыми французским политологом М.-Ж. Ринальди, в книге «Расширение Экономического и Валютного Союза на Восток». См.: *Rinaldi-Laribbe M.-J. Op. cit.*, p. 10.

³ Le Figaro. 14–15.12.2002.

⁴ Ibid. 11.12.2002.

⁵ Le Monde. 17.12.2003.

декабре 2002 г. отмечал, что «новые члены ЕС слишком меркантильны и ожидают от своего вступления в Евросоюз лишь улучшения своего финансового положения»¹. В интервью той же газете сотрудник Центра изучения международных отношений Ф. Де Ла Серр также говорила о том, что страны–кандидаты были «более заинтересованы в экономической интеграции, нежели в политической», что вполне закономерно². Практически все французские исследователи сходились во мнении, что страны ЦВЕ привлекали, прежде всего, экономические выгоды от расширения.

Значительное беспокойство у французов вызывала аграрная политика ЕС после расширения, в частности, вопрос о распределении сельскохозяйственных дотаций и субсидий. Большое внимание французская пресса уделяла закулисным баталиям, развернувшимся между старыми и новыми членами ЕС, из-за размера дотаций аграриям и их перераспределения среди государств ЕС (об этом подробно было сказано в разделе, посвященном реформам Евросоюза в контексте его расширения на Восток)

Третьим по значимости и частоте упоминаний во французских газетах стал вопрос об эффективности функционирования расширенного Евросоюза и необходимости институциональных реформ. Во время работы Саммитов ЕС французская пресса делала акцент больше на толковании сути институциональной проблемы, нежели на анализе отношения общества к ней. Всех волновало, что в ЕС-25 или ЕС-27 станет крайне сложно принимать решения, так как по ряду вопросов одна страна могла заблокировать деятельность всего сообщества в целом, замедлив тем самым общий ход интеграционного строительства. «Осуществление расширения Евросоюза без каких-либо гарантий, без предварительной институциональной реформы будет нашей общей ошибкой, о которой мы сильно пожалеем»³, – писала газета «Монд» в декабре 2002 г.

Еще одним поводом к беспокойству для французов являлся возможный рост числа мигрантов из стран Восточной и Центральной Европы. Во Франции проблема мигрантов достаточно серьезная, животрепещущая и нерешенная даже на данный момент, поэтому опасения жителей Пятой республики и ее правительства вполне понятны.

¹ L'Express. 19.12.2002.

² Ibidem.

³ Le Monde. 7.12.2002.

Однако, несмотря на актуальность этой проблемы, в отличие от других «вызовов» расширения, которым французские газеты и журналы уделяли внимание, она практически не освещалась во французской периодике в этот период. Только после шестого расширения Евросоюза вопрос о мигрантах начал широко муссироваться не только во французской, но и в мировой прессе, особенно когда во Францию в 2009 г. хлынул поток цыган из только что присоединившихся двух южноевропейских государств – Болгарии и Румынии.

Доля мигрантов из стран ЦВЕ до их вступления в «единую Европу» не превышала 5% от общего числа мигрантов. По официальным оценкам, трудовая миграция из Восточной Европы оказалась незначительной: «Перемещения между ЕС-10¹ и ЕС-15 крайне ограничены и просто недостаточны для того, чтобы оказывать воздействие на рынок труда Евросоюза»², – говорится в докладе КЕС, опубликованном в 2006 г. Большинство восточноевропейских мигрантов занимаются низкоквалифицированным или неквалифицированным трудом, в то время как западноевропейские страны нуждаются в высококвалифицированных кадрах. КЕС в целом дает положительную оценку миграции: «Мигранты из стран Центрально-Восточной Европы играют вспомогательную роль на рынках рабочей силы в ЕС, смягчая нехватку кадров и способствуя долгосрочному росту»³.

Очень точно отношение французского общества в целом к проблеме расширения ЕС на Восток описывает газета «Монд»: «по свидетельству опросов общественного мнения, расширение Евросоюза за счет бывших коммунистических стран Восточной Европы остается для большинства европейцев довольно абстрактной темой, вызывающей опасения»⁴.

Отношение рядовых европейцев к расширению ЕС на Восток было и остается значительно более критичным, чем позиция руководителей государств и национальной политической элиты. Европейцы не удовлетворены деятельностью ЕС в целом. Многие французы, например, были недовольны расширением, сложностью общеевропейских

¹ ЕС-10 – страны, вошедшие в Евросоюз в 2004 г.

² European Commission's report on the Functioning of the Transitional Arrangements set out in the 2003 Accession Treaty (period 1 may 2004 – 30 April 2006). Brussels, 2006. P. 13.

³ Ibidem.

⁴ Le Monde. 13.12.2002.

законов, тексты которых часто недоступны для понимания простого человека. Они обеспокоены феноменом «польского сантехника», т.е. возможным притоком в страну из ЦВЕ более дешевой рабочей силы и, как следствие, сокращением рабочих мест при существующей высокой безработице. Идея введения единой конституции также вызвала большие опасения, связанные с потенциальным созданием супергосударства, делегированием все большего числа полномочий на наднациональный уровень, размыванием идентичности. Уже давно голосования по общеевропейским вопросам в странах Евросоюза стали своеобразными референдумами о доверии национальным властям. Поэтому очевидно, что французы сказали «нет» не только новому основополагающему документу и недавно свершившемуся расширению Евросоюза на Восток, но и экономической стагнации, безработице, социально-экономической политике руководства Пятой республики. В стране нарастала социальная напряженность, прослеживались тенденции роста националистических настроений и числа евроскептиков.

Как показало время, несмотря на ряд успехов французской дипломатии, в том числе и положительные моменты европейского строительства (выход Европы из институционального кризиса после принятия Лиссабонского договора), активная внешняя политика и влияние на серьезные международные вопросы (события в Сирии, Ливии. Египте, на Кавказе и т.д.), пусть несовершенные, спорные, но все же попытки вывести Европу из кризиса (сохранение еврозоны, решение проблем Греции), построить «Европу-державу» и «Европу-защитницу Саркози» не удалось. Недовольство политикой Саркози в целом и социально-экономической политикой, в частности, особенно его антикризисными мерами, выразилось в смене политической власти во Франции и приходе к власти левых.

На примере инициатив Германии и Франции по борьбе с кризисом мы видим, что все большую роль в решении глобальных вопросов играют национальные лидеры, а не общеевропейские институты и чиновники. Возможно, евроинституты просто не успевают за стремительно развивающимися событиями.

Действительно, отсутствие быстрой реакции у официального Брюсселя, неторопливость европейских чиновников, очередные обещания в ходе официальных встреч и саммитов становятся в очередной раз предметом обсуждений рядовых европейцев и вызывают их недовольство.

ФАЛАЛЕЕВ П. И.*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ПЕРИОД НАХОЖДЕНИЯ У ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА Ф. ГУЭНА (январь–июнь 1946 г.)

20 января 1946 г. пост главы правительства Франции покинул генерал Шарль де Голль – выдающийся государственный деятель, сыгравший значимую роль в антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны. Причины его отставки следует искать как в особенностях внутривластного развития Франции, приведших к конфликту генерала с ведущими французскими политическими партиями, так и в его разочаровании от некоторых внешнеполитических неудач, хотя в этой сфере он добился и ряда крупных успехов. Его должность занял Феликс Гуэн – политик из стана социалистов, чья биография в отечественной литературе освещена заметно менее подробно по сравнению с различными этапами политического пути де Голля.

Ф. Гуэн родился в 1884 г. в небольшом городе Пейпен, расположенном на юге Франции – в департаменте Буш-дю-Рон. Его родители работали учителями в школе. Он окончил школу в Марселе, затем – юридический факультет университета в городе Экс-ан-Прованс. С 1907 г. Гуэн работал адвокатом, а с 1901 г. – участвовал в деятельности марсельского социалистического кружка и выступал за объединение всех французских политических организаций подобной направленности в единую партию¹. С 1911 г. он занимал различные выборные должности в органах законодательной власти на местном уровне. В 1922 г. Гуэн стал мэром города Истр, находящегося в нескольких десятках километров к северо-западу от Марселя, а через два года – пред-

* Фалалеев Петр Игоревич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук Лечебного факультета ФГБОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

¹ Klotz R. Félix Guoin. L'avocat de la démocratie. Gémenos, 2008. P. 21.

ставителем департамента Буш-дю-Рон в нижней палате Национального собрания – в Палате депутатов. В течение многих лет он сохранял оба мандата.

10 июля 1940 г. Ф. Гуэн проголосовал против предоставления чрезвычайных полномочий Ф. Петену – главе коллаборационистского вишистского правительства. Помимо Гуэна, так же поступили ещё 79 представителей законодательной власти. Конечно, вишисты отстранили Гуэна от должности мэра и лишили его депутатского мандата. Он стал одним из основных инициаторов начала деятельности организаций Сопrotивления в департаменте Буш-дю-Рон. Гуэн принял активное участие в создании Комитета социалистического действия, координировавшего действия СФИО (социалистической партии Франции) против оккупантов и коллаборационистов. Весной 1942 г. он получил от лидера социалистов – Леона Блюма, которого вишисты подвергли тюремному заключению, новое задание – направиться в Лондон и укрепить связи между социалистическим и голлистским движением¹. Вскоре Гуэн покинул территорию Франции и оказался в Испании, где был арестован франкистскими властями. Однако он смог выйти на свободу и добраться до Гибралтара, откуда в августе самолетом прибыл в Лондон. Донесения Гуэна существенно повлияли на формирование позиции руководства СФИО по отношению к голлизму.

Позднее, в августе 1943 г., Гуэн направился в Алжир, контролируемый голлистами. Через несколько месяцев он стал председателем Консультативной Ассамблеи, созданной по инициативе Французского комитета национального освобождения. Уже после завершения Второй мировой войны, в октябре 1945 г., во Франции состоялись выборы в Учредительное собрание². По их итогам ФКП получила более 26% голосов, христианско-демократическая партия МРП (Народно-республиканское движение) – почти 24%, СФИО – 23,4%. Затем было сформировано правительство, большинство должностей в котором получили представители данных трех партий. В историю эта коалиция вошла под именем «трехпартийной».

Гуэн стал председателем Учредительного собрания, а после отставки де Голля и осуществленных затем трехпартийной коалицией сложных политических маневров – возглавил кабинет министров. В предлагаемой статье речь пойдет о внешней политике Франции в пе-

¹ Ibid. P. 67.

² Смирнов В. П. Франция в XX веке. М., 2001. С. 190.

риод с января по июнь 1946 г. Данная тема актуальна, т.к. часть использованных в работе материалов прессы и дипломатических документов ранее в отечественной исторической литературе не использовалась.

26 января Гуэн выступил с правительственной декларацией, которая включала в себя и раздел о внешней политике. Он заявил, что возлагает большие надежды «на сохранение, развитие и закрепление прекрасного дела, задуманного Объединенными Нациями в Сан-Франциско», т.е. в ходе учредительной конференции Организации Объединенных Наций (ООН)¹. Гуэн также отметил: «Руководствуясь этим комплексом идей, успешно возобновив, согласно многолетней республиканской традиции, политику альянса с СССР, мы намереваемся продолжить гармонизацию наших отношений с Англией, предвещающую желанный для нас новый альянс, который должен в определенный момент быть интегрирован в широкое трехстороннее соглашение между СССР, Великобританией и Францией. Также мы стремимся сделать более тесным, чем когда бы то ни было, единство в принципах, интересах и целях с великой американской республикой, с которой нас связывают столь давние братские узы...»

Лидер СФИО явно давал понять о своем стремлении как соблюдать преемственность с важными направлениями голлистской внешней политики, так и урегулировать некоторые разногласия с Большой тройкой, доставшиеся ему в наследство от предыдущего руководства Франции. Несомненно, много внимания в правительственной декларации было уделено германскому вопросу. Гуэн заявил: «Именно под знаком международного сотрудничества Франция постарается уверенно добиться торжества своих законных интересов в сфере безопасности. Это касается Германии. Интернационализировать Рур – арсенал пангерманизма – и воспрепятствовать восстановлению централизованной Германии, в силу своей централизации опасной для ближайших соседей [имелось в виду унитарное германское государство – *П. Ф.*], – это значит не желать исчезновения Германии, а добиваться гарантированного предотвращения агрессивного возврата её военной мощи. Именно такого результата хочет достичь французский народ ради не только собственной, но и мировой безопасности...»² По мнению вид-

¹ *Klotz R. Op. cit., p. 111.*

² *Année politique, économique et sociale en France. Revue chronologique des principaux faits politiques, économiques et sociaux du 1er janvier 1946 au 1er janvier 1947. Paris. 1947. P. 550.*

ного французского исследователя П. Жербе, данные высказывания свидетельствовали о намерении Гуэна придать позиции Парижа по германскому вопросу больше гибкости, ведь о политическом отделении трех западных регионов от Германии новый глава Совета министров Франции упоминать не стал¹. Между тем де Голль занимал по этому вопросу вполне определенную позицию.

Генерал добивался отделения от Германии Рейнской области, Саара и Рура, и также, по его мнению, Рур следовало поместить под международный контроль, Саар – включить во французское экономическое пространство, Рейнскую область – сделать территорией, находящейся также под преобладающим влиянием Франции. Осенью 1945 г., например, де Голль допускал создание общегерманских политических структур с весьма ограниченными полномочиями, но лишь при выполнении указанных условий касательно Рура, Саара и Рейнской области. Большая тройка не стала полностью солидаризироваться с голлистской программой по германскому вопросу.

В начале 1946 г. СФИО выступала с внешнеполитической программой, включавшей в себя ряд тезисов, в частности: 1) с точки зрения СФИО, экономические трудности и необходимость получения помощи извне (т.е. от США) обуславливали необходимость снять ряд требований Франции по германскому вопросу; 2) согласно позиции СФИО, нужно было ускорить заключение франко-британского союзного договора. Было бы неправильным сказать, что ни один из данных пунктов не соответствовал воззрениям министра иностранных дел Франции – христианского демократа Ж. Бидо, но в то же время ряд идей социалистов вызывал у него недовольство. Глава МИД Франции тяготел ко многим пунктам голлистской программы по германскому вопросу, хотя (пусть и с учетом ряда оговорок и условий) он все же был готов в перспективе выдвинуть менее жесткие, чем генерал, требования к децентрализации Германии. Необходимо также отметить, что объем полномочий и ведомственная самостоятельность МИД Франции после отставки де Голля возросли. Поскольку среди руководящих кадров МИД присутствие социалистов было выражено слабо, это провоцировало усиление разногласий внутри трехпартийной коалиции. Во внешнеполитическом планировании Франции по германскому вопросу «на место антагонизма де Голль-Бидо пришел антагонизм между

¹ Gerbet P., *Laloy J. Le relèvement. 1944–1949.* Paris. 1991. P. 50.

СФЮ и дипломатическим ведомством, и вплоть до июньских выборов 1946 г. Бидо решительно препятствовал реализации компромиссных проектов социалистов»¹.

В первый послевоенный год одно из направлений внешней политики Франции было связано с сирийско-ливанским регионом (Левантом). В конце января – начале февраля 1946 г. Бидо преследовал амбициозные цели, намереваясь добиться от британцев признания приоритетности интересов Франции в Бейруте и Дамаске. Не получив подобных гарантий, Бидо был вынужден существенно скорректировать стратегию и тактику по соответствующему пункту. Ему не удалось достичь взаимопонимания ни с советской, ни с американской стороной по вопросу о Леванте, и он понял, что необходимо поставить перед собой более скромные цели и задачи по сравнению с запланированными.

17 февраля 1946 г. Совет Безопасности ООН призвал Францию и Великобританию в кратчайшие сроки эвакуировать свои войска из Сирии и Ливана. Резолюции, которая в юридическом смысле обязала бы Париж и Лондон осуществить эти шаги, принять не удалось. Однако Бидо и Э. Бевин – глава МИД Великобритании – пообещали выполнить обязательства, указанные в её проекте. В итоге 17 апреля 1946 г. иностранные войска были выведены из Сирии, а 31 декабря – из Ливана.

Конечно, большое значение для отношений Парижа и Лондона имело общее восприятие нового французского кабинета министров британскими политиками из различных партий. 16 февраля посол Франции в Лондоне Р. Массигли писал Бидо: «Отставка генерала де Голля застала врасплох практически всех англичан»². Не только консерваторы, но и некоторые другие политики выражали опасения в связи с возможным усилением в сложившихся условиях позиций французских коммунистов. По их мнению, де Голль имел больше возможностей успешно противостоять ФКП.

Однако, согласно донесению Массигли, многие либералы и лейбористы высказались в том духе, что генерал напрасно ставил на первый план не экономические, а политические вопросы. Итак, отношение британских политических кругов к произошедшим во Франции изменениям было неоднозначным. Итоги февральских попыток Лондона

¹ *Bézias J.-R. Georges Bidault et la politique étrangère de la France: Europe, Etats-Unis, Proche-Orient, 1944–1948. Paris, 2006. P. 255.*

² *Documents diplomatiques français (далее – DDF). 1946. T. 1. Paris. 2003. Doc. 115. P. 247.*

и Парижа урегулировать вопросы, затруднявшие их взаимодействие, не вызвали большого энтузиазма на Туманном Альбионе. 18 февраля Бевин сказал Бидо, что предложения главы МИД Франции (касательно Рура и Рейнской области) «на первый взгляд ему абсолютно не кажутся реалистичными»¹. 22 февраля Массигли в очередном донесении Бидо предлагал даже не обращаться к правительству Великобритании во главе с К. Эттли с просьбой о заключении двустороннего договора, поскольку считал, что условия для него не созрели из-за позиции Лондона².

Следует отметить, что с момента вступления в должность Гуэн призывал активизировать работу по достижению консенсуса с Лондоном. Он был также заинтересован в существенном расширении взаимодействия Парижа и Вашингтона. 30 января американцы узнали о подготавливаемой миссии Блюма в США с целью добиться кредитов для Франции³. К 11 февраля 1946 г. подобная информация уже находилась в публичном пространстве⁴. Чуть ранее Госдепартамент посчитал, что наступил удачный момент для урегулирования разногласий с Парижем по германскому вопросу.

6 февраля 1946 г. госсекретарь США Дж. Бирнс направил Бидо телеграмму, в которой попытался убедить его снять вето с проекта создания центральных германских департаментов, сформулированного Большой тройкой по итогам Потсдамской конференции летом 1945 г.⁵ В ответ 14 февраля глава МИД Франции высказался о позиции США с уважением, но вместе с тем дал понять, что в существующей форме идея создания центральных германских департаментов Париж не устраивает⁶. Когда о позиции Бидо узнали Гуэн и другие лидеры СФИО, они выразили недовольство его действиями, поскольку стремились минимизировать разногласия Парижа и Вашингтона по германскому вопросу в преддверии миссии Блюма.

В течение первых трех недель февраля 1946 г. Гуэн дважды давал Бидо однотипные поручения – подготовить предложения, направленные

¹ Ibid. Doc. 133. P. 280.

² Ibid. Doc. 132. P. 277–278.

³ Foreign relations of the United States (далее – FRUS). 1946. Vol. 5. Washington. 1969. P. 409.

⁴ Times, 11.II.1946.

⁵ DDF. 1946. T. 1. Doc. 97. P. 201.

⁶ Bézias J.-R. Op. cit., p. 255.

ные на внесение корректив во внешнеполитическую линию Франции касательно германского вопроса¹. Оба раза глава французского правительства посчитал, что ответы министра не соответствуют требованиям сложившейся обстановки. Тогда Бидо предложил компромисс, подразумевавший создание нескольких общегерманских административных органов с исключительно консультативными полномочиями. Полномочия данных структур распространялись бы на всю территорию четырех оккупационных зон в Германии, за исключением Саара, Рура и Рейнской области. Гуэн вновь отказался солидаризироваться с главой дипломатического ведомства, и социалисты уполномочили Блюма уладить сложившуюся ситуацию. После этого он, выступая за создание центральных германских департаментов в сочетании с введением системы международных «экспертов-гарантов» в Руре, лично направил Бидо письмо, в котором просил его изменить подход к германской проблеме. При помощи появления международного института экспертов-гарантов в Руре Блюм рассчитывал успокоить французское общественное мнение и, в частности, электорат МРП и сторонников де Голля, придававших огромное значение вопросу о судьбе трех западных германских регионов.

На фоне подобных событий пессимистичные настроения царили в департаменте по делам Америки французского МИД. 20 февраля это подразделение дипломатического ведомства докладывало Бидо: «Представляется маловероятным то, что Вашингтон согласится сейчас предоставить Франции долгосрочный кредит такого масштаба, на который мы рассчитываем»². К тому моменту уже состоялась беседа генерального секретаря французского МИД Ж. Шовеля и американского посла Дж. Кэффери. Кэффери тогда весьма настойчиво проводил мысль о том, что американское общественное мнение не высказывает энтузиазма по поводу предоставления кредитов иностранным государствам и, в частности, Франции. Порой её представителям казалось, что позиция Парижа рассматривалась американскими дипломатами как основное препятствие для любого проекта реорганизации германской экономики. Фактически департамент по делам Америки считал, что целью миссии Блюма может быть лишь уточнение позиций сторон в сочетании со сбором информации и что настоящие переговоры о займе следовало начать позже.

¹ Ibidem.

² DDF. 1946. Т.1. Doc. 124. P. 264.

27 февраля состоялась встреча Блюма и Бидо, и по её итогам Бидо согласился сделать вопрос о центральных германских департаментах приоритетной частью повестки дня предстоявшей сессии СМВД (Совета министров иностранных дел)¹. Хотя данное обещание содержало в себе мало конкретики, Блюм остался им удовлетворен и собирался ехать в США с конкретным предложением, которое можно было сформулировать в беседах с представителями Госдепартамента².

1 марта Бидо направил письмо Кэффери, в котором отмечалось: «Правительство Франции по-прежнему считает, что не следует, если государства, имеющие оккупационные зоны в Германии, намерены продолжать политику децентрализации, начинать создавать разветвленную немецкую администрацию с правом принятия решений. Не может идти и речи о согласии Франции на распространение полномочий центральных германских департаментов на Рур и ещё в большей степени – на Саар»³. Глава МИД Франции не считал возможным отказываться от своих требований касательно трех западных регионов Германии.

Следует отметить, что в своих попытках воздействовать на позицию Франции по германскому вопросу Бирнс не ограничился, конечно, посланием от 5 февраля. В середине того же месяца британская газета «Таймс» сообщала, что французское правительство получило от американского Госдепартамента ноту касательно импорта товаров с территории Рура в другие регионы Германии. Французский кабинет министров выразил намерение подробнее проработать этот вопрос в будущем, но не стал выдвигать принципиальных возражений против использования ресурсов Рура для приведения германской экономики в сбалансированную форму⁴.

Лидеры СФИО полагали, что ради получения американского кредита Франция должна обязательно пойти на весьма серьезные уступки по германскому вопросу. Однако, по мнению Бидо, их можно было избежать. Он небезосновательно полагал, что американская дипломатия расценит как чувствительное поражение масштабное расширение франко-советского стратегического сотрудничества. Согласно позиции Бидо, в силу подобной особенности сложившегося на международной

¹ *Bézias J.-R.* Op. cit., p. 256.

² *Ibidem.*

³ DDF. 1946. Т. 1. Doc. 147. P. 311.

⁴ Times, 16.II.1946.

арене положения дел Франция получала ряд дополнительных козырей, при помощи которых Париж был способен добиться от Вашингтона существенных уступок – в том числе и по финансово-экономическим вопросам.

Дипломатическое взаимодействие СССР и Франции в первой половине 1946 г. можно проследить при изучении ряда исторических примеров и, в частности, процесса урегулирования германского вопроса. Важно охарактеризовать реакцию Москвы и Парижа на одну из инициатив американцев.

25 февраля Бирнс направил в Париж проект четырехстороннего договора о разоружении и демилитаризации Германии, рассчитанного на 25 лет. Реагируя на эту инициативу Вашингтона, 4 апреля Бидо писал Ж. Тарбе де Сент-Ардуэну – политическому советнику главнокомандующего французскими вооруженными силами в Германии: «Согласно мнению Бирнса, мир воцарится в Европе и уверенность в сохранении мира утвердится в умах людей лишь после урегулирования германской проблемы и после исчезновения у СССР и западных демократий страха перед возможным использованием Германии в интересах политики, враждебной по отношению к Востоку или Западу. Основная цель американского проекта договора – успокоить СССР и Францию, доказав Советам, что все союзники желают длительного срока разоружения Германии, и продемонстрировав французам, что США не стремятся избежать ответственности за европейские дела или раньше срока отказаться от своих обязанностей в Германии... Договор, о котором идет речь, предоставит нам на 25 лет международные и в особенности американские гарантии, которых мы просили после войны 1914–1918 гг. и без которых мы окажемся вынуждены содержать многочисленные войска, многочисленные в такой степени, что это скомпрометирует наше финансовое положение. Госсекретарь уверяет, что его проект не может стать предметом возражений Сената и повторить судьбу договоров, подписанных в 1919 г. ... Этот текст настойчиво представляется Госдепартаментом как просто «предложение для изучения», направленное на выработку встречных инициатив правительств СССР, Великобритании и Франции... Недостаток проекта Бирнса состоит в том, что гарантировать мирные намерения Германии в нем предполагается лишь при помощи разоружения, обеспеченного контролирующими органами с правом на суровое наказание. Очевидно, вопрос о разоружении не может быть решен без рассмотрения иных

факторов, от которых зависит мировая безопасность, тем более что, предлагая нам подписать этот договор и беря на себя обязательства по недопущению ремилитаризации Германии, Бирнс, вероятно, намеревается добиться частичного снятия наших требований по гарантиям, которые мы просили, формулируя свои планы касательно Рейнской области и Рура. Однако сохранение войск союзников на Рейне, предусмотренное нашими предложениями, обеспечит нам как минимум настолько же реальную безопасность, как и разоружение под контролем четырехсторонней комиссии»¹.

Ранее, 29 марта, посол Франции в США А. Бонне писал Бидо: «С другой стороны, этот проект нам предложен в тот самый момент, когда планируется обсуждение предложений Франции касательно Рура и Рейнской области. Это совпадение неслучайно. Невозможно забыть, что, согласно мемуарам полковника Хауса [Э. М. Хаус – советник президента США В. Вильсона и участник Парижской конференции 1919 г.], документы с предложением об английских и американских гарантиях безопасности, прикрепленные к мирному договору 1919 г., были переданы на наше рассмотрение с целью убедить нас отказаться от требований касательно левого берега Рейна. Данная аналогия заслуживает внимания»². По мнению видного отечественного исследователя А. М. Филитова, советское руководство весной 1946 г. тоже отрицательно отнеслось к проекту Бирнса³. Отнюдь не во всем согласовывались друг с другом аргументы советской стороны и аргументы французской стороны против идеи американского госсекретаря, но все-таки и Париж, и Москва были в данном случае заинтересованы в блокировании плана Вашингтона.

Существовали и иные факторы, углублявшие потенциал франко-советского взаимодействия. Они были связаны с выстраиванием отношений между Францией и Восточной Европой, находившейся в орбите советского влияния. 15 февраля посол Франции в Москве генерал Ж. Катру докладывал Бидо: «Несколько раз я сообщал департаменту МИД по делам Европы, что советское правительство проявляет заинтересованность в заключении альянса между Францией и Польшей. Я получил новое доказательство своих слов в ходе беседы с Деканозо-

¹ DDF. 1946. Т. 1. Doc. 247. P. 562–563.

² Ibid. *Commentaire au doc. 247*. P. 563.

³ Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. М., 2009. С. 124.

вым [В. Г. Деканозов – заместитель наркома иностранных дел СССР (с 15 марта 1946 г. – заместитель министра) – *Л. Ф.*], состоявшейся перед моим отъездом. Мы обсуждали франко-советский пакт и оба говорили о нем как об основополагающем элементе безопасности наших стран и мира в Европе. Тогда я отметил, что договор предполагает тесное сотрудничество двух сторон касательно германской проблемы и что в этом плане Франция имеет право рассчитывать на поддержку её предложений относительно Рура и Рейнской области со стороны СССР».

Затем Катру охарактеризовал своё видение реакции заместителя главы советского внешнеполитического ведомства: «Деканозов признал справедливость моего замечания, но поспешил добавить, что сотрудничество должно быть двусторонним, и поинтересовался нашей позицией касательно Польши. Он спросил у меня, каков статус нашего дипломатического представителя в Польше и польской делегации в Париже. Я объяснил ему эту ситуацию, добавив, что я догадываюсь о сути его предложений. Наверняка он хотел узнать, хотим ли мы восстановить альянс с Польшей. Я знал, что заключение подобного договора будет приветствоваться Кремлем, поскольку запомнил одну фразу из речи генералиссимуса Сталина, значение которой я понял. Разве он не дал понять в речи, посвященной советско-польскому договору, что система гарантий против Германии примет завершённый вид только в том случае, если западные союзники также свяжут себя с Польшей определёнными договоренностями? Я мог высказать лишь личное мнение по неявным образом поставленному вопросу и сказал, что, согласно французской традиции, франко-польский союз находится в порядке вещей и что я не сомневаюсь в его возобновлении. Так было бы инициировано, по крайней мере с французской стороны, создание сети союзов, на которое намекал Сталин.» Затем Катру сформулировал свою версию касательно позиции СССР насчет западной границы Германии: «Отметим, что Деканозов ... не спросил меня о позиции Франции касательно новой западной польской границы. Тем временем я думаю, что на самом деле именно её он хотел бы узнать; и что неслучайно, когда я упомянул о проблеме Рура, он поднял вопрос о наших взаимоотношениях с Польшей и отметил, что наше сотрудничество должно быть двусторонним. Возможно, Деканозов хотел дать понять мне, что, если мы признаем новые западные границы Польши, Кремль поддержит наши предложения касательно статуса западных германских регионов»¹.

¹ DDF. 1946. Т. 1. Doc. 112. P. 237–238.

Последний тезис вызывал споры между различными течениями в МИД Франции. При этом часть французских дипломатов в первой половине 1946 г. не исключала развития событий, при котором СССР поддержит позицию Парижа по вопросу о будущем Саара, Рура и Рейнской области.

В некотором смысле донесение Катру оказало прямое воздействие на позицию его непосредственного начальства. 27 апреля 1946 г. Бидо писал Бонне, что в конце марта правительство Польши направило в Париж проект совместной декларации. Этот документ в несколько отредактированной форме содержал основные положения из проекта франко-польского договора, выдвинутого Варшавой в ноябре 1945 г.¹

19 апреля представители французского МИД передали польской стороне одобренный руководством Франции проект совместной декларации Москвы и Варшавы, в котором, по мнению Парижа, в большей степени, чем ранее, подчеркивалась необходимость проведения общей политики Франции и Польши по германскому вопросу. Предложение французской стороны не содержало жестких, обязывающих формулировок. Несомненно, целью данной инициативы являлось не только расширение связей Парижа с Варшавой, но и углубление взаимодействия Парижа с Москвой. Она должна была закрепить дипломатическую линию Парижа, направленную на лавирование между англо-американскими союзниками, с одной стороны, и СССР и просоветским лагерем – с другой.

Руководствуясь подобной логикой, в первой половине 1946 г. Франция не стала солидаризироваться с блоком Лондона и Вашингтона при обсуждении иранского кризиса, в ходе которого сталкивались интересы СССР и англо-американской коалиции. 15 апреля, во время рассмотрения этого вопроса Советом Безопасности ООН (СБ ООН), представитель Франции поддержал предложение Москвы, направленное на исключение иранского вопроса из повестки СБ ООН². Впрочем, успешной данная попытка не стала. 22 мая 1946 г., когда Совет Безопасности ООН обсуждал вывод советских войск из Ирана, представитель Франции А. Пароди занял позицию, которая в большей степени устраивала Москву, а не Лондон и Вашингтон³. Как следует в том числе и из данного примера, Франция тогда не собиралась отказываться

¹ DDF. 1946. Т. 1. Doc. 299. P. 672.

² Times, 16.IV.1946.

³ Times, 23.V.1946.

от политики лавирования между СССР и англо-американскими союзниками.

Также весной 1946 г. расширилось взаимодействие Москвы и Парижа в экономической сфере. 6 апреля СССР и Франция заключили соглашение о поставках во Францию 500 тыс. т зерновых. Данная договоренность сыграла большую роль в развитии двусторонних отношений. Она позволила правительству Гуэна решить определенные социальные проблемы.

Несколькими неделями ранее, 14 марта, в США прибыла делегация во главе с Блюмом. Действия Бидо, предпринятые им вскоре после этого, в значительной мере стали для лидеров СФИО неожиданностью. 20 марта глава МИД Франции, рассуждая в беседе с американскими журналистами о возможном провале миссии Блюма, отметил, что подобное развитие событий не вызовет пересмотра дипломатической линии Парижа и что при этом практически неизбежно оно вынудит Париж «переориентировать свою экономическую политику в сторону иных направлений»¹. В лагере социалистов многие полагали, что Бидо хотел сорвать миссию Блюма, поскольку первоначально сам стремился возглавить французскую делегацию с полномочиями по ведению переговоров с Вашингтоном о кредите. Уже через два дня глава МИД Франции дезавуировал часть собственных высказываний.

27 марта Бидо так разъяснил свою позицию Учредительному собранию: «Я просто сказал представителям этого иностранного информационного агентства, что если мы не получим кредитов от Америки, то будем решать наши проблемы иным способом»². Что же на деле означали заявления Бидо? По мнению французского историка, автора биографии Бидо Ж.-Р. Безиаса, прозвучало просто эмоциональное заявление о недопустимости навязывания Франции какой-либо дипломатической линии. По мнению видного отечественного исследователя Е. О. Обичкиной, заявление Бидо было «блефом»³. Действительно, вряд ли Бидо планировал внести именно кардинальные изменения в дипломатическую линию Франции в случае неблагоприятного для Парижа исхода миссии Блюма. Это отнюдь не означает, что французское руководство стремилось отказаться от политики лавирования.

¹ *Bézias J.-R.* Op. cit., p. 257.

² *Ibidem.*

³ *Обичкина Е. О.* Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М., 2012. С. 25.

Не следует преувеличивать масштаб расхождений между Гуэном и Бидо. Председатель Совета министров Франции, как и глава МИД Франции, одобрял не все аспекты политики США по германскому вопросу, пусть и меньше акцентировал внимание на этом пункте. В то же время Бидо, как и Гуэн, придавал огромное значение получению экономической помощи от США. Однако противоречия между двумя политиками существовали и иногда выплескивались в публичное пространство.

24 марта в Страсбурге, не согласовав свои действия с министром иностранных дел Франции, Гуэн выступил с подробным заявлением на тему внешней политики. Нельзя сказать, что он полностью солидаризировался с дипломатической линией Вашингтона. Гуэн отмечал: «Не сам ли президент Трумэн, начиная с июня 1945 г., предписывал в своих директивах выделить абсолютный приоритет освобожденным странам, а именно – в вопросе о поставках немецкого угля? Он отмечал, что возможный месячный объем поставок угля может достичь 4 млн тонн, и речь шла именно о поставках в страны, разоренные гитлеризмом. Мы были крайне удивлены, когда вынужденно констатировали, что проект распределения немецкого угля на второй триместр 1946 г. предусматривает лишь экспорт 1 121 000 тонн в месяц, ограничивая предназначенный для Франции месячный объем поставок цифрой 316 000 тонн. Это ... – недопустимая вещь для французской экономики ...»¹ В своей речи премьер-министр Франции уделил много внимания вопросу об интернационализации Рура: «Мы только что пережили войну, в ходе которой едва не погибли в политическом, экономическом, демографическом смысле. Мы не хотим, чтобы она началась снова... Наученные долгим и трагическим опытом, мы говорим, что как минимум без двух вещей безопасность Франции немислима, без двух вещей, в вопросе о которых никто из нас не имеет права идти на уступки и компромиссы: во-первых, это продолжительная военная оккупация Германии, а во-вторых, это учреждение международной структуры, контролирующей Рур – территорию, хранящую в себе столько взрывоопасного материала... Конечно, никто из нас не добивается аннексии, поскольку мы сами слишком много страдали от аннексий, чтобы желать их другим... Но мы хотим именно того, чтобы Рур – потенциальный источник восстановления Европы – не стал в третий раз источником её разруше-

¹ Le Monde, 26.III.1946.

ния. И снова на Рейне, возможно, завтра будет решаться судьба мира, если мы не отважимся взять под контроль при помощи системы международных договоренностей потенциал агрессии, который содержит в себе уголь Рура»¹. Речь Гуэна часто интерпретируется как отказ от требования политического отделения Рура, Саара и Рейнской области от Германии, но через два дня Бидо указал в телеграмме Массигли, что Гуэн подтвердил в беседе с ним неизменность позиции Франции по германскому вопросу². Тем не менее, разногласия между председателем Совета министров Франции и главой МИД Франции преодолены не были.

Вскоре, 30 марта, на конгрессе СФИО Гуэн вновь обратился к проблемам внешней политики. В первой части своей речи он сделал ряд заявлений о необходимости расширения сотрудничества Парижа с Большой тройкой и о перспективах «трехпартийной коалиции на международной арене» (СССР-Франция-Великобритания). Затем Гуэн перешел к проблемам будущего Германии: «... Условие обеспечения безопасности Франции – удовлетворительное для нас урегулирование германского вопроса. Но – без аннексии ... Аннексия, будь она прямой или замаскированной, не является и не может быть таким решением. По своему опыту мы знаем, что невозможно легко аннексировать ни одну страну и что невозможно легко уничтожить её язык, её нравы, её культуру – одним словом, все, что составляет её собственную индивидуальность»³. Под «замаскированной» аннексией, очевидно, имелось в виду отделение трех западных регионов от Германии в политическом смысле, и поэтому речь председателя Совета министров Франции вызвала недовольство Бидо.

Заявления Гуэна породили у британской дипломатии иллюзию того, что Франция вскоре откажется от части требований по германскому вопросу, не совпадавших с линией держав Большой тройки. 4 апреля в Париж прибыл О. Харвей – глава департамента по западноевропейским делам британского МИД. Он должен был узнать у Бидо, какой вопрос тот предпочел бы обсудить вначале – вопрос о заключении двустороннего договора между Францией и Великобританией или вопрос о Руре, Рейнской области и Сааре. Очевидно, англичане делали ставку на позицию Гуэна, который, согласно их пониманию ситуации,

¹ Ibidem.

² DDF. 1946. Т. 1. Doc. 225. P. 504.

³ Le Monde, 02.IV.1946.

должен был добиться выбора в пользу первого из двух вариантов¹. Однако Бидо в очередной раз подтвердил, что желает предварительно урегулировать вопрос о трех западных регионах Германии.

5 апреля глава протокольной службы МИД Франции Ж. Дюмэнь записал в своем дневнике: «На протяжении некоторого времени в правительстве преобладает обстановка дискомфорта... Мы сталкиваемся с сопротивлением англо-саксов, которые по экономическим причинам отстаивают принцип единства немецкого государства. Мы сохраняли жесткую линию вплоть до настоящего момента: де Голль – особенно решительно, Бидо – твердо, но с готовностью к неким компромиссам... После прихода к власти кабинета Гуэна и особенно сразу после того, как было принято решение направить в США миссию Леона Блюма, представители социалистов в правительстве захотели предложить американцам смягчение нашей рейнской политики как разменную монету для получения кредита на лучших условиях. Этот проект был нереальным, поскольку в соответствии с ним наравне рассматривались потенциальное историческое событие и временная сделка; этот проект был инфантильным, поскольку предполагал обмен нашей будущей безопасности на временное улучшение нашего экономического положения.» Далее Дюмэнь, негативно оценивавший ряд аспектов внешнеполитической программы СФИО, высказывает своё отношение к действиям дипломатии англо-американских союзников: «Тем временем Кэффери начал, в той или иной мере тайно от Бидо, переговоры с правительством Франции. Бидо отреагировал импульсивно и две недели назад дал интервью, в котором дал понять американцам, что у Франции есть различные альтернативы для выбора экономической политики. Этого повода хватило, чтобы обвинить нашего министра в желании сорвать миссию Блюма. В этот момент со своей инициативой выступили англичане, следовавшие иным мотивам: 1) они считают необходимым сближение с Францией...; 2) лейбористский кабинет министров хочет вместе с французскими социалистами восстановить Социалистический Интернационал, чтобы противопоставить его Коммунистическому Интернационалу; 3) лейбористы считают своевременным протянуть руку помощи немецким социал-демократам, чтобы на Западе их не приравнивали к коммунистам...»². На это свидетельство

¹ *Bézias J.-R.* Op. cit., p. 259.

² *Dumaine J.* Quai d'Orsay, 1945–1951. Paris, 1956. P. 77–78.

Дюмэня обратил внимание известный французский историк А. Гроссер¹. Программа по германскому вопросу, предполагавшая отделение от Германии Рура, Саара и Рейнской области, была утверждена на заседании французского правительства 5 апреля². Её поддержали коммунисты и МРП, а против выступали социалисты.

Согласно мнению Кэффери, СФИО тогда отказалась настаивать на своей точке зрения оттого, что опасалась развала трехпартийной коалиции. 8 апреля он докладывал Бирнсу: «Чтобы понять суть решения, принятого французским правительством, необходимо проанализировать подход каждой из трех партий к германской проблеме в свете предстоящих выборов, а не только в свете соображений внешней политики. Социалисты ... в большей степени, чем другие партии, хотят не противоречить намерениям британцев в германском вопросе, особенно касательно Рура. В дополнение к этому существуют тесные связи между французскими социалистами и британской лейбористской партией... По причинам, связанным исключительно с внутренней политикой, французские социалисты считают, что изменение политики Парижа по германскому вопросу даст им несколько реальных электоральных преимуществ. Во-первых, в случае, если оно приведет к быстрому заключению франко-британского пакта (а к этому стремится большинство французского народа), социалисты смогут заявить, что это произошло лишь по их инициативе и что, в отличие от Бидо и МРП, они бы уже договорились о предоставлении кредита, если бы контролировали МИД Франции. Во-вторых, зная, что позиция Бидо по германскому вопросу весьма популярна среди избирателей, социалисты могут надеяться на волну критики за «отказ от легитимных требований Франции», которая обрушится на Бидо и МРП в случае, если те согласятся пойти на уступки. В-третьих, социалисты верят, что изменение политики Франции по германскому вопросу поможет Блюму получить в кредит от США более существенную сумму...» Впрочем, Кэффери давал понять, что СФИО располагает достаточно узким пространством для маневра: «Когда Бидо отказался изменить свою позицию, социалисты, для которых в первую очередь важно сохранить в нынешнем виде правящую коалицию до выборов, поняли, что для МРП не представится лучшего повода для выхода из кабинета министров, чем возможный

¹ *Grosser A.* La IVe République et sa politique extérieure. Paris, 1961. P. 214.

² *Béziat J.-R.* Op. cit., p. 259.

отказ коалиции от ряда требований касательно германского вопроса, и что в таком случае позиция партии Блюма станет более уязвимой. Под воздействием этих факторов социалисты скрепя сердце согласились с Бидо»¹.

Как отмечает известный французский специалист по международным отношениям Ж.-А. Суту, «касательно Германии официальная позиция Франции неизменно и неоднократно подтверждалась в течение 1946 г., несмотря даже на то, что Феликс Гуэн в марте попытался свести требования Парижа только к международному контролю над Рейнской областью и Руром, без их отделения от бывшего рейха»². 10 апреля состоялось ещё одно заседание французского правительства, по итогам которого было решено отказаться от немедленного заключения договора с Великобританией без выполнения предварительных условий. Лондон с недовольством отреагировал на эту новость. В дальнейшем Гуэн, по-прежнему поддерживая риторику, не вполне совпадавшую с заявлениями главы МИД Франции, не предпринимал масштабных попыток противодействовать дипломатической линии, проводимой Бидо. Объясняется это ростом влияния МРП внутри трехпартийной коалиции.

Бидо считал одной из своих важнейших задач успешное (с точки зрения интересов Франции) проведение переговоров по германскому вопросу с представителями СССР, США и Великобритании в ходе Парижской сессии СМВД. Во время её первой части (25 апреля – 16 мая 1946 г.) стороны были в основном заняты подготовкой мирных договоров с союзниками нацистской Германии. Лишь в середине мая в повестке дня переговорного процесса оказались именно аспекты германского вопроса, вызывавшие первостепенный интерес у руководства Франции. 15 мая Бидо заявил: «В течение 150 лет Германия семь раз вторгалась во Францию, и трудно найти взрослого человека во Франции, кто не помнил бы о последних двух вторжениях... Предложения Франции касательно Германии можно разделить на три пакета: Рур, Рейнская область, Саар. Именно с целью предотвратить использование богатств Рура для германской военной агрессии Франция предлагает отделение Рура от Германии в политическом смысле под между-

¹ FRUS. 1946. Vol. 5. P. 423.

² *Soutou G.-H. Deuil de la puissance (1914–1958) // Allain J.-C., Autrand F., Bély L., Guillen P., Soutou G.-H., Theis L., Vaisse M. Histoire de la diplomatie française. Paris, 2005. P. 822.*

народным контролем. Этот международный контроль должен носить как политический, так и экономический характер, и в его организации должны принять участие все заинтересованные страны. Конечно, основная роль будет отводиться странам, чьи интересы данный вопрос затрагивает в наибольшей степени. Данную интернационализацию Рура должны гарантировать международные силы. Угольные шахты и некоторые промышленные предприятия Рура следует поставить под международный контроль ... Местным жителям следует предоставить широкие права в сфере самоуправления». По мнению Бидо, без отделения Рура от Германии невозможно обеспечить недоступность экономического потенциала и ресурсов Рура для их использования в агрессивных целях. Глава МИД Франции также отметил: «Что касается Рейнской области, нужно, чтобы на левом берегу Рейна находился постоянный воинский контингент. Франция предоставит свои войска для контроля над территорией, прилегающей к её границе. При соответствующем желании Бельгия, Нидерланды и Великобритания могут взять на себя ответственность за север Рейнской области. В случае, если местное население согласится с демилитаризацией и наличием оккупации Рейнской области войсками союзников, оно получит полное право на самоуправление»¹. Что касается Саара, Бидо отметил, что Франция не стремится присоединить к себе данную территорию, но при этом добивается решения, которое согласовывалось бы с соображениями безопасности и со здравым смыслом. Глава МИД Франции указывал: «После Первой мировой войны саарские шахты стали собственностью Франции, и их следует вернуть Франции и поместить внутри французского таможенного и валютного пространства. Государственные службы Саара необходимо изъять из ведения германского рейха, и Франция должна осуществлять политический и военный контроль над территорией Саара, отдав гражданскую администрацию в руки местного населения»². В заключение Бидо подчеркнул важность этих предложений для Франции.

Согласно американской записи переговоров, Бевин в ответ заявил, что необходимо рассматривать не отдельно ситуацию с Руром, а германский вопрос в целом. Рур входил в британскую зону оккупации, и Лондон хотел избежать обсуждения исключительно сложившегося

¹ FRUS. 1946. Vol. 2. Council of Foreign Ministers. Washington, 1970. P. 395.

² Ibid. P. 396.

там положения дел. При этом, согласно заявлению Бевина, его позиция относительно Рура была не так уж и далека от позиции Франции, за исключением вопроса об отделении данной территории от Германии в политическом смысле. Глава МИД Великобритании подчеркивал, что по-настоящему первоочередной проблемой является разработка видения будущего Германии в целом, а не судьба какого-либо из её регионов. При этом сам же Бевин призвал французскую, американскую и советскую делегации рассмотреть вопрос о том, не следует ли поднять уровень промышленного производства Рура, если это можно сделать, не повредив безопасности Европы?¹ В свою очередь, согласно тому же источнику, глава советского дипломатического ведомства В. М. Молотов предложил остальным участникам заседания, включая и британцев, предоставить информацию о том, как в течение года ситуация в Руре эволюционировала в политическом и экономическом плане. Представитель СССР призвал сделать полезные выводы не только касательно Рура, но и касательно всей Германии. Бевин вновь отказался «выступить с докладом только о Руре». Бидо сказал, что Франция весьма заинтересована в обсуждении будущего Германии и что оно должно начаться с рассмотрения вопроса о площади Германии и её границах.

Бирнс выступил с подробным заявлением, в котором предложил разделить задачи выполнения Потсдамских соглашений на долгосрочные и краткосрочные. Он выдвинул инициативу создания экспертной комиссии, которой предстояло рассмотреть пять вопросов, включая и вопрос о статусе Рура и Рейнской области и о границах Германии, и подготовить предложения, которые, по его мнению, главам делегаций следовало обсудить во время второй части Парижской сессии СМВД. Бирнс отдельно упомянул о трех пунктах, которые, согласно его мнению, нужно было рассмотреть в сжатые сроки. В их число вошел и вопрос о Сааре.

В. М. Молотов пообещал внимательно изучить предложение Бирнса. Глава советской делегации заявил о нежелании выдвигать возражения против позиции Бевина, но также отметил, что, согласно его восприятию ситуации, французская сторона в первую очередь была заинтересована в проблемах Саара, Рейнской области и Рура и что он с пониманием относится к такой логике. В. М. Молотов подчеркнул особое значение проблемы Рура, представляющего собой военный по-

¹ Ibid. P. 397.

тенциал Германии. Напомнив о важности потсдамских принципов, он принял к сведению позицию Франции и выразил намерение изучить её предложения. Затем глава советской дипломатии вступил в спор с Бевином по поводу доступности информации о происходящем в британской зоне оккупации¹. После этого В. М. Молотов, Дж. Бирнс, Э. Бевин и Ж. Бидо договорились провести с целью специального обсуждения ряда проблем, связанных с будущим Германии, ещё одну встречу на следующий день.

Ранее, 30 апреля, американская сторона передала остальным участникам сессии СМВД проект «Договора о разоружении и демилитаризации Германии», незначительно отредактированный по сравнению с февральской версией того же документа². Ни Франция, ни СССР предложение Бирнса не поддержали.

Помимо этого, как уже было сказано, много внимания было в ходе Парижской сессии СМВД уделено подготовке мирных договоров с союзниками нацистской Германии и, в частности, с Италией. Бидо, в целом тяготевавший к франко-итальянскому альянсу, в феврале 1946 г. благожелательно отнесся к идее провести секретные переговоры с итальянским правительством, возглавляемым христианским демократом А. де Гаспери, но затем они были сорваны. В ходе Парижской сессии СМВД Бидо настойчиво добивался присоединения к Франции двух коммун – Танди и Ла Бриг, по состоянию на 1939 г. входивших в состав Италии³.

16 мая главы советской, американской, британской и французской делегаций провели неформальное заключительное заседание первой половины Парижской сессии СМВД. В ходе него Бидо продолжал настаивать на необходимости обсуждения проблемы Саара. В ответ Бирнс заявил, что не будет выдвигать принципиальных возражений против предложений Франции касательно Саара в том случае, если Париж перестанет препятствовать формированию центральных германских экономических агентств⁴. В сущности, американский госсекретарь предложил французам осуществить своего рода сделку. Реагируя на высказывания Бирнса, В. М. Молотов отметил, что впервые слышит о постановке проблемы будущего Германии в такой форме.

¹ Ibid. P. 398–399.

² Ibid. P. 190–191. Полный текст документа. P. 190–193.

³ *Béziat J.-R.* Op. cit., p. 247–248.

⁴ FRUS. 1946. Vol. 2. P. 427.

Согласно заявлениям Бевина, у него не было возможности дать определенный ответ на инициативу французской стороны¹. Он призывал обсуждать не отдельные аспекты германской проблемы, а всю проблему в целом. В частности, Бевин высказался за рассмотрение вопроса и о западной, и о восточной границе Германии. Бидо заявил, что не получил от участников сессии СМВД ни одного положительного ответа на свои предложения². Перспективы выполнения внешнеполитической программы Парижа оставались туманными.

Как следует из телеграммы Шовеля Массигли от 20 мая 1946 г., французская дипломатия ранее интерпретировала определенные заявления Бевина как серьезный шаг навстречу позиции Франции касательно Саара³. Однако 16 мая, в ходе встречи руководителей четырех делегаций, глава МИД Великобритании не стал занимать какой-либо определенной позиции по данному вопросу и предложил передать его на рассмотрение особой международной комиссии для выработки компромиссов. Это вызвало у французской стороны разочарование.

23 мая состоялась встреча Бевина и Массигли. В ходе неё глава МИД Великобритании высказался в иной тональности и, например, заверял посла, что по существу согласен с позицией Франции по вопросу о Сааре⁴. Между тем 31 мая лондонская «Таймс» опубликовала интервью с Гуэном. Глава французского правительства заявил: «Оборонительный альянс Франции и Великобритании в сочетании с существующими договорами и системой международной безопасности будет представлять собой важную гарантию. Однако позиции Франции и Великобритании как касательно Германии, так и касательно Северной Африки существенно различаются между собой»⁵. Говоря о Северной Африке, Гуэн имел в виду, вероятно, проблемы будущего итальянских колоний в Триполитании и Киренаике.

Переходя в более конкретной форме именно к германскому вопросу, он заявил, что, как представитель СФИО, является сторонником воссоздания единого германского государства, но просил не рассматривать данное заявление как заявление главы правительства. Гуэн настаивал на необходимости строжайших форм политического и

¹ Ibid. P. 428.

² Ibid. P. 429.

³ *Bézias J.-R.* Op. cit., p. 263.

⁴ DDF. 1946. Т. 1. Doc. 356. P. 804.

⁵ Times, 31.V.1946.

экономического контроля над Германией и высказался за практически бессрочный контроль международных сил над Рейнской областью и Руром. По его мнению, в будущем Германия должна была располагать «ограниченным» суверенитетом над Руром и Рейнской областью¹. Анализируя ответы Гуэна на вопросы о германской проблеме, журналисты «Таймс» сделали вывод о том, что позиция СФИО по данному пункту в малой степени отличается от позиции большинства правящей французской коалиции, которая не совпадала с дипломатической линией Лондона.

Тему отношений с Парижем Бевин затронул 4 июня, выступая в Палате общин: «Мы в полной мере осознаем, что Рур – это арсенал ... Не в меньшей степени, чем французы, мы настаиваем на том, чтобы этот арсенал не использовался снова в военных целях. В то же время Рур располагает огромным потенциалом не только для войны, но и для мира и повышения стандартов жизни по всей Европе. С этой целью кабинет министров внимательно рассмотрел документы, в которых предлагаются варианты будущего устройства Рура... Французы считают, что лишь путем отделения Рура от Германии в политическом смысле можно обезопасить себя от германской агрессии. Изучив эту проблему, я посчитал, что создание отдельной провинции под международным контролем, которую впоследствии нужно интегрировать в федеративную Германию, если она будет создана, станет лучшим вариантом. Это спорный вопрос, но я хочу подчеркнуть, что полностью осознаю опасности, исходящие от сильной централизованной Германии... Мы подходим к данному вопросу без какого-либо догматизма и без каких-либо секретов»². Это заявление главы МИД Великобритании Массигли оценивал положительно и считал результатом франко-британских переговоров, состоявшихся 23 мая³. Вместе с тем, конечно, нет оснований утверждать, что Бевин в полной мере солидаризировался с требованиями Парижа по германскому вопросу.

Между тем за время первой части Парижской сессии СМВД во Франции произошли важные внутривнутриполитические события. 19 апреля 1946 г. Учредительное собрание одобрило поддержанный социалистами и коммунистами конституционный проект, который предусматривал, например, создание однопалатного парламента. 5 мая на рефе-

¹ Ibidem.

² Times, 5.VI.1946.

³ DDF. 1946. Т. 1. Commentaires au doc. 356. P. 805.

рендуме данный проект Конституции был отвергнут большинством избирателей (51,6%)¹. Теперь Франции предстояли выборы в новое Учредительное собрание, и состояться они должны были 2 июня 1946 г. Американцы пристально следили за развитием событий, и Кэффери был склонен объяснять итоги референдума, в частности, воздействием на французское общественное мнение жесткой дипломатической линии США, способствовавшей активизации электората, настроенного против коммунистов и близкой к ним фракции социалистов².

Между тем на франко-американские отношения, безусловно, существенно повлияла миссия Блюма. Дату его отъезда несколько раз переносили, но 14 марта он, тем не менее, направился в США. Вопрос о точном содержании поставленных перед ним задач вызывает в литературе дискуссию. П. Жербе отмечает: «Блюм располагал указаниями следующего характера: получить кредит на сумму в 4 млрд долларов, а в обмен на это пообещать установление в краткие сроки умеренного адвалорного таможенного тарифа и отказ от политики квот как средства защиты национальной промышленности при условии выполнения программы импорта в течение переходного периода»³. Известный французский журналист и историк, автор ряда работ биографического жанра Ж. Лакутор указывает, что французская сторона рассчитывала получить кредит в 5 млрд долларов⁴. В то же время, согласно американским внешнеполитическим документам, в феврале Бонне упоминал о кредите в 2 млрд долларов⁵.

Блюм пользовался большим уважением у видных американских общественных деятелей, у лиц, игравших значимую роль в президентских администрациях Ф. Рузвельта и Г. Трумэна. В то же время финансовые запросы Парижа представлялись руководству США завышенными. На деле политическая атмосфера в Вашингтоне не была особенно благоприятной для Франции, которую зачастую представители американского общественного мнения рассматривали как «дирижистское», «колониалистское» и противостоящее Соединенным Штатам по ряду

¹ Шмелев Д. В. Партия МРП и де Голль в годы IV Республики // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. С. 187.

² FRUS. 1946. Vol. 5. P. 449–450.

³ Gerbet P., Laloy J. Op. cit., p. 133.

⁴ Lacouture J. Léon Blum. Paris, 1977. P. 532.

⁵ FRUS. 1946. Vol. 5. P. 416.

пунктов германской проблемы государство¹. Помимо этого, с весьма серьезными трудностями предстояло столкнуться администрации Трумэна во время ратификации «английского займа» (кредита, который она хотела дать Лондону) по большей части оппозиционным Конгрессом: эту меру представители президента США стремились представить, вопреки прозвучавшим в феврале возражениям со стороны французской дипломатии, как единичный случай, обусловленный важностью Великобритании в системе мировой торговли.

Таким образом, вариант с обращением к Конгрессу о необходимости помощи Франции даже не рассматривался. При этом сохранялась возможность обратиться к Международному банку реконструкции и развития и Экспорт-Импорт-банку, но в таком случае Франции могла быть предоставлена лишь сумма, значительно уступающая её запросам. Французы полагали, что США ради поиска внешних рынков будут готовы предоставить своим партнерам кредиты значительного масштаба². Однако на деле американская промышленность, помимо внешних рынков сбыта, располагала весьма емким внутренним рынком, и весьма широкое распространение получило представление о том, что массовая продажа товаров за рубеж таит в себе ряд опасностей для экономики США.

19 марта состоялась беседа Блюма с Бирнсом. Блюм заявил, что Франция получает лишь 300 тыс. тонн в месяц из угля, добываемого в Руре, и требовал повышения этих цифр³. У СФИО было меньше разногласий с США по германскому вопросу с США, чем у де Голля и Бидо, но все же нет оснований говорить об отсутствии противоречий между Гуэном и Трумэном по данному пункту. Несомненно, этой проблемой содержание консультаций представителей Парижа и Вашингтона не исчерпывалось. Сторонам предстояло более десяти недель переговорного процесса, повлекшего за собой результаты, которые скорее разочаруют Париж. Все-таки миссия Блюма достигла не всех целей, которых хотело добиться правительство Франции.

4 апреля Блюм сообщил Гуэну и Бидо о создании смешанной комиссии, состоящей из участников французской делегации и представителей американского Госдепартамента, департамента торговли и Федерального резервного банка. Лидер социалистов указывал, что к

¹ *Gerbet P., Laloy J.* Op. cit., p. 134.

² *Ibidem.*

³ FRUS. 1946. Vol. 5. P. 419.

аналогичной процедуре США прибегли перед предоставлением кредита Великобритании и что, по мнению ряда американских экспертов, французское правительство избрало лучший из возможных вариантов действий, когда изложило американскому руководству общий план своих усилий в сфере экономики.

К 4 апреля в беседах с Блюмом представители Госдепартамента выразили желание сосредоточиться в ходе переговорного процесса в первую очередь на следующих пунктах: защита американских экономических интересов во Франции, урегулирование всех вопросов о долгах и возмещении ущерба, связанных с двусторонним взаимодействием в ходе прошедшей войны, импорт американских фильмов во Францию; и также американцы рассматривали возможность мер, позволявших уменьшить затраты французского бюджета в сфере морских перевозок¹. В некоторой степени содержание предстоявших франко-американских договоренностей предвосхищалось донесением Блюма. Важно отметить, что ему удалось избежать масштабного обсуждения в ходе переговоров с американцами принятых и готовившихся на тот момент во Франции законов о национализации отдельных секторов экономики². В то же время уже к середине апреля правительству Гуэна была ясна неизбежность уступок в вопросах защиты французских производителей от иностранной конкуренции.

Между тем в американских кругах существовали несколько различных тенденций, споривших между собой по вопросу о необходимом объеме помощи Франции. 25 апреля в ходе заседания Национального консультативного совета заместитель госсекретаря У. Клэйтон отметил, что, согласно мнению руководства дипломатического ведомства, «по политическим причинам Франции нужно предоставить настолько щедрую помощь, насколько это возможно»³. 6 мая Клэйтон на заседании Национального консультативного совета заявил, что кредита размером в 500 млн долларов может оказаться недостаточно для стабилизации ситуации во Франции. Он предложил предоставить Парижу кредит в размере 650 млн долларов при посредничестве

¹ DDF. 1946. T. 1. Doc. 245. P. 560–561.

² *Bossuat G.* La France, l'aide américaine et la construction européenne. 1944–1954. Vol. 1. Paris, 1997. <https://books.openedition.org/igpde/2704#bodyftn2> (дата обращения: 28.07.2019).

³ FRUS. 1946. Vol. 5. P. 432.

Экспорт–Импорт–банка. Большинство членов Совета одобрило предложение Клэйтона¹.

П. Жербе выделяет две фазы миссии Блюма: до и после 10 мая. Первая фаза (до 10 мая) была посвящена рассмотрению французского плана и платежного баланса государственного бюджета Франции. По её итогам, после ряда споров, американцы расценили план французской стороны, скорректированный под их влиянием и теперь предусматривавший больший, чем ранее, объем экспорта ряда товаров, как «разумный». Тогда договаривающиеся стороны перешли ко второй фазе консультаций, в ходе которой обсуждались конкретные денежные суммы будущей помощи.

К 15 мая руководство США одобрило идеи, высказанные Клэйтоном в начале месяца. Более того, Парижу предлагалось, помимо займа от Экспорт–Импорт–банка, также получить кредит от Международного банка реконструкции и развития на 1947–1948 гг. Однако это в любом случае заметно уступало первоначальным запросам французской стороны. 22 мая состоялась встреча между Блюмом и Трумэнном, во время которой представитель Парижа выразил глубокое разочарование ходом переговоров. Он даже заявил, что намерен покинуть Вашингтон на следующий день. Тогда американцы сделали некоторые уступки по вопросу о выявлении и оценивании «излишков» – находившихся во Франции американских активов, которые Вашингтон был готов продать на льготных условиях, – и способах использования заемных средств, предоставляемых Франции Экспорт–Импорт–банком.

В итоге соглашения по экономическим вопросам между Францией и США от 28 мая 1946 г. состояли из 7 частей: 1) Протокол соглашений; 2) Соглашение об урегулировании вопроса о ленд-лизе; 3) Меморандум о долгах по морским делам; 4) Декларация о торговой политике; 5) Соглашение о кино; 6) Письмо президента Экспорт-импорт-банка о предоставлении кредита; 7) Декларация Трумэна и Гуэна.

29 мая 1946 г. Гуэн сделал заявление о значении подписанных накануне франко-американских соглашений по экономическим вопросам: «Мы получили в рамках ленд-лиза поставки в военной сфере в размере 2250 млн долларов и поставки в гражданской сфере на сумму 180 млн долларов. Когда ленд-лиз был прекращен, мы получили 400 млн долларов в виде кредитов для закупок различных товаров.

¹ Ibid. P. 445–446.

Наконец, Экспорт–Импорт–Банк в конце прошлого года согласился нам выделить в кредит 550 млн долларов в конце прошлого года»¹. Согласно подсчетам руководства Франции, для выполнения пятилетнего плана, разработанного известным экономистом Ж. Монне, необходимо было найти 6, 15 млрд долларов.

Гуэн планировал получить для бюджета 3 млрд долларов за счет золотовалютных резервов, активов за рубежом и кредитов, договоренность о которых уже была достигнута, и примерно 940 млн – за счет кредитов не из американских источников и репараций. Таким образом, правительству Франции «оставалось» изыскать средства для восполнения 2 млрд долларов дефицита платежного баланса. Достигнутые договоренности позволяли найти большую часть соответствующей суммы и «забыть» о военных долгах, образовавшихся в результате ленд-лиза. Гуэн также сообщил, что Соединенные Штаты пообещали поддержать требования Франции касательно германского угля².

В совместной декларации Трумэна и Гуэна о соглашениях 28 мая получил отражение весь комплекс вопросов, по которым стороны пришли к компромиссу. Она гласила: «Только что в Вашингтоне состоялась встреча представителей Временного правительства Французской Республики и американского правительства, в ходе которой были рассмотрены важные экономические и финансовые проблемы в соответствии с общими интересами двух стран. В ходе встречи обсуждались вопросы о потребностях Франции в кредитах от других стран для восстановления и модернизации её экономики, об урегулировании вопросов ленд-лиза, взаимопомощи и денежных расчетов времен войны, о выкупе американских активов, расположенных во Франции и некоторых французских заморских территориях и объявленных «излишками», о приобретении Францией американских судов и о международной торговой политике... Одно из необходимых условий для реализации этой программы – это снабжение французской экономики достаточным объемом угля, которое должно обеспечиваться не только ростом добычи угля во Франции, но также и за счет импорта угля из Германии»³. Правительство США пообещало помочь Франции в обеспечении достаточного объема поставок немецкого угля.

¹ Le Monde, 30.V.1946.

² Ibidem.

³ Annales de l'Assemblée nationale constituante élue le 2 juin 1946. Documents: tome unique du 11 juin 1946 au 5 octobre 1946. Paris, 1951. P. 258.

В декларации Трумэна и Гуэна также отмечалось: «В конце 1945 г. Экспорт–Импорт–банк дал Франции в долг 550 млн долларов. Совет директоров этого банка только что одобрил предоставление Франции нового кредита в 650 млн долларов. Эта мера принята в ожидании начала полномасштабного функционирования Международного банка реконструкции и развития. Стороны пришли к соглашению о полном и окончательном урегулировании в вопросах ленд-лиза и взаимной помощи, касающемся поставок в военной и гражданской сфере... Они также договорились о приобретении французской стороной различного имущества американской армии и флота, находящегося во Франции и некоторых французских заморских территориях и объявленного «излишком».» По условиям соглашений 28 мая Франция получила кредит на сумму в 720 млн долларов для покупки указанных «излишков» и урегулирования вопроса о поставках, осуществленных с момента завершения войны.

Анализируя политический аспект миссии Блюма, следует отметить, что отечественный исследователь С.С. Салычев рассматривал её как определенный шаг на пути к отказу от трехпартийной коалиции¹. Возможно, в ходе неё один из лидеров СФИО обсуждал с американцами перспективы формирования во Франции нового правительства – без участия коммунистов.

Влияние миссии Блюма на урегулирование германского вопроса оказалось неоднозначным. Непосредственно по её итогам Франция не стала снимать своих требований касательно трех западных регионов Германии. Конечно, этот вопрос сохранял первостепенную важность для Парижа. К середине 1946 г. промежуточные итоги обсуждения вопроса о Руре и о рурском угле являлись скорее неудачными для французской дипломатии². В то же время, как показывает, например, анализ сделанных 16 мая заявлений Бирнса, в период, когда у власти в Париже находилось правительство Гуэна, начали складываться определенные предпосылки будущего компромисса между Францией и англо-американскими союзниками касательно Саара. В результате него с 1947 по 1957 г. Саар будет, в сущности, находиться под протекторатом Парижа.

¹ Салычев С. С. Идеология и политика французской социалистической партии (1944–1964 гг.). М., 1966. С. 127–128.

² Макаренкова Е. М. Французская социалистическая партия в годы IV Республики. Москва, 1973. С. 59.

2 июня во Франции состоялись выборы в новое Учредительное собрание. По их итогам первое место заняла МРП, набрав 28,2% голосов¹. Коммунисты получили поддержку 25,9 % избирателей, социалисты – 21,1% голосов. Посчитав подобные результаты неудачными для СФИО, 12 июня 1946 г. Гуэн ушел в отставку.

Сохранявшаяся на тот момент международная обстановка имела черты, вполне характерные для периода, продолжавшегося в течение примерно года после речи на тот момент уже бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля в Фултоне (5 марта 1946 г.). Нарастание взаимных претензий СССР и Запада сочеталось с возникновением определенных возможностей и перспектив для достижения компромисса. В этих условиях руководство Франции продолжало проводить политику, не подразумевавшую солидаризации ни с проамериканским, ни с просоветским блоком. От некоторых её элементов Париж не будет отказываться вплоть до конца 1947 г.

¹ Шмелев Д. В. Указ. соч. С. 187.

ШМЕЛЕВ Д. В.*

ЖАН ЛЕКАНЮЭ ПРОТИВ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ: ИЗ ИСТОРИИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 1965 ГОДА ВО ФРАНЦИИ

В истории V Республики первые президентские выборы прямым всеобщим голосованием способствовали обострению политической борьбы вокруг кандидатуры Г. Деффера и создания Федерации демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС), кандидатуры единого кандидата левых сил Ф. Миттерана против де Голля и др. Одним из эпизодов политического противостояния стало выдвижение центристской кандидатуры Ж. Леканюэ.

История противостояния христианской демократии и голлизма уходит корнями в события первых послевоенных лет, и связана с острой политической борьбой между христианской демократией и голлизмом¹. После возвращения де Голля к власти в 1958 г. французские политические партии стали свидетелями эволюции режима, прежде всего изменения характера отношений между правительством и парламентом, между главой государства и правительством, что дало им почву для критики способа осуществления власти и трактовки институтов. Такая стратегия де Голля неизбежно вызывала растущее сопротивление главных политических сил страны. Оно проявлялось во время дискуссий в Национальном собрании и Сенате, во время избирательных кампаний разного уровня. Президентские выборы 1965 года стали своего рода кульминацией противостояния, которое найдет продолжение в майских событиях 1968 г. и последующей отставке де Голля в апреле 1969 г. Именно в этот период на политической сцене взошла звезда Ж. Леканюэ, который

* Шмелев Дмитрий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Казанского федерального университета.

¹ Эти события описаны в: *Béthouart B. La rupture De Gaulle et le MRP // La Recomposition des droites en France à la Libération, 1944–1948. Rennes, 2004. P. 25–36; Шмелев Д. В. Партия МРП и де Голль в годы IV Республики // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 2. Вып. 1. С. 183–192.*

из партийного и государственного функционера быстро превратился в политика национального масштаба. Президентские выборы 1965 г. стали шансом для него сформулировать альтернативу де Голлю и создать вокруг себя широкое движение политических единомышленников.

В марте 1962 г. с подписанием Эвианских соглашений был положен конец войне в Алжире. В центре политических дискуссий вновь оказались проблемы «личной власти» и строительства единой Европы. Обострению политических баталий способствовало решение де Голля без каких-либо политических консультаций заменить М. Дебре на посту премьер-министра на Ж. Помпиду. В рядах неголлистских партий быстро росло недовольство практикой «единоличного осуществления власти». В июне 1962 г. в парламенте возник кризис из-за отказа правительства принять резолюцию парламента, где были бы отражены его требования к внешнеполитическому курсу страны¹. 13 июня 1962 г. 293 депутата парламента (кроме ЮНР и ФКП) подписали «европейский манифест», подтвердив тем самым оппозицию европейской политике де Голля². В июле ряд партий отказались голосовать за военные кредиты для создания атомного оружия и подписали парламентскую резолюцию порицания правительству. К этому спустя несколько недель добавился конфликт по конституционной реформе, предложенной де Голлем (прямые всеобщие выборы президента Республики). В октябре 1962 г. после вынесения оппозиционными депутатами «резолюции порицания» Национальное собрание было распущено и были назначены новые выборы. Партии, перешедшие в оппозицию, организовали т.н. «картель сторонников “нет”», призывая выступить единым фронтом на парламентских выборах и отрицательно ответить на референдуме.

Итоги парламентских выборов 1962 г. продемонстрировали серьезный разрыв между официальной линией оппозиционных партий и настроениями их электората, поддержавшим политику президента Ш. де Голля. На референдуме 23 октября 1962 г. 61,7% голосовавших поддержали реформу де Голля. На парламентских выборах 18 и 25 ноября 1962 г. «картель сторонников “нет”» потерпел поражение. Поэтому политическая ситуация во Франции, сложившаяся вследствие проведения конституционного референдума и досрочных парламентских выборов осенью 1962 г., которые привели к поражению антиголлистской оппозиции, оставалась драматичной и напряженной.

¹ J. O. Assemblée Nationale. Débats parlementaires. 1962. 13 juin. P. 1666–1667.

² Becker J.-J. Histoire politique de la France depuis 1945. P., 2000. P. 92.

Христианско-демократический центризм эти события погрузили в состояние глубокого внутрипартийного кризиса. Для его преодоления были предприняты внутренние изменения в партии Народно-республиканское движение (МРП), когда к ее руководству пришло новое поколение христианских демократов – Ж. Леканюэ, Ж. Фонтане, П. Абелен. В апреле 1963 г. Ж. Леканюэ стал председателем партии, что символизировало окончательный уход послевоенного поколения лидеров-основателей, лишенных былого политического влияния. В парламенте возникла фракция «Демократический центр», костяк которой составили депутаты, избранные от МРП (55 депутатов: 38 от МРП и 17 от «центристов»). По инициативе Ж. Фонтане был создан «Комитет исследований и связи французских демократов» с участием «независимых», радикалов и некоторых социалистов центристского толка.

Жан Леканюэ родился в небогатой руанской семье. В школьные и студенческие годы увлекся изучением литературы, истории и философии. В 1942 году получил звание профессора и преподавал философию в колледжах Дуэ и Лилля. В период оккупации участвовал в Сопротивлении, помогая укрываться евреям. В августе 1944 г. был арестован гестапо за участие в подпольной диверсионной группе, готовившей взрыв железной дороги Лилль-Брюссель, но сумел бежать. После Освобождения поступил на государственную службу и работал в должностях генерального секретаря и генерального инспектора в министерствах информации, финансов, внутренних дел, торгового флота. Тогда же он вступил в партию МРП и в 1951 г. впервые был избран в Национальное собрание. В своих выступлениях Ж. Леканюэ занимал жесткую антикоммунистическую позицию, не поддержал Женевские соглашения по Индокитаю, проявлял себя убежденным европейцем. С 1959 г. он стал сенатором от департамента Приморская Сена, где выступал по вопросам международной политики и военных программ¹.

Приход в партию МРП нового поколения политиков вовсе не означал отказа от антиголлизма в политической стратегии христианских демократов. По-прежнему ставилась четкая стратегическая задача – закрепить антиголлистскую позицию (новые лидеры МРП признавали невозможность какого-либо согласия с голлистской партией Союз за

¹ См., например, биографии Ж. Леканюэ: *Chaline N.-J. Jean Lecanuet. P., 2000; Priol Ph. Jean Lecanuet, le vol de l'albatros. Caen, 2001.*

новую республику (ЮНР) в данный момент по многим вопросам, хотя и допускали создание временных избирательных коалиций на местах), осуществить разворот к центру (но центру не христианско-демократического толка, как хотела долгие годы партия МРП, а понимаемому в широком смысле – от «независимых» до умеренных социалистов), попытаться наладить конструктивное сотрудничество с социалистами (хотя необходимо отметить, что эта цель выглядела несколько иллюзорной ввиду активного сотрудничества между Социалистической партией (СФИО) и коммунистами).

С мая 1964 г. для освещения новой стратегии и консолидации сил вокруг Ж. Леканюэ начинает выходить новый ежемесячный орган «Курьер демократов». На его страницах обсуждались как актуальные политические и социально-экономические проблемы, так и новая стратегия христианской демократии. Издание первоначально позиционировало себя как орган «Комитета исследований и связи демократов». В одном из номеров так объяснялись задачи новой стратегии ввиду неопределенности политической ситуации во Франции: подготовить постголлизм (обновляя методы, цели, людей), создать новую партию, которая «имеет целью объединить большинство людей, заботящихся о стабильной и эффективной демократии, бесспорно, знающих, потребности организованной экономики, в которой свобода предпринимательства, производства и потребления может существовать лишь благодаря координации и дисциплине, то есть демократически подготовленному плану». Новая стратегия предполагала отказ от двухпартийной системы англо-саксонского типа, нарушающей политическое равновесие, через создание широкого и стабильного объединения главных течений французской демократии, исключая авторитарную правую и крайне левых¹.

В партийной прессе и выступлениях в руководящих инстанциях партии постепенно проступали контуры новой программы. Они содержали как ряд прежних тезисов христианской демократии, так и несколько конъюнктурных требований, что призвано было подчеркнуть преимущество идей и адекватную оценку ситуации. Можно выделить три крупных блока: во-первых, отсылка к персонализму (личность, свобода и т.п.), во-вторых, требование политической и со-

¹ Pourquoi le Comité d'études et de liaison des démocrates? // Courrier des démocrates. № 2. Juin 1964.

циальной демократии (государство как хранитель общего блага, планирование, свобода предпринимательства, перераспределение ресурсов), в-третьих, регионализация (децентрализация). Что касается требуемых реформ, то их перечень отражал текущее состояние функционирования институтов и ход парламентских дебатов и был призван подчеркнуть вовлеченность партии в политическую жизнь.

Муниципальные выборы 14 и 25 марта 1965 г. продемонстрировали фактическое отсутствие единства действия в рядах правых и левых в крупных и средних городах. Среди официальных списков СФИО был 21 список союза с правыми, центристами, МРП и «независимыми». Из 81 города с населением более 30 тыс. жителей правые выступили единым фронтом лишь в 34 городах. В 47 других городах «атакам» со стороны ЮНР подверглись все партии¹. Что касается итогов выборов для МРП, то из 12 «уходящих» мэров 10 было переизбрано и выиграно 4 новых мэрии. МРП одержала верх в Блуа, Ле Мане, благодаря поддержке ЮНР, выиграла у социалистов Кламар и Бург-ан-Бресс, но проиграла в Монтобане и Шоле². Ее влияние осталось стабильным.

Анализируя итоги прошедших в марте 1965 г. муниципальных выборов (которые рассматривались как срез настроений общественного мнения в преддверии президентских выборов в декабре того же года), «Курьер демократов» указывал на два важнейших результата: тенденция к упрощению «веера списков», особенно в городах (в среднем было представлено три-четыре списка в каждом), «почти полное объединение вокруг трех полюсов вместо дуэли между ЮНР и коммунистами» (левые, правые и центр как третий полюс). Касаясь политических «предпочтений», отмечалось, что на левом фланге объединения включали преимущественно коммунистов, Объединенную социалистическую партию (ОСП), СФИО, в центре – под знаком комитетов демократов (народные республиканцы, радикалы, социалисты, «независимые»), справа – списки ЮНР и «независимых республиканцев». Общий вывод бюллетеня гласил: «мэрии крупных городов контролировались центристскими списками»³. Такой вывод создавал иллюзию возможности формирования прочной альтернативы де Голлю.

Дальнейшие дискуссии как в рядах МРП, так и среди политических сил, оппозиционных голлизму, прошли под знаком двух собы-

¹ *Martin P.* Les élections municipales en France depuis 1945. P., 2001. P. 74–75.

² *Martin P.* Op. cit., p. 79–80.

³ Centre Démocrate: la voie est ouverte // *Courrier des démocrates*. № 8. Avril 1965.

тий: возможного выдвижения кандидатуры социалиста Г. Деффера на предстоящих в 1965 г. президентских выборах и обсуждения проекта создания демократической и социалистической федерации.

Продвигая свой проект широкого центристского объединения, партия МРП не осталась в стороне от дискуссий вокруг единой кандидатуры на президентских выборах, которая была бы противопоставлена де Голлю, и проекта «Федерации». Также с приближением даты выборов для членов партии становилось очевидным, что Ж. Леканюэ разыгрывает свою личную карту, стремясь освободиться от груза прошлого МРП и что дискуссии об объединении с социалистами в его понимании не более чем политический маневр.

После провала кандидатуры Г. Деффера в июне 1965 г. и отказа А. Пинэ в сентябре того же года стать кандидатом на президентских выборах, Ж. Леканюэ в октябре сделал ключевое заявление: «Центр будет иметь своего кандидата в любом случае. Если никто не представляет более сильного потенциала голосов, чем я, то я соглашусь быть таким кандидатом». Будучи председателем МРП, Ж. Леканюэ получил поддержку ее членов. Тогда же были проведены переговоры с профсоюзами, в том числе с Французской конфедерацией христианских трудящихся (ФКХТ). После заседания национального бюро МРП 15 октября 1965 г. Ж. Леканюэ официально объявил о выдвижении своей кандидатуры на президентские выборы¹.

26 октября 1965 г. на пресс-конференции он обозначил основные аспекты своей предвыборной программы. В экономической области он подчеркнул важность сохранения свободного обмена между западными странами и отверг возврат к протекционизму, «то есть дороговизне жизни, стагнации уровня жизни и безработицы». Он отметил важность европейской экономической интеграции и создания Общего рынка. По его словам, в современном мире, где доминируют СССР, США, а завтра будет доминировать Китай, для Франции нет иного спасения кроме как «интеграция в свободную Европу»: «независимость не является реальной», а «свобода эффективна лишь в могуществе», но «могущество возможно для нас лишь в единой Европе». Ж. Леканюэ утверждал, что V Республика не дает средства для достижения этой цели. Европа в его понимании является единственным средством «не попасть под американскую гегемонию». «Это также единственное средство установить

¹ Forces nouvelles. 1965. 15 oct.

подлинное военное равновесие, включая, если понадобится, атомное, внутри Атлантического альянса и сделать возможным, таким образом, сотрудничество равных партнеров между единой Европой и Соединенными Штатами Америки», – отметил он. В случае своего избрания Ж. Леканюэ обещал скрупулезно применять конституцию. Президент должен осуществлять арбитраж, парламент должен контролировать, правительство управлять. Парламентское большинство, «перестав быть безусловным», будет полностью осуществлять свой контроль. Он также высказался в пользу «автономного, либерального и плюралистического статуса ОРТФ [Организация французского телевидения и радио. – Д. Ш.]». Наконец, Ж. Леканюэ объявил о своем желании упростить политические течения и «создать центр политической жизни, то есть демократическое, социальное и европейское движение». Его лозунгами стали «новая политика» и «новая политическая сила». Ж. Леканюэ объявил себя «кандидатом предложения» и выразил намерение привлечь в случае своей победы к управлению страной самые широкие политические силы¹.

Впрочем, поддержка Ж. Леканюэ была все же очень размытой. Если рядовые члены МРП высказались за его кандидатуру, то отдельные лидеры партии были более сдержанными. П. Пфлимлен поддерживал Леканюэ не без колебаний, скорее по «европейским причинам» и из-за приверженности того Атлантическому альянсу, уточняя при этом, что для него нет речи о проведении антиголлистской кампании и противостоянии режиму. Однако М. Шуман, например, воздержался от проведения кампании в поддержку Ж. Леканюэ из-за своих симпатий к голлизму. Справа Ж. Леканюэ получил поддержку Национального центра независимых и крестьян (НЦНК), таких личностей как бывший адвокат маршала Петена Ж. Изорни или лидер католиков-интегрисов Ж. Сож. Слева он мог рассчитывать на поддержку радикалов М. Форэ и Ж. Дюамеля, но не всей партии радикалов. Журнал «Экспресс», ранее инициировавший дискуссию о виртуальном кандидате «Месье Х», поддерживал одновременно Ф. Миттерана и Ж. Леканюэ².

Компенсировать слабость поддержки предполагалось за счет проведения динамичной избирательной кампании. Она строилась уже по современным канонам, на американский манер. Следует отметить, что

¹ Le Monde. 1965. 28 oct.

² Dreyfus F.-G. Histoire de la démocratie chrétienne en France. P., 1988. P. 335.

именно во время этой избирательной кампании политический маркетинг активно вводится в электоральный процесс. В него включаются телевидение, опросы общественного мнения, афиши в городах на манер голливудских и эксперты по коммуникации. В 1964 г. государство гарантировало всем официальным кандидатам предоставление бесплатной возможности выступления по телевидению и радио. Кандидаты могли распоряжаться предоставленным временем по своему усмотрению, приглашая к сотрудничеству известных режиссеров и журналистов. В итоге, телевидение низводило президента с роли главного арбитра нации, все больше вовлекая его в «актерскую игру». Телеигра в форме дебатов между кандидатами становится важным фактором успеха на президентских выборах¹.

Предвыборный штаб Ж. Леканюэ учитывал роль опросов общественного мнения, иногда оптимистично полагаясь на них. В его избирательном штабе были специальные советники, консультировавшие по вопросам кампании (например, рекламщик М. Бонгран или партийный функционер Пьер Фошон, бывший директором его кампании). Был сформирован позитивный медийный образ кандидата, которого пресса преподносила как «французского Кеннеди» с белозубой улыбкой («Monsieur dents blanches»)². В целом, Ж. Леканюэ можно назвать первым центристским кандидатом, использовавшим политический маркетинг: телевидение (интервью с популярным тогда журналистом Леоном Зитроном), опросы общественного мнения, советы консалтинговых компаний.

Ж. Леканюэ, до выборов малоизвестный широкой публике, так позиционировал себя во время своего первого телевизионного выступления: «Я Жан Леканюэ, мне 45 лет, это возраст руководителей великих современных наций». Начавший с 3%-ного рейтинга (83% французов не имели о нем никакого представления) и не имевший не малейшего понятия, как проводить избирательные кампании на президентских выборах (образцом для многих служила президентская кампания Д. Ф. Кеннеди в 1960 г.), Ж. Леканюэ тем не менее смог серьезно подняться в рейтингах. Была также сделана ставка на афиши рекламного формата, особенно в крупных городах, и контакты с региональной прессой. На митингах кандидата избирателей встречали молодые

¹ Лебедева Т. Ю. Путь к власти. Франция: выборы президента. М., 1995. С. 15, 39.

² Rioux J.-P. Les centristes. De Mirabeau à Bayrou. P., 2011. P. 152, 173.

симпатичные улыбающиеся девушки, которые раздавали продукцию с символикой кандидата (шарфы, ручки, брелки). Как настоящий президент, Ж. Леканюэ путешествует по региональным центрам на большом белом самолете в сопровождении своей жены и предвыборной команды, арендует большие залы, заполненные избирателями. Ж. Леканюэ один из первых крупных политиков, кто открыл двери своего дома журналистам, рассказывал о своей семье, представлял перед прессой и избирателями в неформальной обстановке. Стратегия Бонграна была проста: создать персонажа, который рассказывает историю, и поставить эту историю на телевидении (т.н. *storytelling*). Ж. Леканюэ был молод, обаятелен, динамичен и оказался хорошим оратором. Опрос 29 ноября 1965 г. показал, что 36% телезрителей слушали именно выступления Леканюэ, а у 51% создалось хорошее впечатление от его выступлений и имиджа¹.

Все это контрастировало с образом Ш. де Голля на телевидении: величественной власти в торжественных декорациях Елисейского дворца, доминирующего монарха с министрами в партере, отвечающего на короткие вопросы после пространного монолога. Возраст де Голля также контрастировал с возрастом Леканюэ (он был старше примерно на тридцать лет), что отталкивало молодых избирателей. Как верно отметил М. Бонгран, уловив настроения молодежи: «Франция поколения бэби-бум очень хотела убить своего отца». Захваченные этим инновационным маркетингом, голлисты пытались дискредитировать Леканюэ залпом насмешек. Они говорили о «*мыльном кандидате*» (намекая на сериалы – т.н. «*мыльные оперы*»), о «*бочке для стирки Кена*» (отсылка к рекламной кампании стирального порошка), о мистере «*белые зубы и свежее дыхание*», о «*Кеннедилете*» (помеси Кеннеди и бритвы Жиллет). 30 ноября 1965 г., когда Леканюэ хотел провести самый крупный митинг в парижском Дворце спорта, символизировавшем бы апофеоз его избирательной кампании, голлисты тут же предложили де Голлю организовать в тот же день такой же и выступить на нем. Ответ последовал незамедлительно. Два экрана: то, что побольше, – для Леканюэ, на том, что поменьше транслируется выступление де Голля. Затем внезапно все гаснет и поднимается за трибуной огромный портрет Леканюэ. «*Синий прожектор освещает портрет*

¹ См: *Delporte Ch. Image, politique et communication sous la Cinquième République // Vingtième Siècle, revue d'histoire. № 72. Octobre-décembre 2001. P. 109–124.*

кандидата в тот момент, когда на экране появляется президент Республики. Внезапно он кажется старым и одутловатым (...). На трибунах отдельные смешки, потом еще кто-то смеется, затем целые пролеты. Де Голль, для тех 7000 человек, которые пришли на митинг, вероятно, проголосовали бы за него на 90% в мае 1958 года, является мертвым Богом, когда свет снова включается. Белый прожектор пересекает весь зал и упирается в крошечную дверь внизу и справа от трибуны. Момент тишины. Дверь открывается. Входит Жан Леканюэ... Зал неистово кричит. Он поднимается на трибуну. Обе руки над головой, как у боксера. Теперь он может говорить, что угодно. Влюбом случае, его приветствуют», – описывает журналист М. Котта. Произносимая речь проста и построена на триптихе «я-мы-вы». Она подкреплена ключевыми словами его политического проекта: будущее, прогресс, завтрашний день, современность, голлистская рутина, вернуться к повседневной жизни¹.

Ш. де Голль объявил о выдвижении своей кандидатуры 4 ноября 1965 г., за месяц до официальной даты выборов. Он не хотел вести открытую борьбу со своими соперниками, оспаривать их обвинения, вступать с ними в полемику. Он полагал, что его многолетняя деятельность на благо Франции говорит сама за себя². Расчет Ш. де Голля был на повторение успеха 1962 г. и переизбрание с первого тура. Некоторые надежды на это давали данные опросов общественного мнения, показывающие, например, намерения голосовать в октябре 1965 г. за де Голля 69% избирателей, за Ф. Миттерана 22%, за Ж. Леканюэ 5%. Но тактической ошибкой де Голля стало слишком позднее объявление о выдвижении своей кандидатуры – 4 ноября, когда общественное мнение стало меняться, а основные кандидаты уже вступили в борьбу. Знаковым моментом президентских выборов стало влияние телевидения. До начала кампании оппозиция почти вытеснена из него, но когда во время нее она получила доступ, то произвела «эффект шока» среди телезрителей: молодость кандидатов в противовес 75-летнему де Голлю, трансляция новых идей в противовес старым голлистским лозунгам. В итоге, к кануну первого тура выборов поддержка избирателей де

¹ Там же. См.: *Tiberi J.* En 1965, Lecanuet, le paquet de lessive qui défia de Gaulle. – URL: <https://www.lezephyr.org/mag.com/jean-lecanuet-communication-de-gaulle/> (дата обращения: 21.09.2019); *Delporte Ch.* Lecanuet en 1965: l'effet télévision? // *Matériaux pour l'histoire de notre temps.* 1997. № 46. P. 32–35.

² *Арзаканян М. Ц.* Де Голль. М., 2007. С. 205.

Голля снизилась до 43%¹. Причем Ш. де Голля совершил и ряд маркетинговых ошибок, пренебрегая телевидением иди выбрав, например, для избирательной кампании плакат с изображением Марианны в образе маленькой девочки с лозунгом «Мне семь лет, позвольте мне повзрослеть» (идея представления его как гаранта и защитника V Республики), что вызвало насмешки.

В первом туре президентских выборов, состоявшемся 5 декабря 1965 г., Ж. Леканюэ удалось собрать порядка 3 767 404 голосов (15,8%). Но этого оказалось недостаточным, чтобы преодолеть барьер первого тура. Во втором туре соревновались Ш. де Голль и Ф. Миттеран. По итогам голосования во втором туре победу одержал Ш. де Голль, набравший 54,5%².

Каким образом можно оценить итоги выборов для христианской демократии и центризма? Нет никаких сомнений, что они имели большое значение для функционирования институтов и имиджа оппозиции. В перспективе выборов, как отмечают французские историки С. Берстайн и М. Винок, оппозиция оказалась перед альтернативой: отказаться участвовать в выборах, бойкотируя их, «чтобы лишить ожидаемую победу Генерала всякого значения», или выставить против де Голля единого кандидата. Обе альтернативы выглядели опасными. Отказ от участия означал бы отказ от идеи всеобщего голосования, что нарушало программные положения ряда партий оппозиции, а также маргинализацию политиков, вставших на этот путь в условиях эры массовой демократии. В этом ключе кандидатура П. Мендес-Франса как возможного единого кандидата была лишена всякой перспективы. Но участие в выборах означало легитимацию этой процедуры, которая одновременно оказывалась чуждой политической культуре большинства руководителей оппозиционных партий. В итоге, оппозиция выбрала участие, тем самым сделав новый шаг к признанию институтов и правил игр. Участие оппозиции в выборах придало легитимность реформе де Голля. Но в ее рядах это было обставлено желанием лишить будущего главу государства самого эффективного его оружия – возможности прибегнуть к статье 16 конституции и права консультироваться с

¹ *Berstein S.* L'élection présidentielle dans le jeu politique français (1965–2005) // *Parlement(s). Revue d'histoire politique.* 2005. № 4. P. 58–59.

² *Becker J.-J.* Op. cit., p. 111–112.

народом через референдум¹. Однако Ш. де Голль проиграл в другом: выборы превратились не в столкновение между национальными политическими лидерами, а в борьбу партий, двух блоков. Сам уходящий президент вынужден был опереться на своих сторонников из ЮНР и «независимых республиканцев» В. Жискара д'Эстена. Таким образом, проект исключения партий из решающего голосования провалился².

Этот итог четко уловило руководство христианских демократов, которое, опираясь на высокий процент, полученный Ж. Леканюэ в первом туре, получило дополнительный импульс своей стратегии по созданию новой партии. Партии продолжали играть большую роль в политической жизни страны, хотя и были «скрыты» за своими кандидатами во время избирательной кампании. Было очевидно, что без опоры на них выиграть президентские выборы было невозможно. Осознавая этот факт, руководство МРП предпримет впоследствии серьезные шаги по сплочению электората вокруг Ж. Леканюэ.

Французский политолог Ж.-Л. Шарден, комментируя итоги выборов, отметил практическое отсутствие партий в ходе президентской кампании. По его словам, «антиголлизм, как и голлизм, связан с личностью». «Живые силы», о которых часто говорили соперники де Голля, почти не проявили свою «жизнеспособность» в последней фазе выборов. В итоге, имела место достаточно традиционная кампания на основе митингов, крупных собраний, встреч с нотаблями. Единственной новацией стали телевизионные выпуски с выступлениями кандидатов.

¹ Статья 16 гласила: «Когда институты Республики, независимость нации, целостность ее территории или выполнение международных обязательств оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных государственных властей прекращено, Президент Республики принимает меры, которые диктуются этими обстоятельствами, после официальной консультации с Премьер-министром, председателями палат, а также с Конституционным советом...» // Конституции зарубежных государств. М., 1996. С. 109.

² *Berstein S., Winock M. Le République recommencée. De 1914 à nos jours. P., 2008. P. 390, 392.* Желание Ш. де Голля покончить с «диктатурой партий» выглядит несколько двусмысленным на фоне принципов, заложенных в конституции V Республики: прямых всеобщих выборов президента и необходимость для правительства опираться на парламентское большинство. Таким образом, «мажоритарный факт» выступает конституирующим элементом новой политической системы. Кроме того, статья 4 конституции впервые в истории признавала роль партий в политической жизни // *Perraudeau E. Le système des partis sous la Ve République // Pouvoirs. 2001. № 4(99). P. 102.*

Для левых сил итоги выборов имели тройное значение: поддержка Ф. Миттерана привела к созданию нечто вроде «картеля левых сил», что делало затруднительным «центризм» Г. Деффера; ФКП вышла из политической изоляции, поддержав Ф. Миттерана; поддержка и опора самого Ф. Миттерана оказались весьма размытыми. Ситуация же для Ж. Леканюэ была сравнима с миттерановской, за исключением того факта, что Леканюэ мог безусловно опереться только на кадры партии МРП, председателем которой он являлся. Но его положение осложнял раскол электората, в котором были сильны проголлистские симпатии. Более того, во втором туре избиратели Ж. Леканюэ предпочли проголосовать за Ш. де Голля, а не Ф. Миттерана, дезавуируя тем самым своего антиголлистски настроенного кандидата¹.

Важным был факт, что Ж. Леканюэ и Ф. Миттеран стали политическими фигурами первого плана. Левая и правая оппозиция перегруппировались. Партии сумели адаптироваться к новым правилам. С 1965 по 1974 г. функционирует система «институционального треугольника». Во главе нее находится президент, избранный всеобщим голосованием, затем – премьер-министр, назначаемый президентом и контролирующий проведение в жизнь президентских решений, наконец, Национальное собрание, контролирующее функции которого оказываются парализованными мажоритарной президентской партией, гарантирующей нужное голосование по бюджету и избавленной от вотума недоверия своим численным весом².

Еще одним итогом президентских выборов 1965 г. стало принятие центристами правил политической игры. Ж. Леканюэ преуспел в забаллотировании Ш. де Голля, но не смог обеспечить единство центристов. По мнению политолога С. Сюра, они по-прежнему делились на три категории: те, кто был положительно настроен по отношению к де Голлю, те, кто положительно воспринял кандидатуру Ф. Миттерана, и те, кто выступал за сохранение центристской автономии³. Таким образом, среди центристов вопрос о смене политического режима уже не стоял. Реалистично оценивая разбросанность центристского электората по политическому спектру Франции, делая ставку на широкое

¹ *Chardin J.-L.* L'élection présidentielle et les forces politiques // *Revue française de science politique.* 1966. № 1. P. 206–207, 210, 212–213.

² *Berstein S.* L'élection présidentielle dans le jeu politique français... P. 61.

³ *Sur S.* L'assimilation progressive par les centristes // *Revue française de science politique.* 1984. № 4–5. P. 831.

объединение (т.е. сплочение центристского электората), Ж. Леканюэ в то же время отверг биполяризацию, предпочитая не делать явного выбора между голлизмом и левыми. Эта осознанная стратегическая ставка на широкое центристское объединение вокруг новой политической силы создавала дополнительную трудность в реализации проекта. Тем более, что налицо было совпадение между народным большинством, определяемым результатами референдума 1962 г. и президентскими выборами, и парламентским большинством, полученным в результате выборов¹.

Тем не менее, несмотря на поражение их кандидата в первом туре, итог президентских выборов для центристов можно признать позитивным. После президентских выборов руководство МРП стало форсировать создание новой политической группировки. Еще в ноябре 1965 г., во время президентской кампании, «Курьер демократов» опубликовал программные контуры будущей новой партии, которые концентрировали внимание на следующих постулатах: 1) стабильность требует «новой силы», которая должна объединить всех демократов; 2) необходимо гарантировать полную занятость, особенно трудоустройство молодежи, развивать «солидарность нации в пользу неблагоприятных категорий населения»; 3) продолжать политику «активной экспансии» в экономике; 4) развивать «Общий рынок», который предлагает «нашей экономике благоприятную среду организованной конкуренции и единственный, кто открывает нашему сельскому хозяйству перспективу растущего рынка сбыта, роста доходов и разделенного с партнерами финансирования»; 5) открытость ЕЭС Великобритании, равенство с США «в рядах переуровненного Атлантического альянса», равноправие с СССР в политике мирного сосуществования, поддержка стран «третьего мира» со стороны Соединенных Штатов Европы («новый гуманизм»)².

9 декабря 1965 г. Ж. Леканюэ заявил о предстоящем создании нового движения. 7 января 1966 г. был опубликован манифест, содержащий три основных темы: «новая сила», «план прогресса», «единая Европа»³. В этом же месяце на страницах «Курьера демократов» был дан анализ и перспективы политической стратегии новой партии. От-

¹ *Perraudeau E.* Op. cit., p. 109–110.

² Pour une force démocrate, sociale et européenne // *Courrier des démocrates.* № 11. Novembre 1965.

³ *Forces nouvelles.* 1966. 13 janv.

мечались успешные, по мнению издания, итоги президентских выборов для Ж. Леканюэ и центристов, но вместе с тем отвергалось мнение, что Ж. Леканюэ был «слишком справа», слишком очевидно располагал себя в правом центре, поскольку его поле маневра оказалось слишком узким из-за сложных отношений с Федерацией левых сил. Подчеркивалось, что отказ от союза с ФДСЛС был инициативой не только Ж. Леканюэ, но и продиктован эволюцией самой Федерации. Констатировался приход в политику нового поколения центристов и христианских демократов. В вопросе ближайших задач предписывалось организовать деятельность «департаментских команд» для подготовки к парламентскими выборам 1967 г.: провести социо-профессиональные исследования департаментов, расширить пропаганду и распространять информацию среди населения, развивать экономическую и социальную деятельность в рамках каждого департамента, установить контакты с организованными группами, общественными и политическими силами¹. Иными словами, была сделана ставка на конкретные политические проекты и шаги, призванные дать быстрый результат. Было определено название новой партии – «Демократический центр» (ДЦ).

2 февраля 1966 г. было официально объявлено о создании «Демократического центра». В него вступило большинство руководителей и активистов МРП, а также часть активистов Национального центра независимых и крестьян (НЦНК) и левоцентристов. В целом, «Демократический центр» призван был объединить христианских демократов, либералов и «умеренных левых» и открыть новый период политической борьбы с голлизмом. Важным было вписать новую партию в существующий расклад политических сил.

Наконец, методы политического маркетинга и новые избирательные технологии, впервые опробованные в ходе избирательной кампании 1965 г., прочно вошли в электоральную практику кандидатов. Если последующие президентские выборы 1969 г. еще можно считать вполне традиционными, то уже избирательная кампания В. Жискард'Эстена в 1974 г. стала ярким отражением новых реалий.

¹ Courrier des démocrates. № 12. Janvier 1966.

ЮРЧИК Е. Э.*

«ПОСЛЕДНЕЕ СУВЕРЕННОЕ ДЕЯНИЕ»: ОТРЕЧЕНИЯ ИСПАНСКИХ БУРБОНОВ ОТ ПРЕСТОЛА В ПУБЛИЦИСТИКЕ 1808 г.

1808 год стал рубежной датой в истории Испании. С марта по май 1808 года испанские Бурбоны, Карл IV и Фердинанд VII, дважды отрекались от престола¹. В мае во Байонне испанские короли передали права на трон императору французов. Текст абдикации Карла IV гласил: «Ныне я нахожусь в чрезвычайных обстоятельствах, и моя совесть, честь и доброе имя, которые я обязан оставить потомкам, настоятельно требуют, чтобы мое последнее суверенное деяние было направлено к единственной цели – спокойствию, процветанию, безопасности и целостности монархии, с тронem которой я расстаюсь, и к счастью моих подданных в обоих полушариях»². В июне монархом Испании и Индий стал Жозеф Бонапарт, а в июле испанцам была дарована первая в истории страны конституция. К декабрю большая часть страны находилась под контролем французской армии, испанская суверенная монархия фактически перестала существовать.

Законность прав Жозефа Бонапарта на престол и, следовательно, необходимость подчинения или сопротивления новым властям стала главной проблемой общественной жизни. Не менее важным был и вопрос о легальности прав Фердинанда VII, ведь именно в его защиту выступили патриотические силы – провинциальные хунты и Центральная Правительственная Хунта, созданная в конце сентября 1808 года. Обратились к ним и публицисты, взяв за точку отсчета ключевое поли-

* Юрчик Екатерина Эдуардовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории МГУ имени М. В. Ломоносова.

¹ Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

² Carta de renuncia de Carlos IV en Napoleón // *Gazeta de Madrid*. 20 mayo, 1808. Num. 48. P. 482.

тическое событие 1808 года – отречения Бурбонов от испанской короны. В их сочинениях можно выявить особенности испанской политической культуры рубежа XVIII–XIX вв., что в контексте современных исследований общественной мысли начала войны за независимость, представляется перспективной задачей.

И французские власти, и патриотические силы были равным образом заинтересованы в мобилизации населения, и прежде всего, элит, на свою сторону. «Овладейте прессой», – советовал в мае 1808 Наполеон И. Мюрату, командующему французскими войсками в Испании, что было воспринято как приказ и выполнялось с рвением¹. На территории, свободной от французов, с мая 1808 года публиковались пропагандистские сочинения всех жанров – прокламации, манифесты, памфлеты, трактаты; появились первые «патриотические катехизисы». Говорить о полной свободе печати, разумеется, преждевременно, но все же цензурные правила изменились. Инквизиция как институт контроля за умонастроениями и, следовательно, печатью перестала функционировать: во «французской зоне» – официально, в «патриотической зоне» – фактически. Политические пристрастия авторов стали главным критерием благонадежности и основанием для публикации, что существенно расширило тематику изданий. Политические проблемы превратились в главную тему публицистики, что было новшеством для испанской легальной печати.

На первый план вышло противоречие между легальностью и легитимностью прав монарха, то есть оппозиция между законодательной нормой и ее восприятием с точки зрения общественных представлений о справедливости. Испанские интеллектуалы не обращались к обсуждению этой дилеммы, да еще в контексте спора о правах государя на власть, со времен Войны за испанское наследство (1701–1714). Теперь проблема вновь обрела актуальность, и ее решение могло повлиять на исход войны.

Факт существования «общественного мнения» как действующего лица политики был не только признан как завоевателями, так и патриотами, но активно использовался в военном и политическом противостоянии. Постепенно противоборствующие стороны стали приписывать «общественному мнению» роль арбитра в решении вопроса о

¹ *Gil Novales A.* Los periódicos en el Madrid de 1808. Análisis // *Revista de historia militar.* N° Extra 1, 2004. P. 123.

законности прав на испанский трон брата французского императора, который для одних был Хосе (Иосифом) I, а для других – «королем-самозванцем» (*Rey Intruso*)¹.

Поскольку начало политического конфликта ассоциировалось с абдикацией испанских Бурбонов, то дебаты о легальности и легитимности развивались в контексте закона о престолонаследии, который в испанской общественной и юридической мысли XVIII столетия обрел статус фундаментального закона².

Вопрос о юридической состоятельности передачи прав на власть в результате отречений в Байонне в исторической литературе ставился не раз. Специалисты исследуют его формальную сторону, то есть законность акта на основании норм, действовавших в Испании весной 1808 года³. Другой подход заключается в изучении отношения современников к смене династии с точки зрения особенностей испанской политической культуры рубежа XVIII–XIX вв.⁴ В силу историографической традиции историки тяготеют к выявлению в интеллектуальной литературе и публицистике признаков либеральной идеологии как нового явления в истории испанских политических идей⁵. Отсюда и

¹ В отечественной историографии его принято называть «король Жозеф».

² *Coronas González S. M.* Las Leyes Fundamentales del Antiguo Régimen (Notas sobre la Constitución histórica española) // *Anales de la Historia del Derecho español*, 1995. P. 127–218. *Idem.* La ley en España del siglo XVIII//*Ibid.* Tomo LXXX, 2010. P. 183–242. *Idem.* De las leyes fundamentales a la constitución política de la monarquía española (1713–1812) // *Anuario de Historia del Derecho Español*. Tomo LXXXI, 2011. P. 12–82.

³ *De Diego E.* La crisis política en España de octubre 1807 a mayo 1808 // *Revista de historia militar*. N° Extra 1, 2004. P. 125–132. *Ruiz Miguel C.* Problemas de legitimidad en el origen del constitucionalismo español // *Asamblea: revista parlamentaria de la Asamblea de Madrid*, N 31, 2014. P. 35–66.

⁴ *Diego García E.* La verdad contruida: la propaganda en la Guerra de la Independencia// *La Guerra de la Independencia en España (1808–1814)*. Ed. A. Moliner i Prada. Madrid: Nabla, 2007. P. 209–254. *Fernández Sebastián J.* Guerra de palabras. Lengua y política en la revolución de España // *Guerra de ideas. Política y cultura en la España de la Guerra de la Independencia*. Ed. Pedro Rújula, Jordi Canal. Madrid: Marcial Pons Historia, 2011. P. 237–280. *Ramos Santana A.* “Habitantes del mundo todo”. Una aproximación a la propaganda en la Guerra de la Independencia // *Idem.* P. 281–312.

⁵ *García Moneris C.* El debate “preconstitucional”: historia y política en el primer liberalismo español // *El primer liberalismo: España y Europa. Una perspectiva comparada*. Madrid, 2003. P. 41–77. *Idem.* Notes a propos de la culture constitutionnelle d’Espagne avant la Constitution de 1812. P. 75–89 // *La guerre d’Indépendance et le libéralisme au XIX siècle*. Ed. Jean-Philippe Luis. Madrid: Casa de Velázquez, 2011.

предпочтение в выборе источников: это либо пропагандистские произведения (воззвания, манифесты, прокламации, «катехизисы»)¹, либо проекты или юридические труды, написанные политиками-интеллектуалами для своих коллег как руководство к действию². В источниках такого рода трактовка событий марта и мая 1808 года (от Аранхуэса до Байонны) не является основной темой и главной целью сочинений; это скорее повод для политических высказываний другого рода – призывов к сопротивлению завоевателям, к созыву кортесов, к созданию конституции. Большая часть изучаемых документов относится к более позднему времени, 1809–1810 годам, то есть к периоду деятельности патриотической Центральной Хунты, а затем Регентского совета и созыва кортесов. Идейная атмосфера начала патриотического движения, конца весны – начала осени 1808 года, изучается мало и как правило, в связи либо с мадридским восстанием 2 мая, либо с движением провинциальных хунт.

В обширном комплексе патриотической публицистики начала войны за независимость выделяется сравнительное небольшое количество сочинений, в которых легитимность власти Жозефа Бонапарта в контексте отречений Бурбонов является центральной. Они известны исследователям, но до сих пор использовались только для изучения формирования образа «пленного короля» Фердинанда VII³. Дилемма легальности и легитимности прав короля Жозефа рассматривается на

Р. 75–89. *Varela Suanzes-Carpeña J.* La monarquía española entre el absolutismo y el Estado constitucional: doctrina y derecho // 1802: España entre siglos. Monarquía, Estado, Nación. A. Morales Moya (Coord.). Madrid: Alianza, 2003. P. 79–87. *Fernández Sarasola J.* Las alternativas constitucionales en España (1808–1809) // La Constitución de Cádiz. Origen, contenido y proyección internacional. Madrid, 2011. P. 17–47.

¹ *Almuiña Fernández C.* Dos de Mayo madrileño. Las reacciones de la opinión pública // Dos de Mayo y sus precedentes. Actas del Congreso internacional. L. Enciso Recio (ed.). Madrid: Consorcio para la Organización de Madrid Capital Europea de la Cultura, 1992. P. 483–501. *López-Vidriero M. L.* Guerrilleros de papel: mil y más papeles en torno a la Guerra de la Independencia // Cuadernos de Historia Moderna. Num. 27, 2002. P. 199–215. *Gil Novales A.* Los periódicos en el Madrid de 1808. Análisis // Revista de historia militar. Nº Extra 1, 2004. P. 133–196.

² *Coronas González S. M.* De las leyes fundamentales a la constitución política de la monarquía española (1713–1812) // Anuario de Historia del Derecho Español. Tomo LXXXI, 2011. P. 12–82.

³ *La Parra López E.* Fernando VII: impulso y freno a la sublevación de los españoles contra Napoleón // Melanges de la Casa de Velázquez, 38-1, 2008. P. 33–52.

основе источников, появившихся в более поздний период, примерно со второй половины сентября-начала октября 1808 года, то есть после образования Центральной Хунты¹. Более ранние сочинения отошли на второй план в восприятии как современников, так и историков. Между тем, в памфлетах юристов, написанных между концом мая и сентябрем 1808 года, отразилась первая реакция на события; в них можно увидеть и традиционные, и новые черты политических идей.

Использованные нами произведения² опубликованы в Мадриде и

¹ *Cevallos Guerra P.* Exposición de los hechos y maquinaciones que han preparado la usurpación de la Corona de España y los medios que el emperador de los franceses ha puesto en obra para realizárla, por don Pedro Cevallos, primer Secretario de Estado y del Despacho de S. M. Fernando VII. Madrid: Imprenta real, 1808. Bolanos y Noboa P. Disertación histórico-político-legal, sobre la sucesión a la corona de España. Cadiz: Viuda de Gómez, 1811. Carta crítica sobre la disertación histórico-político-legal, que trata de la sucesión á la corona de España [J.A.C.]. Cádiz, Viuda de Gómez, 1811. Queipo y Llano J. M., conde de Toreno. Historia del levantamiento, guerra y revolución de España. Madrid: Centro de estudios políticos y constitucionales Madrid, 2008. P. 55–144. *Idem.* Noticia sobre los principales sucesos ocurridos en el gobierno de España, desde el momento de la insurrección de 1808 hasta la disolución de las Cortes Ordinarias en 1814, por un español residente en París. Paris: P. N. Rougeron, 1820. *Drouin J.-C.* L'image des entrevues de Bayonne chez quelques témoins et historiens au XIX siècle: de Cevallos a Savine 1808–1908// Napoleon, Bayonne et l'Espagne. P. 127–152. *Moreno Pastor L.* Pascual Bolaños y Novoa: La percepción de un jurista de la Crisis de 1808.// Cuadernos de Historia del Derecho. 2010, vol. Extraordinario P. 421–447. *Медников И. Ю.* Династический кризис в Испании 1808 г. и реакция России // Россия и Европа: дипломатия и культура. М.: Наука, 1995. С. 28–56.

² Derechos de Fernando VII vindicados, y justo dictamen que formará la posteridad sobre los sucesos de España ocurridos en el año de 1808, en oposicion á los Diarios de Madrid, y especialmente contra el dictamen de un Español que se dice imparcial ... Por un verdadero Español. D.R.A. Cádiz, 1808; Discurso histórico-político en defensa de la nación española, y de su legítimo rey contra el libelo titulado dictamen formada por la posteridad sobre los asuntos de España. Con una carta escrita en 24 de mayo al diarista de Madrid, y otra dirigida á Bonaparté y Murat. P.D.M.D.C.R.D.T. Cádiz: en la imprenta de d. Manuel Ximenez Carreño, 1808. Juicio crítico de los Documentos publicados por el Real y Supremo Consejo de Castilla, relativos a la abdicacion de la corona de estos Reynos en Napoleon I, Emperador de los Franceses. Por D.D.J.T.R.R.P.B. 1808. Cádiz, 1808. P. D. M. L. M. P. [López Malo M]. ¿Cuál hubiera sido la suerte de España, si Fernando VII no hubiera ido a Bayona? Madrid: por Gomez Fuentenebro y Compañía, 1808. *Jofrescochea C.* Fallo pronunciado en el tribunal de la verdad contra el libelo que se publico en Bayona: y extractó en Madrid : baxo el titulo de Dictamen que formara la posteridad sobre los acontecimientos de España : como infamatorio, calumniador y sedicios. Madrid: Hija de Ibarra, 1808. Manifiesto de los procedimientos del Consejo Real en los gravísimos sucesos ocurridos desde el octubre del año pasado. Madrid, 1808.

в Кадисе, в то время двух главных политических центрах Испании. Их авторы анализируют обнародованные документы, связанные с отречениями Бурбонов в пользу династии Бонапартов и интерпретируют их с учетом меняющейся обстановки: восстания 2 мая, созыва кортесов в Байонне 25 июня и публикации Байоннского статута 27–29 июля, битвы при Байлене, осад Сарагосы, боев за Валенсию. Публицисты читали сочинения друг друга. Так, в памфлетах, созданных в августе 1808 года, воспроизводятся аргументы авторов, писавших в июне-июле, причем иногда вплоть до дословных совпадений¹.

Большинство произведений анонимны: имена сочинителей спрятаны под аббревиатурами, которые пока не поддаются дешифровке. Исключением являются памфлеты «Речь, произнесенная на суде истины[...]против клеветы» за подписью Криспина Хофрескочеа и «Какова была бы судьба Испании, если бы Фердинанд VII не поехал в Байонну?» Мануэля Лопеса де Мало, скрывшегося под инициалами P. D. M. L. M. P (por don Manuel López de Malo, presbítero). О первом авторе известно только то, что он сам о себе сообщил в своем произведении: юрист, житель Кадиса. Сведений о Лопесе де Мало ненамного больше: он был священник, писавший для патриотического издания «Газета Верховной Хунты Ла Манчи», подвергался преследованиям профранцузских властей, некоторое время провел в тюрьме².

Мадридские брошюры изданы в августе – сентябре 1808 года, то есть тогда, когда город находился под властью патриотических сил³. Кадисские публицисты откликнулись на смену династии уже в июне 1808 года, после получения известий из столицы. Все сочинения связаны: они представляют собой реакцию на несколько документов, опубликованных 25 марта, 10, 13 и 20 мая в двух столичных изданиях «Мадридском дневнике» и «Газете», находившихся под контролем французских властей. Это краткое изложение профранцузского пам-

¹ Например, Jofrescochea C. Fallo pronunciado en el tribunal de la verdad... P.3. цитирует Discurso histórico-político en defensa de la nación española. P.6. Наполеон и Жозеф имеют не больше «прав на испанскую корону, чем вор на кошелек прохожего». Аргументы автора Derechos de Fernando VII vindicados в оправдание путешествия Фердинанда VII в Байонну воспроизводит Лопес Мало, а за ним Хофрескочеа.

² Campo de Criptana. P. 201. <http://biblioteca2.uclm.es/biblioteca/CECLM/libros/Hervas/herCAMPO%20DE%20CRIPTANA.pdf> (дата обращения: 23.03.2019).

³ Жозеф Бонапарт 9 августа 1808 г. бежал из Мадрида в Бургос, опасаясь наступления испанских войск.

флета «Суждение потомства о злободневных вопросах»¹ и документы, связанные с отречениями Бурбонов², напечатанные по распоряжению Правительственной хунты с санкции Совета Кастилии. Авторы анализировали эти тексты, обильно их цитируя и доказывая тем самым свою непредвзятость. Публичная критика материалов, исходящих от власти (как Бурбонов, так и Жозефа Бонапарта), демонстрация содержащихся в них противоречий свидетельствовала о накале политического противостояния и о новой идейной атмосфере, формировавшейся под влиянием общественного кризиса.

Публицисты интерпретируют события, которые в общих чертах были известны их читателям и детально реконструированы в исторической литературе. Напомним их вкратце³.

Испания, союзник имперской Франции, находилась в состоянии войны с Англией, и по этой причине согласно нескольким франко-испанским договорам на испанской территории находились французские войска, и численность их возрастала. К весне 1808 года французы были хозяевами ключевых пунктов северо-востока страны – Памплоны и Барселоны. Одновременно обострилось соперничество придворных группировок: т.н. партии первого министра Мануэля Годоя, Принца

¹ Dictámen que formará la posteridad sobre los asuntos del día // Diario de Madrid, 10 mayo 1808. P. 1–3. http://dioscorides.ucm.es/proyecto_digitalizacion/index.php?doc=b17755608&y=2011&p=34 (дата обращения: 23.03.2019).

² Real Decreto de la abdicación de Carlos IV // *Gazeta*, 25 marzo, 1808. Num. 25. P. 297–298; Protesta de Carlos IV contra su abdicación; Carta de Carlos IV a Napoleón; Carta de Carlos IV al infante don Antonio de Borbón; Carta de Napoleón a Fernando, príncipe de Asturias; Real manifestación; Carta de Carlos IV a Napoleón; Carlos a la Junta Suprema del Gobierno; Orden de remisión del real decreto y manifestación; Resolución del Consejo de Castilla; Carta de Murat al Consejo de Castilla; Renuncia de Fernando VII en su padre; Carta de Fernando, Príncipe de Asturias, a Napoleón // *Gazeta*. 13 mayo 1808, Num. 46. P. 454–458. Carta de renuncia de Carlos IV en Napoleón; Carta de renuncia de sus derechos para la Corona de los infantes Fernando, Carlos y Antonio // *Gazeta*. 20 mayo, 1808. Num. 48. P. 482–483.

³ Историография вопроса огромна. Из последних работ Moliner i Prada A. *La España de finales del siglo XVIII y la crisis de 1808 // La Guerra de la Independencia en España (1808–1814)*. Ed. A. Moliner i Prada. Madrid: Nabla, 2007. P. 41–72. *La Parra López E.* Fernando VII. Un rey deseado y detestado. Barcelona: Tusquets Editores, 2018. P. 143–178. *Медников И. Ю.* Цит. соч. *Юрчик Е. Э.* Династический кризис 1807–1808 // *История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века*. М.: Индрик, 2014. С. 201–211.

Мира, и сторонников наследного принца Фернандо¹. Причины соперничества, помимо личной вражды инфанта и первого министра, заключались в реформах, предпринятых Годоем в 1796–1807 гг., которые были направлены на укрепление королевской власти и сокращение политического влияния церкви. Против Годоя выступали гранды, недовольные политикой «высочки», и церковные круги, возмущенные начавшейся по инициативе министра секуляризации церковных имуществ. Инфант Фернандо был обеспокоен реальной, на его взгляд, перспективой, утраты прав на престол. Сторонники наследника, т.н. «фернандино», организовали восстание в королевской резиденции Аранхуэс 18–19 марта, участники которого, гвардейцы, королевские слуги и крестьяне окрестных селений, требовали отставки Годоя. Несмотря на то, что Карл IV удовлетворил эти требования, бунт не утихал, и тогда король отрекся от престола в пользу инфанта Фернандо.

19 марта 1808 года новым королем Испании и Индий стал Фердинанд VII. 21 марта король-отец опротестовал свое отречение и отозвал его, утверждая, что оно было совершено под принуждением, в критических обстоятельствах мятежа, когда король опасался за свою жизнь². Протест Карла IV не был зарегистрирован в Совете Кастилии и не был обнародован, хотя и был известен И. Мюрату, командующему французской армией в Испании, и французским дипломатам³. В условиях французского военного присутствия и очевидной зависимости Испании от Франции Фердинанд нуждался в признании своих прав на престол Наполеоном I, тем более, что они были результатом мятежа. Наполеон, заинтересованный в Испании как источнике ресурсов и плацдарме для войны с Англией, воспользовался ситуацией для того, чтобы отстранить испанских Бурбонов от власти. Он принял на себя роль арбитра в отношениях между отцом и сыном и сумел добиться отъезда и Фердинанда, и Карла IV из Испании во Францию, в Байонну, для переговоров.

Фердинанд VII уехал из столицы 10 апреля, оставив государственные дела Правительственной Хунте под председательством своего дяди, инфанта дона Антонио и прибыл в Байонну 21 апреля 1808 г. Тем временем 17 апреля Карл IV официально уведомил Наполеона об

¹ Имя наследника Карла IV транскрибируется следующим образом: до восшествия на престол – Фернандо, после – Фердинанд.

² Protesta de Carlos IV contra su abdicación // *Gazeta*. 13 mayo 1808, Num. 46. P. 454.

³ *La Parra López E.* Fernando VII. Un rey deseado... P. 157.

отзыве своего отречения, сообщил об этом дону Антонио и отправился во Францию. Король-отец прибыл на встречу с императором французов 30 апреля. Испанские Бурбоны, отец и сын, оказались заложниками ими же самими созданной ситуации. С 19 марта 1808 года королевская власть постепенно утрачивала суверенитет, а отъезд Фердинанда из Мадрида положил начало периоду двоевластия или безвластия. В стране было два короля, каждый из которых, тем не менее, обращался к иноземному государю за признанием законности своих прав.

Наполеон же еще 21 апреля сообщил Фердинанду об отказе признать его испанским монархом и о своем намерении лишить династию испанских Бурбонов власти. Фердинанд и его окружение попытались вести переговоры, но Наполеон стал угрожать войной, если его требования не будут выполнены¹. 4 мая 1808 г. Карл IV назначил Наполеона своим местоблюстителем в Испании и поручил ему все дела правления, а Мюрат стал наместником и председателем Правительственной Хунты². Было решено, что Фердинанд вернет корону отцу. 5 мая Карл IV отрекся от престола от власти в пользу Наполеона от своего имени и от имени представителей своей династии на условиях сохранения католицизма как государственной религии и целостности и независимости испанской монархии; вечером того же дня Фердинанд уведомил императора о своем согласии отказаться от короны и послал ему черновик текста абдикации. 6 мая 1808 года Фердинанд подписал отречение от престола в пользу отца³. Другие члены династии, инфанты, отказались от своих наследственных прав 8 мая в Бордо, на пути в новую резиденцию, замок Валансэ. В свою очередь, 6 июня 1808 г. Наполеон передал корону Испании своему брату, Жозефу Бонапарту. В Байонне состоялись испанские кортесы, которые утвердили права нового короля на трон.

В то же время абсолютное большинство подданных считало своим королем Фердинанда VII на основании опубликованных 25 марта 1808 г. декрета об отречении Карла IV и первых распоряжений нового монарха. О событиях, произошедших во время путешествия испанских королей на встречу с Наполеоном, и об отречениях в Байонне испанцы узнали значительно позже, 13 и 20 мая 1808 года, из публикаций в

¹ *La Parra López E.* Fernando VII. Un rey deseado... P. 172.

² Carta de Carlos IV a Napoleón; Carlos a la Junta Suprema del Gobierno // *Gazeta*. 13 mayo 1808, Num. 46. P. 457.

³ Renuncia de Fernando VII en su padre // *Gazeta*. 13 mayo 1808, Num. 46. P. 458.

мадридской «Газете». 13 мая были обнародованы протест Карла IV, его манифесты, распоряжения и указы, отказ Фердинанда от короны, переписка обоих королей с Наполеоном, назначение Карлом Наполеона своим местоблюстителем. 20 мая «Газета» напечатала отречение Карла от испанской короны¹, а затем абдикацию инфантов². 3 июня испанцы узнали о созыве кортесов в Байонне, а 14 июня – о том, что новым королем Испании стал брат императора французов³. Главным мотивом публикации был призыв испанцев к спокойствию; сопротивление новым властям объявлялось происками «злоумышленников» и «английских агентов»⁴.

Фактически власть в столице находилась в руках Мюрата, поэтому документы были представлены таким образом, чтобы приход к власти Жозефа Бонапарта выглядел законным, а действия монархов – обоснованными. Согласно «Газете», Карл не переставал быть испанским королем, и именно его распоряжения имели законную силу, включая полномочия Правительственной Хунты во главе с инфантом доном Антонио и назначение Наполеона местоблюстителем государя, а Мюрата – наместником королевства. Первым документом в публикации был протест против отречения 19 марта, а все остальные шли за подписью «я, король», а Фердинанд VII назывался в них принцем Астурийским. Хотя на деле Карл IV подписал отречение от престола 5 мая, в публикации оно было датировано 8 мая; инфанты отказались от своих

¹ Большая часть этих документов доступна в публикации И. Ю. Медникова. *Медников И. Ю.* Династический кризис в Испании 1808 г. ... Приложение. С. 42–56. Составитель пользовался изданием *Spain under the Bourbons, 1700–1833: A collection of documents / Ed. and transl. by W. N. Hargreaves-Mawdsley. L., 1973. P. 196–215.* и русским переводом 1812 года работы Cevallos Guerra P. *Exposición de los hechos y maquinaciones que han preparado la usurpación de la Corona de España y los medios que el emperador de los franceses ha puesto en obra para realizárla, por don Pedro Cevallos, primer Secretario de Estado y del Despacho de S. M. Fernando VII.* Madrid: Imprenta real, 1808. В настоящей статье перевод источников осуществлен по испанскому оригиналу.

² Carta de renuncia de Carlos IV en Napoleón; Carta de renuncia de sus derechos para la Corona de los infantes Fernando, Carlos y Antonio // *Gazeta*. 20 mayo, 1808. Num. 48. P. 482–483.

³ *Decretos de S. A. I. Napoleón, Emperador de los franceses, Rei de Italia etc.* // *Gazeta*, 3 junio, 1808. P. 529–530. *Decreto de S. A. I. Napoleón, Emperador de los franceses, Rei de Italia etc* // *Gazeta*, 14 junio, 1808. P. 568.

⁴ Real manifestación // *Gazeta*. 13 mayo, 1808. Num. 46. P. 456.

наследственных прав 8 мая, а в «Газете» стояла дата 12 мая. Коль скоро Фердинанд отказывался от короны в пользу отца 6 мая, видимость последовательности событий соблюдалась. Так абдикация Карла IV в пользу Наполеона объявлялась действительной и бесспорной.

Кастильский Совет, регистрировавший королевские указы, и Правительственная Хунта во главе с Мюратом, обнародовавшая их, не смогли скрыть детали Байоннской встречи, свидетельствовавшие о династическом конфликте. В «Газете» был помещен полный текст отречения Фердинанда VII и «инфантов дома Бурбонов» (принцев Карлоса Исидро и Антонио Паскуаля)¹. В заявлении Фердинанда от 6 мая была приписка: «В силу отказа от короны в пользу возлюбленного отца моего я отзываю все права и полномочия, дарованные мною правительственной хунте до моего отъезда из Мадрида с целью управления наиважнейшими делами королевства в мое отсутствие. Хунта будет подчиняться приказам моего отца и повелителя». Далее принц (или король?) благодарил совет, хунту и «всю нацию» за «предоставленную ему службу»². Таким образом, выявлялось противоречие в документах: получалось, что до 6 мая Фердинанд VII, а не Карл IV, был королем Испании. В тексте отречения инфантов от 12 мая было еще больше нестыковок. Во-первых, оно было подписано и принцем Астурийским, который таким образом отказывался от своих прав как бы во второй раз. Во-вторых, выявились обстоятельства абдикации, невыгодные для новых властей. Принцы подчеркивали, что их отказ от наследственных прав на испанский престол был вынужденным, осуществился под давлением критических обстоятельств (среди которых называлось присутствие в Мадриде 60 тысячной французской армии) и «во избежание кровопролития». В документе указывалось, что члены королевской фамилии, ближайšie, после принца Астурийского, претенденты на престол, до приезда в Байонну считали королем Испании Фердинанда VII: «По прибытии в Байонну принц, в то время король (*el Principe, entonces Rei*), неожиданно узнал, что король-отец отозвал свое отречение под тем предлогом, что оно не было добровольным (*pretendiendo no haber sido voluntaria*)»³. Всю ответственность за принятие решения о передаче испанской короны Наполеону инфанты возлагали на

¹ В публикации И. Ю. Медникова отсутствуют.

² Carta de renuncia de sus derechos para la Corona de los infantes Fernando, Carlos y Antonio// Gazeta. 20 mayo, 1808. Num. 48. P. 459.

³ Ibid. P. 489.

Карла IV, которому они, покорные родственники и подданные, обязаны были подчиниться.

Если до 20 мая 1808 года испанцы имели все основания считать Фердинанда VII своим законным монархом, то после официальной публикации документов об отречении Бурбонов от испанской короны этих оснований не убавилось. Дело было не только и не столько в противоречивости обнародованных материалов. К тому времени произошли слишком важные события, чтобы смена династии была безропотно воспринята не только в Мадриде, но и во всей стране. Количество французских войск возросло: уже на начало мая в окрестностях столицы была расквартирована 170-тысячная армия; иноземные войска контролировали Каталонию, продвигались через Ла-Манчу в Андалусию, занимали Галисию. 2 мая восстали жители Мадрида, и вечером того же дня в местечке Мостолес, недалеко от столицы, было написано воззвание, призывавшее испанцев к сопротивлению «вероломным французам» во имя «короля и родины»¹. В конце мая в стране появились провинциальные комитеты-хунты, которые взяли на себя организацию сопротивления захватчикам от имени «пленного короля Фердинанда VII». Против иноземцев восстали Бадахос, Ла-Корунья, Барселона, Картахена, Гранада. В конце весны – начале лета началось стихийное сопротивление иностранным властям, которое переросло в войну, в которой участвовали и части испанской регулярной армии, и население. 21 июля была одержана первая (и надолго единственная) победа повстанцев над французской армией в битве при Байлене. За день до этой битвы, 20 июля король Жозеф торжественно въехал в Мадрид. С 27 по 29 июля мадридская «Газета» публиковала текст Байоннской конституции.

Между тем, Фердинанд VII в восприятии своих подданных превращался в «возлюбленного», «пленного» и «желанного» государя. Но таковым он стал не сразу и не для всех. У новой династии появились испанские сторонники, присягнувшие на верность Жозефу Бонапарту, и среди них были видные политики времен правления Карла IV. Вскоре их назовут «офранцузенными» (*afrancesados*) или «присягнув-

¹ *Martín del Hoyo D., Rodríguez Morales J.* El bando de los alcaldes de Móstoles del Dos de Mayo de 1808 y su influencia en el comienzo de la Guerra de la Independencia. URL: https://www.academia.edu/633738/El_bando_de_los_alcaldes_de_M%C3%B3stoles_del_Dos_de_Mayo_de_1808_y_su_influencia_en_el_comienzo_de_la_Guerra_de_la_Independencia (дата обращения: 30.04.2019). P. 134.

шими» (*juramentados*)¹. Уже в начале мая 1808 года, до официальных известий о Байоннских отречениях, при поддержке французов стали распространяться пропагандистские сочинения, авторы которых настаивали на «естественности» союза между Францией и Испанией, на благотворном влиянии на Испанию французского правления², при этом доказывая ущербность политики Карла IV, представителя династии Бурбонов, неспособной, как показали события, управлять ни Францией, ни Неаполем, ни Испанией. 10 мая 1808 года, то есть спустя неделю после восстания, в столичной газете «Мадридский дневник» появилось резюме трактата «Суждение потомства о злободневных вопросах», опубликованного в Байонне. Его автор утверждал, что «праздный» Карл IV «управлял страной с помощью женщин и фаворитов [...] не смог сохранить единство нации», и призывал: «Давайте же поищем в другой династии более достойных государей»³. Через три дня «Газета» напечатала документы об абдикации Бурбонов. Публицисты анализировали «Суждение» и королевские отречения в совокупности⁴, тем самым указывая на их смысловую связь: отказ Бурбонов от престола в их представлении был результатом преступного, вероломного замысла врага.

В мае-сентябре 1808 года, то есть в период от Байоннских отречений до организации Центральной хунты, понятие «законность» (*legitimidad*) и его производные начали доминировать в политической полемике⁵. В памфлетах юристов оно является ключевым, и это очевидно из формулировки главного вопроса: «Законны ли (*legítimos*) документы, [на которых основана власть династии Бонапартов – *Е. Ю.*], и буде они законны, действительны ли они для исполнения и заслуживают ли они; по нашему рассуждению, нашего подчинения или повиновения?»⁶ Автор допускал возможность соответствия содержа-

¹ См. *Медников И. Ю., Юрчик Е. Э.* Война за независимость 1808–1814 // История Испании. С. 216–217. *Fernández Sarasola I.* “Los afrancesados”: la revisión del concepto // Liberty, liberté, libertad: el mundo hispánico en la era de las revoluciones / coord. A. Ramos Santana, A. Romero Ferrer, 2010. P. 23–52. *Solans F. J.* En torno a la definición de “afrancesado” // Ibid. P. 85–99.

² *Almuiña Fernández C.* Dos de Mayo madrileño... P. 484.

³ Dictamen que formará la posteridad... P. 2.

⁴ Discurso histórico-político...

⁵ *Fernández Sebastián J.* Legitimidad // Diccionario político y social del siglo XIX español. Madrid: Alianza Editorial, 2002. P. 408.

⁶ Juicio crítico sobre los Documentos publicados. P. 7.

ния документов букве закона и его несоответствия распространенным представлениям о справедливости. Таким образом, речь шла не только о признании новой династии, а о новых представлениях о праве, источником которого предполагалось не только позитивное законодательство, но и мнение подданных. Причем в памфлетах, опубликованных с начала августа, то есть после обнародования принятого кортесами Байоннского статута, в суждениях о праве на верховную власть именно мнение подданных постепенно становилось решающим. Размышляя о правах государей, будь то Жозефа или Бурбонов, публицисты старательно избегали термина *legal*, то есть «соответствующий норме права», «обязательный для исполнения согласно закону», предпочитая ему *legítimo*, в значении которого соединялись понимание закона как юридической нормы и морального обязательства действовать «по справедливости», «во благо», а также представление об истине и разумности акта¹. Многозначность понятия «законность» расширяла возможности полемического толкования официальных документов и сочинений оппонентов-афрансесадос. Уже в памфлете, написанном в июне 1808 года, появилась декларация: «Мы считаем, что наши короли не утратили права на власть, и эта уверенность основана на разуме, справедливости, законах и истине»².

Рассуждения о законности абдикации Бурбонов с формально-юридической точки зрения не имели прочной основы, поскольку в Испании не существовало и не могло существовать ясной законодательной нормы на этот счет³. Отречение монарха от власти было исключительным политическим событием и не описывалось в законодательстве: Реальное существование «законов» об абдикации выводилось из закона о престолонаследии 1713 года и связанных с ним юридических проце-

¹ Diccionario de la lengua castellana, en que se explica el verdadero sentido de las voces, su naturaleza y calidad, con las phrases o modos de hablar, los proverbios o refranes, y otras cosas convenientes al uso de la lengua, o Diccionario de autoridades. Madrid: Real Academia española, 1734. Tomo IV. URL: <http://web.frl.es/DA.html> (дата обращения: 02.03.2019).

² Derechos de Fernando VII vindicados... P. 38.

³ См. *Fernández Carrasco E., Felipe V. Abdicación y restauración de la Corona española y sus efectos jurídicos // GLOSSAE. European Journal of Legal History*, Num. 12, 2015. P. 288–339. URL: <http://www.glossae.eu>. (дата обращения: 10.03.2019). *Suárez Bilbao F. Abdicaciones y renunciaciones en los tiempos modernos. Carlos V, Felipe V, Amadeo de Saboya, Isabel II y Alfonso XIII // El Rey. Historia de la Monarquía*. Barcelona: Planeta, 2008. Vol. III. P. 375–381.

дур, например, присяги наследнику престола и акта «провозглашения монарха», который в испанской политической практике заменял церемонию коронации. В течение XVIII века закон 1713 года уже обрел статус фундаментального закона испанской монархии и в сочинениях легистов иногда назывался «конституцией»¹. Эту традицию восприняли и развили памфлетисты 1808 года. Они активно ссылались и на два прецедента, хорошо известных им по официальным публикациям². Речь идет об абдикациях Карла I в 1556 году и Филиппа V в 1724 г. Исторические казусы не только предоставляли материал для рассуждения о законности акта, но и оправдывали его традицией³.

Согласно закону 1713 года в Испании действовало салическое право: монарху наследовал его старший законный прямой потомок мужского пола. Для публичного введения инфанта в права наследства требовалась процедура оммажа, то есть присяги кортесов наследнику престола, а принц, в свою очередь, приносил клятву верности законам королевства. После кончины короля наследник престола провозглашался монархом в мадридском соборе Сан-Херонимо. Кортесы для этого не созывались.

Принимая все это во внимание, публицисты предлагали своим читателям следующую версию королевской абдикации. Король вправе при жизни отказаться от власти и этот акт будет законным, если отречение добровольно, является обдуманным и совершается по моральным причинам (физическая неспособность исполнять монарший долг и/или религиозные мотивы). Король отрекается в пользу совершеннолетнего наследника, который уже провозглашен и признан таковым кортесами на церемонии присяги. Король должен объявить о своем желании Совету Кастилии, члены которого удостоверяют его соответствие «законам королевства» и таким образом санкционируют королевскую волю; монарх пишет акт об отречении, который обнародует Совет Кастилии. Так якобы Карл I передал власть Филиппу II, а Филипп V – Луису (Людовику) I. Вопрос о том, может ли монарх отозвать или опротестовать свое отречение, не имел однозначного ответа. Прецедент 1724 года свидетельствовал, что может, но только в том случае, если наследовавший в результате отречения государь умер, а следующий

¹ *Coronas González S.* De las leyes fundamentales... P. 25–27, 52.

² *Discurso histórico-político ...* P. 30–31; *Jofrescochea C.* Fallo pronunciado... P. 35–37.

³ *Ibid.* P. 36, *Juicio crítico de los Documentos publicados...* P. 15

по очереди наследник был несовершеннолетним и кортесы ему еще не присягали¹.

С точки зрения этой идеальной схемы памфлетисты критиковали абдикацию Бурбонов в 1808 году. Во-первых, они установили противоречия в хронологии и текстах опубликованных документов («противоречия в словах, идеях и даже датах»²), на которые мы уже указали, и расценили их как свидетельство сомнительности их подлинности. Во-вторых, они настаивали на законности и безотзывности отречения Карла IV 19 марта. Указывалось, что критических обстоятельств, угрозавших жизни государя 17–18 марта в Аранхуэсе не было: согласно очевидцам, восставшие требовали отставки и наказания ненавистного временщика Годоя, а монарху выражали свою преданность и почтение³. Следовательно, ссылка на принуждение, которая содержалась в тексте королевского протеста 21 марта, несостоятельна. Она несостоятельна и потому, что сам король заявлял о своем желании отказаться от короны и до, и после восстания в Аранхуэсе, следовательно, его намерение было не спонтанным, а обдуманном⁴. Таким образом, заявляли публицисты, протест Карла IV с юридической точки зрения недействителен, то есть с 19 марта 1808 года королем Испании является Фердинанд VII. Он не переставал быть королем, а его поведение в Байонне и отречение в пользу отца, а затем отказ от прав на испанский престол совершены под принуждением, в условиях плена за пределами своего королевства и поэтому не имеют законной силы. Следовательно, Жозеф Бонапарт с юридической точки зрения не является испанским монархом.

Эти основные аргументы, в свою очередь, опирались на более общие теоретические и юридические доводы. Они связаны с трактовкой династического права, которое являлось источником закона о престолонаследии. Автор «Историко-политического рассуждения в защиту испанской нации», созданного в первые дни июня, и сочинитель «Критического суждения о документах [...]», связанных с отречением от испанской короны», написавший свой памфлет, вероятно, в середине июля, указывают, что право на власть («корона») принадлежит дина-

¹ Discurso histórico-político... P. 32.

² Juicio crítico de los Documentos publicados... P. VI.

³ Discurso histórico-político... P. 17, 24; Derechos de Fernando VII vindicados... P. 6; Juicio crítico de los Documentos publicados... P. 6; *Jofrescochea C.* Fallo pronunciado... P. 29.

⁴ Discurso histórico-político... P. 29; Juicio crítico de los Documentos publicados... P. IV.

сти в целом, а не отдельным ее представителям, это «право семейное»¹: «Корона неотчуждаема даже теми, кто заявляет, что уже это совершил»². Поэтому монарх не вправе требовать от своих прямых потомков отказа от наследственных прав, как то сделал Карл IV. Право на корону трактуется как право владения (*posesión*) или право собственности (*propiedad*), но есть право наследственного владения и распоряжения³. Все это позволяет полемистам рассуждать о том, что передача короны не является актом произвольным, что государь не может по своему желанию назначить себе наследника, что не может распоряжаться ни своей короной, ни своими подданными, словно «стадом»⁴. По той же логике отречение от власти может совершаться в рамках династии, а протест против отречения подчиняется нормам владельческого права: «протест сам по себе не уничтожает акт, который опротестовывается [...] есть случаи, когда [протест] не изменяет состояние владения, хотя и приостанавливает право собственности»⁵. В «Критическом суждении» содержится указание даже на то, что рассуждать о действительности протеста Карла IV можно было бы, если бы он был совершен в течение 24 часов после отречения (то есть 20, а не 21 марта), поскольку этот срок определен законом⁶. Дело в том, что Новейший свод законов Испании отводил сутки для обжалования акцепта долга, вступления или отказа от прав наследования, для представления свидетельства по любому делу⁷. Таким образом, публицисты относились престолонаследию как к частно-правовому акту, а право на корону рассматривали как случай майоратного права. Они были единодушны в том, что это право было нарушено, и, следовательно, Байоннские отречения не имеют законной силы.

Понятие «легитимность» включало, как уже было отмечено, соответствие зафиксированной норме права, «законам человеческим», согласно определению «Словаря испанского языка». Рассуждая о за-

¹ Discurso histórico-político en defensa de la nación española. P. 30.

² Juicio crítico de los Documentos publicados... P. 17.

³ Discurso histórico-político en defensa de la nación española. P. 28.

⁴ Juicio crítico de los Documentos publicados... P. 35.

⁵ Discurso histórico-político en defensa de la nación española. P. 28.

⁶ Juicio crítico de los Documentos publicados... P. 11. Jofrescochea, P. 31.

⁷ De los hijos; De los hipotecas; De los juicios ejecutivos; De los derechos; De los robos// Novísima recopilación de las Leyes de España. Madrid: Imprenta real, 1805. Tomo V. Libro X, título V. P. 28; título XVI. P. 107. Libro XI, título XXVIII. P.274. Libro XII, título XV. P. 287, 351.

конах, фундаментальных законах и конституции, памфлетисты, прежде всего, имеют в виду Новейший свод законов Испании, изданный в 1805 году. В него были включены разделы «О короле, королевском доме и дворе» и «О законах», содержавшие закон 1713 года¹ и выдержки из средневековых правовых кодексов «Фуэро Хузго» и «Семь Партид Альфонсо Мудрого» (или «Книга законов», XIII в.), трактовавшие об обязательстве подданных хранить верность королю и наследнику престола, а также о законе как правовом и моральном обязательстве². Однако памфлетисты не менее активно ссылались на другие положения Партид, не включенные в кодекс 1805 года, но хорошо им известные по полному изданию законов Альфонсо Мудрого, вышедшего в свет в 1807 году. Оно было подготовлено Франсиско Мартинесом Мариной, выдающимся правоведом и общественным деятелем, директором королевской Академии Истории. В предисловии к Партидам Мартинес Марина рассуждал о них как о фундаментальных законах монархии, ее исторической конституции³.

Публицисты 1808 года обращаются к «Книге законов» как к действующей норме права, заявляя, например, что испанцы никогда не позволят, чтобы Партиды были заменены на кодексы Наполеона и тем самым «была поставлена с ног на голову конституция, с которой мы родились и воспитывались»⁴. Особенности средневекового правового источника, в котором совмещались моральные наставления и юридические нормы, позволяли им использовать Вторую Партиду («Об императорах, королях и прочих сеньорах земли») для обоснования недействительности актов об отречении Бурбонов. Согласно полемистам, они противоречили обязанностям короля, получившего власть от Бога, «творить справедливость» и правосудие⁵. Вручение короны

¹ Nuevo reglamento sobre la sucesión de estos Reynos // Novísima recopilación de las Leyes de España...Tomo II. Libro III, título I, Ley V. P. 4–6.

² Obligación de todos los vasallos á guardar lealtad e obediencia al Rey y al sucesor al Reyno // Ibidem, Ley I. P. 1. Calidades de las leyes, y sus efectos; Razón y fin porque se establecieron las leyes // Ibidem. Título II, Ley 1, 2. P. 7–8.

³ Coronas González S. De las leyes fundamentales ... P. 56–57.

⁴ Jofrescochea C. Fallo pronunciado... P. 10.

⁵ Las Siete Partidas del Rey Don Alfonso el Sabio. Madrid: Imprenta real, 1807. Tomo II (Partida Segunda y Tercera). Título I, Ley V. P. 7. См. Варьяш И. И. Власть короля и королевское право в «Семи Партидах» Альфонсо Мудрого//Исторический вестник, 2015. Том 12, № 159. С. 122–149. Nieto Soria J. M. Medioevo constitucional. Historia y mito político en la España contemporánea (ca. 1750–1814). Madrid: Akal universitaria, 2007. P. 124–125.

Бонапартам нарушало положения Партид о том, что государь не должен отчуждать свои владения, что он не должен допускать иноземцев на свои земли. Равным образом король должен чтить права каждого из своих подданных, о чем в манифесте Карла IV не упоминалось. Между тем французы, вводя свои законы (Байоннский статут) эти права нарушили: «права не соблюдаются, если монарх отрекается, обязав своего преемника не блюсти права подданных, а всего лишь сохранить целостность монархии и христианскую религию»¹. В результате на испанском троне оказался тиран, то есть, по определению Альфонсо Мудрого, правитель жестокий, овладевший королевством «силой, обманом или предательством». Таким образом, Партиды юридически оправдывали сопротивление французам. Использование средневекового права в современных политических целях было не только риторическим приемом. После воцарения новой династии судьба прежнего законодательства была неопределенной, вакуум власти означал и правовой вакуум, что и приводило к поиску законодательной опоры в прошлом. В такой ситуации «Книга законов» XIII века трактовалась как правовая реальность.

Доказательства противозаконности акта абдикации этим не исчерпывались. Коль скоро речь шла о признании новой династии, то нужно было выяснить, требовалось ли оно согласно «фундаментальным законам», и если да, то в какой форме? Казалось, на этот вопрос ответ уже был найден: признание подданных выражается их представителями, собранными в кортесах, и Байоннские кортесы признали Жозефа королем Испании и дарованную им конституцию. Однако публицисты предпочитали трактовать эту проблему более широко и более гибко.

Рассуждая в рамках династического права, они утверждали, что акт отречения сам по себе не требует созыва кортесов, потому что монарх передает власть законному наследнику, которому уже принесена клятва верности: «Не нужен никакой другой совет или собрание, чтобы вложить скипетр в руку Фернандо, а только воля и подпись его отца и признание, которое сей акт уже получил во всех классах нации»². Юристы ссылаются на прецедент 1724 года, когда Филипп V передал корону Луису I. Тогда кортесы не собирались; законность отречения удостоверял Совет Кастилии как высший апелляционный суд королевства.

¹ Juicio crítico. P. 23

² Ibid. P. 33.

Совет Кастилии, настаивал один из авторов, может и подтвердить факт провозглашения монарха, опросив каждого из депутатов кортесов, но не созывая их. Эта версия отклонялась от реальной политической практики, но она создавала возможность для риторического маневра. Дело в том, Новейший свод законов не предусматривал созыв кортесов для решения «вопросов насущных и серьезных»¹. Общеиспанские кортесы как представительство трех сословий собирались в 1713 и в 1789 году, и оба раза речь шла о законе о престолонаследии (хотя в 1789 году этот факт не был предан гласности). В случае присяги наследнику Совет Кастилии запрашивал мнение т.н. Депутации кортесов – представителей городов, которые постоянно находились при дворе; депутаты же от духовенства и дворянства созывались и приносили присягу в соборе Сан-Херонимо. То есть кортесы собирались, но только для присяги наследнику и не в полном составе; законосовещательными функциями кортесы не обладали. Публицисты же балансировали между фикцией и реальностью; они косвенно соглашались, что признание кортесов для легитимизации монарха требуется, но отрицали необходимость их созыва в случае абдикации. Поскольку Жозефа памфлетисты не считали законным государем, то и Байоннские кортесы для них были ничем иным как «сборищем частных лиц в обозе Бонапарта»², не имеющих никаких полномочий.

Как видно, помимо кортесов, важным и более действенным политическим институтом монархии был Совет Кастилии³. Именно он регистрировал и тем самым санкционировал акты отречения Бурбонов. Естественно, эти действия публицисты считали предательством, свидетельством «коррупционности Высшего Трибунала», который должен был соблюдать «фундаментальные законы», а не нарушать их⁴. Это мнение не изменилось даже тогда, когда Совет Кастилии отказался от своих действий. 11 августа, через два дня после ухода французов из Мадрида, члены Совета объявили абдикацию Бурбонов недействительной. 22 августа Совет издал «Манифест», в котором оправдывал свое «предательство» «чрезвычайными обстоятельствами насилия и угрозы»,

¹ Это положение, существовавшее в кодексе XVI в., из Новейшего свода было убрано. См. *Coronas González S. De las leyes fundamentales...* P. 45.

² *Derechos de Fernando VII vindicados.* P. 16.

³ *Barrios F., Escudero J. A. España, 1808: el gobierno de la monarquía.* Madrid: Real Academia de la Historia, 2009. P. 59, 67.

⁴ *Juicio crítico de los Documentos publicados...* P. 16.

утверждая, что их мнение Мюрат проигнорировал и издал документы об отречении по своей воле¹. Публицисты этот документ оставили без внимания, видимо, потому, что его содержание не отвечало общему направлению их рассуждений.

Их цель заключалась в том, чтобы доказать неприемлемость власти Бонапартов согласно не только букве, но и духу закона. В данном случае речь шла о «фундаментальном законе» или «конституции» монархии, который описывал бы источник верховной власти и, следовательно, носителя суверенитета. Понятие *soberanía* и его производные употребляются в публицистике 1808 года в одном контексте с понятием «легитимность», поскольку нужно было определить, какая именно власть в наступивший период безвластия является законной и при этом верховной.

Публицисты опирались на традицию испанской общественной мысли XVII–XVIII веков, согласно которой гражданская власть была основана на договоре между правителем и подданными². Общее представление о фундаментальном законе сводилось к следующему. Бог создал человека и общество, Бог является источником всякой власти. Люди по воле Бога объединились в общество и ради собственного блага избирают себе правителя для осуществления гражданской власти, то есть для правления согласно законам, человеческим и Божеским, и осуществления правосудия. Такова суть «гласного или негласного» договора, который заключен между правителем и подданными. При этом «хотя короли и создаются народом, это не значит, что они правят по воле народа – они правят по воле Бога»³. Верховная власть в гражданских законах принадлежит представителям определенного, избранного рода, семейства, династии, следовательно именно они являются суверенами «в действии» (*in actu*)⁴.

Эти общие принципы проецировались на испанскую политику и составляли «историческую конституцию». Ее основами были като-

¹ Manifiesto de los procedimientos del Consejo Real en los gravísimos sucesos ocurridos desde el octubre del año pasado. Madrid: Imprenta real, 1808. P. 56–57.

² Юрчик Е. Э. Испанское просветительское движение // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / ред. Н. М. Мещерякова. М.: Издательский дом «Университет», 2002. С. 216–276. Romeo Mateo M. C. “Nuestra antigua legislación constitucional”: ¿modelo para los liberales de 1808–1814? // Guerra de ideas.... P. 96–97.

³ Coronas González S. De las leyes fundamentales... P. 27.

⁴ Fernández Sarasola J. Las alternativas constitucionales en España (1808–1809) // La Constitución de Cádiz. Origen, contenido y proyección internacional. Madrid, 2011. P. 22.

лицизм, монархия, территориальная целостность и единство, закон о престолонаследии (обеспечивавший преемственность и стабильность власти) и необходимость совместных решений правителя и подданных в «насущных и серьезных вопросах». Последний принцип был дискуссионным, поскольку предполагал участие подданных в осуществлении власти, что приводило испанских интеллектуалов к обсуждению роли кортесов как института политического представительства¹.

К 1808 году такие более или менее системные представления стали уже общим местом испанской просветительской публицистики и интеллектуальной литературы. Pamфлетисты использовали их избирательно. Только в одном из всех изученных сочинений (и самом раннем) изложена договорная теория: «человек рождается свободным, и сама природа склоняет его к сохранению драгоценного дара свободы, полученного от создателя... сама необходимость побудила свободного человека объединиться с другим человеком и уступить эти права ради блага этого союза и общества; но поскольку люди обременены грехом... стремление избежать дурных страстей ради собственного блага побудило их установить вождя общества, который защищал бы их, но который не имел бы над ними большей власти, нежели та, которую ему вручило общество и каковая необходима для общего блага»². Другие авторы избегают общих рассуждений и сразу начинают анализировать документы об отречениях Бурбонов.

Все публицисты, тем не менее, считают необходимым изложить («напомнить») основы «исторической конституции» в качестве главного аргумента в свою пользу. В их сочинениях постулаты фундаментального закона представлены как нечто хорошо известное «каждому испанцу», как политическая аксиома, древняя и неизменная, над которой короли не властны³. Следовательно, новая конституция, тем более дарованная иноземным государем, неприемлема. Авторы в разных вариациях называют одни и те же базовые конституционные принципы – религия, монархия, целостность государства и таким образом, на первый взгляд, ни в чем не противоречат манифесту об отречении Карла IV и профранцузской пропаганде. На деле публицистов интересует только природа монархии, которую они обсуждают в контексте договорной теории; католицизм и неделимость государства остаются

¹ *Coronas González S. De las leyes fundamentales...* P. 57–65.

² *Derechos de Fernando VII vindicados*, P. 43.

³ *Juicio crítico sobre los Documentos publicados...* P. 30.

на втором плане. К июлю 1808 года в числе конституционных принципов появляются «разумная свобода», «права и привилегии» подданных, «неотчуждаемость власти над этими королевствами», «неприкосновенность собственности и целостность законов»¹.

В рассуждениях о договоре акцент переносится на обязательства короля и подданных, причем подчеркивается их взаимность: «хотя короли и правят по воле Бога и от его имени вершат правосудие, они осуществляют власть народа, который и делает их королями согласно закону или по поручению... дабы управлять и поддерживать справедливость законной власти»². При этом первичный, древний договор «поручения» приобретает в трактовке памфлетистов безотзывный характер: Испанией могут править только представители одного и того же рода, которому подданные обязаны «подчинением и повиновением»³. Им принадлежит верховная власть, они являются суверенами (*soberanos*). Закон о престолонаследии таким образом превращается в один конституционных принципов, что ставило под сомнение и содержание королевского манифеста об абдикации, и профранцузскую публицистику.

Памфлетисты настаивали, что конституция (и/или фундаментальные законы) в равной степени обязательны для короля и подданных. Король обязан хранить, соблюдать и действовать в соответствии с ними по мере своих сил. Монархический принцип неизменен, каковыми не были бы представители династии, со «слабостями их человеческой природы», «капризами и страстями» и «недостатками управления»⁴: «Мы не желаем изменять конституцию, менять династию... мы любим Бурбонов, наших королей, любовью сердечной и искренней, мы прощаем им их слабости, поскольку не бывало еще монарха, который не имел бы их»⁵. Верность династии объявляется сущностью договора

¹ Ibid. P. IV, 23.

² Derechos de Fernando VII vindicados P. 14.

³ Переход испанской короны от Габсбургов к Бурбонов в интерпретации публицистов 1808 года выглядел как результат «династического договора», подкрепленного военной победой Филиппа V и утвержденного клятвой верности, которую первый испанский Бурбон принес кортесам Кастилии и Арагона. Признание законности династии Бурбонов связывалось с присягой общенепанских кортесов наследнику престола инфанту Луису. Discurso histórico-político... P. 5–6; *Jofrescochea* C. Fallo pronunciado... P. 37.

⁴ Derechos de Fernando VII vindicados P. 43, 25.

⁵ Juicio crítico de los Documentos publicados... P. 6.

между монархом и подданными; нарушение «священной присяги, данной в том, чтобы повиноваться» приравнивается к «нарушению общественного спокойствия, то есть главного общественного блага»¹.

В трактовке публицистов подданные являются важной стороной договора. Именно участие в договоре превращает испанцев в нацию и обуславливает их политическую активность. Согласно определениям и характеристикам, рассеянным по сочинениям 1808 года, нация – это сообщество, членами которого являются не политически равные индивиды, а «народы Испании, живущие в ее пределах»². Памфлетисты не упоминают ни о правах человека, ни о гражданстве, которые французская политическая мысль связывала с понятием «нация», вероятно, чтобы избежать ненужных им параллелей с идеями врага. Нация для них – это коллектив, действия которого ограничены договором с правителем. Главным правом нации является ее свобода, которая рассматривается исключительно как независимость (*independencia*) от власти любого верховного правителя, кроме того «которого она сама выбирает и ставит на престол при строгом условии править ею на основании законов и конституций, которые она санкционировала»³. Тем не менее, авторы неопределенно высказываются об объеме политических полномочий нации. В одном и том же тексте автор может рассуждать о «свободе нации повелевать самой собой и не признавать других законов, кроме тех, которые создает она сама» и тут же сводить эту свободу к повиновению только «своим королям»⁴.

Право нации на самостоятельные действия в период отсутствия или бездействия монарха-суверена, с точки зрения полемистов, также определено исторической конституцией. Нация хранит, защищает и «восстанавливает» ее. Если монарх добровольно отказывается от верховной власти, то можно ли считать, что единственным носителем суверенитета становится нация? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Есть авторы, которые заявляют, что, если Карл IV правил по поручению нации, то отказавшись от власти, он «должен оставить власть в тех руках, которые ему вручили ее»⁵, его наследником будет испанская

¹ Derechos de Fernando VII vindicados... P. 43.

² Ibid. P. 16.

³ Derechos de Fernando VII vindicados... P. 39.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid. P. 14.

нация¹. Нации приписывают право избирать наследников отрекшимся королям, но с оговоркой, что нация не может действовать произвольно, а только в рамках ее же собственной конституции². А если так, то выбор нации очевиден и предопределен: королем Испании является только Фердинанд VII.

И все же памфлетисты настаивают, что политическая активность и самостоятельность нации возрастает тогда, когда монархи не в состоянии исполнять свои обязанности. Нация является хранителем конституции, и право признания нового монарха, считают авторы, принадлежит нации. Каким же образом нация сможет выразить свое мнение? Ответ на этот вопрос возвращал публицистов к обсуждению политической роли кортесов. Кортесы как политический институт упоминаются во всех памфлетах, но только в двух сочинениях, созданных в первые дни июня, определяется суть их полномочий. Кортесы объявляются представительством нации; народы, ее составляющие, «имеют, по общему и древнему соглашению, депутатов, каковые говорят от их имени, и их собрание и единодушное его волеизъявление или волеизъявление большинства депутатов называется кортесами, иначе – национальным корпусом (*cuerpo nacional*)»³. Можно было бы предположить, что полномочия нации реализуются кортесами, но публицисты, как мы уже показали, не разрабатывают эту мысль. Единственное упоминание о вполне конкретном праве национального представительства содержится в трактате «Историко-критическое суждение»: династический спор между Карлом IV и Фердинандом VII «может разрешить только вся нация, представленная в генеральных кортесах согласно фуэро и обычаю Испании»⁴. Таким образом, понятие о национальном представительстве лишь озвучено публицистами, но не более того. Реальное политическое бесправие кортесов и использование их Наполеоном в Байонне для захвата власти в Испании побуждало авторов с осторожностью описывать полномочия «национального корпуса» и избегать идеи его созыва.

Итак, согласно фундаментальным законам испанским монархом оставался Фердинанд VII, но философии права и юридических аргументов было недостаточно. Ведь автор профранцузского «Суждения

¹ Juicio crítico. P. 16.

² Ibid. P. 17.

³ Derechos de Fernando VII vindicados. P.16.

⁴ Discurso histórico-crítico... P. 32.

потомства» объявлял испанских Бурбонов государями «ущербными» («выродившимися» *degenerativos*). По их словам, Карл IV и Фердинанд VII и своими распрями ввергли страну в «страшный кризис, открывший государство многим опасностям». Речь шла главным образом о действиях Карла IV. «Его быстрое отречение, столь же быстро опротестованное [...] разрушило судьбу отечества»¹. Патриотически настроенные авторы стремились доказать, что династия Бурбонов правит в Испании не только по закону, что право на власть обусловлено политическими способностями и моральными качествами королей. Такая позиция отклонялась от провозглашенного ими же самими конституционного принципа (действие монархического договора не зависит от личных качеств государей), но позволяла привести дополнительные аргументы против Жозефа Бонапарта и в пользу Фердинанда VII. По версии публицистов, Бурбоны не имели возможности противостоять коварству и угрозам Наполеона, принудившего их к отречению и в этом заключалась главная причина «страшного кризиса». Пусть даже поведение государей в чрезвычайных обстоятельствах было разным, и король-отец явно уступал сыну.

Публицисты не скупилась на критические выпады против Карла IV, несмотря на все оговорки, что их утверждения не имеют намерения «высмеять или оскорбить какую-либо особу королевского дома»². Король-отец еще до кризиса 1808 года превратился в объект насмешек уличной литературы, так что оскорбления в его адрес сами по себе не были чем-то новым для испанцев. Новым был политический контекст: Карл IV прежде всего представлял законную династию, и критика его действий не должна была вызвать сомнения в правах Бурбонов на власть.

Публицисты прибегали к древним приемам, которые позволяли нивелировать ответственность монарха за свои действия. Вина за политические ошибки возлагалась на дурного министра – «предателя», «тирана», «преступника» Годоя, который воспользовался «природной добротой», «простодушием», равно как и «небрежностью» и «рассеянностью» своего монарха для осуществления «порочных проектов» и задумал присвоить королевские prerogatives. Это Годой, а не король, привел нацию «к краху и нищете». Главными «человеческими»

¹ Dictámen que formará la posteridad... P. 2.

² Juicio crítico. P. 33.

недостатками Карла IV объявлялись недалёковидность и слабохарактерность, которые были источниками его политических просчетов. Король, твердят памфлетисты, не должен передоверять свою власть кому бы то ни было, поскольку это угрожает его суверенитету. По их версии, Карл IV никогда не действовал по собственной воле: его поведением управляли королева, фаворит, «друзья и подруги Принца Мира»¹, а затем и Наполеон. Единственное решение, которое Карл принял самостоятельно, – это отречение в пользу сына 19 марта 1808 года, и оно-то и было законным.

Критика действий Карла IV была основана и на моральных требованиях, которые предъявлял королю еще Альфонсо Мудрый: государь должен поступать по чести и избегать греха. «Понятие королевской чести может быть рассмотрено в трех аспектах: по отношению к самому монарху, по отношению к подданным и по отношению к другим государям и нациям. По отношению к самому себе – не должен государь запятнать себя грехом, по отношению к вассалам – он обязан охранять свою землю и подданных, по отношению к другим – охранять свои земли от внешнего врага и хранить достоинство своего престола. Согласно какому из трех принципов королевской чести действовал Карл, отрекаясь от престола? Нет такого»². В тексте протеста против своей абдикации Карл указал, что во время восстания в Аранхуэсе он опасался за свою жизнь и жизнь королевы. Согласно Партидам, говорит Хофрескочеа, страх в сердце достойного мужа порождается угрозой рабства, бесчестия или телесного ущерба, а в Аранхуэсе восставшие не покушались на персону короля, следовательно, король, во-первых, лжет, а во-вторых, поступает как трус. Более того, если Карл опасался за жизнь преступника Годоя, то «и при всей просвещенности такой страх в монархе достоин порицания»³. Призвав на престол Наполеона, приказывая не подчиняться наследному принцу, Карл узаконил права узурпатора и заявил при этом, что поступает по совести. «Действовать таким образом означает не иметь совести вообще», «преступить гражданские и божеские законы», – возмущается один из сочинителей⁴. Ссылка на Партиды позволяет публицистам смягчить остроту своих обвинений и сохранить престиж не монарха, а монархии. Ведь так они

¹ Juicio crítico sobre los Documentos publicados... P. 9.

² Ibid. P. 22

³ Jofrescochea C. Fallo pronunciado... P. 30.

⁴ Juicio crítico sobre los Documentos publicados... P. 30

доказывали, что недостойный король сам отказался от власти в пользу добродетельного государя.

На фоне своего отца Фердинанд VII выглядел воплощением всех династических достоинств, моральных и политических, «средоточием благочестия и благоразумия»¹. «Законный государь Испании», он за краткое время своего правления уже успел доказать, что обладает всеми способностями монарха и может возродить Испанию². Несмотря на то, что официальное провозглашение Фердинанда королем не состоялось, то есть церемониального признания подданных не произошло, публицисты считают им «всеобщее ликование», которым встретили объявление о его восшествии на престол жители Аранхуэса, Мадрида и городов на пути монарха в Байонну. То есть фактически новый король был признан подданными, что окончательно узаконивает его права на власть.

Предвзятость публицистов проявляется и в оправдании путешествия Фердинанда VII в Байонну и запутанной истории его отречений от короны. Одни авторы априори уверены в том, что причина отъезда в Байонну «велика и благоразумна» и не «желают ее знать», оставляя выяснение обстоятельств «суду времени»³. Для них более важно изучить юридическую сторону вопроса и доказать, что вопреки возможным ошибкам, права Фердинанда VII законны. Другие же⁴ пускались в детальные рассуждения о решении монарха отправиться на встречу с Наполеоном во Францию и отказаться от власти. Они опираются на королевские манифесты и воспроизводят официальную версию: король отправлялся на встречу с союзником, но Наполеон и Карл IV угрозами заставили его отказаться от короны. Если Карла IV обвиняют в том, что он обращался к Наполеону за признанием своей власти и тем самым унижал королевское достоинство и права суверена, то Фердинанда VII, который делал то же самое, оправдывают. По словам Лопеса Мало, наивный молодой монарх отправился на встречу с императором французов, потому что нуждался в поддержке более сильного и опытного государя⁵. Военное превосходство Наполеона постепенно стано-

¹ *Discurso histórico-crítico...* P. 16.

² *López Malo M. Qué hubiera sido la suerte de España...* P. 17. *Discurso histórico-crítico* P. 33.

³ *Juicio crítico sobre los Documentos publicados...* P. 30.

⁴ *López Malo M. Qué hubiera sido la suerte de España...? Jofrescochea C. Fallo pronunciado...*

⁵ *López Malo M. Qué hubiera sido la suerte de España?..* P. 31.

вится главным аргументом, объясняющим поведение Фердинанда в Байонне. Более того, чтобы заставить испанского государя подписать абдикацию, Наполеон якобы сообщил ему о подавлении восстания 2 мая, которое привело к «разрушению Мадрида и 20 тысячам жертв, что потрясло чувствительное сердце монарха»¹. Неискушенный в уловках и кознях «порочного корсиканца», король думал только о благе своих подданных. Отрекаясь от короны, он якобы стремился предотвратить французское завоевание Испании, желал избавить государство от участи завоеванной страны. Получалось, что ценой немислимой жертвы своего благородного монарха испанцы все же сохранили бóльшую часть своих прав и избежали страшного кровопролития. Законной силы абдикация Фердинанда, разумеется, не имела, поскольку акт был совершен под принуждением. Отречение в Байонне выглядело как тактическая уступка сильному сопернику: теперь испанская нация должна была восстановить законные права своего монарха.

Естественным выводом из рассуждений памфлетистов был призыв соотечественников к сопротивлению власти короля-самозванца во имя «восстановления законов отечества во всем их великолепии», во имя «обычаев, религии и своего короля»². Однако публицисты осуждали насилие восстания («революции») и противопоставляли ему якобы мирную деятельность местных патриотических комитетов-хунт: «города и селения почтительно обращались к генералам, губернаторам и алькальдам, чтобы те руководили ими, прося средств для самозащиты, не требуя иной верховной власти, кроме власти законного государя Фердинанда VII»³. Идеальным восстанием для них был мятеж в Аранхуэсе – «восстание испанской верности против происков Годоя, задумавшего лишить Испанию королей», совершившееся без кровопролития и «исполненное в уважении к величию трона»⁴. Трактовки столичного восстания 2 мая расходятся. Большинство авторов обращаются к нему в качестве доказательства кровожадности французской армии, приводя впечатляющие цифры жертв – от 140 (со слов свидетеля), до тысячи и до фантастических 20 тысяч⁵. Причины восстания рознят-

¹ Ibid. P. 32.

² Derechos de Fernando VII vindicados. P. 27–28.

³ López Malo M. Quál hubiera sido la suerte de España..? P. 42.

⁴ Discurso histórico-crítico.. P. 24–26. Jofrescochea C. Fallo pronunciado.. P. 24–29.

⁵ Derechos de Fernando VII vindicados P. 20, López Malo M. Quál hubiera sido la suerte de España..? P. 32.

ся: Лопес Мало считает его провокацией «французских агентов», автор «Отмщенных прав Фердинанда VII» – верноподданническим восстанием, остальные – стихийной реакцией на бесчинства солдат Мюрата. Авторы памфлетов, скептически относились к проявлениям народного возмущения; с их точки зрения, насилие оправдано только тогда, когда является реакцией на произвол и совершается ради восстановления законной власти, «когда у верноподданного народа нет другого выхода»¹. В конце весны-летом 1808 года юристы скорее обосновывали возможность войны против узурпатора, а не призывали к ней.

В первые месяцы освободительной войны публицисты популяризировали политические идеи, распространение и развитие которых приведет к решению о созыве общеиспанских кортесов. Обсуждение проблем престолонаследия обернулось дискуссией о сущности суверенитета, об источнике верховной власти, о необходимости конституции. На фоне идущей войны подобные рассуждения перестали быть отвлеченно-теоретическими, как то было свойственно испанской просветительской литературе. Теперь они были связаны с обсуждением конкретных событий недавнего прошлого. Впервые за долгое время в поле открытой общественной дискуссии оказались действия государей.

Памфлеты юристов можно рассматривать как промежуточное звено между конституционными трактатами интеллектуалов, таких как Ф. Мартинес Марина или Г. де Ховельянос, и патриотической публицистикой, обращенной к демократическому читателю, например, воззваниями или катехизисами. В критике Байоннских отречений совмещались традиционные правовые представления о королевском суверенитете и наметились черты новой интерпретации фундаментальных законов. Традиция все же преобладала в интерпретации сущности нации и ее политической роли, полномочий кортесов, права на восстание. Ради доказательства «самозванства» короля Жозефа памфлетисты создавали юридическую фикцию, ссылаясь на законы Партид и на «историческую конституцию» как на правовую реальность. Эрудиция авторов была направлена на доказательство незаконности новой династии, но призыва к народной войне против узурпаторов не последовало. В течение всей войны закон о престолонаследии останется актуальной темой для политических дискуссий, которые достигнут своего апогея во время кадисских кортесов.

¹ Discurso histórico-crítico... P. 26.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Белоусов Л. С.</i> Юбилей Владислава Павловича Смирнова	7
<i>Канинская Г. Н., Наумова Н. Н.</i> К празднованию 90-летия В. П. Смирнова	9
<i>Андронов И. Е.</i> Уроки историографии. Савойское государство Раннего нового времени	18
<i>Бовыкин Д. Ю.</i> Завершение Французской революции XVIII в.: республиканская или монархическая альтернатива	33
<i>Вершинин А. А.</i> Огонь против двигателя: французская военная мысль 1920–1930-х гг. о преодолении тупика позиционной войны	44
<i>Жидкова А. В.</i> Взаимоотношения Национального фронта (Национального объединения) с французскими ультраправыми организациями: противостояние или сотрудничество?	62
<i>Зверева Т. В.</i> Региональная политика как фактор сплочения государств- членов в условиях «поликризиса» ЕС	75
<i>Игнатченко И. В.</i> Консерваторы и либералы во Франции 30–40-х гг. XIX в.: уточнение понятий	85
<i>Канинская Г. Н.</i> Французские экологисты на выборах в Европейский парламент 26 мая 2019 г.	95
<i>Капля А. С.</i> Эволюция и особенности экологического движения во Франции во второй половине XX – нач. XXI в.	106
<i>Кирсанова Н. В.</i> Испанский фашизм против каталонцев (первая половина 1930-х гг.)	120
<i>Моисеев Г. Ч.</i> Политическое лидерство как объект исследования	126
<i>Наумова Е. П.</i> Франция в жизни итальянского антифашиста Карло Росселли.	135
<i>Наумова Н. Н.</i> «Исход»: проблема массового бегства гражданского населения Франции в мае-июне 1940 г. (в отражении современной историографии).	153
<i>Никитина Т. В.</i> Развитие советско-греческих отношений в 1950–1960-е гг.	164
<i>Обичкина Е. О.</i> Феномен Н. Саркози: образ власти в эпоху «потребительской» демократии	181
<i>Петрунина О. Е.</i> Репрезентация греков и итальянцев в греческой карикатуре периода итало-греческой войны 1940–1941 гг.	210
<i>Пименова Л. А.</i> Город-текст, сочиненный генералом Ланжероном	219
<i>Преображенская А. А.</i> Иммиграция во Франции в зеркале общественного мнения.	229
<i>Родин И. В.</i> Французские студенты и общество в 1960-е гг.: время перемен	238

<i>Слесарев И. Ю.</i> Проблема условий перемирия и послевоенного мироустройства в франко-американских отношениях (1917–1918 гг.)	247
<i>Тутберидзе И. Д.</i> Как французы видели расширение Европейского Союза четверть века назад.	266
<i>Фалалеев П. И.</i> Внешняя политика Франции в период нахождения у власти правительства Ф. Гуэна (январь–июнь 1946 г.)	277
<i>Шмелев Д. В.</i> Жан Леканюэ против Шарля де Голля: из истории президентских выборов 1965 года во Франции.	307
<i>Юрчик Е. Э.</i> «Последнее суверенное деяние»: отречения испанских Бурбонов от престола в публицистике 1808 г.	322

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

в Санкт-Петербурге:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»
Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»
Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)
8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»
Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)
8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»
Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)
8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru
.....

**ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»**
Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)
8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe
.....

в Москве:

.....
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»
Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)
8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»
Москва, Малый Гнездиновский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)
8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.su
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»
Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)
8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru
.....

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»
Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн. –пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)
8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БИБЛИО-ГЛОБУС»
Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)
www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»
Москва, ул. Чайнова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)
8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

в Минске, Киеве, Варшаве, Риге:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЭПОСЕРВИС»
Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4
+375 17 338 95 23 www.tregross.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНЫЙ БУМ»
Киев, Вербовая ул., 8 (вт.–вс. с 11:00 до 17:30)
+38 067 273-50-10 www.academbook.com.ua

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie»
Ptasia 4, 00-138 Warszawa
+48 22 826 17 36 www.jezykrosyjski.com.pl

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «Intelektuāla grāmata»
Kr. Barona iela 45/47, Rīga (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00)
+371 67315727 www.merion.lv

Электронные книги:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru
ЛИТРЕС www.litres.ru

Интернет-магазины:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru
OZON www.ozon.ru
NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com
ESTERUM www.esterum.com
БУКВОЕД www.bookvoed.ru
ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru
MY-SHOP.RU www.my-shop.ru
КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

Научное издание

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СТРАН
ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

К юбилею заслуженного профессора МГУ
имени М. В. Ломоносова Владислава Павловича Смирнова

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г. Издательство «Алетейя»
Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532
Редакция: тел. (812) 577-48-72, e-mail: aletheia92@mail.ru,
191015, г. Санкт-Петербург, ул. 9-ая Советская, д. 4, офис 304

www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» можно приобрести в Москве:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6

Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.

Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60x88¹/₆. Усл. печ. л. 22,3. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Заказ №